

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В. А. Красиков

**ПОБЕДЫ,
КОТОРЫХ
НЕ БЫЛО**

В. А. Красиков

ПОБЕДЫ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО

**Санкт-Петербург
Издательский Дом «Нева»
2004**

ББК 68.49(2)
К 78

Автор приносит огромную благодарность своим друзьям — петербургским журналистам Даниилу Коцюбинскому и Виктору Бовыкину. Без их помощи этой книги просто бы не было.

Красиков В. А.

К 78 Победы, которых не было. — СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. — 384 с.

ISBN 5-7654-3557-2

Автор книги журналист Вячеслав Красиков предлагает сенсационную версию военных побед России. Он подробно останавливается на событиях варяжской эпохи, Полтавской битве, Бородинском сражении, Альпийском походе Суворова и других не менее известных военных столкновениях российской армии с противником, каждый раз задавая себе вопрос: была ли это победа великой в полном смысле этого слова? Анализируя участие России в различных военных конфликтах, он приходит к шокирующим выводам.

ББК 68.49(2)

ISBN 5-7654-3557-2

© В. А. Красиков, 2004

© Издательский Дом «Нева», 2004

Предисловие

История человечества представляет собой почти непрерывную череду больших и малых войн — экстремальных коллизий, где все еще никем до конца не понятая человеческая природа чаще обычного раскрывается как в худших, так и наиболее достойных своих проявлениях.

Неудивительно поэтому, что выигранные сражения и победоносные войны закономерно превращаются в повод для коллективной — чаще всего, национальной — гордости и, как правило, служат одним из важных источников вдохновения для создателей великих произведений литературы и искусства, на которых затем воспитываются целые поколения. Однако даже самых талантливых авторов — а вместе с ними и все общество — на этом благородном поприще подстерегает опасность сползания в соблазн «улучшения истории», ее романтической идеализации.

К переписыванию истории «набело», впрочем, толкают людей не только идеалистические, но весьма приземленные соображения — жажда величия, славы или ощущения превосходства над другими. Не последнюю роль здесь играют и идеи гипертрофированного, националистически-агрессивного патриотизма.

Под воздействием всех этих факторов историческая истина нередко деформируется до полной неузнаваемости. Чаще всего подобное происходит в странах с деспотической формой правления, в которых история пишется под жестким контролем правительств. Сейчас уже ни для кого не секрет, что Россия на протяжении почти всей своей истории управлялась именно такими режимами. Поэтому ее «национальная биография» оказалась изложена отечественными авторами с огромным количеством откровенно фантастических деталей, а равно недомолвок — «белых пятен». Едва ли не больше всего искажений и приписок — там, где речь заходит об успехах и неудачах российского оружия — этого главного «украшения» и предмета фанатичной гордости любой великодержавной государственности.

Исследованию некоторых из этих «болевых точек» российской военной истории и историографии посвящается предлагаемая книга.

ГЛАВА 1

АРИФМЕТИКА ИСТОРИИ

Запад есть Запад, Восток есть
Восток и с мест они не сойдут.

Р. Киплинг

Великая держава, Великий народ, Великая Россия... Эти словосочетания мистически притягательны для русского уха. Даже в учебнике, по которому ныне начинают знакомить школьников с прошлым отечества, на обложку вынесено знаменитое: «Нам нужна великая Россия». В течение многих веков эта мысль, наиболее ярко и точно сформулированная в начале прошлого века председателем Совета Министров императорской России П. А. Столыпиным, отливалась в различные формулировки: «Москва – Третий Рим, а четвертому не бывать», «Гром победы раздавайся, веселися, храбрый росс», «Кипучая, могучая, никем непобедимая» и т. д. Но основной смысл ее оставался практически неизменным: в первую очередь подразумевалась исключительная военная доблесть державы. Именно такой посыл служил в качестве главной идеи, скреплявшей фундамент государственной постройки и Московии, и Российской империи, и СССР.

Можно сказать, что тема ратного величия родины стала настоящей российской *idée fixe*. Социологические опросы показывают, что даже сейчас, когда подавляющее число россиян уже не сомневается, что государственное устройство в их стране хуже, чем у большинства цивилизованных народов, экономика неэффективней, а поли-

тики и чиновники вороватей, те же самые люди одновременно считают, что единственным светлым пятном на фоне этого грустного перечня остаются славные победные традиции русской армии. Причем не просто славные, а лучшие в мире — поднятые до такой высоты, какой прежде никто и никогда не достигал. Почему же, казалось бы, столь разумный и критически мыслящий народ в массе продолжает с готовностью поглощать военно-историческую пропаганду, подаваемую в виде грубо льстивой националистической патоки?

Возможно, одной из причин этого является реальный недостаток книг и иных исторических произведений, в которых бы без гнева и пристрастия рассказывалось о том, какой в действительности была многовековая история российского воинства и как она выглядит на общемировом военно-историческом фоне.

Попробуем хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

От первобытной толпы до античной фаланги

Представителями «древнейших профессий» в последние годы стало модно называть проституток и журналистов. Думается, что с не меньшим основанием на этот титул может претендовать еще целый ряд профессионалов: правители, шаманы и, конечно же, военные, — ибо, едва успев отделиться от природы, люди схватились за оружие и вступили в жестокую и нескончаемую братоубийственную схватку.

От примитивной драки древнейших людей ведет свою дальнюю родословную и воинская наука. Встречаясь с соседями, первобытные стаи «полными составами» вступали в борьбу, чтобы захватить средства существования. То есть, выражаясь современным языком, войны тогда велись «вооруженными народами». Подобная ситуация сохранялась вплоть до распада первобытнообщинного строя. На исходе этого периода в рамках родовой и племенной организации появились

постоянные отряды воинов, которые ничем иным уже больше не занимались. По мере надобности в военные годы они усиливались народным ополчением.

По такой же схеме строились и армии государств Древнего Востока (Египет, Вавилон, Индия, Китай и др.), где зародились отдельные элементы военной теории. Солдатская масса на поле боя стала подразделяться на группы в зависимости от вооружения: пехота, кавалерия (слоны), колесницы. Однако главным и решающим фактором успеха продолжало оставаться численное преимущество, — то есть, не ум, а грубая сила.

Самой многочисленной армией древности, в конце концов, оказалась персидская. Посредством громадного перевеса в живой вооруженной силе и было создано огромное царство Ахеменидов, охватившее колоссальную территорию от Египта и Босфора до Индии.

Но в начале VI века до нашей эры это войско столкнулось с греческой фалангой — боевым строем армии небольшого народа, жившего на территории со скудными природными ресурсами — среди гор Балканского полуострова. Тем не менее, одолеть столь слабого, на первый взгляд, противника могущественная Персия в итоге так и не смогла.

Рождение военной науки

Древнегреческие слова «Европа» и «Азия» восходят к ассирийским «Эреб» и «Асу», что означает Восток и Запад. Именно эти нейтрально-географические понятия двадцать пять столетий назад легли в название метафизической дилеммы, которая остроактуальна по сию пору. Слишком различен алгоритм исторического поведения народов живущих в той стороне, где солнце восходит и там, где оно скрывается за горизонтом. Слишком трудным, зачастую драматичным оказывается процесс обмена идеями и формами между этими двумя великими мирами.

Истоки противостояния Европы и Азии уходят в I тысячелетие до нашей эры, когда на территории Греции сложилась цивилизация нового — невиданного доселе типа. В отличие от азиатских деспотических пирамид (наверху обожествленный властелин, все остальные — рабы разной степени привилегированности) греки создали модель свободного, эмансипированного общества, где впервые появились условия для полноценного самовыражения личности. Сущностные черты древнегреческой цивилизации унаследовал Древний Рим. Затем их подхватила и качественно развила средневековая Европа, из недр которой в итоге родилось современное западное общество.

Динамичный социум эллинов совершил невероятный рывок во всех областях человеческой деятельности, включая, разумеется, и военную. Древние греки подняли теорию и практику ведения войн до высот истинного творчества, превратив их затем в строгую науку. По сей день военное искусство на нашей планете подразделяется на стратегию (от древнегреческих слов «стратос» и «аго» — «войско» и «веду») и тактику (от «тассо» — «строю войска») — по эллинскому образцу. Греки же первыми нашли и высшую формулу войны «не числом, а умением». Маленькие армии их городов-государств — полисов — побеждали за счет профессионализма и продуманной организации, позволявших действовать всем составляющим боевого механизма по принципу единой машины.

Аналогично выглядела и ситуация на море, где Эллада вступила в конкуренцию с самыми выдающимися моряками древнего мира — финикийцами, которые прежде безраздельно хозяйничали на водных коммуникациях. Решающая схватка греков с объединенным противником (персы заключили союз с финикийцами) состоялась в V веке до нашей эры и закончилась их полной победой. А с удивительных битв той войны при Марафоне и Платеях, вкупе с морским сражением при Саламине, по сию пору начинают изучать классику военного искусства. Командовавшие победителями

в названных баталиях соответственно Мильтиад, Павсаний и Фемистокл открывают не столь уж длинную галерею выдающихся полководцев.

Внутри эллинской цивилизации наиболее искусными солдатами долгое время считались спартанцы, уделявшие особенно тщательное внимание индивидуальной подготовке. За счет чего они чаще других выигрывали междоусобные греческие войны. Но в 371 году до нашей эры фиванский военачальник Эпаминонд совершил великое тактическое открытие. В битве при Левктрах он построил фалангу, неравномерно распределив силы по фронту. Спартанцы имели даже больше людей, но, развернувшись в привычный равномерный прямоугольник, не смогли сдержать натиска усиленного фланга фиванцев, пробившего их ранее несокрушимый строй. Открытый Эпаминондом принцип концентрации основных сил на главном направлении и в наши дни определяет исход почти всех сражений.

Венцом развития военного дела Древней Греции стали походы Александра Македонского — одного из немногих военных гениев за всю историю человечества. Он усовершенствовал вооружение солдат, их построение на поле боя (в духе принципа Эпаминонда) и довел практически до идеала организацию взаимодействия частей своей армии. Он же первым в полной мере оценил значение стратегических вопросов — изучения противника и его страны, ведения войны по предварительно разработанному плану, обеспечения коммуникаций и баз для снабжения, разгрома главных сил неприятеля в решающем полевом сражении.

За тысячелетия, о которых сохранились достоверные сведения, можно насчитать очень немного «звездных мгновений» из разряда тех, что называются гранью между эпохами. Один из таких великих моментов наступил весной 334 года до нашей эры, во время переправы Александра через пролив из Европы в Азию. Приветствуемый криками своих солдат он прямо с корабля метнул копьё, вонзившееся в азиатский берег. Что подразумевало символический вызов персидско-

му царю Дарию. Территории, богатства и численность армий их государств сравнивать просто бессмысленно, настолько персидский потенциал выглядит огромнее. Однако восточный колосс оказался беспомощным перед военным умением европейского карлика. Македонская фаланга прошла по бескрайнему азиатскому царству из конца в конец, как нож сквозь масло, ни разу не потерпев поражения.

От греческой фаланги к римскому легиону

Следующие важнейшие открытия в военном деле были совершены в Древнем Риме. «Железные» легионы римлян, в отличие от фаланги, которая выстраивалась сплошными рядами, перед боем разворачивались отдельными отрядами — манипулами, — располагавшимися подобно клеткам шахматной доски. По команде манипулы легко могли соединяться в единое целое, а затем опять распадаться. Во время сражения задние отряды входили в пустоты первой линии, усиливая напор или сменяя потрепанные части. Это гениальное тактическое изобретение — возможность рокировать войска, не прекращая боя и по отдельности маневрировать ими, заходя противнику во фланги и в тыл, требовало, конечно, высочайшей выучки и организации. Отработанное до совершенства, оно даровало римлянам господство над миром. В 197 году до нашей эры в сражении под Киноскефалами македонская фаланга встретила с римскими манипулами и была ими разбита, что ознаменовало собой рождение нового этапа в развитии военного искусства.

Самым опасным противником для римлян оказались армия и флот карфагенян — потомков знаменитых финикийских моряков. Изначально римляне были народом сухопутным, но, вступив в борьбу с Карфагеном, сумели научиться воевать и на море, превратив затем его просторы в свою покорную вотчину на долгие века.

Война на суше проходила даже упорней, чем на воде. Войском Карфагена командовал Ганнибал — полководец редкостного таланта, одержавший над Римом много побед и поставивший его на грань гибели. Однако в конечном счете римские легионы оказались сильнее, и Карфаген пал. Но и Ганнибал, как выдающийся военачальник, обессмертил свое имя. Его гениальным достижением является битва при Каннах (216 год до нашей эры), ставшая образцом для подражания и недостижимой мечтой — по сей день — всех крупных командиров в лучших армиях мира. Имея почти вдвое меньше людей (50 тысяч против 80 тысяч)¹, причем хуже вооруженных и обученных, Ганнибал сумел в ходе боя окружить и практически полностью уничтожить римские войска.

Тяжелая конница средневековья

Античный мир рухнул в середине I тысячелетия нашей эры. Вместе с ним в небытие канули и большинство его достижений в области военного искусства. Наступило время, известное всем из школьного курса истории как «средние века».

Из бескрайних азиатских просторов на Европу хлынули волны громадных диких орд. Но германские племена, заселившие бывший ареал греко-римской цивилизации и создавшие на ее останках свои собственные государства, сумели устоять. Костяком их армий стала тяжелая рыцарская кавалерия — прообраз будущих танковых войск. Именно закованные в броню франки в битве при Пуатье (732 год) остановили всадников в белых бурнусах, положив, таким образом, конец столетней эпохе арабских завоеваний. Та же германская рыцарская конница покончила в 791 году с аварами, а в 955-м обратила в бегство венгров, поочередно, как дамочлов меч, нависавших над Западом.

Тем не менее, даже поверхностному наблюдателю бросается в глаза, что средневековье в сфере воен-

ного дела является громадным шагом назад по сравнению с миром античности. Экономические возможности и социально-политические условия не способствовали созданию крупных армий. Большие сражения происходили редко. Главным образом велись мелкие междоусобные войны. Поэтому до самого начала эпохи европейского Возрождения полководческая мысль не могла подняться до уровня греко-римских высот.

Русь варяжская

Источники, датируемые периодом раннего средневековья, не слишком часто упоминают о славянах. Этот факт уже сам по себе достаточно красноречиво свидетельствует о их военном авторитете. Если же более внимательно изучить содержание написанного авторами той поры, то легко увидеть, что вплоть до IX века ни в одной из известных хроник и летописей нет сообщений о сколько-нибудь выдающейся, по сравнению с соседями, боевой мощи восточных славян. Скорее, наоборот, авторы часто отмечают их миролюбие и безобидность. Кстати, по сей день археологи, при раскопках распознают, например, германские захоронения преимущественно по застегкам воинских плащей — фибулам, а восточно-славянские — главным образом по женским головным украшениям: височным кольцам².

Настоящая ратная слава начала приходить к нашим предкам лишь с момента «призвания варягов». Рассказ о приглашении варяжского конунга Рюрика, скорее всего, является более поздней душеуспокоительной легендой. Или, если выразиться современным языком — «политкорректной» версией. В реальности, скорее всего, имело место обыкновенное завоевание, хотя, вполне возможно, что при этом норманны опирались на поддержку части населения восточно-сла-

вянских городов, заинтересованных в становлении сильной военно-административной власти и участии под руководством викингов в грабительских походах на Византию.

Пришельцы-норманны стояли в ряду лучших воинов средневековья и сумели быстро создать из северо-восточных славянских племен достаточно боеспособное войско³. Впрочем, даже лучшие образцы полководческого искусства Киевской Руси не могли приблизиться к обыденной античной практике. Это особенно заметно в моменты противоборства Руси с последним осколком античного мира – Восточной римской империей – Византией. Оно оказалось скандинавско-славянской армии не под силу. Относительный успех могли принести только быстрые неожиданные набеги, когда вооруженная сила «ромеев» была занята в других регионах. Приучить же своих новообретенных подданных к морю варяги по-настоящему так и не смогли, сколько ни старались. После нескольких внушительных разгромов русский флот исчезает с военно-исторического горизонта на много столетий. Даже отечественные летописи, совсем не склонные к смакованию неудач, в данном случае весьма красноречивы: «...якоже молонья, рече, иже на небесих, греци имуть в себе и сию пушающе жьжаху нас, и сего ради неодолехом...»⁴.

К XIII веку русские князья в большинстве своем утратили беспокойный нрав предприимчивых предков-викингов. Обитая на задворках Европы и практически не сталкиваясь с военной силой крепнущей западной цивилизации (за исключением новгородцев, которым противостояли Ливонский Орден и Швеция, бывшие в то время почти такими же задворками), они все больше отставали в области военного дела. Поэтому, когда на русские княжества обрушилась Батыева орда, – серьезного сопротивления они оказать не сумели. В свою очередь, германские рыцари дали монгольской коннице при Лигнице (1241 год) жесточайший бой. И хотя войско Запада (20 тысяч воинов) в

конце концов, проиграло сражение бесчисленным азиатским туменам (130 тысяч), — те понесли такие громадные потери, что дальше идти не решились⁵. В итоге Европа вновь устояла.

Кто владеет морем — тот владеет миром

Ныне уже почти все забыли, что первыми порох придумали китайцы еще в глубокой древности. Но приспособить это «зелье» к военным нуждам жители Поднебесной империи так и не догадались. В данной связи особенно показательно, как повторное изобретение взрывчатой смеси европейцами привело к кардинальным изменениям всего миропорядка. Когда первые пушечные ядра начали пробивать бреши в стенах рыцарских замков, зашаталась не только каменная кладка: рухнула опора независимых феодалов, начался закат средневековья, и заалела заря эпохи Возрождения. Ренессанс XIV—XV веков — мощнейший рывок человеческого интеллекта на качественно иной уровень, — разумеется, не обошел стороной и военное искусство. Совершенствование огнестрельного оружия, организация регулярных армий, строительство крупных военно-морских флотов — вот далеко не полный перечень достижений, благодаря которым западный мир по сей день является безоговорочным культурно-историческим лидером.

Научно-технический прогресс добывался одновременно с труднейшим противостоянием очередному азиатскому великану — османской Турции. В конце концов, на захват турками Константинополя (и проходивших сквозь него извечных торговых дорог) был дан нестандартный, но нокаутирующе эффективный ответ в виде изобретения каравеллы — большого парусного корабля, вооруженного пушками и способного ходить против ветра. Как следствие, затем последовала череда выдающихся географических открытий, обернувшаяся колонизацией новых территорий и налажи-

ванием океанских коммуникаций, породивших мировой рынок — благодатный чернозем для молодых экономик европейских стран. Так возникла аксиома: кто владеет морем — тот владеет миром. Лучше других данный принцип в конце концов усвоили англичане, последовательно одолевшие всех основных морских конкурентов — испанцев, голландцев, французов и немцев⁶.

Попыткам Турции утвердить свое могущество на море был окончательно положен конец в 1571 году, когда в грандиозном сражении близ бухты Лепанто испано-венцианская эскадра (200 судов) истребила османский флот (300 судов)⁷. Аналогичным образом к началу XVII века складывались дела и на суше. Христиане сначала остановили мусульманские армии, а затем все решительнее стали теснить их обратно на восток.

Основу европейских войск того времени составляла пехота — мушкетеры и пикинеры. На поле боя они строились в несколько квадратных «терций», в которых первые стояли снаружи, а вторые внутри колонн. Шеренги мушкетеров начинали сражение, расстраивая своими залпами неприятельские порядки. Затем менялись местами с пикинерами, шедшими в атаку, дабы завершить разгром противника сосредоточенным ударом плотно сомкнутых рядов. Сначала лучшей считались испанская и швейцарская пехота, но вскоре пальму первенства у них отобрали немцы и голландцы.

«Возрождение» по-московски

Пока у предприимчивых и мобильных европейцев происходили революционные изменения во всех областях жизни, потомки Рюрика пребывали в состоянии военно-технической полудремы. После Батыева нашествия Русь почти на два с половиной столетия превратилась в дальний улус Золотой Орды: Между тем, уже в XIV веке империя азиатских завоевателей значи-

тельно ослабла. В середине столетия Польша с Литвой отвоевали у нее земли в бассейне Днепра, а спустя еще несколько десятилетий держава чингизидов вообще пришла в упадок и погрязла в междоусобии. К этому времени относятся и первые успехи войск Московской Руси в противостоянии с кочевниками. В 1378 и 1380 годах в сражении на реке Воже и в Куликовской битве полки князя Дмитрия Донского добились побед над частью вооруженных сил Золотой Орды, которые возглавлял мятежный темник Мамай. Он только на некоторое время подчинил себе несколько улусов, граничивших с северо-восточными русскими землями, и потому не сумел собрать достаточно мощной военной силы. Вскоре «узурпатора» сверг «законный царь» — хан Тохтамыш и все вернулось, что называется «на круги своя». Из Руси в «метрополию» вновь потекла дань — как материальными ценностями, так и людьми. От этого скорбного ярма удалось освободиться лишь через сто лет.

Между тем уже в 1395 году Золотая Орда подверглась новому страшному удару — разгрому со стороны более удачливого соседа — тюрка Тамерлана. Это ускорило агонию западно-татарского царства. В 1420-х годах от него откололось Сибирское ханство, в 1430-х — Казанское, в 1440-х — Ногайское и Крымское, в 1460-х — Казахское, Узбекское и Астраханское. И только в 1480 году, когда от Золотой Орды практически ничего не осталось, Северо-восточная Русь обрела независимость. Но за время монгольского владычества немногие европейские традиции, привитые варягами, безвозвратно утратились, и Московия приняла вид деспотической азиатской пирамиды, отсталой как технически, так и культурно. Ее военная мощь базировалась лишь на численности армии. Но одновременно, по мере угасания зависимости от Степи, наблюдалось стремление московских государей перенять военную премудрость у западных соседей.

В 1470-х годах Иван III посылает своих вербовщиков в Германию с наказом нанять «...мастера хитрого,

который бы умел к городам приступать, а другога, который бы умел из пушек стрелять...»⁸. Кроме того, в 1475 году из Италии в Москву приезжает знаменитый мастер-универсал Аристотель Фиорованти⁹. Он познакомил своих новых работодателей с последними достижениями в области фортификации и металлургии, организовал Пушечный двор, где обучил русских подмастеров изготовлению современного огнестрельного оружия¹⁰.

Но восточные владыки всегда непоследовательны в реорганизации своих государств. Не стал исключением из данного правила и Иван III. Получив артиллерию и некоторые другие европейские военные новинки, московский князь вдруг прервал торговые связи с Западом, доставшиеся в наследство от Новгорода и ликвидировал даже то примитивное судостроение, что еще существовало на берегах Ильмень-озера¹¹.

Почти сразу же после обретения независимости Московия начинает свой первый поход на Запад, последовательно нападая на Швецию, Литву и Ливонию. Эти государства не входили в число ведущих военных держав Европы, однако боевой пыл Ивана III остудили довольно быстро. Особенно позорными выглядят поражения, полученные москвитами от ливонцев. Так в 1501 году устаревшая, по сути рыцарская армия Ордена (всего 4 тысячи человек, к тому же не знающих терций), за счет более умелого использования огнестрельного оружия, полностью разгромила русское войско (40 тысяч)¹². История повторилась и в 1502 году, причем цифры выглядят еще красноречивей (3 тысячи против 60 тысяч)¹³.

При Василии — следующем великом князе, ситуация почти не изменилась. Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, выступавший посредником на литовско-московских мирных переговорах, отметил в воспоминаниях забавную особенность поведения русских: «Хотя этот государь Василий был очень несчастлив на войне, однако его подданные всегда хвалят его, как будто бы он вел дело с полным счастьем. И хотя

иногда солдаты возвращались домой едва не в половинном количестве, однако москвиты всегда утверждают, что в сражении не потеряно было ни одного»¹⁴. К сожалению, эта особенность за минувшие с той поры пять столетий превратилась в устойчивую традицию и ныне является одним из самых «больных мест» отечественной историографии.

Реформа Ивана Грозного

Боевые качества московской армии в первой половине XVI века продолжали оставаться столь низкими, что даже с потерявшими былую мощь татарами ей зачастую справиться не удавалось. Простым увеличением численности войск исправить ситуацию никак не удавалось — требовалась качественная реформа вооруженных сил. Ее попробовал осуществить сын Василия III — Иван IV Грозный. Ничего нового он придумывать не стал, а просто, как и его дед, начал вербовать специалистов на Западе и заимствовать оттуда принципы организации войск. Правда на этот раз дело повели с большим размахом. К 1578 году приезжих учителей насчитывалось уже примерно 4 тысячи¹⁵. Конечно, сразу же создать в полутатарской Московии пехоту наподобие испанской, было невозможно. Тем не менее, иноземцы помогли Ивану Грозному реорганизовать артиллерию и сформировать полки стрельцов — отдаленное подобие мушкетеров. Основная масса войска, впрочем, по-прежнему представляла собой аморфную азиатскую орду. Однако разумные начала, привнесенные зарубежными «военспецами», позволили русской армии не только одержать ряд побед над татарами, а даже успешно начать новую войну с Ливонией.

Но когда в боевые действия вмешался польский король Стефан Баторий, русским пришлось впервые — в битве под Венденом (1578 год) — столкнуться со знаменитыми терциями. В результате — снова полный раз-

гром, после чего московские воеводы долго не решились сражаться с регулярной западной пехотой в поле, тем самым молчаливо признав свою беспомощность. «Третий Рим» по-прежнему был неспособен выйти из «азиатской парадигмы» — осмыслить и начать последовательно устранять истоки своих неудач. В этом плане характерна известная переписка Ивана Грозного с английской королевой: мол, я тебе о серьезных вещах — о величии, а ты мне о ерунде — о морской торговле¹⁶.

Корабль + купец = новая армия

Между тем, в Европе военное дело двигали вперед именно купеческие деньги, помноженные, разумеется, на свободу личности и ее интеллект. На этот фундамент опиралась модернизация кораблей и огнестрельного оружия. Разумеется, успешнее всего реформы шли там, где лучше всего развивалась заморская торговля. Маленькая Голландия, экономически выросшая, как на дрожжах, на доходах от торговли, отвоевала у воды с помощью дамб половину своей земли, а затем построила самый крупный торговый флот в мире.

Заслуга организации армии нового типа принадлежит голландскому полководцу Морицу Оранскому — победителю супердержавы того времени — Испании. Он противопоставил противнику войска, расположение которых на поле боя напоминало античный римский строй, но учитывало новейшие технические достижения: три линии, составленные из небольших, вытянутых по фронту батальонных прямоугольников. Это предоставляло возможность непрерывно стрелять (шеренга за шеренгой — когда последняя давала залп, у первой мушкеты были снова заряжены) наибольшему количеству солдат и позволяло одновременно в промежутках между батальонами действовать артиллерии. Так зародилась линейная тактика, остановившая своими беглыми залпами победную поступь все еще грозных и непонятных для Московии терций.

Шведский взлет

На следующую ступень военное дело продвинули скандинавы. Бедная, с суровым климатом, малолюдная Швеция после эпохи викингов на несколько веков превратилась в тихое европейское захолустье. Здесь не знали рабства и крепостничества. Здесь выживали только сильнейшие, а войско больше походило на старинное ополчение, что, впрочем, не помешало шведам к XVII веку отобрать у Московии выход к Балтике. Однако когда в 1611 году королевство возглавил 17-летний Густав II Адольф, шведская армия начала стремительно меняться. Молодой король оказался великим реформатором и полководцем. Он сразу же оценил все достоинства новой линейной тактики и реорганизовал вооруженные силы в соответствии с ее принципами. А когда голландский мастер Луи де Геер (отливавший по контракту со Швецией в скандинавских рудниках пушки для бедной железом Голландии) предложил Густаву свое новое изобретение — легкие скорострельные орудия — настал час короткого, но яркого, словно вспышка магна, шведского взлета. Из этих пушек Густав создал маневренную полковую артиллерию, передвигавшуюся по полю боя вместе с пехотой и буквально засыпавшую картечью противника. Через несколько лет Германия и Польша уже лежали в развалинах, опустошенные победоносными шведскими батальонами.

Но голландцев и шведов было слишком мало, чтобы они смогли не только надолго удержаться на первых ролях, но и контролировать крупные чужие территории. Соседи постепенно переняли новшества и в законодатели мод вскоре вышли армии Франции и Австрии.

Момент истины

XVII век — один из самых неудачных для российских вооруженных сил. Страна все быстрее продолжала отставать от Европы, как в культурном, так и в воен-

ном плане. Ее основные противники тех лет — поляки, турки и, тем более, татары — сами находились в числе аутсайдеров. Однако русская армия все чаще проигрывала им сражения. Поэтому попытка отвоевать в 1656—1658 годах Балтийское побережье у шведов (взлет которых уже был позади) закономерно привела к новому военному позору. Основные силы Стокгольма в тот момент действовали против Польши, но даже вспомогательный корпус скандинавов легко разгромил армию из 56 московских полков¹⁷.

Но России в эпоху зарождения капитализма повезло. Более сильные соседи тогда были заняты активным выяснением отношений между собой. Тем не менее перспектива стать в итоге чьей-нибудь колонией становилась для Московии все более реальной. Цари пытались решить проблему обороноспособности традиционным способом, начав теперь уже массовую вербовку из Европы не только офицеров, но и рядовых: «...немецких земель на помощь себе полковников именитых людей и храбрых и с ними множество солдат... в научение ратному делу русских вольных людей...»¹⁸. В Тулу и Каширу пригласили голландских мастеров, основавших там оружейные заводы по новейшим образцам¹⁹. Однако полки «иноземного строя» стоили дорого. Постоянно держать большой штат наемников Московия, не умевшая наладить эффективную торговлю и разумно организовать эксплуатацию своих богатейших природных ресурсов, не могла. Специалисты, как и раньше, вскоре уезжали, а военное отставание неумолимо росло.

Но России вновь повезло, причем по самому большому счету. На престол взошел Петр Великий — человек незаурядный во всех отношениях. Он первым из восточных владык осознал, что азиатскую пирамиду нельзя реформировать простым заимствованием европейских научно-технических достижений — надо менять весь варварский уклад жизни в стране и самим вставать на путь цивилизации. Не просто учиться у Запада, а перенимать его ментальность, рождающую здоровый смысл.

Конечно, еще недавно сплошь бородатые подданные царя-реформатора не могли в столь короткий по историческим меркам срок, все, как один, преобразиться до такой степени, чтобы начать на равных конкурировать с уроженцами Лондона и Амстердама. Но поставленные в экстремальные условия, когда им волей не волей приходилось тянуться за «варягами», «государевы холопы» вынуждены были приспособливаться к новым требованиям. И наиболее талантливые из них уже в ходе Северной войны стали подниматься к среднему уровню, заданному европейским окружением царя, закладывая тем самым первые камни в фундамент будущего преобразования России.

Естественно, что у представителей старших поколений боярской аристократии, чьи мозги уже успевали заостряться в идейном противостоянии к «прелестям поганых латинян», это получалось несопоставимо хуже, чем у более молодых людей, которые гораздо легче очаровывались рационально-прагматическими соблазнами Запада. К тому же именно молодежь царь отправлял учиться новой жизни в Европу, где своими глазами можно было увидеть все неопровержимые преимущества «немецкого» мира. Что, конечно же, убеждало даже лучше, чем знаменитая толстая петровская палка.

Окно в Европу

Благодаря беспримерному петровскому рывку к Европе XVIII век превратился для российских вооруженных сил в «лебединую песню». Никогда, ни раньше, ни после, они не поднимались столь близко к уровню лидеров своего времени. Поэтому для того, чтобы определить их место в военном «табеле о рангах» той эпохи, недостаточно, как прежде, беглого взгляда — требуется более обстоятельное статистическое сравнение.

Наиболее блестящими достижениями русского оружия выглядят победы над турками при Кагуле (1770 год)

и Рымнике (1789 год). Первую одержал Петр Румянцев с 38 тысячами солдат — против 200-тысячного войска противника²⁰. Вторая на счету Александра Суворова, на голову разгромившего 100-тысячную армию силами объединенного корпуса из 7 тысяч русских и 18 тысяч австрийцев²¹.

Однако турки, по европейским меркам, уже давно не считались равным противником. Любая небольшая западная армия могла без особого труда истребить крупный военный контингент осман. Так, Ян Собесский в 1683 году под Веной, возглавляя объединенные силы христианской коалиции численностью 38 тысяч человек, обратил в бегство 170 тысяч турок²². В 1717 году под Белградом Евгений Савойский²³, командуя 40 тысячами австрийцев, нанес сокрушительное поражение 180-тысячной турецкой армии²⁴. А в 1800 году французский генерал Клебер с 10-тысячным корпусом под Гелиополисом разогнал 70-тысячное войско султана²⁵.

Поэтому в качестве истинного критерия при оценке боеспособности русских войск по высшей шкале, надо брать результаты сражений на европейском театре. Но сначала взглянем на достижения лучших западных армий в битвах между собой. В 1706 году у Турина Евгений Савойский, руководя 36 тысячами австрийцев, нанес поражение 60 тысячам французов²⁶. В 1756 году у Росбаха 22 тысячи пруссаков под началом Фридриха Великого разбили франко-австрийскую армию численностью 43 тысячи человек²⁷. Наполеон в 1813 году около Дрездена, имея 165 тысяч французов, одолел армию объединенной Европы (в лице России, Австрии и Пруссии), насчитывавшую 200 тысяч солдат²⁸.

Теперь посмотрим на статистику самых громких российских побед в войнах с европейскими противниками. Полтава (1709 год, командующий Петр I): русских 60 тысяч — шведов 17 тысяч²⁹. Гросс-Егерсдорф (1757 год, С. Ф. Апраксин): русских 57 тысяч — пруссаков 22 тысячи³⁰. Пальциг (1759 год, П. С. Салтыков): русских 40 тысяч — пруссаков 28 тысяч³¹. Кунерсдорф (1759 год, П. С. Салтыков): русских и австрийцев 59 ты-

сяч — пруссаков 48 тысяч³². И даже Суворов во время своей знаменитой Итальянской кампании 1799 года победил французов в сражении на реке Адде имея под рукой 48 500 русских и австрийских солдат против 28 тысяч неприятельских³³. Примерно аналогичное соотношение войск было и спустя несколько месяцев у Нови, где руководимые Александром Васильевичем 50 тысяч русских и австрийцев одолели 34 тысячи французов³⁴. На этом фоне исключительным достижением выглядит еще одна суворовская победа 1799 года, одержанная на реке Треббии при фактическом паритете с неприятелем: примерно 34 тысячи русских и австрийцев против такого же количества французов³⁵. Но успех был вырван в труднейшем трехдневном бою. Рамки небольшого обзора не позволяют перечислить все битвы, однако любой, кто не поленится сделать это, сам может убедиться, что практически во всех сражениях (в отличие от азиатского театра) российские военачальники не рисковали вступать в бой без численного превосходства, а значит, до побед над Западом «не числом, а умением» даже в этот — наиболее славный период своей истории — все же не доросли³⁶.

Петр не успел завершить модернизацию страны, а его приемники действовали не столь решительно. Тем не менее, даже то, что удалось сделать, принесло плоды. Русская армия, конечно, не стала лучшей в мире, но при условии численного преимущества вполне могла сражаться с любым европейским противником целых полтора столетия — вплоть до Крымской войны.

Флот же российский, не в пример сухопутным войскам, серьезным фактором мировой политики так и не стал, ограничившись решением некоторых локальных и региональных задач. Искусственно перенесенный на русскую почву, он так и остался инородным элементом в структуре отечественных вооруженных сил. Не опираясь на свободную морскую торговлю и отторгаясь «лесостепными» национальными традициями, российские эскадры всегда оставались лишь «престижным» довеском к сухопутной армии. О конкуренции с

морскими сверхдержавами не могло идти и речи. Убедительной иллюстрацией этого факта может служить так называемая Русско-английская морская война 1807–1812 годов, с первого и до последнего дня которой англичане нагло хозяйничали возле русских военно-морских баз, в которых отсиживались десятки кораблей под Андреевским флагом³⁷.

Славянофильская подножка

«Золотой век» российской армии подошел к концу во 2-й четверти XIX столетия, когда прекратилось массовое приглашение европейских специалистов и колонистов в Россию³⁸. К этому времени изменились также дух эпохи и общественный настрой. Империя вновь начала отгораживаться от учителей-европейцев, противопоставляя им себя в культурно-религиозном плане. Именно в этот период зарождаются и «официальное православие», и славянофильство. Государство, ступившее уже было одной ногой в цивилизацию, вдруг стало вновь превращаться в «Азиопу».

Если ранее мундиры русской армии надевали даже такие мировые авторитеты, как Клаузевиц и Жомини, то после восшествия на престол Николая I российские вооруженные силы, образно говоря, снова стали обрастать бородой и натягивать лапти. (Известные строки Дениса Давыдова: «Жомини, да Жомини, а о водке ни полслова!», написанные, как раз тогда же, звучат в этой связи очень символично.) Результаты этой метаморфозы весьма красноречивы — усиление экономической и технической отсталости, застой в военной мысли.

В Крымскую войну это не замедлило сказаться. Статистика сражений вновь начала принимать крайне неприглядный вид. Попытка выправить положение собственными силами («без немцев»), получившая название «Милютинской реформы», оказалась половинчатой. Поэтому и последняя в XIX веке для России большая война в 1877–1878 годах — с отсталой Турцией (с «боль-

ным человеком», по определению Николая I) — была выиграна с огромной натугой и огромными потерями, разительно отличавшимися от эффектных побед екатерининских времен. Следующая крупная война — японская, опять принесла цепь постыднейших неудач³⁹. Затем последовала Первая мировая, которая также шла в целом очень неудачно — особенно на германском фронте — и завершилась тотальным военно-политическим крахом: революцией и «похабным» (по мнению его главного «архитектора» — В. И. Ленина) Брестским миром.

«Отряд не заметил потери бойца»

Пока на протяжении XIX века русская армия теряла позиции, достигнутые в предшествующее столетие, военное дело в мире развивалось все стремительней. Борьба за независимость Североамериканских английских колоний (США) и французская революция вкупе с наполеоновскими войнами породили новую — массовую армию.

Старые войска комплектовались на основе найма и рекрутских наборов. Новобранцев превращали в профессионалов путем долгой муштровки. Американцы же с французами стали формировать части из добровольцев и по всеобщей воинской повинности. Их солдаты не были так тщательно обучены, что и подтолкнуло революционных генералов сражаться совершенно иначе, чем прежде — в рассыпном строю и колоннами, против которых линейная тактика оказалась бессильной. Особенно продвинул вперед науку войны Наполеон Бонапарт, признанный всем миром, как гений полководческого искусства — равный по масштабу свершений Александру Македонскому.

Важные новшества в систему строительства вооруженных сил внесла также Пруссия. Она разработала такой вариант построения государственной военной системы, который обеспечивал реальное обучение и призыв в случае войны всех годных к службе мужчин⁴⁰.

«Православное царство» наоборот, все дальше отступало в ряды аутсайдеров. К сожалению, вскоре выяснилось, что из всех заимствований, сделанных нашим отечеством в немецких землях, в России по-настоящему прижились только тараканы-пруссаки.

Между тем, никто иной, как германская армия добилась наиболее впечатляющих побед за период времени между Крымской войной и нынешними днями. Немецкие генералы сумели ближе других подойти к одному из самых значительных рекордов в истории военного искусства — ганнибаловским Каннам.

Первой их жертвой такого рода стали французы, основные силы которых были разбиты, окружены и пленены в ходе молниеносной кампании 1870 года, повергшей в растерянность всех признанных корифеев военной науки. В ходе Франко-прусской войны снова в полной мере дала о себе знать техническая революция. Появились скорострельные дальнобойные винтовки. Огромные потери, наносимые ими, вынудили опять изобретать новую тактику. Так в немецкой армии появился строй стрелковых цепей.

Следующей армией, встреча которой с германцами оказалась подобной ганнибаловым Каннам, оказалась русская. В самом начале Первой мировой войны в Восточной Пруссии 200 тысяч немцев нанесли тяжелейшее поражение 650-тысячной группировке царских войск, окружив и пленив 135 тысяч человек⁴¹. Вообще, соотношение пленных солдат, взятых противоборствующими сторонами на фронтах «империалистической бойни», нагляднее всего характеризует беспомощность русских вооруженных сил в боях с германскими: 2,4 миллиона против 250 тысяч⁴².

Новое изгнание «варягов»

Большевистский переворот довершил начатое квасными патриотами прежней эпохи — окончательно захлопнул прорубленное двумя веками ранее «окно в Ев-

ропу», вернув страну к допетровской азиатской модели существования. Это сразу же бросается в глаза при сравнении военных «успехов» коммунистов с достижениями армий, порожденных буржуазными революциями прошлых веков. Там сразу же происходил качественный скачок в развитии военного дела, и рождалась плеяда талантливейших полководцев, а Красная Армия была остановлена и разбита в самом начале своего рывка на Запад. Притом, даже не первым маленьким соседом, а всего лишь одной из бывших провинций Российской империи — Польшей.

Пока красноармейские вожди катались на тачанках, позаимствованных у крестьянского партизана Нестора Махно, искусство войны продолжало развиваться и усложняться. Появление танков и авиации, скорострельной артиллерии и прочих новшеств вновь вынудило менять военную тактику. Бой превратился в сложнейшее взаимодействие различных родов войск между собой. Тот, кто овладевал таким искусством в совершенстве, мог малыми силами крушить более многочисленного, но менее организованного неприятеля. Вторая мировая война дала тому массу примеров. И в первую очередь на печальном опыте советских стратегов, армии и фронты которых в 1941—1942 годах без счета попадали в окружение и превращались в бесконечные колонны военнопленных, несмотря на подавляющее превосходство в живой силе и технике.

«И от тайги до британских морей»

Фейерверк немецких «блицкригов» в 1939—1941 годах отдал во власть Гитлеру почти всю Европу. Советский Союз спасли огромная территория, многолюдное население и флот англосаксов. Кто контролирует море, тот, в конечном счете, овладеет и положением на суше. По этой формуле, как и много столетий назад, все еще безошибочно определяется победитель в затяжных коалиционных войнах, когда на первый план выходят

экономические ресурсы и коммуникации. Именно эскадры союзников заставили значительную часть экономики нацистов работать на морскую войну (не давая в полную силу заняться производством сухопутных вооружений для русского фронта) и перемололи то, что плавало под фашистским флагом. Именно корабли Британии весной 1941 года перекинули в Грецию экспедиционный корпус, борьба с которым вынудила Германию более чем на месяц отложить реализацию «плана Барбаросса», не рассчитанного на зимнюю пору. Эта задержка в итоге обрекла Вермахт на вымерзание у самых Кремлевских ворот. Именно моряки США и Англии доставляли в СССР бесценные ленд-лизовские грузы, позволившие Сталину преобразовать свои ополчения в более или менее боеспособные армии.

Как ни прискорбно, но все операции советских стратегов в 1941—1945 годах очень похожи на мероприятия по истреблению собственного народа и издевательство над военным искусством. Об этом неопровержимо свидетельствуют цифры количества солдат, не вернувшихся с фронтов в Германию и в Советский Союз — 2,8 миллиона⁴³ и 19,5 миллионов⁴⁴ соответственно (последняя цифра, возможно, еще больше). Германская машина просто забуксовала в горах тел советских солдат, почти необученными и плохо вооруженными, брошенных под ее гусеницы.

Полностью в русле азиатских традиций лежат и последующие четыре десятилетия. Пока западные соседи уходили на очередной виток прогресса, Советский Союз продолжал готовиться к «последнему и решительному бою» по канонам минувшей эпохи. Тем временем к концу XX века Запад вновь создал совершенно новую военную машину, которая позволяет ему воевать с невероятно мизерными потерями. Но большинство россиян, похоже, даже не осознают всей глубины той пропасти, что отделяет их от народов-лидеров. Как и то, что эту бездну нельзя перепрыгнуть с национальными бюджетными ресурсами, равными доходам города Нью-Йорка.

За время человеческой истории на Земле появилось и исчезло множество народов. Каждый из них имел свою, в большей или меньшей мере, своеобразную культуру. Но только малая часть поднялась до таких высот, что сумела внести вклад в прогресс общемировой цивилизации. Объясняется это, конечно же, не заранее предопределенной участью («богоизбранностью» или «неполноценностью»), а национальными характеристиками (ментальностью) — культурно-экономико-политическими типами становления и развития. Национальные характеры, в свою очередь, зависят от многих факторов: географической среды обитания, унаследованных от предков традиций и психологических особенностей, внешнего влияния, исторических случайностей и прочих обстоятельств, из совокупности которых формируется нация.

Опыт показывает, что непобедимых народов нет вообще. Но достижения в области военного искусства являются производными от народного характера⁴⁵. Здесь, как и в экономике, результаты конкуренции видны и легко сравнимы, — если, конечно, нация находит в себе силы подняться до объективного анализа, а не убожает себя дурманом шапкозакидательства.

Применительно к России можно предположить, что уважение, внушенное военной мощью Византии, при кристаллизации молодого этноса стало далеко не последним аргументом в выборе нового бога, — а по сути идеологии, формирующей ментальность. Восточная ветвь христианства превратилась затем в барьер, который отделил Русь от более удачливого западного мира. В отличие от чехов, венгров или финнов, которые смогли, в конце концов, органично вписаться в цивилизацию, основанную германскими племенами, русские по сей день не могут полноценно в нее интегрироваться.

Однако именно Россия в эпоху петровских реформ сумела первой из не западно-европейских стран найти и указать остальному миру дорогу, по которой можно

вырваться из заколдованного круга азиатской парадигмы. По этому пути позднее прошла Япония и другие восточные «тигры». К сожалению, наша страна не выдержала испытаний этой дороги, соблазнившись обманом якобы более легкого — «своего особого» пути. И пока Россия не вернется к заветам великого царя и не отправится на выучку к более просвещенному Западу, ее военная история будет являть собой непрерывную цепь трагических бессмыслиц, вроде катастрофы атакмохода «Курск» или бесконечной войны в Чечне.

Память о поражениях из большинства голов вытравить, конечно, несложно, используя ресурс государственной пропаганды. Можно даже превратить поражения в «славные победы». Но проблема военной модернизации все равно будет оставаться нерешенной. А значит, мы снова будем раз за разом наступать на одни и те же старые грабли.

ГЛАВА 2

«И ВОТ ПРИШЛИ ВАРЯГИ...»

...И стали все под стягом,
И молвят: «Как нам быть?
Давай пошлем к варягам,
Пускай придут княжить,
Ведь немцы тороваты,
Им ведом мрак и свет...»
И вот пришли три брата,
Варяги средних лет,
Глядят — земля богата,
Порядка ж вовсе нет...

Так — кратко, но весьма доходчиво — описал полтора века назад Алексей Константинович Толстой в своей популярной «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» сложные общественно-социальные пертурбации и катаклизмы, которые в совре-

менных учебниках обычно занимают целые главы и именуются «процессом формирования древнерусской государственности».

Правда, о самих чужаках, приглашенных из-за моря на роль наставников-организаторов, даже серьезные специализированные издания, как правило, сообщают крайне скудные сведения. Связано это с тем, что еще совсем недавно — в годы советской власти — тема призвания варягов имела несчастье попасть в разряд «идеологически вредных буржуазных теорий». Ныне этот запрет естественно исчез. Однако инерция в головах значительной части историков все еще сохраняется. И, — если судить по опыту последних лет, — разбираться с причинами своих историографических неурядиц ученые мужи будут еще очень долго. Поэтому ждать их не стоит. Тем более что на страницы скандинавских саг и в книги специалистов, исследовавших их содержание, заглянуть можно и самостоятельно⁴⁶.

Взгляд из России

Но сначала освежим в памяти те факты варяжской эпохи, что известны из отечественного наследия. Здесь самым авторитетным документом считается «Повесть временных лет», написанная почти по горячим следам — то есть спустя «всего» около 200 лет — монахом Нестором. В главе, датированной 862 годом, содержится рассказ, в котором речь идет о древних новгородцах: «...и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: „Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву“. И пошли за море к варягам. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти прозывались. Сказали руси славяне: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами“. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой

всю-русь, и пришли, и сел старший Рюрик в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор в Изборске. И от тех варягов прозвалась русская земля...».

Как видно из процитированного отрывка, новое начальство — «русь» — прибыло с западного побережья Балтики. Представители руси являлись жителями Скандинавии, которые, в свою очередь, — независимо от племенной принадлежности — выступали в славянских языках под общим именем «варяги». Слово «варяг» образовалось, по всей видимости, от древнескандинавского слова *vaeringr*, что в переводе означает соратник, дружинник или просто военный человек. В Европе варяги были больше известны как викинги, что в вольном переводе означает «воины, приходящие водой». Что же касается слова «русь», то это обозначение выходцев из Швеции, очевидно, пришло к славянам из финского языка⁴⁷.

Взгляд из Европы

Впрочем, упомянутые слова являются лишь наиболее известными среди того множества имен, которые скандинавы получили у всех племен и народов, обитавших на прибрежных землях от Белого до Средиземного морей. Но где бы их ни произносили, на всех языках они звучали одинаково ужасно, символизируя разбой, жестокость, кровь и смерть. Немецкий исследователь Хельмут Ханке дает варягам следующую характеристику: «Более половины тысячелетия держали мир за горло эти „рыцари открытого моря“, для которых корабль значил то же самое, что конь для воинов Чингисхана. Разбойничьи походы начинались от фьордов исхлестанного штормами, изобилующего рифами норвежского побережья. Удивительно „результативными“ были эти морские набеги!»

В IX веке, после того как европейское атлантическое побережье было обшарено вдоль и поперек, викинги пустились вверх по большим рекам и предали огню

Аахен, Кельн, Трир, Майнц, Вормс, Бинген, Париж и Тулузу. Там, где выныривала из морских волн голова дракона, начинала свой путь беда. Один летописец-современник говорил: «Бог послал этих одержимых из-за моря, дабы напомнить франкам об их грехах».

Английский историк Джон Феннел также пишет, что «боевые корабли викингов назывались драккарами и представляли собой весьма внушительное зрелище: нос в виде головы дракона, ярко раскрашенный парус, разноцветные каплевидные щиты по бортам, которыми воины защищали себя от высоких волн, неприятельских стрел и камней, и сами мореплаватели — рослые, могучие, в островерхих шлемах на голове — все это вселяло трепет и оказывало на противника сильнейшее психологическое воздействие».

Европейские средневековые хроники, пытаясь как-то объяснить внезапные нападения викингов, высказывали предположение, что они являются выходцами из глубин морского царства — внуками самого Нептуна. Ничего удивительного в этом нет. Мир в те времена был почти неизведан, а потому казался людям необъятно-огромным и загадочно-опасным. Воображение населяло его разными мифическими — добрыми или злыми, но одинаково сверхъестественно могучими героями.

Созидатели государств и народов

На самом деле викинги, как общность родственных племен, объединенных единой культурой, сформировались не в океанской пучине, а там, откуда все время и уходили в свои грозные набеги, — на Скандинавском полуострове. Просто долгое время их предки пользовались славой добропорядочных купцов и рыбаков, и поэтому с той стороны никто не ожидал угрозы. В качестве объяснения столь резкой перемены поведения ученые выдвигают две версии. Суть первой сводится к внезапному повышению рождаемости у скандинавов.

Вторая ищет причину в земле, начавшей терять плодородие из-за перемены климата. И то, и другое могло породить перенаселение, ставшее, в свою очередь, причиной кризиса традиционной племенной структуры и резкого усиления власти королей, начавших неуклонно карать своих подданных за любое нарушение законов. Все это способствовало тому, что наиболее энергичные и непокорные скандинавы принялись объединяться в ватаги и пускаться ради грабежа, добычи и приключений в далекие экспедиции на все четыре стороны света.

Ныне европейская историография достаточно подробно изучила хронологию этого процесса. Жертвой первого крупного похода викингов в 732 году стала Британия. В 753-м они обрушились на Ирландию, в 796 добрались до Испании, в 800-м разграбили Фарерские острова, а к 802-му обчистили Оркнейский и Шетландский архипелаги. В 820-м варяжские дружины разорили Фландрию, а 842-м предали огню и мечу побережье Франции. В 865-м напали на Константинополь, в 880-м проникли в Каспийское море.

IX—X века считаются пиком агрессивной предприимчивости викингов. Флотилии драккаров тогда непрерывно сновали по всей огромной акватории, омывавшей ареал бывшей античной цивилизации. Передвижения эти не были связаны единым планом. У каждой, даже небольшой группы кораблей, имелся свой предводитель, именовавшийся ярлом или конунгом. Иногда несколько ярлов объединялись на некоторое время. Но чаще действовали обособленно, на свой страх и риск, совмещая иногда грабеж с географическими открытиями. Именно так скандинавские бродяги в 983-м году достигли Гренландии, а в 985-м Северной Америки. Однако все остальные народы еще не вышли на ту ступень развития, которая бы позволила воспользоваться этими подвигами.

А сами варяги вдруг внезапно исчезли, — словно бы вернулись обратно в глубины морского царства. Ученые опять-таки считают, что причина в новом измене-

нии природно-социальных условий на Скандинавском полуострове. Так или иначе, но к XII веку драккары викингов пропали с поверхности морей и океанов, а конунги и ярлы превратились в герцогов и королей в созданных ими новых европейских государствах: Нормандии, Англии, Сицилии, Южной Италии и некоторых других.

Мир наш, к сожалению, несовершенен и жесток. Поэтому стоит ли удивляться, что богиня истории — мудрая Клио, тоже дама не слишком сентиментальная? Сила владык и слава их армий всегда имеют под собой фундамент из горя, слез и трагедий миллионов обыкновенных «маленьких» людей. Но спустя столетия, когда уже не слышно стонов и плача пострадавших, видятся не только разрушительные, но и конструктивные последствия кровопролитных военных авантюр. На страницах книги известного французского специалиста Жоржа Блона можно прочитать такую оценку деятельности викингов: «...они отправлялись в Западную Европу и Средиземноморье, чтобы основывать там герцогства, княжества и королевства. Форштевни сицилийских и мальтийских лодок и даже венецианских гондол хранят воспоминания о грозно задранных носах драккаров. Викинги, наводившие столько страху своими грабежами и войнами, оказались и необыкновенно способными строителями. Монархия скандинавов на Сицилии сохранила и укрепила великолепную культуру этого острова, вобравшую в себя разнородные элементы различных цивилизаций...».

Что делал Рюрик, когда был Рёриком

Трудно найти еще один народ, который бы «стоял у колыбели» стольких государств в весьма удаленных друг от друга регионах. Разумеется, происходило это лишь там, где и без викингов уже существовали предпосылки подобных процессов. Но, с другой стороны, предпосылки — необходимое, но не достаточное ус-

ловие конечного результата. Это подтверждается массой исторических примеров. Поэтому нельзя не признать за варягами исключительного организаторского таланта. Там, где они оседали, дело государственного строительства быстро спорилось. Одним из таких «варягообустроенных» регионов стала Древняя Русь.

Конунга Рюрика, которого новгородцы выбрали себе в князья, соотечественники называли Рёриком Ютландским. Он слыл среди них умелым и удачливым военачальником, хотя владел лишь небольшим участком земли — местечком Дорестада в датской области Фрисландия. Громкую славу ему принес поход в Западную Европу и Средиземноморье в 843—847 годах, который этот человек возглавлял вместе с братом Харальдом. Их драккары сначала бросили якоря у Нанта. Дружины братьев быстро захватили и разграбили этот богатый французский город. Затем пересекли Бискайский залив, взяли штурмом и обобрали до нитки Лакорунью с Лиссабоном, предали огню расположенную на африканском берегу Гибралтарского пролива крепость Танжер. На обратном пути высадились в Андалусии и овладели Севильей, до того считавшейся неприступной твердыней.

В ту пору Испания и Северная Африка находились под властью арабского халифата. Поэтому султан Абд-ар-Рахман был вынужден вступить в переговоры с «королем викингов» и, видимо, зная по опыту, что одолеть их арабам не под силу, предпочел откупиться золотом, дабы варяги побыстрее убралась из мусульманских владений к себе на север.

Однако когда Рёрик вернулся домой от берегов Пиренейского полуострова, то попал в полосу неудач. Более сильный отряд норманнов отнял у него Дорестада и будущий «отец» Древнерусского государства несколько лет вел жизнь обыкновенного морского бродяги, сражаясь за того, кто больше заплатит. Затем он однажды во главе небольшого отряда наведаясь в Финский залив, откуда по Неве выбрался к Ладожскому озеру и, войдя из него в Волхов, захватил расположен-

ный неподалеку от устья этой реки небольшой городок — нынешнюю Старую Ладугу. О том кто ее основал, ученые все еще спорят. Но по большому счету данный вопрос не принципиален. Даже если там издавна существовала какая-то деревушка местных аборигенов, значение торгового центра она приобрела только после того, когда там появились мореплаватели-викинги и построили факторию. Пришли они туда задолго до середины IX века, назвав район южного приладожья Альдейгыборгом. За контроль над ним между норманнами постоянно шла борьба. Так, что Рёрик оказался всего лишь очередным, хотя и наиболее удачливым «гостем». Здесь на прилегающих к заливу и озеру землях, он основал новое государство. Проще говоря, отряд Рёрика подчинил себе и заставил платить дань местное население, состоявшее из финно-угорских и славянских племен. А затем в сентябре 862 года конунга, согласно летописи, пригласили соседи-новгородцы для наведения порядка на своей земле. В итоге Рёрик присоединил к недавно обретенным владениям обширные районы, и таким образом на карте Европы появилась новая — самая крупная из всех, существовавших тогда, — держава.

Вот только с братьями Рёрика — Синеусом и Трувором — у монаха-летописца вышла неувязка. Нестор, видимо, неправильно прочитал старый скандинавский текст, поскольку имена братьев приглашенного конунга — в действительности представляют собой варяжские слова, обозначающие «верную дружину» — «трувор» и «весь дом» — «сине-хус», с которыми, как можно понять, Рёрик и прибыл в Новгород.

У истоков российской истории

Но вот два других, не менее известных варяжских персонажа древнерусских летописей — Аскольд и Дир⁴⁸ — существовали в действительности. Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что в дру-

жине Рёрика они служили в качестве старших офицеров. Однако вскоре после переезда в Новгород оба этих викинга поссорились с конунгом и, сманив за собой какую-то часть воинов (по-видимому, немалую), ушли на юг — в сторону Царьграда, который был конечной целью купеческо-разбойничьего водного маршрута «Из варяг — в греки».

Выйдя к истокам Днепра, они двинулись вниз по течению. Река привела отряд к Киеву. После недолгой войны в 864 году варяги отвоевали этот город с прилегающими землями у хазар, которые незадолго до того подчинили было себе славянское племя полян, основавших Киев. Так возникла еще одна скандинавская колония в славянских землях. Спустя всего два года Аскольд и Дир уже совершили набег на Константинополь, основательно пограбив его окрестности.

Конечно и у Рёрика в Новгороде, и у Аскольда с Диром в Киеве не было замыслов создать чисто скандинавское государство, предварительно изгнав или истребив местное население. Так же, как и другие викинги в Италии, Франции или Англии, они лишь искали себе «налогоплательщиков» и основывали правящую династию. Затем их сравнительно небольшие дружины постепенно растворялись в громадной массе аборигенов. Завоевание плавно переходило в сотрудничество, в синтез культур.

После смерти Рёрика, последовавшей в 879 году, на страницах русской истории появляется имя его родственника — Олга (или Хельга, переделанное славянскими подданными в более удобопроизносимое для них Олег), которому покойный конунг, согласно преданию, завещал трон и наказал опекать маленького сына Ингвара (Игоря). Под 882 годом в русских летописях описывается поход Олга во главе варяжско-славянского войска на Смоленск, Любеч и Киев. Захватив Киев обманом, Олг убил Аскольда и Диру, а потом решил там остаться, сделав Киев своей столицей.

Затем новый правитель, которого все чаще стали именовать князем (от шведского «конунг»), покори

окрестные племена древлян, уличей и тиверцев, а также подчинил северян с радимичами, прежде плативших дань хазарскому кагану. После этого на восточной окраине Европы появилось новое громадное государственное образование, известное сейчас под названием Киевская Русь. Территория ее простиралась от Белого моря и Балтики до моря Черного и от верхней Волги до Вислы.

Византийская хроника сохранила списки мирных соглашений Олга с императорами Леоном и Александром, которые были заключены в 907 и 912 годах после удачного похода Олга на Царьград. Из этих договоров, кстати, мы можем узнать имена первых отечественных дипломатов, участвовавших в переговорах и корректировке текста договора. Их звали Карлы, Инегельд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост и Стемид. Имена эти красноречиво свидетельствуют, что руководящие посты Киевской Руси все еще занимали исключительно «лица варяжского происхождения». Впрочем, иначе и быть не могло. Ведь с момента их «призвания» прошло всего полсотни лет — срок для истории мизерный, почти не ощутимый.

В том же 912 году конунг Олг, более известный нам как «вещий Олег», покинул земной мир и ушел со страниц русских летописей, видимо, к своим скандинавским богам. Верховная власть в Киеве перешла к уже упоминавшемуся выше сыну Рёрика — воспитанному Олгом князю Ингвару, что в переводе означает «молодой воин». Со временем произношение большинства подданных трансформировало его в более приемлемую для славян вариацию — Игорь.

Ингвара можно назвать последним конунгом Киевской Руси, поскольку, начиная с его сына Святослава, все князья с самого рождения уже получали имена, более привычные для языка и уха местного населения. Да и процент буйной крови викингов, не дававшей скандинавам подолгу засиживаться дома, с каждым последующим поколением неумолимо понижался.

Одновременно все более бледно выглядели и достижения древнерусских воинов на поле брани. При первых князьях-конунгах не проходило десятилетия без крупного похода на кого-нибудь из соседей. Некоторые неприятности скандинавско-славянские дружины сумели доставить даже одной из главных сверхдержав средневековья — Византии. Но, уже начиная с сына Святослава — Владимира Святого, по мере «обрусения» варягов и утраты ими авантюрно-милитаристского «германского духа» (вспомним, что славяне изначально не отличались воинственностью), успехи киевских правителей все чаще стали перемежаться с крупными поражениями. Поэтому потеря политической независимости большинством княжеств при столкновении с монголами в середине XIII столетия выглядит логичным итогом этой воинской деградации. Ни оказать достойного сопротивления, ни договориться о координации общих усилий в деле отражения иноплеменного нашествия потомки Рёрика не смогли...⁴⁹

ГЛАВА 3

ПОЛТАВА НЕ ПО ПУШКИНУ

В современный российский календарь все так называемые милитаристские праздники («День пограничника», «День военно-морского флота», «День танкиста» и т. д.) угодили из прежней — советской официально-пропагандистской мифологии. Разумеется, к подлинной истории отечественных вооруженных сил эти коммунистические «святцы» никакого отношения не имеют. Даже наоборот — мешают, заслоняя своим обманным ликом истинные юбилеи.

За примерами здесь далеко ходить не надо. Ежегодно отмечая сталинский «День артиллерии», страна совершенно забыла в 1989 году о настоящем 600-летию русских пушкарей⁵⁰. Впрочем, некоторым торжественным датам «старины глубокой» все же повезло, и они

транзитом — через большевистский «политпросвет» — перекочевали из пантеона ратной славы имперского Петербурга в нынешнюю квазидемократическую действительность. Этот лихой маршрут, разумеется, на пользу первоначальному облику этих исторических событий пойти не мог.

Среди наиболее пострадавших от многократных идеологических искажений оказались и события Северной войны 1700—1721 годов. И главной ее бедой оказался тот парадоксальный факт, что царь Петр Великий имел несчастье попасть в число положительных героев большевистской версии российской истории...

Зерна и плевелы

На первый взгляд, основные подробности противостояния России и Швеции в первой четверти XVIII века в общих чертах хорошо знакомы большинству нынешних россиян через посредство литературы и кинематографа. Но когда перед празднованием 300-й годовщины основания Северной столицы политологи в различных ток-шоу начали муссировать данную тему, неожиданно выяснилось, что лучшей характеристикой Северной войны, по мнению подавляющей части наших сограждан, является знаменитая пушкинская строка-клич: «Ура! Мы ломим, гнутя шведы!». В действительности, и ход, и смысл Северной войны были куда сложнее.

Чтобы не быть голословным проиллюстрируем ситуацию на примере одного из крупнейших сражений Северной войны — «Нарвской конфузии» 1700 года. Численный состав противников в этой битве секрета не составляет — он опубликован по архивным документам еще до революции. С русской стороны участвовало более 40 000 человек при 184 орудиях⁵¹. У шведов было 8430 солдат с 37 пушками⁵². Потери петровской армии составили не менее 17 000 душ⁵³ только убитыми и пропавшими без вести. Урон войска Карла XII —

677 солдат и офицеров убитыми и 1205 ранеными⁵⁴. Однако многие нынешние российские историки данную статистику не приемлют, предпочитая ей откровенную ложь.

Например в 8-томной Советской военной энциклопедии⁵⁵ (хотя и изданной в 1976–1980 годах, но по сию пору считающейся весьма авторитетным источником – рекомендуемым курсантам военных училищ в качестве дополнительного пособия) черным по белому написано, что шведов под Нарвой было аж 32 500 штыков и сабель регулярной армии. А у русских таковых имелось всего 28 500. Плюс 6500 сабель дворянского конного ополчения. К тому же русских якобы предали зловердные иностранные офицеры. Разница в потерях также приобретает более «приятный» для патриотически настроенного читателя вид – 6000 россиян против 3000 скандинавов.

Мало что изменилось и в постперестроечные времена. Достаточно вспомнить, в каком виде в середине 90-х годов минувшего столетия в Москве был издан знаменитый словарь-справочник англичанина Томаса Харботла «Битвы мировой истории»⁵⁶. Готовивший его к публикации коллектив российских ученых решил «исправить» статистику «неграмотного» британца и заменил общепринятые в международной историографии реальные цифры Нарвской битвы (да и не только ее) – на мифические советские. Притом не отметив свое вмешательство в авторский текст и, осуществив тем самым натуральный подлог!⁵⁷ Таким образом, военная катастрофа, поставившая страну на грань пропасти, превращается в заурядную неудачу, обусловленную главным образом кознями коварных европейских наемников. Так что удивляются политологи напрасно. Плачевные итоги их опросов вполне объяснимы. Поэтому и нашу реставрацию истинного хода Северной войны придется начать издалека. А именно, с того, что истинными агрессорами в ту далекую пору – вопреки мнению нынешних петербуржцев – были отнюдь не шведы.

Шведская армия, принявшая на себя в 1700 году удары сразу трех противников (датчан, саксонцев и русских), была уже далеко не тем совершенным военным механизмом, который создал в начале XVII века талантливейший реформатор и великий полководец король Густав II Адольф. После его смерти соседи постепенно переняли разработанные им модель организации войск и тактические новшества, лишив, таким образом, Стокгольм монополии на обладание секретом блистательных побед. К тому же постоянные войны минувшего столетия привели экономику бедной природными дарами Швеции в немалое расстройство. Данное обстоятельство не позволяло шведам во время Северной войны 1700—1721 годов иметь значительные наемные вооруженные силы, а скромная численность населения страны (около 2 миллионов человек⁵⁸, — в России до 15 миллионов⁵⁹) резко ограничивала размеры национальной армии.

Говоря проще, воевать потомкам викингов надо было умением, а не числом. Для этого требовались не только хорошо организованные и обученные войска, но и выдающиеся полководцы. И хотя «прыгнуть выше головы» — подняться до уровня великой армии Александра Македонского, разгромившего с малыми силами огромную Персию, — шведы так и не смогли, нельзя не признать, что в те годы им все же удалось выдвинуть очень неординарную фигуру — настоящего короля-воина.

Последний викинг

Восемнадцатилетний король Карл XII, возглавивший в 1700 году вооруженные силы своей страны, прожил удивительную жизнь — короткую, но яркую. Такие судьбы даже по прошествии столетий не теряются в тени новых героев, поэтому к настоящему времени о

нем на разных языках написано множество книг. К сожалению, русских переводов таких работ практически нет. Российскими же историками жизнь этого незаурядного человека исследована крайне скупо и однобоко. Но таков уж удел большинства полководцев, если они когда-либо сражались против армии нашего государства. Врагу положено оставаться не просто «плохим», но еще и «неинтересным».

А между тем Карл XII оставил не только блестящий след в мировой истории, но и вписал немало новых страниц в учебники ратного мастерства. Если внимательно изучать его операции, нельзя не заметить, что шведский король как военачальник обогнал свое время. Каноны линейной тактики начала XVIII века предписывали бороться с неприятелем преимущественно путем маневрирования, преследуя в первую очередь задачу защиты кордонных линий и коммуникаций. Крупные сражения при таких действиях случались редко и, как правило, не приводили к решительным результатам. Карл XII первым начал действовать иначе — смело врвался в глубину обороны противника и энергично навязывал бой, выигрывая его стремительными атаками. Ради внезапности, во время своих знаменитых марш-бросков, он мог кинуть собственные магазины, обозы и даже артиллерию.

Намного раньше Фридриха Великого и Морица Саксонского⁶⁰ шведский король стал действовать по принципу, смысл которого Наполеон потом уложил в короткую фразу: «Сила армии, как в механике, измеряется массой, умноженной на скорость».

В течение своей не слишком долгой полководческой карьеры шведский монарх руководил полками во множестве больших и малых сражений. Практически в каждом из них враг имел численное преимущество, однако Карл неизменно оказывался победителем. Поражение он потерпел лишь однажды — под Полтавой, но — по иронии судьбы — именно оно и стало главным боем в его жизни.

«Скифское» отступление

Русская регулярная армия еще только рождалась в страшных муках и конвульсиях страны, «поднятой на дыбы» великим царем-реформатором. По уровню профессионализма она, естественно, не могла сравниться со шведской. Тем не менее, в лице Петра I Карл XII встретил достойного — очень волевого и энергичного противника, не опускавшего руки в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях.

Единственными козырями Москвы в том положении оставались лишь численное превосходство да огромная территория, где могла затеряться любая европейская армия. На эти факторы Петр и сделал главную ставку, когда Карл повергнул всех своих противников на Западе и в 1707 году развернулся к российской границе, начав, как думалось большинству современников, последний поход Северной войны.

Царский план обороны был, в общем-то, незамысловат. Он основывался на богатом горьком опыте предыдущих веков, когда даже при численном преимуществе русские войска не могли одолеть шведских профессионалов в открытом и решительном полевом бою. Отсюда и тактика: ни в коем случае не принимать генерального сражения — отступать по огромным пространствам своих владений, сжигая за собой все, что можно (по остроумному выражению одного из западных историков: «Спасать страну путем ее уничтожения»). И, прикрываясь этой рукотворной пустыней, чинить противнику препятствия при форсировании рек, а также нападать на мелкие отряды и обозы. То есть стараться любой ценой изматывать и ослаблять войска неприятеля, пока количественное превосходство над ним не примет характер подавляющего.

Подобным образом противники сражались в течение полутора лет. Выжигая сначала Польшу, а потом и свою землю, русские упорно уклонялись от решающей битвы. К середине лета 1709 года соотношение сил на театре боевых действий выглядело так: 25 000 шведов⁶¹

и 11 000 их союзников⁶² — украинских казаков противостояли у Полтавы 60 000 русских солдат⁶³. Еще одна резервная царская армия (40 000)⁶⁴ стояла западнее района, занятого шведами. А по периметру театра располагалось до 5000⁶⁵ казаков, татар, калмыков и других русских иррегулярных войск. Однако ни Карл, ни Петр — в очередной раз сделавший соблазнительные, но отвергнутые мирные предложения — ситуацию гибельной для шведов не считали.

Пуля-дура как перст судьбы

С весны 1709 года скандинавы осаждали Полтаву. Чтобы оказать крепости помощь, Петру требовалось создать какую-нибудь угрозу противнику, для чего, как минимум, необходимо было переправить через реку Ворсклу основную армию. Но одновременно все русские полки форсировать водную преграду не могли. И шведы получали возможность использовать свое превосходство в умении маневрировать и бить противника по частям. Поэтому Петр долго не решался на переправу, но 26 (15) июня приказал-таки под прикрытием серии отвлекающих демонстраций провести разведку боем — занять плацдарм севернее Полтавы.

Шведы разгадали этот не особенно хитрый замысел, но отложили контрудар до тех пор, пока царь не перекинёт на их берег значительные силы, надеясь, наконец, навязать ему генеральный бой. Однако 27 (16) июня Карл был ранен случайной пулей. Несколько дней жизнь короля висела на волоске, и скандинавы застыли в растерянности. Петр же, наоборот, узнав о случившемся, не терял ни секунды. К 1 июля (19 июня) уже все русские полки строили на другом берегу укрепления, ошетиниваясь пушками.

Каждый день промедления улучшал для царя ситуацию, поэтому король, как только почувствовал, что начал поправляться, приказал писать диспозицию к

наступлению. Надеяться он мог лишь на превосходство в выучке своих солдат, отчего казаков Мазепы, не обученных сложным эволюциям, в боевом плане даже не учитывали. Часть войск пришлось оставить для блокады Полтавы и страховки тылов. В результате непосредственно для битвы набралось всего 16 000 солдат-шведов (примерно по 8000 пехоты и кавалерии)⁶⁶. Но главная проблема заключалась все-таки в том, что полноценно руководить боем король все еще не мог. Отсутствие его молниеносной хватки и здравого расчета явно прослеживаются с первой и до последней минуты сражения, которому суждено было стать решающей битвой всей Северной войны.

Суть плана Карла XII сводилась к выверенной координации всех маневров. Далеко выдвинутые сторожевые редуты русских предписывалось не штурмовать, а обойти. И не давая неприятелю времени для построения боевых порядков, загнать обратно в главный лагерь те его части, которые успеют оттуда выйти. А затем сбросить их в реку. Неудачно выбранная позиция русских облегчала выполнение задачи. Отходу на юг мешал лес. А на север шла дорога, тоже проходившая вдоль реки, становившейся «наковальной», о которую намеревался «расплющить» русскую армию шведский «молот». Таким образом, Петру оставался лишь вариант встречной атаки, чего и желал Карл.

Непредвиденная склока

Задача воплотить в жизнь вышеописанный план возлагалась на главных помощников короля — генерала Левенгаупта и фельдмаршала Реншельда. Но плодотворного сотрудничества у них не получилось. Характеры этих людей оказались несовместимыми, что усугублялось давней личной враждой. Пока верховное командование осуществлял сам король, генеральская склока не отражалась на ходе операций. Но после его ранения конфликт военачальников приобрел решаю-

щее значение, став одной из основных причин постигшей скандинавов катастрофы.

Реншельд, тщательно обсудив с Карлом план, довел его до Левенгаупта, командовавшего всей пехотой, лишь в самых общих чертах. И тот, естественно, столь же плохо проинструктировал своих подчиненных. Королевский замысел начал рушиться с первых минут боя из-за элементарных недочетов подготовки. Колонны солдат путались и с началом атаки запоздали. Застать русских врасплох не удалось. К царским сторожевым редутам успела подойти помощь. И сквозь набитые солдатами противника укрепления, снова теряя время, пришлось прорываться под ураганным огнем.

К тому же, поскольку, кроме Карла и Реншельда, никто из шведского начальства не знал деталей плана, путаница усугубилась. В результате после прорыва рядом с королем и фельдмаршалом оказалась только треть (примерно 2500 человек) из общего количества оставшихся в строю пехотинцев⁶⁷. Другая треть под руководством Левенгаупта, который испытывал настойчивое желание находиться подальше от Реншельда, потеряла связь с остальными силами. И, импровизируя на свой страх и риск в одиночку начала атаку южного крыла главного лагеря войск Петра I, где засело несколько десятков тысяч русских солдат⁶⁸.

В те минуты батальоны Левенгаупта спасла лишь неповоротливость неприятеля и то, что их вовремя нашли королевские гонцы, передавшие приказ идти на соединение с фельдмаршалом. Но вот последней трети шведских пехотинцев, которой командовал генерал, Росс повезло меньше. Не зная о том, что мимо сторожевых редутов надо как можно скорее проскользнуть, он принялся штурмовать укрепления, безнадежно отстав от ушедших вперед полков.

Поскольку диспозицией это не предусматривалось, то никаких средств для осады бастионов шведы не имели. Все же Росс взял два первых редута и начал атаковать следующие. Тем временем Петр, узнав, что часть вражеской армии зацепилась за крючок его стороже-

вых укреплений, срочно выслал туда 7000 пехотинцев и драгун, благо Карл в эти минуты искал отставших в другом направлении. В итоге колонну Росса быстро окружили и, не дав построиться к полевому бою, уничтожили. От нее осталось всего 400 пленных, по большей части израненных солдат⁶⁹.

Таким образом, вместо слаженных ударов и маневров для блокировки царского лагеря, королевской армии пришлось два часа прорываться к нему, а затем еще три часа собирать разрозненные полки и приводить их в порядок. За это время русские успели спокойно подготовиться к генеральному бою. Увидев, что шведов немного, они вывели за валы 24 000 пехотинцев, а оставшуюся часть разместили на бастионах для прикрытия отхода в случае неудачи (кавалерия обеих сторон из-за характера местности играла лишь вспомогательную роль)⁷⁰.

Надежда умирает последней

Так и не найдя колонны Росса, Карл вынужден был вступить в решающую схватку всего с 5000 солдат пехоты⁷¹. Атаку на пятикратно превосходящего врага возглавил Левенгаупт. Она получилась столь стремительной, что всем участникам боя показалось, что удача вновь перемещается на сторону шведов. Они прорвали первую линию русских, затем смяли весь левый фланг неприятеля и захватили часть артиллерии, поставив царя на грань поражения. Однако правое крыло Петра, где находилась его гвардия, выдержало удар. После чего исход боя решило подавляющее численное преимущество⁷². Спустя полчаса шведы были опрокинуты, и только осторожность царя, не сразу поверившего в победу, помешала в тот день окончательному уничтожению всех королевских войск.

Тем не менее, крах шведских надежд был полным. Ни о каком продолжении «Русского похода» не могло быть и речи. Потери убитыми и пленными составили около 10 000 человек. В руки к противнику во главе с

фельдмаршалом Реншельдом попали принц Вюртембергский, генералы Шлиппенбах, Штакельберг, Гамильтон, Росс, а также королевский премьер-министр граф Пипер. Огромной выглядела и убыль старших офицеров, заменить которых было нечем.

Левенгаупт после Полтавы на несколько дней фактически занял место Реншельда рядом с Карлом XII, так как остался самым старшим по званию генералом. Ему король и поручил руководить отступлением из России. Шведская армия на первый взгляд еще выглядела внушительно — 21 500 человек, сопровождавших несколько тысяч повозок. На самом деле боеспособную силу составляло не более 11 000 солдат⁷³. Остальные являлись нестроевыми (то есть необученными) обозниками, а также женщинами и детьми, следовавшими за войсками в походе. Вместе со скандинавами бежал и целый табор украинских казаков с семьями из числа тех, что пошли за Мазепой.

Отступление шведы начали тем же вечером после битвы. Идя вдоль русла Ворсклы на юг, они на третьи сутки достигли Днепра у поселка Переволочна. Но переправа в том месте оказалась невозможной. Когда это выяснилось, возвращаться назад, где имелись удобные броды, стало уже поздно. В спину дышала русская погоня. Войско Карла XII само забралось в ловушку. Лодок хватило только на то, чтобы переправить короля и 1300 солдат его личного конвоя⁷⁴. Форсировал Днепр и Мазепа с 2000 казаков⁷⁵. Все остальные вынуждены были остаться на другом берегу.

Левенгаупта Карл тоже хотел забрать с собой. Однако тот отказался бросить армию. Тогда король официально передал ему командование и приказал вывести остатки полков из русских пределов. За свою долгую службу этот генерал сумел приобрести в войсках репутацию отца-командира. Во время боя он не задумываясь посылал людей на смерть, но между сражениями, как мог, заботился о солдатах, стараясь облегчить их трудную жизнь. За что они отвечали ему искренней любовью. Но у Переволочны он попал в непривычную

ситуацию и, наверное, впервые засомневался в том, как поступить перед лицом врага. Дело в том, что даже после Полтавы, во время отхода к Днепру, шведская армия еще сохраняла порядок и дисциплину. Однако с уходом короля в ее механизме будто бы лопнула главная пружина, и она стремительно начала превращаться в деморализованный сброд.

Авангард русской погони, настигший скандинавов, был не очень многочисленен — всего около 12 000 солдат⁷⁶. Еще три дня назад Левенгаупт бы не задумываясь кинулся в бой и, скорее всего, уничтожил противника или, уж, по крайней мере, прорвался из ловушки. Но в этот раз он вдруг обнаружил, что в строю не осталось и половины солдат. Большая их часть, стала неуправляемым стадом, в тщетных попытках форсировать Днепр. И закаленный в сражениях генерал дрогнул, пожалев этих несчастных людей. Он, несомненно, не был трусом, что ранее доказывал неоднократно. И у Переволочны старый солдат мог взять оставшиеся верными присяге части и во главе их принять последний бой ради чести, застраховав себя тем самым от суда потомков. Но обозленные сопротивлением преследователи тогда бы вполне могли превратить бой в бойню. Желая избежать этого, Левенгаупт вступил в переговоры о сдаче в плен. И, получив от русских гарантии сохранения всем жизни с частью имущества, подписал условия капитуляции.

От чего они были спасены их генералом, шведы воочию убедились тут же, на берегах Днепра и Ворсклы, когда победители учинили кровавую расправу над теми казаками Мазепы, которые не успели бежать. Вся близлежащая степь вскоре была усеяна телами людей, убитыми самыми жестокими способами. Пощады не получил никто, даже женщины и дети.

Совсем другой прием ожидал высших шведских офицеров в царской ставке, где шел победный пир. Петр в эти, наверное, самые счастливые мгновения его жизни, был великодушен. С рыцарским благородством он вернул скандинавам шпаги, разрешив но-

сить их даже в плену. Всех пригласили за стол, и царь провозгласил тост за своих учителей в военном деле. Реншельд, еще не пришедший в себя от пережитой катастрофы, не поняв о чем речь, недоуменно переспросил: «Кто же эти учителя?» и получил от Петра лаконичное уточнение: «Вы, господа!» Говорят, что в ответ фельдмаршал все-таки нашел в себе силы грустно пошутить: «Хорошо же ученики отблагодарили наставников».

Некоторые уроки и выводы

Безусловно, если бы не гений Петра Великого, то никакие бы передышки вкупе с помощью союзников, после «Нарвской конфузии» не спасли Московию от новых разгромов. И, разумеется, не наемники-иностранцы были повинны в неудачах русских войск первого периода Северной войны. Наоборот, лишь исключительно благодаря опоре на их знания и опыт царю-реформатору достаточно быстро удалось превратить свою закостеневшую в отсталости «вотчину» в полу-фабрикат будущей Российской империи, с вооруженными силами которой уже не могла не считаться не только маленькая Швеция, но и любой другой потенциальный противник.

Однако даже в последние годы боевых действий, когда у шведов не оставалось уже никакой надежды на успех, Петр был вынужден, более чем наполовину, укомплектовывать свой офицерский корпус зарубежными «военспецами»⁷⁷. Поэтому говорить о достижении качественного паритета с лучшими европейскими армиями тех лет, конечно же, не приходится⁷⁸. В этом смысле Северная война ничем не отличается от всех главных войн нашей страны. Победа в ней добывалась, во-первых, за счет непосредственного интеллектуального заимствования у западных специалистов, а во-вторых, за счет расхода огромных материальных и человеческих ресурсов.

В заключение нельзя не упомянуть и об одной из немногих крупных неудач Петра в деле строительства вооруженных сил по европейскому образцу. Из всех внедренных им в России бесчисленных западных «хитростей» самым противоречивым детищем стал военно-морской флот. В течение всей жизни море оставалось для царя наиболее сильной страстью. Но, не смотря на эту безграничную любовь, корабли в его руках по большому счету являлись лишь чрезвычайно дорогой игрушкой (стоимостью в 30 % госбюджета)⁷⁹, изготовленной и функционирующей только ради прихоти венценосного романтика. Азовский флот сгнил, так ни разу и не вступив в бой с неприятелем. Прорыв в Средиземное — или хотя бы в Черное — море так и остался пустой мечтой. А эскадры Балтийского флота нанесли противнику столь непропорционально малый ущерб в сравнении с усилиями, потребовавшимися для обзаведения ими, что российская историография по сию пору стесняется этой статистики. За весь период боевых действий петровские моряки сумели вырвать из рядов врага всего один линкор, да и то в самом конце войны. В то время как союзный русскому датский флот только в одном 1715 году захватил четыре таких судна⁸⁰.

Впрочем, итоги эти вполне закономерны. В отличие от армии, идея и цели которой были понятны и близки большинству россиян, флот не мог найти в традиционно сухопутной стране никакой опоры ни в умах, ни на практике. Морское мышление нации выковывается многими поколениями широких групп населения, чьи деловые и финансово-экономические интересы напрямую зависят от мореплавания. Создать такой слой искусственно не удавалось еще никому. В связи с чем выглядит вполне естественным то, что после смерти Петра мало кому понятная «игрушка» сразу же захирела⁸¹. В последующие триста лет петербургские и московские правители не раз пытались реанимировать идею морского величия. Эти потуги всякий раз оборачивались очередным крахом. Впрочем, споры на тему «Нужен ли России большой флот?» продолжаются и сегодня.

Однако то, что голубая петровская мечта о контроле над океанскими просторами осталась лишь благой фантазией, совсем не означает, что для победы в Северной войне флот России вообще не требовался. Сухопутного пути на Скандинавский полуостров в ту эпоху практически не было. Дорога туда лежала только через Балтику. Ситуация несколько упрощалась тем, что Шведский флот после ухода викингов в историческое небытие быстро утратил былой престиж и среди так называемых «морских народов» особым уважением не пользовался. Уже упоминавшиеся датчане с пренебрежением называли шведов «крестьянами, случайно попавшими в соленую воду». Факты подтверждают такую оценку. Ни в эпопее Великих географических открытий, ни в последовавшей за ней колониальной экспансии шведы не участвовали. Военно-морские силы Стокгольма являлись, пожалуй, единственным европейским флотом, который не одержал за предыдущие несколько столетий ни одной громкой победы. Но для молодого русского флота корабли Карла XII представлялись противником чрезвычайно грозным, сойтись с которым в решающей схватке без подавляющего численного преимущества казалось невыполнимым. Поэтому после Полтавской победы война тянулась еще долгие двенадцать лет. Только когда экономическое истощение Швеции достигло предела и ей стало просто не на что оснащать эскадры для обороны побережья, суда под Андреевскими флагами приступили к высадке десантов.

Единственной частью петровской военно-морской организации, все же прижившейся как в структуре вооруженных сил государства, так и в головах личного состава, стал так называемый армейский флот: соединения небольших гребных судов, предназначенных для прибрежного плавания и обобщенно именовавшихся собирательным названием «галеры». Их постройка оказалась делом нехитрым. А управление не требовало особого искусства. Отчего и экипажи для столь примитивных конструкций можно было комплектовать не

из заграничных дорогостоящих матросов-профессионалов, а из обыкновенных крестьянских рекрутов, превращавшихся при необходимости из гребцов в морскую пехоту. Однако галеры в XVIII столетии при любом количественном соотношении уже не могли на равных противостоять крупным парусным судам в открытом море. Поэтому даже после Полтавы вместо решительного броска на Скандинавский полуостров (или на крайний случай относительно дешевой и не требовавшей большой крови блокады тех шведских провинций, что располагались на южном побережье Балтики и из-за которых, в сущности, шла война), к победе пришлось идти куда более долгим и тернистым путем.

Говоря проще, российские вооруженные силы, несмотря на титанические усилия Петра в течение всего его царствования, смогли освоить на море только давно устаревший инструмент, которым продуктивно работать в ту эпоху было уже нельзя⁸². Отчего и боевые действия затянулись после Полтавы еще на целых 12 лет.

Главный реформаторский урок Петра заключается в том, что он указал единственно возможный путь качественного улучшения дел в российской армии, успешно опробованный еще в эпоху викингов, — путь массового приглашения в нее западных военных специалистов. Вся последующая история отечественных вооруженных сил убедительно продемонстрировала, что как только европейская «подпитка» прекращалась, начинались застои и деградация. Совсем как в басне: «А вы, друзья, как ни садитесь...»

ГЛАВА 4

АЛЬПИЙСКАЯ ОСЕЧКА

В нашей стране вот уже третье столетие подряд каждой осенью широко отмечается годовщина самого знаменитого суворовского похода — Швейцарской кампании времен войны так называемой «Второй ко-

алиции» европейских монархов против революционной Франции.

Вообще-то, в цивилизованных странах спустя столько лет даже наиболее жестокие и победоносные столкновения с другими народами обычно не принято праздновать. Эти эпизоды со временем теряют эмоциональный заряд и превращаются в спокойно-скучноватый исторический материал, будоражащий кровь только у сравнительно узкого круга специалистов. Но в России по сей день восприятие деяний старого русского полководца пока еще и не достигло этапа спокойного анализа, застыв на уровне всеобщего восторженного клика: «Русский штык прорвался через Альпы!»⁸³.

Меж тем, в зарубежных учебниках истории военного искусства отношение к этой операции, мягко говоря, неоднозначное. Уже такой авторитетный современник Суворова, как Клаузевиц, находившийся в 1799 году по отношению к Александру Васильевичу на позиции нейтрально-благожелательного наблюдателя, рассматривал Швейцарскую операцию как крупную неудачу войск антифранцузского союза.

Пищу для сомнений в полном триумфе «наших над супостатами» внимательному зрителю может дать даже апологетический фильм сталинской поры «Суворов», большая часть которого посвящена как раз Альпийскому походу знаменитого полководца. Эта кинолента, хотя и снималась тогда, когда советская пропаганда уже окончательно встала на рельсы ура-патриотизма, тем не менее, не смогла затушевать весьма неприятный для национал-большевиков вопрос: почему одерживая, по версии сценария, одну беспримерную победу за другой, русские с каждым разом оказывались во все более катастрофическом положении? Ведь полноценный успех должен решать проблемы, а не наоборот.

Конечно, подобные сомнения, по старой отечественной традиции, легче всего списать на козни немцев (в данном случае австрийцев) и вообще всего зловредного Запада, стремящегося на каждом шагу напа-

костить русскому человеку, но тогда уровень обсуждения переходит в совсем иную плоскость, где логика бессильна и дальнейший анализ становится просто бессмысленным. Поэтому попробуем на сей раз предположить, что не «удары в спину из-за угла» предопределили итоги Швейцарской кампании. Тем более что австрийцы, да и все прочие союзники, были заинтересованы в победе над французами даже больше русских, поскольку, в отличие от них, воевали не только за идею восстановления королевской власти в Париже, а имели вполне конкретный материальный интерес, рассчитывая на весьма обширные территориальные приобретения.

Для того, чтобы яснее представить себе обстановку на том военном театре, где осенью 1799-го действовала суворовская армия, необходимо хотя бы в двух словах вспомнить о событиях, произошедших в течение предыдущих месяцев. Войска «второй коалиции» меньше, чем за год, сумели вернуть все, что молодой французский генерал Бонапарт завоевал для Республики в финале первой войны против союза монархов всей Европы. На этот раз англичане быстро разгромили в Средиземном море французский флот, отрезав тем самым от Европы Наполеона, поторопившегося переправиться в Африку со своими наиболее надежными полками.

Австрийцы также успешно начали боевые действия против республиканских армий, нанеся им в конце зимы — начале весны 1799 года чувствительные поражения в Германии при Острахе и Штокахе, а в Италии выиграли крупное сражение у Маньяно, заставив неприятеля отойти к западу от границ владений австрийского императора. Здесь необходимо еще заметить, что на сухопутном театре боевых действий вооруженные силы Вены в 1799 году составляли основу антиреволюционной коалиции, выставив только к началу кампании 255 000 солдат. Им противостояли около 181 000 французов и 56 000 ополченцев из республик-сателлитов в Голландии, Италии и Швейцарии.

В этот момент, опередив на несколько дней первые русские экспедиционные полки, посланные царем на помощь австрийцам, в главную квартиру Итальянской армии приехал фельдмаршал Суворов и принял командование над объединенными войсками коалиции, располагавшимися между швейцарскими Альпами и Адриатическим морем.

Российские части на юг Европы прибывали по ходу всего периода боев — в апреле корпус Розенберга (20 000 человек), в июне корпус Ребиндера (11 000), в августе корпус Римского-Корсакова (27 000) и в сентябре корпус Конде (7000) — постепенно наращивая и без того ошутимое численное превосходство над республиканцами⁸⁴. Но первые операции Александру Васильевичу пришлось начать, имея под руками преимущественно австрийские войска. Он сразу же приступил к активным наступательным действиям и за четыре месяца к концу лета завоевал большую часть северной Италии. Дочерние республики, насажденные там французами, были уничтожены, а на их месте возродились Папское государство и Неаполитанское королевство.

В августе русский полководец планировал ударить по Генуэзской Ривьере, однако к этому времени руководители антиреволюционной коалиции пересмотрели свои основные стратегические приоритеты, решив вторгнуться во Францию не с юга, а из Швейцарии. Но поскольку там находилась сильная армия республиканцев во главе с генералом Массеной, то сначала было необходимо разбить именно ее. Так родился замысел Швейцарской кампании, осуществление которого Петербург и Вена по взаимному согласию возложили на Суворова.

В результате в последних числах августа Александр Васильевич получил рескрипты императоров Павла I и Франца I, извещавшие его о новом плане войны, который предписывал фельдмаршалу оставить австрийские части обороняться в западной Италии, а с русскими полками идти на север к южным отрогам Альп, где включить в свою группировку только что прибывший

на театр боевых действий корпус Римского-Корсакова и австрийцев, занимавших в том районе горные позиции.

7 сентября (все даты приводятся по новому стилю) Суворов доложил об окончании приготовлений к выступлению. На следующий день во главе обоих русских корпусов, находившихся в тот момент в Италии, Александр Васильевич уже двигался в заданном направлении. Но далеко уйти не удалось. Узнавшие о его передислокации французы логично предположили, что в данном случае любая задержка может пойти во вред неприятелю и демонстративно оживились, обозначив попытку деблокады стоявшей неподалеку крепости Тортона, в которой еще держался республиканский гарнизон. Сил для боев на два фронта у австрийцев могло не хватить, поэтому Суворову пришлось вернуться обратно и дожидаться падения цитадели. Это произошло 11 сентября. В тот же день полководец выступил в направлении Швейцарии вторично и на этот раз окончательно.

15-го числа Суворов достиг предгорьев Альп. Здесь кончалась колесная дорога, что вынуждало сменить тележный обоз на вьючный, однако мулы прибыли с опозданием на пять дней. Подобные неувязки на войне случаются часто, требуя от военачальников вносить коррективы в замыслы, но Суворов решил рискнуть и оставил планы без изменений, просто сместив их во времени. Увы, но обе задержки, в конце концов, стали одной из причин последующей драмы.

Но это, естественно, выяснилось позже. А в начале осени, двигаясь на новое место, Александр Васильевич разработал такой проект операции по разгрому швейцарской армии Массены, который большинство мировых авторитетов в области теории военного искусства считали авантюрным, а отечественные исследователи, как правило, называют опередившим свое время.

Суть суворовского плана заключалась в попытке организации синхронного взаимодействия русско-ав-

стрийских частей, раскиданных на более чем 150-километровом фронте, протянувшемся с юга на север через все альпийские хребты вогнутой на восток дугой. Нижней ее точкой являлось местечко Таверно, где находился Суворов с 21 500 русских солдат⁸⁵. Выше, от перевала Сен-Готард до Цюрихского озера, располагались австрийские корпуса Штрауха (4000 штыков), Ауфенберга (2500), Линкена (4000), Елачича (5000) и Готце (10 500). Верхним концом дуги служил район города Цюрих, где базировалось 27 000 русских Римского-Корсакова (всего 74 500)⁸⁶.

Французы оборонялись по внешней стороне полукружья. Суворову, Штрауху и Ауфенбергу противостояли две бригады Лекурба (8700). Елачича и Линкена сдерживала бригада Молитора (2600). Готце имел противником дивизию Сульта (12 700), а Римский-Корсаков — главные силы Массены (37 000). (Всего 61 000)⁸⁷. Превосходство республиканцев в двух последних группировках нейтрализовывалось очень сильными позициями, которые русские и австрийцы занимали по берегам крупных горных рек Лиммат и Линт.

Суворов рассчитывал добиться успеха путем молниеносного концентрического наступления всех групп союзных войск, сходящихся в одном направлении. Главный удар наносил корпус самого Суворова, начавший атаки на два дня раньше других. Он должен был по кратчайшему направлению «срезать» выпуклость дуги, а затем «кувалдой» обрушиться на основные силы Массены и расплющить их о «наковальню», роль которой играли полки Римского-Корсакова. Австрийцы в этом сценарии выполняли роль «загонщиков».

Таким образом, действия замышлялись по принципу, который Мольтке-старший через несколько десятков лет отлил в короткую фразу: «Врозь идя, вместе драться». И, следовательно, разговоры российских историков об опередившем время суворовском плане вроде бы находят под собой почву, если, конечно, не вспоминать, что Мольтке жил уже в эпоху теле-

графной связи, ознаменовавшую собой настоящую революцию в управлении войсками. Ведь только с появлением телеграфа стало возможно эффективно руководить операциями на широком фронте — быстро узнавать об изменениях обстановки за сотни километров от командного пункта и вносить соответствующие коррективы, столь же оперативно доводя их до подчиненных.

Но в 1799 году приказы еще доставлялись исключительно при помощи курьеров, что в значительной мере лишало полководца возможности своевременно влиять на события в отдаленной местности. А именно такими районами по понятиям XVIII века были в отношении друг друга Таверно и Цюрих.

Другими словами, элементы авантюры или не вполне оправданного риска (как кому больше нравится) в суворовском плане неоспоримы. Почему фельдмаршал остановился на таком варианте, теперь уже конечно не скажет никто. Можно лишь предположить, что в данном случае полководца подвело то, что он на протяжении своей карьеры военного профессионала чаще всего воевал с турками. Как не вноси поправки на нового неприятеля, все-таки привычка — в данном случае привычка переоценивать себя и свою фортуна — великое дело. Без сомнения, имей Александр Васильевич противником неповоротливые, плохо обученные и полагавшиеся только на численность османские войска, «швейцарский план» удался бы полностью. Но французы были инициативны и дерзки не меньше, чем русский фельдмаршал.

Генерал Массена к тому же являлся одним из лучших французских военачальников (достаточно сказать, что спустя всего несколько лет этот человек войдет в когорту знаменитых наполеоновских маршалов). Он не стал, как баран на бойне, ожидать пока враг воплотит в жизнь свои замыслы, а немедленно повел собственную контригру, в результате которой скоординированного во времени и пространстве наступления у союзников не получилось. Австрийцев Готце и русских Рим-

ского-Корсакова опередили, разбив поодиночке. Суворова же задержали специально выделенные заградотряды, после чего французы получили возможность бросить на него главные силы. В итоге российский фельдмаршал оказался на полдороге окруженным количественно превосходящим неприятелем. То есть попал в ловушку, вырваться из которой ему удалось лишь чудом, не говоря уже про неоправданные потери.

Непосредственное развитие событий выглядело следующим образом. 21 сентября Суворов двинулся от Таверно на север к перевалу Сен-Готард. Присоединив к себе корпус Штрауха, он 24 числа атаковал укрепившийся там 5-тысячный отряд французов. Несмотря на подавляющее численное превосходство, штурм затянулся на целый день и получился очень кровавым. Только вечером, когда небольшая группа егерей под командованием Багратиона сумела вскарабкаться по скалам в тыл республиканцам, те отошли с перевала⁸⁸.

Оставив Штрауха в районе Сен-Готарда прикрывать тылы, русский фельдмаршал на следующий день соединился с корпусом Ауфенберга и направился в долину реки Рейсы, но был остановлен у первой же переправы через нее (Чертова моста) всего двумя или тремя сотнями неприятельских стрелков. Пришлось опять терять время и ждать пока багратионовские егеря осуществят новый обход и, угрожая окружением, заставят противника отступить. Однако французы все же успели частично разрушить мост и переправа более чем 20-тысячного войска затянута.

Упомянутые задержки не позволили выйти к Люцернскому озеру тогда, когда планировалось. Его берегов достигли только 26 сентября, то есть с более чем суточным опозданием. Но торопиться дальше уже было бессмысленно, так как Массена за это время успел внести в ход битвы коренной перелом.

Римский-Корсаков и Готце ничего не знали о том, что суворовские полки отстают от намеченного графика движения и готовились перейти в наступление согласно «Плану общей атаки» именно 26 числа, однако

республиканский военачальник опередил их, атаковав на рассвете сутками ранее. Французы форсировали считавшиеся почти неприступными реки Лиммат и Линт, а затем захватили на их крутых скалистых берегах все укрепления союзников. К концу дня австрийцы были разгромлены, их командующий убит, а принявший на себя руководство генерал Петраш сумел потом собрать остатки полков только в полусотне километрах восточнее — около южной оконечности Боденского озера.

Корпус Римского-Корсакова в этот же день был окружен в Цюрихе. Перегруппировавшись за ночь, 26 сентября, бросив весь обоз и артиллерию, он с огромными потерями (до половины личного состава)⁸⁹ прорвался-таки за Рейн и, почти полностью утратив боеспособность, откатился к северному краю того же Боденского озера. Только Елачич и Линкен смогли перейти в наступление, как этого требовал суворовский приказ, но, обнаружив, что их соседи справа (т. е. Готце и Римский-Корсаков) перестали существовать, тоже отошли назад.

Таким образом, за 25 и 26 сентября весь центр и северный фланг союзников оказались смятыми и уже не представляли никакой угрозы для республиканцев, а Массена получил возможность перенацелить большинство своих сил против суворовского корпуса. Однако русский фельдмаршал об этом еще не подозревал. К тому же у Люцернского озера на него обрушился груз еще одной ошибки. Оказалось, что карты не точны и указанная на них прежняя хорошая дорога на самом деле превращается в довольно посредственную тропу. Поэтому на следующий переход в Мутенскую долину, длиной всего 15 километров, пришлось потратить целых пять дней. Авангард во главе с полководцем достиг цели 27 сентября, а арьергард — только 1 октября. Данное обстоятельство увеличивало опоздание до колоссальных размеров и окончательно разрушало план операции даже в том случае, если бы Римскому-Корсакову и Готце удалось отбиться от французов.

В Мутене Суворов, наконец, узнал о поражении своих подчиненных, после чего обрел ясное представление о катастрофических изменениях в обстановке, произошедших за последние дни. Неутешительный финал всей кампании уже не вызывал сомнений, а лично для него и возглавляемых им солдат будущее выглядело практически безнадежно. Идти дальше вперед и вступать в бой с трехкратно превосходившими теперь их в численности основными силами Массены было равносильно гибели или плену, отступить назад поздно, а ждать помощи со стороны неоткуда.

Здесь надо отдать должное Александру Васильевичу — уяснив ситуацию, он среагировал мгновенно. Не дав противнику окончательно замкнуть кольцо, по труднопроходимым тропинкам Суворов совершил ряд неожиданных маневров и все-таки сумел пробиться из этого, как казалось большинству наблюдателей, смертельного капкана. Уже упоминавшийся выше Клаузевиц писал, что великие полководцы даже отступают, как львы, — рыча и огрызаясь во все стороны. Русский фельдмаршал-практик хорошо проиллюстрировал эту мысль военного теоретика, спасая не только собственную репутацию, но и честь всей царской армии. К 12 октября ведомые им полки вышли из альпийских ущелий в районе городка Фельдкирх, который находился на территории, контролируемой австрийцами.

Тем не менее, материальные результаты прорыва выглядели весьма плачевно. Обоз и артиллерию пришлось бросить на труднодоступных горных перевалах, и даже транспорт с ранеными полководец вынужден был оставить на милость победителей. Людские потери составили почти треть корпуса — около 7000 человек, что по меркам того времени считалось крупной убылью. Для сравнения достаточно вспомнить, что во всех своих многочисленных полевых сражениях с турками Суворов в сумме не потерял такого количества солдат.

Но отечественная историография в угоду мифу о непобедимости главного национального военного ге-

ния предпочитает обращать внимание преимущественно на сам факт прорыва и сопутствовавшие ему героические моменты. Тотальные масштабы эта тенденция приобрела в последние 50 лет советской власти, когда официальная пропаганда была повернута в русло урапатриотической идеологии. В результате поражение в Швейцарской кампании было «замаскировано», а сама она распалась на три части. Суворовский поход через Альпы, описываемый в эмоционально-восторженных тонах. Неудачное сражение Римского-Корсакова у Цюриха, изредка сухо упоминаемое как частная незначительная неудача. И действия австрийцев, подаваемые в качестве открытого предательства.

Но если взглянуть на исследуемые события через призму нормальной военно-исторической логики, то они неизбежно вновь сложатся в общую операцию, поскольку все войска союзников в Швейцарии подчинялись Суворову и действовали согласно задуманному именно им единому плану, который имел и единый итог.

При таком подходе мы получим, что за весь период боев в Альпах (со дня прибытия фельдмаршала 15 сентября — по 5 ноября, когда начался отход суворовских частей из предгорий на зимние квартиры) русско-австрийские войска потеряли свыше 26 000 человек⁹⁰. Французы в соответствующую графу занесли порядка 8000 солдат.

Суворов без всяких оговорок был выдающимся военачальником, однако Альпийский поход убедительно продемонстрировал, что непобедимых полководцев не бывает в принципе. Роковые ошибки когда-нибудь допускают даже самые талантливые люди. О некоторых промахах Александра Васильевича, совершенных осенью 1799 года, уже говорилось выше. К этому можно добавить, что фельдмаршал вообще мог бы отказаться и даже решительно воспротивиться изначально рискованной идее переброски российских войск в Швейцарию (подав, например, в отставку). Но его повышенное честолюбие и ревнивая нетерпимость к чужой полковод-

ческой славе слились в своеобразную идею-фикс любой ценой «унять Бонапарта», которая, видимо, в конце концов, оказалась сильнее интуиции и учета вполне конкретных предостерегающих факторов.

Даже мало-мальски спокойный расчет был против Альпийского похода. Сам Суворов не имел опыта войны в горах. Его знаменитая тактика рождалась и применялась исключительно на равнинах. Поэтому и не сработал один из главных ее принципов — бросок к цели по кратчайшему пути — среди скал и ущелий наиболее короткая дорога не всегда самая быстрая. Если же еще учесть, что русская армия не просто не имела специально обученных и экипированных горных частей, а вообще почти поголовно состояла из людей никогда прежде не видевших даже небольших сопков, то факт победы фельдмаршальских страстей над обыкновенным здравым смыслом со всеми вытекающими из этого последствиями становится очевидным.

ГЛАВА 5

КТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ВЫИГРАЛ БОРОДИНСКУЮ БИТВУ?

7 сентября (по старому стилю 26 августа) 1812 года неподалеку от города Можайска, примерно в 120 км от границы Москвы того времени, произошло генеральное сражение между главными силами русской армии — и «Великой армией» Наполеона, вторгнувшейся в Россию двумя месяцами ранее. В европейской историографии это сражение чаще всего именуют «битва под Москвой». У нас в стране оно получило название «Бородинского».

Спустя четверть века Лермонтов напишет свои знаменитые строки:

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?

Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина...

Эти строфы без всяких оговорок справедливы по сей день — очень трудно найти русского человека, ничего не слышавшего о Бородинском сражении. Однако то, что люди о чем-то помнят, еще не означает, что они об этом знают...

Логическая нестыковка

Дабы убедиться в весьма парадоксальном состоянии дел с национальной памятью об Отечественной войне 1812 года, не надо быть даже специалистом-историком. Достаточно просто взглянуть на ситуацию мало-мальски беспристрастно.

Начнем с того, что историческое значение любой битвы определяется вызванным ею общественно-политическими последствиями, а также цифрами, характеризующими масштаб столкновения. В истории регулярной армии российской империи нет более ответственных и драматичных периодов, чем войны против Карла XII и Наполеона Бонапарта. (Если не считать, конечно, трагедии Первой мировой.) Эти противники не только сумели перенести боевые действия в глубину российской территории, но и реально угрожали России военным поражением с далеко идущими политическими последствиями. В том и другом случае для победы нашей стране понадобилось перенапряжение всех сил государственной машины. Что отразилось в национальном сознании: крупнейшие битвы именно этих войн — Полтавская и Бородинская — стоят несравнимо выше прочих.

Однако здесь гладкая, логическая цепочка сравнений рассыпается, поскольку в глаза бросается разительное несоответствие последствий названных сражений:

в первом случае — коренной перелом в ходе боевых действий, во втором — отступление и сдача неприятелю «старой» столицы.

Естественно, возникают вопросы. Если с Полтавой все ясно и разгром Карла XII Петром Великим в этой битве, так же, как и ее решающее воздействие на ход всей Северной войны не оспаривается даже шведами, то в отношении Бородинской битвы ситуация выглядит не столь бесспорной. Французы, например, считают, что в «битве под Москвой» успех сопутствовал именно им. Для выяснения истинной картины требуется подробный анализ всех нюансов.

Беспристрастное рассмотрение вообще-то предполагает исследование материалов обеих сторон. Но в России подобный подход традиционно чреват официальным подозрением в излишней доверчивости к «лукавым европейцам». Что ж, уделим основное внимание отечественным изданиям.

От эмоций к статистике

Бородинскому сражению, как у нас в стране, так и за рубежом, посвящено огромное количество публикаций, и число их по сей день продолжает увеличиваться. Большинство описаний и мемуаров бывших противников, конечно же, субъективны и излишне эмоциональны. Как правило, они сообщают, что неприятель на поле боя имел численный перевес, но понес более крупные потери и утверждают, что победа осенила «наши» знамена, а не вражеские. Впрочем, иногда встречаются и беспристрастные суждения. Так, по словам генерала А. П. Ермолова, «Неприятель одержал победу, не соответствующую его ожиданиям»⁹¹. Как бы то ни было, все без исключения мемуаристы отмечают удивительное упорство битвы и считают столкнувшихся в ней противников достойными друг друга.

Французы, однако, гораздо быстрее справились с эмоциями и определились с численными показателя-

ми состава и убыли наполеоновских войск. В 1838 году в Париже была опубликована книга участника русско-го похода маркиза Жоржа де Шамбрэ «История экспедиции в Россию», во втором томе которой автор поместил подробную роспись «Великой армии» перед Бородинским сражением, составленную по документам военных лет — 133 819 человек⁹². А в 1842-м, опять же в Париже, был напечатан труд барона Пьера-Поля Денье — инспектора Главного штаба Наполеона, который затем служил в архиве Военного министерства Франции. Собрав сведения о потерях всех частей, он подсчитал, что при Бородине Наполеон потерял 28 086 человек (6567 убитыми и 21 519 ранеными)⁹³. Специалисты из других стран Европы оценивают эти данные, как наиболее близкие к истине и по сей день используют в своих работах.

Общеввропейский взгляд на результаты битвы в целом устоялся в XIX веке и с тех пор не менялся. Вот, например, мнение французского историка Мишле, которое выглядит типичным: «Наполеон выказал себя под Москвой колеблющимся, нерешительным. Победа его была не полная, он очень мало воспользовался ею, не преследовал сильно ослабленных русских, которые ушли и потом подкрепили свои войска и привели их в боевой порядок»⁹⁴.

В России осмысление итогов битвы шло сложнее и тернистей. Данные по составу армии на день боя уточняются до сих пор, неуклонно возрастая, а официальная цифра потерь периодически колеблется, то повышаясь, то понижаясь (от 38 до 58 тысяч). Но самые любопытные метаморфозы в трудах российских авторов происходили с численностью убитых и раненых французов (от 29 до 60 тысяч).

Вообще-то в цивилизованных странах историками давно уже принято за правило: при определении величины армии неприятеля и его потерь пользоваться архивными данными противника, опубликованными после окончания боевых действий⁹⁵. Дело в том, что собственные донесения военной поры о численности

поверженных «супостатов», как правило, грешат преувеличениями. В пылу боя оценки делаются «на глазок», не говоря уже о том, что человеческая природа склонна к возвеличиванию собственных достижений. Однако и в данном вопросе отечественные специалисты пошли «собственным путем». В 1813 году были опубликованы — с туманной ссылкой на документы, «составленные неприятелем», — подготовленные Ф. В. Ростопчиным (служившим в 1812 году губернатором Москвы) данные о численности и потерях французов при Бородине: 180 500 и 52 482 человек соответственно⁹⁶. Именно этими цифрами все последующие десятилетия предпочитало пользоваться подавляющее большинство российских авторов.

Русская «правда»

Особенно сильно удары в победные литавры приветствовались (и поддерживались государственной пропагандой) в царствование Николая I. Лишь после его смерти и поражения России в Крымской войне, когда с восшествием на престол Александра II начался период гласности, реформ и переоценки национальных ценностей, в российской историографии, постепенно отпускаемой в свободное от государева контроля плавание, стали появляться работы, в которых присутствовали попытки критического анализа Бородинской статистики.

К числу таких публикаций можно отнести материал П. И. Бартенева из журнала «Русский архив» № 11–12 за 1864 год, из которого становится понятно, что данные Ростопчина составлены на основе сведений, полученных от перебежчика из «Великой армии». Тот по памяти — с точностью до одного человека (!!!) — указал численность и потери каждого полка, участвовавшего в «Русском походе», в каждом из сражений, предшествовавших занятию Москвы! Так как полков у Наполеона было несколько сотен, то ясно, что ценность

подобного «источника» равна нулю. Кроме того, при первом же сравнении даже с русскими донесениями сразу же видно, что это фальсификация, поскольку перебежчик (если он, конечно, не выдуман Ростопчиным для обоснования фиктивных цифр) в числе дравшихся при Бородине, называет корпус генерала Ренье, будто бы потерявший там 5095 человек, чего на самом деле не могло быть: в день Бородинской битвы это соединение действовало на Волыни⁹⁷. Аналогичная ситуация и с корпусом Макдональда, находившимся в районе Риги⁹⁸. Перечисление всех несуразностей «документов» Ростопчина можно продолжать долго, однако до самого конца XIX века многие русские историки не могли отказаться от соблазна обращения к этой «оптимистической» цифри. Ее можно встретить даже в изданиях, опубликованных перед самой революцией. В таких, например, в общем-то, солидных работах, как вышедшая в 1911 году многотомная «История русской армии и флота» Н. П. Михневича или же «Подлинные документы о Бородинском сражении», опубликованные В. А. Афанасьевым в 1912-м.

Вместе с тем к началу XX столетия в российской науке параллельно с «ура-патриотическим» сформировалось и иное течение, представители которого были свободны от традиционных национальных комплексов и табу по отношению к прошлому собственной страны. Они отвергали двойной подход (к бывшему неприятелю «со всей строгостью», а к своим войскам «с пониманием объективных трудностей»), предпочитая называть вещи своими именами. И оценивали события по жесткой шкале не только реально совершенного, но и с точки зрения имевшихся, однако не реализованных перспектив. Одним из лидеров этого нового направления в историографии являлся М. П. Покровский. Он, в частности, писал: «...результаты Бородинского боя были несравненно ниже того, на что позволяли надеяться имевшиеся в распоряжении Кутузова данные. Он достиг только того, что не был разбит наголову — при всех не весьма добросовестных усилиях

его рапорта изобразить дело, как полупобеду, его нельзя было назвать даже нерешительным. К вечеру все наши позиции были в руках французов: неприятель имел двадцатитысячный совершенно нетронутый резерв, тогда как из русских армий 2-я не существовала вовсе, а 1-я была почти совершенно расстроена, потеряв до 40 %, если не более. Вообще наши потери поражали своей непропорциональностью сравнительно с французскими... Причиной было крайне бестолковое расположение русских войск, теснившихся, без всякой нужды на небольшом пространстве, так что неприятельские ядра могли бить все четыре линии наших корпусов вплоть до резервов»⁹⁹.

Большевистский излом

Чем бы закончилось такое совместное развитие двух разных направлений российской историографии, помешал узнать большевистский переворот. Возникшая в его результате держава рабочих и крестьян сразу же объявила, что у пролетариев нет отечества, и что вообще все царские войны были бездарными и никому не нужными авантюрами. Поскольку несогласным с данными тезисами грозило «приглашение» в ЧК, то «патриотическое» направление очень быстро, так сказать, самоликвидировалось. Но, истины ради все же необходимо уточнить, что от компании с бывшими оппонентами Покровского в подвалах «чрезвычайки» оказались не застрахованы и его единомышленники. Историческая наука в России вновь превратилась в «дело государственное». Но управлялась она теперь уже не патриархально-либеральными царскими указами, а убийными партийными директивами. И тот, кто не успевал уследить за их причудливым курсом, уходил в историческое небытие. Образ Бородинского сражения, на всей, почти 74-летней дистанции этого идеологического слалома, постоянно менялся до полной неузнаваемости. Вкратце его можно проследить по попыт-

кам издания «Советской военной энциклопедии» (СВЭ), периодически предпринимавшимся, чтобы привести науку в соответствие с очередным изменением «генеральной линии партии».

Первую энциклопедию начали готовить с конца 20-х. В эти годы еще сохранялись отголоски НЭПа, породившего иллюзию относительной интеллектуальной свободы. Поэтому люди, работавшие над СВЭ (а все они были крепкими военными профессионалами еще царской школы) попытались создать действительно качественный материал, своеобразную квинтэссенцию передовых русских дореволюционных и западно-европейских взглядов, лишь слегка сдобренную ритуальными большевистскими заклинаниями. Труду этому не суждено было выйти в свет в полном объеме. Успели напечатать лишь два тома, содержащие информацию на буквы «А» и «Б», после чего СВЭ первого издания попала в опалу, а авторы его вскоре почти поголовно превратились в «лагерную пыль». Силы сторон в Бородинском бою там указаны следующие: 130 тысяч у Наполеона и 120 тысяч у Кутузова, потери 28 тысяч и 44 тысячи соответственно. В качестве вывода использована цитата из книги известного немецкого военного теоретика Клаузевица (к слову, дравшегося при Бородине и награжденного за службу в русской армии в 1812–1814 годах русскими орденами и шпагой): «Сражение было решено в четыре часа дня, но русские удерживались еще на большей части поля сражения и пока не намерены были его очистить. Они в случае возобновления атак оказали бы еще упорное сопротивление, которое, правда, окончилось бы полным их поражением, но и Бонапарту обошлось бы оно очень дорого»¹⁰⁰.

Вскоре выяснилась и причина внезапной опалы СВЭ. В середине 30-х годов Сталин пришел к выводу, что стране советов необходима националистическая прививка¹⁰¹. Направленность пропагандистской машины СССР начала меняться. Этот рубеж можно определить по поведению деятелей культуры. Перестают сни-

маться кинофильмы, где царские офицеры выглядят исключительно садистами и дебилами¹⁰². На смену им приходят идеализированные Петр I, Суворов, Кутузов, Ушаков, Александр Невский. Новиков-Прибой, что называется «в темпе вальса» перерабатывает свою «Цусиму», вводя туда примеры героизма русских моряков. А Сергеев-Ценский принимается с государственно-патриотических позиций описывать «мировую империалистическую» войну. Перестраиваются и историки, начиная отыскивать в прошлом положительные примеры, типа легендарных артиллеристов Ивана Грозного, якобы повесившихся на стволах собственных орудий, чтобы не попасть в плен. Соответственно на 180 градусов изменились и каноны, по которым полагалось подавать Бородинский бой. Понятливые ученые тут же реанимировали забытую было фальсификацию Ростопчина о французских потерях. Именно эту цифру уже используют в работах, вышедших незадолго до войны, такие известные авторы, как Е. В. Тарле и М. С. Свечников¹⁰³.

От Жилина до Горбачева

Оставшиеся в живых немногие «старорежимные» специалисты к концу 30-х годов уже оказались полностью «перевоспитаны». А большинство историков из молодого рабфаковского поколения было заботливо ограждено от «тлетворного буржуазного влияния» с самого начала своей самостоятельной творческой деятельности. Поэтому отечественная наука о прошлом дисциплинированно и дружно пошла в указанном партией направлении. Работы зачастую принимали такой вид, что под ними постеснялся бы поставить подпись самый ярый дореволюционный националист. Особенно это характерно для военных и послевоенных лет. Бородинские цифры в этот период стремительно меняются — русские потери снижаются, а французские растут. Так, некто Б. Л. Кац, не удовлетворенный рос-

топчинскими выдумками, увеличивает его данные о потерях французов до 58 478 человек, обосновывая это более тщательным анализом ранее напечатанных документов¹⁰⁴. Как Б. Л. Кац их «анализировал», непонятно, поскольку больше, чем получил Ростопчин, «выжать» оттуда уже нельзя. Из-за откровенной несерьезности работы на данном авторе можно бы, наверное, вообще не останавливаться (подобная незатейливая пропаганда «для поднятия боевого духа» во время войны изготавливалась в огромном количестве), если бы не коррективы, которые она внесла в советскую науку. Мифические цифры Каца подхватили многие историки и, не перепроверяя, а, просто ссылаясь на его статью, стали использовать, зачастую округляя до 60 тысяч¹⁰⁵.

К середине Великой Отечественной войны Бородино и князь Кутузов уже превратились в «священных коммунистических коров», став в один ряд с другими идеологическими подпорками советского режима. Они теперь были обязательны к упоминанию в любой более-менее серьезной исторической работе, поскольку вошли в номенклатуру Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Поэтому, например, им отводится значительное место даже в такой совершенно иной, казалось бы, по тематике книге, как «Русское военно-морское искусство», выпущенной в качестве учебного пособия для флотских офицеров и историков в 1951 году¹⁰⁶.

Со смертью Сталина ситуация изменилась мало. Возвращенные им кадры по-другому работать просто не умели. Да и не хотели. Если бы какой-нибудь участник Бородинского сражения чудесным образом смог бы попасть на празднование 150-летия этого события, то наверняка не сразу бы понял, о какой битве рассуждают вокруг него ученые мужи. Даже в учебнике истории для четвертого класса общеобразовательной школы конца 60-х годов бородинские потери значатся как 38,5 тысяч к «более 58» тысячам¹⁰⁷. В пользу русских, разумеется. Особенно заметный вклад в мифологиза-

цию 1812 года на протяжении послесталинского тридцатилетия внесли такие специалисты, как Л. Г. Бескровный и П. А. Жилин.

Вместе с тем эволюция свирепого советского режима от сталинских казней и лагерей — в направлении застойного брежневского болота открыла возможность некоторых контактов с зарубежной наукой. Ученых перестали отстреливать. За идеологические провинности угрожало только лишение права печататься. Это создало предпосылки для появления осторожных альтернативных мнений и критики слишком бесхитростного вранья. Бородинские цифры вновь потихоньку начали меняться, но уже в другую сторону. Это видно даже по статье упомянутого Жилина, которую он подготовил для «Советской военной энциклопедии», вторая попытка изданий которой — но в совершенно новом варианте — наконец увенчалась успехом. Все восемь томов вышли в 1976–1980 годах. Численность русских войск по ней: 120 тысяч (потери 44 тысячи), французских: 135 тысяч (50 тысяч). Вывод гласит: «Русские войска, нанеся в этом сражении крупное поражение армии Наполеона, были способны перейти в контрнаступление»¹⁰⁸.

Если нельзя, но очень хочется...

К 80-м годам в творческую жизнь начало вступать поколение специалистов, выросшее и сформировавшееся уже после смерти Сталина. В результате взгляды на Бородино вновь, как это было и перед революцией, разделились. С началом горбачевской либерализации вспыхнули острые споры, продолжающиеся до сих пор. Особенно непримиримы они между двумя направлениями. Одно из них идет в русле «школы Жилина». Среди его представителей можно назвать И. И. Ростунова, О. В. Орлик, В. Г. Сироткина. Другое представляют те, кто пытается осмыслить исторический материал патриотически индифферентно, то есть, беспри-

страстно. К числу таких авторов можно отнести Н. А. Троицкого, А. А. Васильева, В. М. Безотосного. При этом бросается в глаза, что последователи Жилина по-прежнему предпочитают использовать статистику, появившуюся в сталинскую эпоху. Их оппоненты, напротив, отдают предпочтение цифрам, которыми пользуется мировая историография.

Кстати, в связи с перестройкой возникла потребность в новом варианте «Советской военной энциклопедии». Третья попытка ее издания, как и первая, осталась незавершенной. До 1991 года успел выйти всего один том, но статья про Бородино в нем присутствует. Автор все тот же: Жилин. Правда, вместе с линией партии кардинально изменилась и его точка зрения. Теперь численность русской армии — 155—157 тысяч (потери 44 тысячи), французской — 134 тысячи (30 тысяч). Вывод: «Наполеон добился некоторого успеха»¹⁰⁹.

Из всего вышеизложенного напрашивается резюме, что далеко не все отечественные издания, где затрагивается бородинская тема, предоставляют доброкачественную информацию. Доверять можно лишь тем, которые печатались в годы, когда существовала возможность столкновения мнений, дабы ознакомиться с аргументами и критикой различных взглядов на это событие.

Теперь попробуем подвести итог, основываясь на фактах и цифрах, которые подтверждаются архивными изысканиями и не опровергаются анализом материалов, введенных в научный оборот.

Русская армия имела под своими знаменами 116 тысяч регулярного войска, 11 тысяч казаков, 28—30 тысяч ополченцев (всего 155—157 тысяч), 624 (или 640) орудия и занимала довольно выгодную позицию, еще более усиленную оборонительными сооружениями (Шевардинский редут, Курганная батарея, Семеновские флеши и т. д.). Наполеон располагал 134 тысячами человек и 589 орудиями. Качество вооружения противников было примерно одинаковым. Русская артиллерия выглядела даже несколько солидней — больше ору-

дий крупного калибра. Подготовка солдат и офицеров находилась на сопоставимом уровне. Пожалуй, ни до, ни после за всю свою историю армия нашей страны по профессиональным признакам не котирировалась так высоко, как в конце XVIII — начале XIX веков. Уровень генералитета в целом тоже выглядел сопоставимым.

Но драться русской армии пришлось с одним из гениев войны (каких за всю историю мира — единицы!) и плеядой его талантливейших маршалов. Здесь у французов было несомненное преимущество. Кутузов это явно понимал и потому не рискнул начать наступательный бой, полностью отдав инициативу противнику.

Тактическое превосходство французской армии наглядно проявилось на поле боя: в решающих пунктах в нужный момент она всегда имела преимущество по людям и орудиям. К тому же половина русской артиллерии вообще не приняла участие в сражении, бесцельно простояв целый день: Кутузов о ней попросту забыл!..

Несколько раз положение спасало только мужество и самопожертвование полков, практически полностью истребленных неприятелем. Резервы постоянно запаздывали. В результате русская армия оказалась выбитой из всех укреплений и отошла примерно на полтора километра, оставив поле боя противнику. Потери у русских: 9904 (у французов 6569) убитых, 10 751 (1176) пропавших без вести, 20 663 (21 517) раненых¹¹⁰. Наполеон сохранил нетронутой гвардию и одну армейскую дивизию (всего 25 тысяч человек), в то время как у русских свежих частей не осталось. На следующий день русские войска оказались не в состоянии продолжить битву. Тактическое военное поражение, таким образом, налицо. Но и разговоры о моральной победе также сомнительны. Огромные потери, последующее отступление и оставление Москвы, а также тот факт, что при этом всех раненых пришлось бросить на милость неприятеля¹¹¹, не могли способствовать появлению у русской армии чувства превосходства над врагом.

Остается ответить на вопрос: почему же в последующем Бородино заняло место в пантеоне славы наряду с Полтавой? Видимо, это своеобразная аберрация общественного сознания. Русское общество, избалованное в XVIII веке победами своей армии, не хотело смириться с тем фактом, что кампания 1812 года была выиграна главным образом в результате войны «на измор» и энергичных партизанских действий, а не путем разгрома Бонапарта в открытых полевых сражениях. Такая победа, по сравнению с прежними достижениями, казалась недостаточно эффективной, и национальная гордость оставалась не удовлетворенной. К тому же вторжение Наполеона вызвало огромный всплеск патриотических чувств и желание наказать агрессора «по всем правилам военного искусства» того времени. Что ж, если очень хочется — то можно. Так уж устроен человек.

ГЛАВА 6

ЗАКРЫТЫЕ КИНГСТОНЫ «СТЕРЕГУЩЕГО»

В Петербурге, на Каменноостровском проспекте, в скверике, что отделяет станцию метро «Горьковская» от Петропавловской крепости, стоит памятник. Его облик прекрасно известен далеко за пределами города на Неве. Уже почти целое столетие этот монумент является для России одним из самых знаменитых символов ее милитаристско-имперской героики. Любой экскурсовод обязательно напомнит вам, что «памятник не только украшает один из лучших проспектов бывшей столицы, но и олицетворяет собой неувядаемую славу и доблесть русского военно-морского флота». А также непременно расскажет, что установлен он в честь беспримерного подвига матросов миноносца «Стерегущий», прославившегося во время русско-японской войны 1904—1905 годов.

Памятник действительно красив и романтически трагичен. Разбитый снарядами корабельный борт в виде аллегорического креста, увенчанного надписью «Стерегуший», и рядом с ним фигуры двух моряков, открывающих кингстоны, чтобы затопить свой корабль и тем самым не допустить его захвата врагами. Однако монумент этот интересен не только по причине своих бесспорных художественных достоинств и той высокой морали, которую он призван утверждать. История его рождения и существования столь двусмысленна и терниста, что экскурсоводы предпочитают не упоминать о ней вовсе. А зря.

За веру, царя и отечество

Началось все с того, что утром 27 февраля 1904 года в предрассветной мгле русские миноносцы «Решительный» и «Стерегуший» возвращались из разведывательного ночного поиска. Недалеко от Порт-Артура они наткнулись на четыре японских боевых корабля аналогичного класса. Попытка уклониться от сражения с численно превосходящим противником не увенчалась успехом. Неприятель умело навязал выгодный для него бой.

Поскольку дело происходило совсем рядом с главной базой русского Тихоокеанского флота, то «Решительному» и «Стерегущему» могли помочь береговые батареи Порт-Артура. Но они, сделав всего три выстрела, почему-то неожиданно замолчали¹¹². Обычные российские разгильдяйство и легкомысленность в скором времени обернулись совершенно необязательной и оттого еще более страшной трагедией. Впрочем, подобное «взаимодействие», а точнее, взаимобездействие не было какой-то случайностью. Им, словно красной нитью, пронизана вся деятельность российских вооруженных сил в 1904—1905 годах. Это очень убедительно иллюстрируется как ходом отдельных боевых операций, так и общими итогами «японской» войны.

Миноносцам, лишившимся артиллерийской поддержки с берега, не оставалось ничего другого, кроме как предпринять попытку собственными силами прорваться в Порт-Артур. Развив максимальную скорость, они, сквозь плотный неприятельский огонь, устремились к столь близкой, но такой труднодостижимой в тот момент порт-артурской базе. «Решительному» удалось без больших разрушений проскочить под свинцовым ливнем, оторваться от противника и достичь желанной цели. «Стерегущему», которым командовал лейтенант А. С. Сергеев, не повезло. В него один за другим попали несколько снарядов. Они серьезно повредили машину и другие жизненно важные механизмы. После чего миноносец потерял ход и вынужден был один противостоять четырем японским кораблям.

Неравный бой длился более получаса. После того, как на «Стерегущем» вышла из строя вся артиллерия, погибли командир корабля и почти весь экипаж (из 53 человек, находившихся в тот день на борту, было убито 49)¹¹³, миноносец перестал сопротивляться. Так как им все еще никто не мешал, японцы решили попытаться взять корабль на буксир и утащить к себе.

Возможность осуществления такой задачи у самого порога «спальни» русского флота кажется просто невероятной. Тем не менее, она чуть было не завершилась успехом. Высадившиеся на разбитый миноносец неприятельские матросы пленили оставшихся в живых четверых русских моряков, подняли над трофеем флаг Страны восходящего солнца, завели трос, и «Стерегущий» начал удаляться от своей, теперь уже бывшей, базы.

Только после этого русские береговые батареи вновь ожили и открыли огонь по неприятельским судам и их призу¹¹⁴. А из Порт-Артура наконец-то вышли русские крейсера и, взяв курс на недавнее место боя, также начали артобстрел противника¹¹⁵. Буксировка тяжело поврежденного миноносца при активном вражеском противодействии — дело безнадежное. Поэтому японцы бросили пленника и поспешили уйти в открытое море. Оставленный беспризорным, «Стерегущий», продер-

жавшись на воде еще какое-то время, вскоре затонул. Что, в общем-то, неудивительно — за живучесть корабля бороться было некому, а в многочисленные пробоины беспрепятственно поступала вода.

Достойный враг

Это была одна из последних войн на нашей планете, в которой еще помнили о рыцарских традициях и отдавали противнику должное, если он того заслуживал, а пленных не загоняли вместе с каторжниками в каменоломни. Поэтому, когда оставшихся в живых русских моряков со «Стерегущего» доставили в Сасебо, то они вскоре получили письмо морского министра Японии адмирала Ямамото, в котором, в частности, присутствовали такие слова: «Вы, господа, сражались храбро за свое отечество и защищали его прекрасно. Вы исполнили свой тяжелый долг как моряки. Я искренне хвалю Вас. Вы — молодцы!»¹¹⁶.

Жена командира «Стерегущего» через месяц после гибели мужа (то есть, еще во время войны) направила в морское министерство Японии письмо с просьбой сообщить, что известно в Токио о судьбе ее супруга. В ответе адмирала Ямамото было написано: «Изывляю глубокую симпатию всему экипажу русского миноносца „Стерегущий“, который выказал храбрость и решительность в бою против нашего более сильного отряда». Потом сообщалась интересовавшая вдову информация, полученная путем опроса всех четырех пленных. В завершение ответа выражались «самые глубокие соболезнования» в связи с потерей «славного супруга, погибшего за Отечество»¹¹⁷.

Здесь также нельзя не вспомнить, что мужеству экипажа «Стерегущего», сражавшегося до последней возможности, японцы отдали дань не только на словах. В честь своего доблестного противника они после окончания войны установили стелу из черного гранита с надписью: «Тем, кто больше жизни чтит Родину»¹¹⁸.

В России о гибели «Стережущего» первой — со ссылкой на иностранную прессу — рассказала умеренно-консервативная газета «Новое время» в номере от 12 марта 1904 года. Естественно, без анализа истинных причин трагедии. Заканчивался материал душещипательной фантазией, живописующей, как во время буксировки пленного русского миноносца японцами два матроса якобы заперлись в трюме и, не обращая внимания на уговоры сдаться, открыли кингстоны, затопив корабль ценою собственной жизни: «...не сдались врагу, но вырвали у него добычу... наполнили родной миноносец водой и погребли себя вместе с ним в морских пучинах...».

Все это происходило, напомним, всего полтора месяца спустя после начала далекой колониальной войны. Патриотический подъем, охвативший российскую общественность по этому случаю, еще не успел опасть. Публикация «Нового времени» вызвала большой резонанс. Ее мгновенно заметили и подхватили другие издания. Причем, большинство авторов также не особенно сдерживали свое воображение. Февральская трагедия у Порт-Артура стала приобретать все более размытые сказочно-былинные очертания. Столь популярный сюжет, разумеется, не обошли вниманием и представители других изящных профессий: поэты сочиняли стихи, художники писали картины, скульпторы ваяли модели композиций.

Закономерным итогом этого творческого бума, на время прерванного революционными событиями 1905—1907 годов, явилось решение об установке памятника «двум неизвестным морякам-героям», проект которого был подготовлен скульптором К. В. Изенбергом. В августе 1908 года его работа была высочайше одобрена, и 22 июня 1909 года с автором заключили контракт на изготовление монумента¹¹⁹.

Однако вскоре в Морском генеральном штабе спохватились, что историческая подоплека того события, которое собирались увековечивать, не имеет ни одного документа, подтверждающего «подвиг двух неизвестных». Первое сообщение с подробностями о бое «Стерегущего», оказалось, было составлено иностранными журналистами (гражданами нейтральных стран) со слов оставшихся в живых и находившихся в то время в плену членов экипажа миноносца, имена которых были известны. При этом моряки утверждали, что открыли кингстоны в машинном отделении еще до прибытия японцев на корабль¹²⁰.

Морской генеральный штаб, внимательно исследовав все документы, в том числе и донесения бывшего противника, предоставленные морским министерством в Токио после соответствующего запроса, никаких упоминаний о «двух неизвестных» не обнаружил¹²¹. Вновь взятые показания у вернувшихся из плена матросов «Стерегущего» только запутывали ситуацию. Лишь один из них честно написал: «Как утонул миноносец, не знаю, не ведаю»¹²². Другие же на этот раз описывали все несколько по-иному.

Согласно новой версии, кингстоны были открыты оставшимися в живых русскими матросами в машинном отделении уже во время буксировки. После чего они якобы успели еще уничтожить сигнальные книги. Заканчивались рассказы различными вариантами спасения — на шлюпке или просто прыжком за борт, с дальнейшей потерей памяти¹²³. Всерьез принимать эти наивные и противоречивые рассказы, конечно же, было нельзя.

«Два неизвестных матроса» тоже не внушали особого доверия. Не удалось точно выяснить даже, кто первым о них упомянул, не говоря уж о каких-либо свидетелях или документах. Сомнения специалистов нашли отражение в бумагах исторической части Морского генерального штаба, где можно прочитать, что

«палубные горловины, которые задраили за собой два неизвестных матроса, могли быть открыты и с верхней палубы, и сомнительно, чтобы японцы, прибывшие на миноносец и пробывшие на нем около сорока минут во время его буксировки, успевшие выбросить с него горючие материалы, не открыли бы при этом с палубы этих горловин и не обнаружили бы двух людей, если таковые были бы в затопленном до половины машинном отделении»¹²⁴.

Истина, впрочем, была окончательно установлена очень простым способом. После подробного ознакомления с чертежами «Стерегающего» выяснилось, что на миноносцах этого типа кингстонов затопления в машинном отделении просто не было¹²⁵.

Логично посчитав, что выдумка не должна быть увековечена в памятнике, Морской генеральный штаб 2 апреля 1910 года направил доклад императору, где ставил вопрос: «Надлежит ли считать предполагавшийся к открытию памятник сооруженным в память героического самопожертвования двух оставшихся неизвестными нижних чинов команды миноносца „Стерегающий“, или же открыть этот монумент просто в память героической гибели в бою миноносца „Стерегающий?“».

Царский ответ на этот запрос был недвусмысленным: «Считать, что памятник сооружен в память героической гибели в бою миноносца „Стерегающий“»¹²⁶.

26 апреля 1911 года монумент был торжественно открыт на том же самом месте, где его можно увидеть и сегодня.

У советских собственная гордость

После октябрьского переворота все дореволюционные войны новая власть объявила преступными бойнями, на которые народ гнали силой. Случай со «Стерегающим» в такие каноны не укладывался и поэтому был предан забвению на целых два десятилетия, пока на смену постреволюционным коминтер-

новским грезам не пришел державный культ национал-большевизма, в котором ложь и демагогия были возведены в абсолют. В этот период (получивший в среде историков название «Россия родина слонов») из небытия воскрес и «Стерегищий» — разумеется, в версии с открытыми кингстонами и двумя неизвестными героями-камикадзе.

Между тем самому памятнику после 1917 года нанесен был невосполнимый ущерб. С него кто-то отодрал два якоря, цепи, крепившиеся на фонарях-маяках, и бронзовые венки¹²⁷. Реставрация же, проведенная в 1954 году В. К. Изенбергом (сыном автора монумента), извратила первоначальный замысел отца, изменив внешний вид памятника в соответствии с возрожденной и искусственно насаждаемой легендой. По новому проекту на обратную сторону креста водрузили табличку с текстом, который увековечил мифическую версию гибели миноносца¹²⁸.

В не меньшей мере заслуга фальсификации трагедии и превращения ее в лубочный комикс принадлежит также А. С. Сергееву — двоюродному брату погибшего командира «Стерегищего». В 40–50-х годах этот родственник героя написал книгу, которая так и называется — «Стерегищий». Реальная история гибели российского корабля в ней искажена до такой степени, что иногда даже кажется кошунством — слегка замаскированной насмешкой, — во всяком случае, для тех, кто хоть немного представляет, каким мог быть морской бой в те годы.

Экипаж русского миноносца, согласно содержанию этой ура-патриотической фантазии, сначала топит один из напавших на него японских кораблей, а затем вступает в рукопашную схватку с командами четырех других, пытающимися взять русский корабль на бордаж. Неразумных японцев при этом косят десятками. Но они все лезут и лезут. И благодаря огромному численному превосходству, в конце концов, одолевают. После чего берут в плен находившихся в бессознательном состоянии четырех раненых матросов. Однако

последние оставшиеся в живых моряки, забаррикадировавшись внизу, открывают пресловутые кингстоны...

Книга была издана в 1957 году издательством «Молодая гвардия»¹²⁹. Редакционное послесловие заверяет читателей, что «...сделаны уточнения там, где содержались исторические неточности. При подготовке книги к изданию в фондах Государственного Центрального архива Военно-Морского Флота были внимательно изучены подлинные записи и письма, оставшихся в живых членов экипажа миноносца „Стерегущий“. Это позволило выяснить имена героев, которые открыли клинкеты и кингстоны и затопили русский эсминец, когда противник предпринял попытку взять израненный корабль как военный трофей».

Новейшая мифология

С тех пор миф благополучно дожил до наших дней и даже пустил глубокие корни в народной памяти. Книга, написанная кузеном-сказочником, уже в постсоветские времена переиздана московским издательством «Слог» громадным по нынешним временам 50-тысячным тиражом без каких бы то ни было пояснений о фантастичности произведения¹³⁰. Тираж разошелся моментально.

Излишнее доверие массового читателя к литературному вранью вполне объяснимо, ибо официальная историография по сей день продолжает старательно культивировать «героико-патриотическую воспитательную» легенду. Чтобы убедиться в этом, достаточно полистать «Морской сборник» или еще какие-нибудь другие издания, выпускаемые на деньги налогоплательщиков российским Министерством обороны¹³¹.

Признаюсь, я не в силах постичь логику, — не говоря уж о чести и совести, — людей, занимающихся «исправлением и украшением» истории. Неужели они считают, что экипаж «Стерегущего», почти полностью погибший в неравном бою с вчетверо превосходящим противни-

ком, не совершил настоящий подвиг? Неужели неясно, что убогие пронагандистские сказочки просто-напросто унижают память о теперь уже далекой трагедии?

ГЛАВА 7

ДЕНЬ, КОГДА РОССИЯ ПОЖАЛЕЛА, ЧТО У НЕЕ БЫЛ ФЛОТ

До 27 мая (14-го по старому стилю) 1905 года японское слово «Цусима», кроме жителей дальневосточного региона, почти никто никогда не слышал. Но в тот весенний день оно со скоростью молнии облетело весь мир, став синонимом национального позора России. Напомню: в те незабываемые сутки русский флот в ходе давно ожидавшегося генерального сражения был практически полностью уничтожен японцами. Жалкие остатки еще недавно огромной армады спешно пытались найти спасение в нейтральных портах — или покорно спускали Андреевские флаги, сдаваясь на милость победителей.

Русские моряки даже не смогли нанести противнику сколько-нибудь значительного урона. И это притом, что японский флот к числу сильнейших на тот момент никак не принадлежал. Страна восходящего солнца лишь недавно начала приобщаться к достижениям западной цивилизации. Всего за полвека до Цусимы японская армия имела на вооружении преимущественно луки и копья. Специалисты разных стран до сих пор спорят о причинах столь ужасного фиаско русской эскадры. По количеству посвященной ему литературы бой в Цусимском проливе ныне занимает одно из первых мест в мире. Что, однако, до сих пор не помогло выработать приемлемую для всех версию.

Официальная российско-советская историография Цусимы за минувшее с той поры столетие прошла в своем развитии три основных этапа.

В ходе первого — дореволюционного — участники сражения, оправдываясь, выдвигали самые различные

объяснения, зачастую совершенно невероятные. Утверждали, например, что японцы якобы применили суперновейшее (но реально еще находившееся в «младенческом» состоянии) для тех лет оружие — подводные лодки¹³².

Второй этап — большевистский — продолжался до конца тридцатых годов прошлого века. В течение этих двух десятилетий главным виновником поражения, в соответствие с тезисами знаменитой в свое время ленинской статьи «Разгром», считался «прогнивший царский режим» в целом¹³³.

Наконец, третий — «державно-патриотический» — этап с небольшими вариациями тянется по сей день. Суть официального нынешнего взгляда на Цусиму наиболее емко и популярно была растиражирована еще участником сражения В. И. Семеновым в трилогии «Расплата», написанной по горячим следам сражения¹³⁴. Однако «государственный статус» эта концепция получила лишь незадолго до начала Второй мировой войны¹³⁵.

Впрочем, называя разных конкретных виновников позора, приверженцы всех трех историографических традиций почти единодушно соглашались в том, что главной непосредственной причиной поражения явились технические аспекты: скорость кораблей, качество снарядов, орудий и т. д., — иными словами, изначальная техническая неконкурентоспособность русского флота, по сравнению с японским. Таким образом, вроде бы, все три историографические школы признают, что поход 2-й Тихоокеанской эскадры был обречен на неудачу изначально.

Большинство российских любителей военно-морской истории в течение всех долгих лет советской власти почти не имело доступа к зарубежной литературе на данную тему. Поэтому им было трудно составить собственное мнение, так как отечественная подцензурная историография, богатая на политические эмоции, почти совсем забывала о цифрах. Однако в последние полтора десятка лет новые негосударственные издания,

разрабатывающие военно-морскую тематику, опубликовали ряд работ, где этот недостаток был, наконец, исправлен¹³⁶. Анализ обнародованной в них разнообразной статистики позволяет сделать совершенно неожиданный вывод: причиной поражения явился не столько технический, сколько человеческий фактор.

Из школьного курса истории читателям, безусловно, знакомы примеры морских сражений, решивших исход очень крупных войн, — когда боевые действия велись не только на воде, но и на сухопутных театрах. Такими были, например, Саламинская, Гравелинская и Трафальгарская баталии. Все эти три битвы роднит еще и то, что и персы, и Великая армада, и франко-испанский флот, будучи совершенно не заинтересованными в немедленном сражении, позволили противнику его себе навязать и были разбиты в результате более продуманных и умелых действий инициаторов схватки. Нечто подобное произошло и с русской эскадрой в тот злополучный майский день в Цусимском проливе.

Задача, стоявшая перед командовавшим японским флотом адмиралом Того, кажется простой только на первый ретроспективный взгляд. Он не знал ни когда появятся русские, ни каким путем они пойдут, ни какое построение предпочтут для прорыва. Здесь существовало множество вариантов. В том числе и такие, когда русская эскадра могла разделиться на отряды,двигающиеся разными маршрутами. Учесть все версии поведения неприятеля было практически невозможно. Кроме того, накопившийся уже за год с лишним войны опыт свидетельствовал о том, что артиллерийский бой не сулит больших мгновенных успехов. Да и крупных орудий, дуэль которых в ту эпоху главным образом решала исход дела, у японцев насчитывалось значительно меньше, чем у русских¹³⁷. На атаки миноносцев также, судя по ближайшему прошлому, особенно надеяться не приходилось. А между тем даже простой прорыв хотя бы части русских кораблей во Владивосток в корне менял всю обстановку на Дальнем Востоке, как минимум, затягивая войну и тем самым делая

призрачной победу небольшой островной страны, — чья экономика и так уже была напряжена до последнего предела, — над мощным континентальным соседом.

Самое обидное для русской стороны то, что адмирал Того отнюдь не блеснул талантом, решая все вышеперечисленные задачи. Однако, на счастье японцев, командующий русской эскадрой адмирал Рожественский, можно сказать, сделал все возможное для того, чтобы помочь врагу одержать столь громкую викторию. В этом убеждает анализ множества свидетельств, оставленных различными участниками сражения, от баталера¹³⁸ А. С. Новикова-Прибоя до весьма высоких чинов. Мемуары ветеранов этого боя позволяют заглянуть как в матросские кубрики, так и в адмиральские каюты шедшей на гибель эскадры.

Переход царского флота из Балтийского моря на Дальний Восток длился больше восьми месяцев. Многого можно наверстать или исправить за такой отрезок времени. Однако по прочтении вышеупомянутых воспоминаний возникает стойкое впечатление, что офицерский корпус российских кораблей сделал далеко не все, что было нужно и что было возможно для подготовки своих подчиненных к бою. Да и сами представители золотопогонной «белой кости» зачастую были далеки от профессионального совершенства. Отсюда и плохая стрельба, и неуклюжее маневрирование во время сражения, и слабая борьба за живучесть на судах, получивших повреждения, и многие другие беды. Но главное — общий настрой, с которым экипажи шли на войну¹³⁹. Смысл его можно выразить всего одной фразой: «Не беда, если нас побьют. Главное уцелеть к моменту заключения мира». Офицеры беседовали между собой все больше о политике и литературе, о женщинах и искусстве — или же музицировали в кают-компани. Матросы, в свою очередь, читали революционные агитки, не особенно утруждаясь подготовкой к грядущим боям. Разговоры о победе вызывали откровенные насмешки. А ведь успех во многом зависит от

уверенности в своих силах и боевом духе личного состава. В свете этого уместно вспомнить времена Ушакова и Нахимова, когда, выходя навстречу турецкому флоту, русские эскадры однозначно плыли «бить морду» противнику, не смущаясь даже преимуществом в числе кораблей и пушек у неприятеля.

Военно-морская история знает немало примеров, когда удачные тактические ходы позволяли сводить на нет подавляющее количественное и качественное превосходство противника. Английский флот при Трафальгаре не только численно уступал франко-испанскому, но и состоял из судов более старой постройки¹⁴⁰. Тем не менее, благодаря таланту Нельсона, а равно профессионализму и высокому боевому духу его подчиненных Британия обрела одну из самых своих громких побед. В состоявшемся спустя одиннадцать лет после Цусимы Ютландском сражении германский флот выглядел слабее английского по всем параметрам (количеству кораблей всех классов, калибру и числу орудий)¹⁴¹, кроме одного — выучки моряков. В итоге, благодаря решительным и нестандартным действиям, немцы сумели нанести противнику много больший ущерб, чем понесли сами.

Та ситуация, в какой оказался Рождественский, тоже требовала от него какого-нибудь оригинального решения, позволяющего захватить инициативу, ошеломить неприятеля, спутать ему карты и заставить отступить от намеченного плана. Разнотипные корабли, составившие российскую эскадру, словно сами просились, чтобы быть разделенными на несколько отрядов. Ничего подобного сделано не было. Даже если бы вся 2-я Тихоокеанская состояла из новейших, сходных по тактико-техническим характеристикам кораблей, по всем статьям превосходящих японские, тот строй, в котором она была введена Рождественским в бой, обрекал ее на пассивность и уничтожение.

К тому же русские корабли дрались, имея значительную перегрузку, которую вполне можно было уменьшить до нормы в преддверии сражения, сняв с них при-

нятые сверх всякой меры продовольствие, уголь и другие, ненужные для прорыва вещи. Уж, по крайней мере, надлежало избавиться от дерева (что вообще-то является азбукой морской войны), ставшего во время битвы причиной многочисленных пожаров, так как при попадании вражеских снарядов именно оно в первую очередь легко загоралось¹⁴². Забортная вода, закачанная для тушения огня, естественно оставалась внутри и еще больше увеличивала перегрузку. Броневого пояса в результате совсем уходил под воду, и пробойны небронированного надводного борта тоже начинало заливать. Как следствие — потеря остойчивости, после чего суда переворачивались и тонули, не исчерпав до конца всей своей потенциальной боеспособности¹⁴³.

Непонятно также, почему перед прорывом Рожественский не только не собрал совещания для обсуждения порядка действий, но даже не проинформировал никого о своем плане (не известно даже, был ли у него таковой). Поэтому после выхода из строя в самом начале сражения флагманского броненосца русский флот до самой ночи оставался практически без управления¹⁴⁴.

В отечественной историографии также пустили глубокие корни версии о подавляющем качественном превосходстве японских орудий и снарядов. Но вот данные бесстрастной статистики. Русские снаряды, даже при очень малом количестве попаданий в японские корабли, шесть раз пробили их 150 миллиметровые броневые плиты¹⁴⁵. Японские же снаряды, при значительном проценте попаданий, ни разу не сумели пробить даже тонкой русской брони¹⁴⁶, а также имели тенденцию взрываться при выстрелах в стволах собственных орудий. Только на одном броненосном крейсере «Ниссин» таким образом, вышли из строя три (из четырех имевшихся на нем) орудия главного калибра¹⁴⁷.

Всего в бою на один разорвавшийся японский снаряд в среднем приходится 2,2 выведенных из строя русских моряка¹⁴⁸. На японских же кораблях каждый попавший русский снаряд (учитывая и неразорвавшие-

ся) выводил из строя в среднем 3,3 человека¹⁴⁹. Таким образом, становится очевидным, что русские снаряды были, не столь безобидны, как это принято считать, и дело свое делали исправно. Как минимум не хуже, чем боеприпасы противника. Когда попадали, конечно. Однако вот попаданий было до ужаса мало. И не потому, что пушки оказались хуже неприятельских. Если опять обратиться к мемуарам участников Цусимы, то можно прийти к выводу, что при стрельбе отсутствовало не только единое управление огнем, но даже, зачастую, элементарная координация стрельбы. Пальба велась беспорядочно, разными калибрами, путая пристрелку соседей. Попасть в цель в таких условиях, разумеется, было очень сложно. А между тем, из основных двенадцати боевых кораблей адмирала Того только четыре являлись полноценными броненосцами. Остальные же восемь были всего лишь броненосными крейсерами¹⁵⁰. Для них любой удачно пущенный крупнокалиберный русский снаряд мог оказаться роковым.

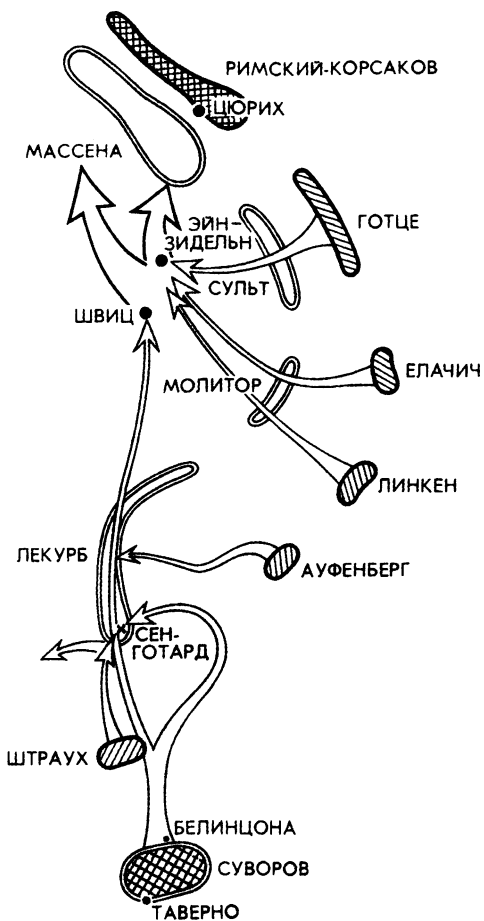
Совсем уж нелепо выглядит утверждение о несравнимо большей скорострельности японских орудий, которое в отечественной исторической литературе приобрело не меньшую популярность, чем миф о самурайских суперснарядах. Для доказательства этого мифического превосходства обычно сравнивается полигонный (рекламный) показатель у японских пушек и практический (имевший место в реальном бою) у русских. Кроме того, необходимо заметить, что, рассуждая о факторе скорострельности, упомянутые выше авторы, скорее всего, путают задачи, выполняемые крупнокалиберной морской артиллерией, — с целями, для которых создан пулемет. Для справки: боезапас на ствол главного калибра на броненосцах тех лет состоял всего из нескольких десятков выстрелов, а морской бой обычно длился несколько часов и мог продолжаться на следующий день. Содержимое корабельных артпогребов, таким образом, расходовалось бережно. Успех зависел не от частоты залпов, а от их точности.

Здесь статистика боя вновь все расставляет по местам. Так, броненосец «Николай I» из двух своих орудий калибра 305 миллиметров выпустил 94 снаряда — на 20 больше, чем «Сикисима» из четырех¹⁵¹. «Орел» и «Микаса», имевшие по четыре 12-дюймовые пушки, израсходовали 185 и 124 снаряда соответственно¹⁵². И т. д.

Примечательно, что ошибочный анализ итогов Цусимского сражения (сразу после войны точных статистических данных с обеих сторон еще не было) оказал медвежью услугу британским морякам в ходе уже упоминавшейся Ютландской битвы 1916 года. Вот что писал по данному поводу известный английский морской историк Вильсон: «Германские снаряды оказались в бою гораздо более действительными, а это произошло потому, что британский флот основывался на опыте Цусимского боя, в котором японцы широко использовали фугасные снаряды с чувствительными взрывателями и получили решительные результаты, тогда как русские стреляли бронебойными снарядами (такими, какими германский флот пользовался в мировую войну) и потерпели поражение. В результате британские снаряды не пробивали германскую броню»¹⁵³.

С мнением английского специалиста перекликаются и строки из воспоминаний ветерана Цусимы (а затем видного отечественного инженера-кораблестроителя) Костенко: «Если бы японцы применили бронебойные снаряды, то три корабля типа «Бородино» были бы потоплены гораздо раньше, и не потребовалось бы такого количества попаданий, какое они выдержали»¹⁵⁴.

Здесь можно бы было оспорить и другие цусимские легенды, однако автору этих строк не хочется утомлять читателей пространными рассуждениями на узкоспециальные темы, ведь и того, что уже изложено, достаточно для утверждения — русская эскадра имела все предпосылки для прорыва во Владивосток. Однако, позволив втянуть себя в совершенно ненужное ей сражение, да еще в исключительно неблагоприятных условиях, при бездарном командовании, была уничто-

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

РУССКИЕ

 АВСТРИЙЦЫ

 ФРАНЦУЗЫ

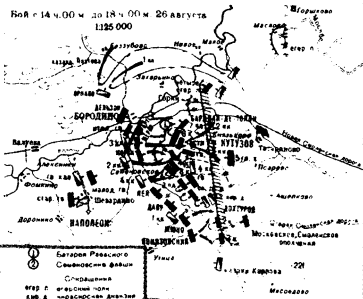
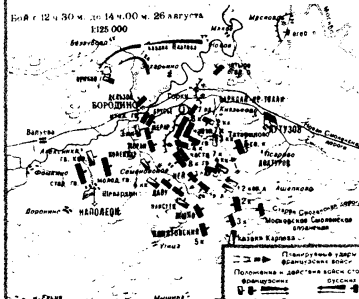
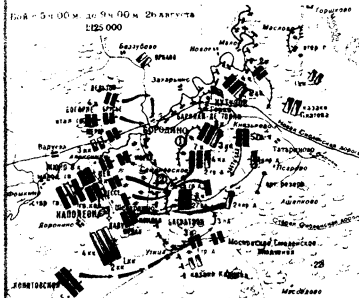
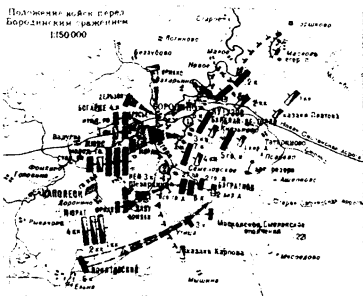
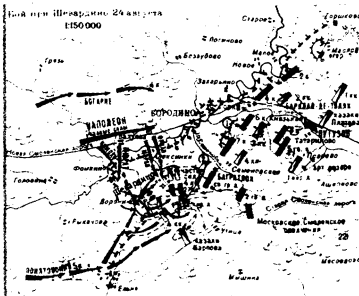
План А. В. Суворова по разгрому французской армии в Швейцарии

Реальный ход Швейцарской кампании А. В. Суворова

Бой за Чертов мост

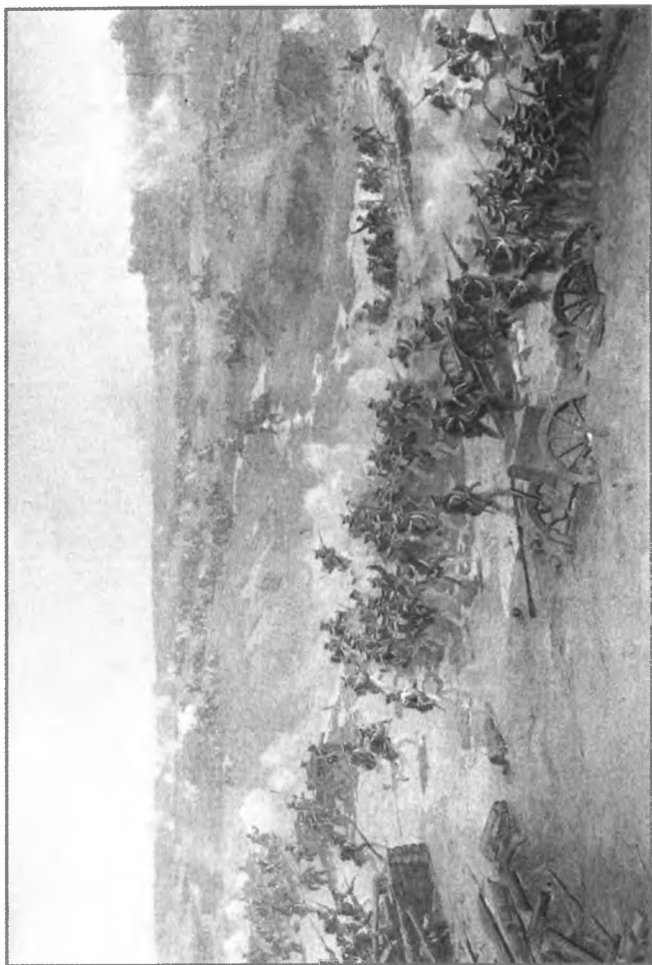
	Планируемые удары французской армии		Положение и действия войск русской армии
	Положение и действия войск русской армии		Положение и действия войск русской армии
	Положение и действия войск русской армии		Положение и действия войск русской армии

Багратион
 Сиверский
 Савинский
 Милорадович
 Дибич
 Тучков
 Кутайсов
 Кавалерия
 Артиллерия
 Инженеры
 Медицинский персонал
 Попы
 Священники
 Пасторы
 Школы
 Церкви
 Монастыри
 Крепости
 Замки
 Дворцы
 Парки
 Сады
 Колодези
 Колокольни
 Стелы
 Памятники
 Обелиски
 Стелы
 Памятники
 Обелиски

План Бородинского сражения.
 Ясно видно, за кем к концу дня осталось поле боя

М. И. Кутузов на Бородинском поле

Бородинское сражение

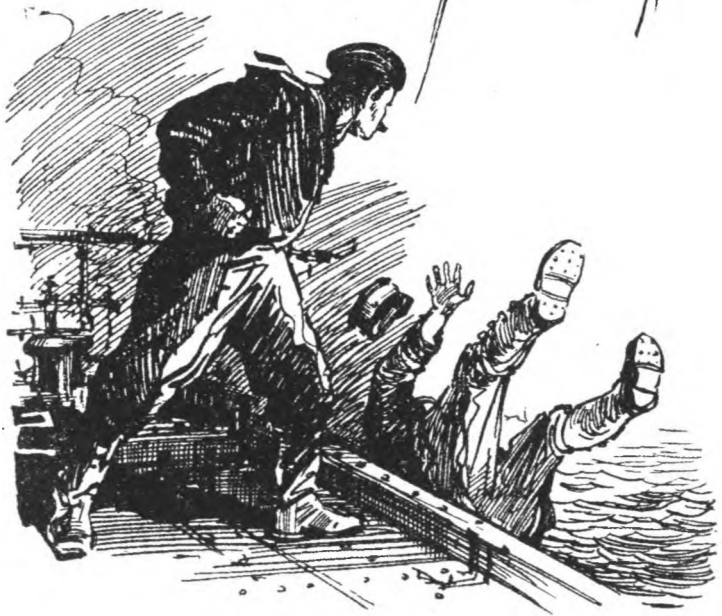
**Командир миноносца «Стерегущий»
лейтенант А. С. Сергеев**

Проект памятника «Стережущему»
скульптора К. В. Изенберга

Открытие памятника «Стерегущему»

Иллюстрации из книги кузена-сказочника

Юзеф Пилсудский

Польский плакат 1920 года, призывающий на борьбу
против Советской России

Русские амазонки

Женщины на войне

На крышах блокадного Ленинграда

жена, продемонстрировав полную тактическую беспомощность. Случилось это по причине элементарной безграмотности, непрофессионализма и расхлябанности экипажей ее кораблей.

Можно, конечно, теша национальное самолюбие, надувать щеки, называя массовую гибель недообученных людей «актом героизма и доблести» и утверждать, как это делал еще в 1912 году известный идеолог русского национализма П. И. Ковалевский, что «Цусима — великий и славный подвиг, достойный нашей великой родины». Абсурдность культа Цусимской катастрофы ясно видна на примере этого легковесного ура-патриотического лозунга. Если Цусима действительно «достойна нашей родины», — что же это, спрашивается, за родина?..

Да, история знает примеры воинских трагедий, ставших бессмертным символом доблести, мужества и высочайшего профессионализма. Однако надо ясно сознавать разницу между свершением, подобным подвигу трехсот спартанцев в Фермопилах, павших в неравном бою, но нанеших огромный урон противнику, — и трагедией побоища, в котором одна сторона не смогла даже толком ответить ударом на удар. Конечно, в те страшные сутки конца весны 1905 года многие русские моряки нашли в себе силы мужественно встретить смерть. Экипаж «Суворова», например, отстреливался до последнего, используя все средства вплоть до винтовок. Однако мужество без умения и дисциплины — все же повод не столько для восторженной гордости, сколько для серьезных размышлений.

ГЛАВА 8

ЧТО ЖЕ МЫ ПРАЗДНУЕМ, ГОСПОДА?

То, что Россия — явление во многом иррациональное и «непрактичное», уже давно ни для кого не секрет. Слависты в Европе и Америке в свое время слома-

ли кучу перьев и перепачкали горы бумаги, стараясь найти хоть какие-то крупницы логики в коллективной жизни ее обитателей. Но в итоге махнули рукой на это занятие. Ныне университетские профессора на Западе просто вежливо улыбаются, а бизнесмены мгновенно мрачнеют, если кто-то заговаривает о «загадочной русской душе». Впрочем, делают это сейчас разве что только сами русские люди, с каким необъяснимым сладострастием твердя знаменитую двусмысленную максиму: «Умом Россию не понять!».

Яркой иллюстрацией интеллектуальной лености и поверхностности современного российского самосознания может служить ежегодный главный армейский праздник. Теперь он называется «День защитников Отечества». Те, кто не ходил в детсад, приобщаются к нему в школе, где 23-го февраля все мальчики, независимо от успеваемости, оказываются «именинниками». Девочки дарят им подарки и говорят разные приятные слова. Со стороны может даже показаться, будто все они на самом деле уверены, что для любого мужчины важнее всего в жизни — стать солдатом.

Однако, вырастая, многие мальчики почему-то не желают пополнять армейские шеренги. А девочки, превратившиеся в мам и бабушек, всеми силами пытаются спасти уже своих детей и внуков от той самой почетной обязанности, с очередной годовщиной которой они некогда так трогательно поздравляли одноклассников.

Противоречие это символично. Жизнь всегда, так или иначе, наказывает за ложь и насилие над истиной. А именно эти действия заложены в фундамент нашего основного милитаристского праздника. В этом очень легко убедиться. Достаточно бегло отследить историю его рождения.

Но для начала полюбопытаемся, как выглядит официальное объяснение того, что торжественным днем оказалось объявлено именно 23 февраля, а не какая-нибудь другая дата. Советская военная энциклопедия: «Всенародный праздник... Дата связана с

важнейшими событиями в истории создания Вооруженных Сил Советской Республики... войска германских империалистов 18 февраля 1918 года предприняли широкое наступление против Советской России и создали угрозу Петрограду. Через четыре дня был опубликован декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», принятый Советом народных комиссаров и подписанный Лениным. На этот призыв трудящиеся откликнулись массовым вступлением в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), ускоренным формированием ее отрядов и частей. 22 и особенно 23 февраля это патриотическое движение приобрело наиболее широкий, массовый характер. Только в Петрограде на отпор врагу поднялись десятки тысяч добровольцев. В ряды вооруженных защитников Советской республики вступили тысячи трудящихся Москвы и многих городов Белоруссии, Украины, Поволжья, Урала, а также многие солдаты и матросы старой русской армии и флота. Вновь сформированные части РККА сразу же вступили в бой против германских войск, оказывая им решительное сопротивление, и остановили их продвижение под Псковом и Нарвой, а также на ряде направлений в Белоруссии и на Украине»¹⁵⁵.

Говоря проще, полтора миллиона сытых и вооруженных до зубов немцев были разбиты менее чем сотней тысяч необученных ополченцев, имевших одну винтовку на троих. Об этом фантастическом событии до 1991 года было снято множество кинофильмов и написано неисчислимое количество книг. В реальной жизни таких чудес, конечно, не бывает. На деле все происходило проще и одновременно страшнее.

Германские войска действительно начали 18 февраля 1918 года наступление. На Восточном (Русском) фронте тогда находилось 74 дивизии противника¹⁵⁶. Конечно, для огромной территории от Балтики до Черного моря это были не бог весть, какие силы. Да и по составу далеко не элитные. Лучшие войска Германс-

кий генштаб уже перекинул на Запад. В России остались главным образом так называемые ландверные (набранные из солдат старших возрастов) части¹⁵⁷. Однако для того, чтобы остановить ландвер, тоже требовалось, как минимум, столько же не хуже обученных и снаряженных воинских соединений.

Взять их в тот момент было неоткуда. Хотя официально Россия из Первой мировой войны еще не вышла, царская армия под влиянием большевистской антивоенной пропаганды в течение 1917 года разбежалась («приватизировав» попутно казенные винтовки). Поэтому вскоре после захвата власти те же большевики вынуждены были озаботиться созданием хоть каких-то новых воинских частей. 28 января Совет Народных Комиссаров издал декрет «О создании Добровольческой Красной Армии»¹⁵⁸. Однако уставшее от трех с половиной лет войны население не спешило откликаться на призыв. В результате под ружьем у советской власти к концу зимы имелось всего несколько тысяч человек¹⁵⁹. Для пущей убедительности обратиться к воспоминаниям свидетеля. Согласно мемуарам известного революционера М. Д. Бонч-Бруевича, встречавшегося 22 февраля 1918 года с Лениным, вождь сказал ему: «Вам с вашими товарищами надо немедленно заняться соображениями о мерах обороны Петрограда. Войск у нас нет. Никаких. Рабочие Петрограда должны заменить вооруженную силу»¹⁶⁰.

Боеспособность этих красноармейцев-добровольцев представлялась весьма сомнительной. Вот как спустя небольшое время описал состояние одного из подразделений Красной Армии все тот же Бонч-Бруевич: «Отряд Дыбенко был переполнен подозрительными „братишками“ и не внушал мне доверия: достаточно было глянуть на эту матросскую вольницу с нашитыми на широченные клеши перламутровыми пуговичками, с разухабистыми манерами, чтобы понять, что они драться с регулярными немецкими частями не смогут. И уж никак нельзя было предположить, что такая „братва“ будет выполнять приказы...

Мои опасения оправдались... Вместо борьбы с немцами разложившиеся матросы занялись раздобытой в пути бочкой со спиртом»¹⁶¹. Такой вот получился «массовый подъем».

Аналогичную оценку можно встретить и в воспоминаниях (также написанных по горячим следам) не менее авторитетного революционера-большевика В. А. Антонова-Овсеенко: «И немцы легко преодолевали наше нестойкое сопротивление. Сводные отряды в значительной части оказались недееспособны, дали большой процент дезертирства, ослушания. Отряды Красной гвардии обнаружили, в общем, слабую выносливость, плохую маневренность и боеспособность»¹⁶².

И уж чтобы совсем не оставалось сомнений в том, как обстояли дела на только что открывшемся новом фронте в суровой реальности, можно процитировать еще одного компетентного эксперта — В. И. Ленина. Вот слова из его «Политического отчета Центрального комитета 7 марта 1918 года»: «Мы предполагали, что Петроград будет потерян нами в несколько дней, когда подходящие к нам немецкие войска находились на расстоянии нескольких переходов от него... когда получился неслыханный хаос, паника, заставившая войска добежать до Гатчины... Вот, что мы переживали. Вот та реальная история одиннадцатидневной войны»¹⁶³. Комментарии, думаю, излишни. Откровеннее не скажешь. В том же убеждает и хронология событий — 21 февраля немцы заняли Ревель, 24-го Псков, 3 марта Нарву.

Издание декрета «Социалистическое отечество в опасности!» явилось своего рода актом отчаяния. На этот призыв мало кто откликнулся. Поэтому вскоре новой власти пришлось вводить принудительную мобилизацию в Красную Армию. Однако мало-мальски серьезную силу большевистские войска стали представлять собой только к концу осени 1918 года¹⁶⁴.

Но кто же тогда остановил немцев? Да никто! Сами остановились, когда сочли нужным. Вернее, когда со-

ветское правительство согласилось на все условия их ультиматума, предъявленного, кстати, именно 23 февраля¹⁶⁵. Согласно его статьям, от России отторгались Польша, Литва, Белоруссия, Латвия, Эстония, Финляндия, Украина, Закавказье. Страна обязывалась провести полную демобилизацию армии и флота, выплатить разорительную контрибуцию в шесть миллиардов марок золотом и предоставить Германии громадные односторонние торгово-экономические льготы¹⁶⁶.

Это и был тот самый «похабный» — по известному определению Ленина — мир, который вошел в историю под названием «Брестский». Таким образом, если следовать исторической правде, то 23 февраля 1918 года произошло не рождение «новой российской армии», а окончательное военное поражение России в Первой мировой войне, превратившее ее на время в полукOLONиальный придаток иностранной державы. Впрочем, даже этот кабальный договор Германия нарушала, когда хотела. Свидетели тому — оккупированные в мае донские казачьи области и Крым, а также частью захваченный, а частью потопленный Черноморский флот. И это при том, что к концу весны на Востоке оставалось всего 29 дивизий ландвера¹⁶⁷.

Уму непостижимо, почему советская пропаганда решила выбрать для своего главного военно-патриотического праздника именно этот, пожалуй, один из самых позорных в военной истории большевистской России дней. Ведь если бы не поражение Германии на Западном фронте (от французских, английских и американских войск) и ее последующая капитуляция в ноябре 1918 года, относительная независимость того государственного образования, которое еще оставалось под властью большевиков, в самом недалеком будущем наверняка оказалось бы под очень большим вопросом. Можно ведь было сделать отправной точкой день издания декрета о создании Красной армии или, на худой конец, какую-нибудь реально победоносную дату из смутной истории 1917–1918 годов. Но

решено было взять именно 23 февраля 1918 года. Вероятно, уж очень жгучим оказался соблазн доказать, что «наши» умели не только бить своих же на бескрайних полях гражданской, но и смогли «окоротить германца». С этой целью пришлось выдумать то, чего не было в помине, и напрочь забыть то, что было в действительности.

Короче говоря, февральскую войну с немцами соратники Ленина довольно быстро и успешно «перевоевали» на бумаге. Первый пробный шаг к фальсификации был сделан еще в 1923 году, когда жило и здравствовало множество непосредственных рядовых участников и свидетелей революционно-красноармейской эпопеи. К пятилетию «новорожденной» вступительная статья в журнале «Военная мысль и революция» (книга № 1) гласила, что якобы именно 23 февраля была сформирована первая регулярная часть только что учрежденной советским правительством Красной Армии. Якобы именно эта часть сразу же приняла участие в борьбе с германскими войсками¹⁶⁸. На следующий год в журнале «Военный вестник» № 7 текст передовой статьи, посвященной смерти Ленина, сопровождала фотография упоминавшегося выше декрета от 28 января 1918 года — только со смазанной датой. В комментарии указывалось, что декрет был издан... 23 февраля!¹⁶⁹ После этого подобные публикации повалили сплошняком.

Окончательную точку поставил товарищ Сталин, когда в печально знаменитом «Кратком курсе истории ВКП(б)» (впервые изданном в 1938 году) недвусмысленно дал понять, что события 23 февраля 1918 года следует считать нашей великой победой¹⁷⁰. С тех пор в соответствующем духе и воспитываются все поколения граждан на всех подвластных Москве территориях.

Ну а теперь расставим точки над «і». То, что советские учебники истории были полны лжи и многие выдумки до сих пор не развенчаны, сейчас, наверное, ни для кого уже не секрет. Однако в данном случае складывается исключительно пикантная, «гиперабсурдная»

ситуация. Советского Союза и порожденной им Советской Армии — давно нет. Нынешняя Россия вроде бы декларирует восстановление своей тысячелетней исторической традиции, насильственно прерванной и искаженной большевиками. И, тем не менее, продолжает отмечать праздник, являвшийся одним из главных идеологических столпов коммунистического режима, первые лидеры которого сделали, кажется, все возможное для уничтожения боеспособности именно национальной русской (дореволюционной) армии! Более того. Отмечается не реальный день рождения советской армии, а тот момент, когда и сражений-то в сущности никаких не было. Просто германский ландвер в лице кайзеровских пенсионеров и белобилетников со старыми винтовками гонял под Нарвой сброд из пьяных матросов и мародеров. Правда, вскоре немцы прервали это не слишком славное занятие. Но не потому, что неожиданно получили отпор, а совсем наоборот, — поскольку достигли своей основной цели: вырвали у большевистского руководства согласие на подписание одного из самых унижительных и позорных мирных соглашений за всю историю России!

К сожалению, довольно простая мысль о том, что вообще-то российская армия родилась отнюдь не в 1918 году, а гораздо раньше, — судя по всему, оказалась интеллектуально неподъемной для нынешних российских политиков, а также широких слоев общественности. Тут, наверное, можно было бы и посмеяться, если бы не было так грустно...

Вместо приложения

Отрывок из мемуаров кайзеровского генерала Макса фон Хоффмана, служившего в 1918 году на должности начальника штаба немецкого Восточного фронта и являвшегося главой германской делегации на переговорах с представителями Советской России о мире¹⁷¹.

«Русская комиссия состояла из Иоффе, которого, увы, к сожалению, у нас слишком хорошо потом узнали, зятя Троцкого Каменева, Сокольников, а также госпожи Биценко, уже получившей некоторую известность за счет убийства какого-то министра. Еще в нее входили унтер-офицер, матрос, рабочий и крестьянин. Это все были члены, имевшие право голоса. В качестве экспертов присутствовало некоторое количество офицеров генерального штаба и адмирал Альтфатер, не имевшие права голоса. Секретарем являлся Карахан¹⁷²... Так как русская комиссия обедала с нами в офицерском клубе, то мы имели возможность познакомиться с нею поближе. За столом я посадил, конечно, членов с правом голоса выше, чем экспертов, так что рабочий, матрос и унтер-офицер сидели выше, чем адмирал и офицеры.

Я никогда не забуду первой трапезы с русскими. Я сидел между Иоффе и Сокольниковым, нынешним комиссаром финансов. Против меня расположился рабочий, которому множество приборов на столе доставляло видимые затруднения. Он пытался так или иначе употребить их в дело, но, в конце концов, воспользовался только вилкой для того, чтобы поковырять ею в зубах. Наискось от меня рядом с князем Гогенлоэ сидела госпожа Биценко, с другой стороны которой поместился крестьянин — типично русская фигура с длинными седыми кудрями и большой косматой бородой. Он вызвал улыбку у прислуживающего денщика, когда на вопрос, какого вина он желает, красного или белого, ответил, что выберет то, которое покрепче.

Иоффе, Каменев, Сокольников, особенно первый, производили впечатление чрезвычайно интеллигентных людей. С большим воодушевлением говорили они о лежащей перед ними задаче возвести русский пролетариат на вершину благополучия и счастья. Все трое ни минуты не сомневались, что так оно и будет, если народ сам будет управлять страной, руководствуясь учением Маркса. Самое меньшее, о чем мечтал Иоф-

фе, это — чтобы всем людям жилось хорошо. А некоторым, среди которых он явно числил и себя, даже несколько лучше, чем прочим. Кроме того, все трое совершенно не скрывали, что русская революция есть лишь первый шаг к счастью народов. Само собой разумеется, говорили они, невозможно, чтобы государство управляемое на началах коммунизма, продержалось долго, если окружающие государства будут управляться на основах капиталистических. Поэтому цель, к которой они стремятся, есть мировая революция. Во время этих разговоров у меня в первый раз появились сомнения — правильно ли было то, что мы вошли в переговоры с большевиками. Они обещали народу мир и благоденствие. Если им теперь удастся вернуться домой, заключив мир, то их положение в глазах широких масс, годами ждавших конца войны, сильно упрощается...

Русский колосс в течение ста лет в политическом отношении оказывал такое давление на Германию, что нельзя было не испытывать известного чувства облегчения при мысли о том, что русское могущество на некоторое время уничтожено революцией и большевистским хозяйничаньем. Но чем больше до меня доходило сведений о неистовствах большевиков, тем сильнее я склонялся к тому, чтобы пересмотреть мое отношение к этому вопросу. По-моему, порядочный человек не мог спокойно и безучастно наблюдать, как избивают целый народ... Поэтому с весны 1918 года я стал на ту точку зрения, что правильнее было бы отказаться от мира. Пойти походом на Москву, создать какое-нибудь новое правительство, предложить ему лучшие условия мира, нежели в Брест-Литовске, — например, вернуть ему в первую голову Польшу, — и заключить с этим новым русским правительством союз. Подкреплений для такого похода Восточному фронту не понадобилось бы. Майор Шуберт, наш новый военный аташе в Москве, первым высказавшийся за решительное выступление против большевиков, полагал, что двух батальонов для наведения порядка в русской сто-

лице было бы вполне достаточно. Хотя я и считал его точку зрения слишком оптимистической, но все-таки тоже был уверен, что нам хватило бы с избытком для этого начинания тех немногих дивизий, которыми мы располагали. В то время у Ленина и Троцкого еще не было Красной Армии. Они были заняты разоружением остатков старой армии и отправкой ее по домам. Их власть опиралась всего лишь на несколько латышских батальонов и вооруженных китайцев, которых они употребляли главным образом в качестве палачей. Мы легко бы смели большевиков, продвинувшись на линию Смоленск-Петербург. И заняв ее, образовали бы новое русское правительство, избавив эту страну от невыразимых страданий и предотвратив смерть миллионов людей. Однако в Берлине все внимание было уже сосредоточено на Западном фронте. И наше предложение сочли лишней дополнительной обузой».

ГЛАВА 9

ПОМНЯТ ПОЛЬСКИЕ ПАНЫ

«Еще польска не сгинела...»

Русская октябрьская революция 1917 года в мире до сих пор комментируется по-разному. Например, в Финляндии, которая получила независимость именно из рук Ленина, даже те, кто негативно относится к большевистскому перевороту, обычно отдают должное его «интернациональному характеру». В Польше, наоборот, традиционно преобладают критические настроения. Хотя и эта страна в начале XX столетия также была провинцией царской России и в самостоятельное государство превратилась лишь благодаря победившему в Петрограде большевистскому выступлению, а также провозглашенному его лидерами принципу самоопре-

деления всех народов. Но, видимо, события последующих (как, впрочем, и предыдущих) лет в истории российско-польских отношений оказались столь драматичны, что память об «октябрьском эпизоде» все же оказалась в итоге окрашена в «радикальный черный цвет».

Среди множества российско-польских конфликтов современные польские историки особо часто обращаются к событиям советско-польской войны начала прошлого века. По всей вероятности, это обусловлено двумя причинами. Во-первых — тем, что о победах рассуждать всегда приятней, чем о поражениях. Тем более, что за последние три столетия это единственный серьезный успех польских национальных вооруженных сил. Во-вторых, поляки традиционно широко отмечают все годовщины Рижского мира, который на официальном международном уровне закрепил как победу в той войне, так и само воссоздание современной независимой Польши.

Начало реставрации польской государственности практически сразу же повлекло за собой скоротечный, но жестокий и масштабный конфликт, вошедший в историю под названием советско-польской войны 1920—1921 годов. Именно ее имел в виду автор известной русской революционной песни, слова которой вынесены в заголовок. Под «панам» подразумевались, конечно же, буржуи и помещики. Но в Польше «пан» обращение всеобщее. И банкир с министром «паны», и бездомный нищий — тоже «пан». Поэтому поэт, сам, видимо, того не желая, попал в «десятку». Ведь война против Красной Армии тогда, в конце концов, превратилась во всенародную без всяких преувеличений. В Польше о ней хорошо помнят и ныне. В России — напротив, ее уже почти забыли. Хотя некогда история этой войны будила такие политические страсти, что любому советскому историку работа над этой темой могла стоить карьеры, а то и жизни.

Поделенная в конце XVIII века между Россией, Австрией и Пруссией, Польша более 120 лет не существовала как самостоятельное государство. Но во время Первой мировой войны, в результате поражений и отступления русской армии, вся бывшая территория Речи Посполитой оказалась под контролем австро-германцев. Последние считали в тот момент выгодным для себя использовать в политико-пропагандистских целях поляков и не стали препятствовать их стремлению к самоопределению. Под строжайшим немецким контролем, конечно.

В свою очередь Ленин с соратниками после октябрьской революции вообще декларировали право любого народа на «самоопределение вплоть до отделения»¹⁷³. Поэтому, когда Антанта в ноябре 1918 года одержала такую победу над центральными державами, ничто уже не мешало восстановлению Польши на политической карте мира.

Ее западные границы узаконил Версальский мирный договор, обязавший бывших обидчиков Речи Посполитой вернуть полякам некогда аннексированные провинции¹⁷⁴. Но на востоке рубежи остались неопределенными, поскольку осколки Российской империи, корчившиеся в послевоенных революционных конвульсиях, находились в то время, так сказать, по ту сторону цивилизованной международной жизни.

На это наслышлось то, что эйфория от долгожданной государственной реанимации породила у значительной части польского народа подъем национального самосознания, притом далеко не в своих лучших формах и проявлениях. Результатом стала массовая урапатриотическая мечта о «старой, доброй Польше от моря и до моря» (от Балтийского до Черного — как во времена короля Стефана Батория). И в Варшаве решили продолжить «извечный спор славян», потребовав от недавнего угнетателя, благо тот утратил былую боевую

мощь, возвращения всех земель, отнятых Россией у Польши со времен ее «Первого раздела» в 1772 году.

После того, как территориальные споры не удалось уладить путем переговоров, в которых ни одна из сторон не пожелала пойти на уступки, 25 апреля 1920 года Войско Польское предприняло крупное наступление на Киев, взяв его 7 мая. Однако расчеты, построенные на эмоциях, очень часто оказываются эфемерными. Так получилось и в этот раз. У полумертвого гиганта неожиданно нашлись силы для отпора. 23 мая Центральный Комитет Всероссийской Коммунистической Партии постановил считать войну против Польши главной задачей¹⁷⁵.

Но и без того факт оживления «векового врага» стал для населения бывшей империи мощным мобилизующим фактором, временно отодвинувшим классовую борьбу на второй план. В считанные дни, независимо от политических убеждений, в вооруженные силы Советской России вступило множество военных профессионалов бывшей царской армии. Достаточно вспомнить лишь генерала А. А. Брусилова с его знаменитым воззванием к соотечественникам о прекращении убиц и отпоре иноплеменному нашествию, на которое откликнулось 14 000 офицеров-«золотопогонников»¹⁷⁶.

Всего весной-летом 1920-го года рабоче-крестьянскую Красную Армию, вместе с мобилизованными, дополнили почти полтора миллиона человек, в основном имевших фронтовой опыт Первой мировой войны¹⁷⁷. Именно их навыки и военное образование внесли кардинальные перемены в ход боевых действий. Потом советская историография будет старательно замалчивать тот факт, что не партийные наборы и комсомольские мобилизации, а только добровольный приток квалифицированных военных специалистов, в подавляющем большинстве не симпатизировавших революции, позволил организовать столь быстрый отпор. Правда, затем советская власть к этим людям проявит черную неблагодарность. Большинство из них — кого раньше, кого позже — уничтожат.

Но это будет потом. А летом 1920-го, уже в начале июня, был нанесен контрудар, возвративший Киев. Вскоре последовали Новоград-Волынская, Ровенская и Июльская операции, отбросившие противника на территорию этнической Польши, сразу же сделавшей запрос о новых мирных переговорах. Если бы война на этом и закончилась, то линия границы установилась бы по «линии Керзона»¹⁷⁸ — то есть, примерно там, куда ее Сталин при помощи Гитлера отодвинул в 1939 году с нарушением всех моральных и правовых норм. А в учебниках истории советско-польский конфликт однозначно закрепился бы как агрессия Польши (хоть и вынужденная необходимостью нейтрализации угрозы экспорта революции), получившая заслуженный отпор.

Дашь Варшаву!

Но в Москве фронтовые успехи, превзошедшие все самые оптимистические ожидания, возродили уже было потускневшую мечту о «пожаре мировой революции». Коммунистическое руководство во главе с Лениным вновь закричало о крахе капитализма. Призывы к освобождению своей земли сменились агитацией за продолжение войны ради победы пролетариата на всей планете. «Вперед на Варшаву и дальше на Берлин, пока Германия не остыла от недавних революционных потрясений. Нас поддержат народы всей Европы, нанеся удар в спину своим буржуйским правителям».

17 июля 1920 года главное командование Красной Армии получило директиву Центрального Комитета с приказом не останавливаться «как до границы, намеченной Антантой»¹⁷⁹, так и за пределами этой границы»¹⁸⁰. И началась одна из бесчисленных международных вооруженных авантюр Страны Советов, имевших целью создание всемирной коммунистической империи. 30 июля в Белостоке создается Временный рево-

люционный комитет Польши, ставший, по сути, ма-рионеточным правительством. Все его члены, хоть и были поляками, перешли туда с высоких руководящих постов Советской России¹⁸¹.

Польский народ, однако, в подавляющем большин-стве не поддался экспортно-революционной агитации, вполне справедливо расценив происходящее как оче-редную агрессию недавно изгнанных захватчиков. Тем более, что вместе с красноармейцами в Польшу при-шли и комиссары с чекистами и начались массовые аресты, казни заложников, реквизиции имущества и прочие прелести «нового строя».

Вскоре десятки тысяч добровольцев восполнили потери Войска Польского, а в тылу у красноармейцев вспыхнуло громадное партизанское движение. Ряды же «освободителей от буржуазно-помещечьего гнета» уси-лить было больше некому. В России продолжал цар-ствовать военный коммунизм — разруха и голод, а не-давний патриотический энтузиазм с началом «загра-ничного похода» сразу же угас.

Перелом в войне наступил 16 августа, когда поля-ки, перегруппировав войска, перешли в контрнаступ-ление под Варшавой. Фронт Красной Армии был сра-зу же повсеместно прорван; и она в беспорядке, с все возрастающей скоростью, побежала назад к исходным рубежам. Однако уйти повезло далеко не всем. 130 ты-сяч человек попали в польский плен¹⁸². Две армии — 4-я и 15-я, а также 3-й конный корпус (всего около 50 тысяч солдат), отрезанные и прижатые к терри-тории Восточной Пруссии, были интернированы немца-ми¹⁸³. Сколько погибло, до сих пор точно не известно, но очевидно, что эта цифра сопоставима с вышепри-веденными.

Те, кому удалось выбраться живым, к середине сен-тября оказались уже за Брестом, а еще через месяц от-катились к Минску и Виннице. На этом боевые дей-ствия прекратились. Польше они обошлись в 184 ты-сячи убитыми¹⁸⁴. 33 тысячи попали в советский плен¹⁸⁵. Общие потери войны 1920 года для Красной

Армии, как уже упоминалось, пока еще никем до конца не подсчитаны, но даже по неполным советским данным они представляются более крупными, чем у Войска Польского¹⁸⁶.

12 октября 1920 года в Риге между Польшей и советскими республиками было заключено предварительное перемирие. Окончательный мирный договор стороны подписали спустя пять месяцев — 18 марта 1921 года. Он так и стал называться Рижским. По его условиям западные земли Украины и Белоруссии с пятнадцатью миллионами населения отошли к Польше, территория которой в результате этого выросла более чем вдвое¹⁸⁷. Кроме того, Польша получила с Советской России солидную контрибуцию — 30 миллионов золотых рублей¹⁸⁸. Итоги этой войны, хотя и не даровали Варшаве искомое пространство «от моря до моря», оказались для поляков все же столь утешительными, что по сей день воспринимаются как своеобразная компенсация за два века предыдущих обид.

В гостях у сказки

Для Советской России последствия «похода на Европу», обернулись, разумеется, совершенно иной стороной. Как это часто бывает у проигравшей стороны, персонажи недавней драмы сразу после драки начали махать кулаками и работать перьями (кто умел, конечно), пытаясь таким образом найти «крайних» или доказать собственную невинность и взвалить ответственность на других. В первое послереволюционное десятилетие еще допускалась относительная свобода мнений. В 20-е годы тема войны с «белополяками» была одной из самых животрепещущих. Книг, посвященных ей, издали множество — от пропагандистской «жвачки» до серьезных профессиональных исследований авторитетных историков и непосредственных участников — вплоть до высшего командного звена. Многие работы выглядят добротны и до определенной степени

объективно — присутствуют даже попытки анализа причин неудач. Однако при внимательном их прочтении можно заметить, что практически все авторы, прилежно исследуя частности, упорно стараются не акцентировать внимания читателей на главном. На том, что Красная Армия была разбита всего лишь одной бывшей провинцией Российской империи и что, с точки зрения современного (то есть 20-х годов XX века) военного искусства, та война совершенно неинтересна, поскольку являлась даже не вчерашним, а, в лучшем случае, позавчерашним днем.

Опыт Первой мировой продвинул воинское дело далеко вперед. Привычными и необходимыми стали танки, авиация, радиосвязь, а также прочие достижения науки и техники, которые являлись для советско-польского противоборства редкой экзотикой. На этом фоне подсчеты сабель и тачанок, конечно же, произвели бы на читателя убогое впечатление. Поэтому пишущие избегали столь важных, но неприятных сравнений. Ведь иначе логика могла привести к опасному основному выводу о том, что русская пролетарская революция, в отличие от европейских буржуазных (например, французской, породившей армию нового типа вкупе с великим Наполеоном), не совершила качественного прыжка в военном деле, а наоборот, отбросила страну и ее армию назад. В итоге научно-дискуссионная буря продолжала бушевать в «стакане воды».

Слабые и искаженные отголоски тех споров вновь зазвучали во время горбачевских «перестройки» и «гласности», когда, возвеличивая Тухачевского, многие авторы использовали аргументы из его работ. Но это типично советская литература. Таким же образом можно «потопить» самого героя и поднять на пьедестал Сталина, Буденного, Егорова или других, также являвшихся оппонентами «большевистского Бонапарта». Во второй половине советско-польской войны никто из «красных маршалов» особым талантом не блеснул.

Спорам несостоявшихся советских наполеончиков конец был положен в начале 30-х годов. Отмена НЭПа стала сигналом к завершению игр в «однопартийный либерализм». Poleмических работ о советско-польской войне стало появляться все меньше, и вскоре, с большевистской твердостью, в проблему, наконец, внесли «окончательную ясность». О попытке «разбудить» в 1920 году своими штыками в Европе уснувший «призрак коммунизма» теперь полагалось помалкивать. Войну было приказано считать только оборонительной и победной. А разгром на Висле — частной малозначительной неудачей, плодом козней ныне благополучно разоблаченных врагов народа. В их числе постепенно оказалось почти все сколько-нибудь заметное начальство Красной Армии, руководившее боевыми действиями против «белополяков». С особой тщательностью уничтожались те, кто в былой полемике как-либо критиковал руководство Юго-Западного фронта¹⁸⁹, где реввоенсовет возглавлял сам Сталин¹⁹⁰. Официальная советская оценка войны окончательно кристаллизовалась в 1938 году все в том же «Кратком курсе истории ВКП (б)». В каждом из тринадцати его изданий есть глава, где можно прочитать о «провале польских великодержавных планов»¹⁹¹ — и лишний раз убедиться, что нет в историографии таких крепостей, которые бы не взяли большевики с перьями наперевес.

Эта трактовка результатов «борьбы с буржуазно-помещичьей Польшей» в дальнейшем лишь изредка подвергалась незначительной корректировке и по большому счету оставалась практически неизменной более полувека — до самого распада Советского Союза, со временем, впрочем, теряя былую остроту и яркость. В годы Великой Отечественной войны было не до того, а по ее окончании в «социалистическую семью братских народов» «вступила» и Польша, и о конфликте с «панами» стали вспоминать еще реже.

Некоторое оживление произошло, как уже упоминалось выше, в годы правления Горбачева, но работы,

опубликованные в ту пору, носили по преимуществу спекулятивно-конъюнктурный характер. Только в 90-е годы минувшего века отечественные специалисты обрели, наконец, полноценную возможность объективно исследовать эту войну. Избытка исследований по данной теме, однако, по сей день не наблюдается. Поражение есть поражение. Оно в России всегда сирота.

Впрочем, постепенные позитивные изменения все же происходят. Например, в школьных учебниках наконец появилось более-менее правдивое краткое описание хода боевых действий. Но со статистикой по-прежнему беда — неприятного для российского глаза соотношения потерь ученые продолжают стесняться. Впрочем, историков можно понять. Ведь, в конечном счете, именно им всегда больше всех достается от патристически настроенных современников из-за того, что российская армия когда-то оказалась неспособной добиться таких успехов, которые бы порадовали лестными цифрами взоры жаждущих ратной славы потомков.

ГЛАВА 10

АМАЗОНКОЙ БЫТЬ ХОЧУ...

Путь развития человечества жесток и кровав. Людская память хранит более или менее достоверные сведения о нескольких последних тысячелетиях. В этом солидном отрезке времени нельзя наскрести в общей сложности даже сотни лет, когда бы кто-нибудь с кем-нибудь не воевал. Тем не менее, до самого начала XX века женщина с оружием в руках считалась явлением из ряда вон выходящим. Поэтому легенда об амазонках оставалась только красивым мифом, ничего общего с реальной жизнью не имевшим. Истории, вроде героической эпопеи француженки Жанны д'Арк, выглядели экзотическими исключениями из правила и

провоцировали осуждение со стороны окружающих, вплоть до обвинения в связях с дьяволом. К слову, Шекспир жестоко высмеял Орлеанскую деву в своей пьесе «Генрих VI».

Практически отверженными обществом в течение долгих веков перебивали и те представительницы женского племени, которые тесно соприкасались с солдатской массой и до известной степени способствовали войскам выполнять стоявшие перед ними задачи. Обычно их называли маркитантками. Они с древнейших времен сопровождали армейские обозы и выполняли тройную функцию — снабжали полки продовольствием, иногда ухаживали за ранеными и почти всегда были «жрицами любви». Но официально в составах боевых частей эти дамы не числились¹⁹².

«Из искры возгорится пламя»

Добропорядочным же особам женского пола жесткие рамки законов и обычаев прежних эпох позволяли лишь смотреть на пыльную дорогу, ожидая возвращения бравых «мужей доблести», писать им нежные письма, щипать корпию да оплакивать павших. Однако после того, как минули мрачные времена средневековья, нравы стали утрачивать былую строгость, и взгляды на социальную роль женщин начали меняться. В первую очередь, конечно, в Европе. У нас в стране представительницы прекрасной половины человечества впервые получили ограниченный доступ к армейским структурам при Петре I, что зафиксировано в воинском уставе 1716 года. Правда, официально «девицы и жены» в какие-либо подразделения все еще не зачислялись. Их просто разрешалось использовать в госпиталях на кухонных и хозяйственных работах.

Данное неполноправное положение вещей не устраивало некоторых бывших затворниц теремов и светелок. Наиболее предприимчивые из них, действуя на свой страх и риск, стали все чаще проявлять собствен-

ную инициативу. А право называться первой, так сказать, «новой амазонкой» регулярной русской армии принадлежит донской казачке Татьяне Маркиной. Во всяком случае, если у нее и были предшественницы, то тайна их по сей день осталась нераскрытой. Поэтому пока можно сказать, что российская прима-воительница родилась в последней трети XVIII столетия в станице Нагаевской, где и жила до двадцатилетнего возраста. Но в один прекрасный день она переделалась мужчиной, инсценировала несчастный случай, оставив на берегу свою женскую одежду, и поступила рядовым солдатом в пехотный полк, квартировавший в Новочеркасске.

Что ее толкнуло на такой поступок, неизвестно, но, судя по всему, девица была личностью незауряднейшей, поскольку в условиях кастовой русской армии того времени, где подавляющее большинство мужчин ее сословия всю жизнь тянули лямку нижних чинов, она всего за несколько лет сумела взлететь до звания капитана. Однако дальнейшей офицерской карьере казачки помешало досадное недоразумение — по ложному доносу однополчанина она попала под суд. Правда и в такой ситуации Маркина не растерялась, добравшись в поисках справедливости до самой императрицы. Изумленная Екатерина II потребовала расследования и медицинской экспертизы, после чего казачку оправдали, но с военной службы все же выгнали со строгим предписанием «Впредь боле вместо юбки штанов не носить...».

Примерно в те же годы получила известность история еще одной «екатерининской орлицы» — Александры Тихомировой, брат которой — блестящий офицер-гвардеец — был привезен из действующей армии в дальнее родовое имение раненым и вскоре умер. Потрясенная смертью единственного родственника молодая аристократка поклялась отомстить и, не откладывая выполнение этого обещания в долгий ящик, сразу после тайных похорон сменила платье на кавалерийский мундир, оставшийся от брата. Внешне они

были весьма похожи, и поэтому никто не заподозрил маскарада. Однако эта история закончилась так же, как и началась — трагедией. Гвардии амазонка уже в годы царствования императора Александра I погибла в случайной стычке с французским разъездом и обряжавшие ее в последний путь сослуживцы раскрыли секрет переодевания.

Ну а первой женщиной, получившей официальное разрешение на службу в российской армии, стала Надежда Дурова, вошедшая в отечественную историю под именем «кавалерист-девицы». Именно она, кстати, является прототипом главной героини популярнейшего фильма «Гусарская баллада». Кино, конечно, сильно искажает реальные события, делая упор на романтической версии событий. Но сейчас уже истину полностью вряд ли можно реставрировать. Несомненно одно — кавалеристом Дурова действительно была лихим. Родилась она в походе около солдатских биваков и воспитывалась отцом — гусарским ротмистром — под звуки труб и топот коней, что думается, решающим образом и повлияло в будущем на выбор жизненного пути.

Начало крутого поворота в судьбе этой женщины выглядит традиционно — переодевание, инсценировка мнимой смерти и поступление волонтером в уланский полк. Боевое крещение «кавалерист-девица» получила в 1807 году в возрасте двадцати четырех лет во время боя у Гутштадта, однако затем, узнав, что отец тяжело переживает ее фиктивный уход из жизни, не выдержала и написала ему письмо, где честно во всем призналась. Обрадованный родитель не стал хранить тайну, поэтому об аванюре Дуровой вскоре узнала вся верхушка русского общества и император Александр I пожелал лично познакомиться со столь экстравагантной особой.

Последовала высочайшая аудиенция, во время которой воинственная дама сумела добиться разрешения носить мундир, иметь оружие и служить в таком виде отечеству. Когда грянул 1812 год, «кавалерист-девица»

вместе со своим полком отступала до Москвы, участвуя во всех боях, но в Бородинском сражении получила тяжелое ранение. После выздоровления она опять вернулась в строй и дошла до Парижа. Впрочем, за долгие годы войны с Наполеоном гусарская дочь, видимо, все-таки полностью удовлетворила свою страсть к приключениям, поскольку сразу после победы в возрасте тридцати трех лет вышла в отставку, имея чин штаб-ротмистра.

Если ранили друга, перевяжет подруга

Примеры, подобные вышеописанным, случались, естественно, и в армиях других стран, вызывая повсюду, в общем-то, одинаковую реакцию в виде недоверчивого любопытства. И хотя прежнего агрессивного неприятия таких поступков уже не было, тем не менее до самого конца XIX века общественное мнение склонялось к тому, что пребывание женщин на войне бесполезно для дела, а для рыцарской воинской чести сильного пола и вовсе зазорно. Вместе с тем на Западе уже родилось и набирало силу движение феминисток, объявивших своей целью достижение для женщин равных с мужчинами прав и возможностей. Наиболее деятельные активистки этой партии ратовали и за внедрение представительниц слабого пола во все структуры вооруженных сил. В конце концов, их усилия начали приносить плоды.

Первой страной, где официально отказались от мужской монополии на погоны, стала Канада. Случилось это знаменательное событие, вызвавшее громкий резонанс по всему миру, в 1885 году. Впрочем, по мнению эмансипированных дам того времени, «конец возмутительной дискриминации в военном деле» по отношению к «дочерям Евы» еще не был положен. Действительно, надо признать, что сразу следовать примеру канадских генералов никто в мире не торопился. Да и шаг, сделанный страной кленового листа,

был половинчатым, так как в армию разрешалось принимать только девушек, прошедших специальную медицинскую подготовку, а их деятельность строго ограничивалась лишь этим человеколюбивым поприщем. То есть до боевого строя слабый пол все еще не допускался.

Бороться с «ретроградством» милитаристски настроенным особам пришлось еще более трех десятилетий. Даже во время Первой мировой войны в Западной Европе так и не решились подпустить прекрасную половину человечества к фронтовым окопам, где и медиками продолжали оставаться исключительно мужчины. Правда, двери армий для женщин-воительниц наконец-то раскрылись, но их, хотя и облаченных в мундиры, консерваторы-генералы предпочитали использовать в глубоком тылу на второстепенных ролях. Одним из наиболее характерных и известных формирований такого плана стал женский королевский вспомогательный корпус, созданный в Великобритании.

«И девушка наша проходит в шинели...»

Если разобраться в вопросе глубже, то легко увидеть, что в странах Запада женщин начали принимать в армию вынужденно. Во-первых, в связи с неумолимой активностью феминисток. Во-вторых, в связи с тотальным характером войны — из-за больших потерь и малых людских ресурсов, стремясь таким образом изъять мужчин с тыловых должностей телефонистов, stenographers, портных и т. п. Что же касается России, то здесь «феминизация» вооруженных сил произошла по причинам, которые лично мне трудно постичь логически. Судите сами. С одной стороны, феминистское движение в нашей стране было куда менее влиятельным, нежели на Западе. С другой стороны, призывников, способных носить оружие, в «третьем Риме» всегда было с избытком. Скорей всего причина кроется в том, что общественность нашей страны, — в подавля-

ющем большинстве состоявшая, разумеется, из мужчин, — всегда жадно ловила доносившиеся из Европы новые веяния и постоянно испытывала желание наконец-то «обогнать» ее, хотя бы в какой-то мелочи.

Так или иначе, но формальное право находиться в действующей армии (правда, без возможности зачисления в состав подразделений и только для работы в госпиталях) российские женщины получили во время войны с турками в 1877—1878 годах. Тогда около полутора тысяч сестер милосердия добились от национального общества Красного Креста направления на театр боевых действий. Однако неофициально еще в период Крымской войны 1853—1856 годов более 120 дам — в подавляющем большинстве представительниц высшего света — уже выполняли подобную работу в медицинских учреждениях, в том числе и в госпиталях осажденного Севастополя.

Во время русско-японской войны на фронте появилось сразу четыре российских амазонки. Все они оказались последовательницами «кавалерист-девицы», так как воевали в том же самом роде войск. Самой колоритной из них (на взгляд пишущего эти строки) была унтер-офицерская вдова, скрывшаяся за псевдонимом «Михаил Николаевич». В составе казачьего полка она участвовала во всех боях, что выпали на его долю, а также ходила в разведки и брала языков. Свой след в истории войны, хотя, быть может, и не столь яркий, оставили и три других бойца, являвшихся по своему официальному положению женами офицеров среднего звена.

В Первую мировую войну количество россиянок, дравшихся на фронте с оружием в руках, возросло еще больше. Конечно, по отношению к общей величине царской армии 1914—1917 годов число надевших форму амазонок ничтожно мало. Тем не менее, даже простое перечисление их (всего около сотни) с указанием краткой биографической справки — это уже тема для солидной монографии. Поэтому вспомним лишь наиболее заметные фигуры. В первую очередь, конечно же,

княгиню Евгению Шаховскую, ставшую военным пилотом. Другую представительницу старой дворянской фамилии — Ольгу Шидловскую — император Николай II лично разрешил принять рядовым в Мариупольский гусарский полк. Еще одна «кавалерист-девица» — Антонина Пальшина — прошла всю войну на Кавказском фронте и умерла, кстати, совсем недавно, в 1992 году, в возрасте 96 лет. Служили дамы и в пехоте, как, например, полные георгиевские кавалерши Антонина Потемкина и Мария Бочкарева, побывавшие в таких переделках, где пасовали даже мужчины.

Впрочем, все воительницы дореволюционного призыва принадлежали к той категории людей, о которых говорят: «аршином общим не измеришь». Они добились своей цели, четко зная, чего хотят и что для этого надо делать. Что касается препятствий на их пути, то достаточно сказать, что официального разрешения на службу женщин в вооруженных силах до падения монархии принято так и не было. Но после февраля 1917 года революционный ветер погнал страну к пропасти, причем здравый смысл стремительно покидал все слои общества.

Весной, сразу в десятке российских городов началось формирование армейских женских добровольческих частей. По единодушному желанию личного состава, эти части получили многообещающее название «батальонов смерти», которое, видимо, своей мрачной романтикой тешило доброволок еще больше, чем мечты о поверженных врагах и ратной славе. В Петрограде о штыковых атаках стали бредить даже воспитанницы Смольного института, а последних здравомыслящих людей — особенно из числа уже побывавших в окопах, — пытавшихся объяснить, что война не игра, объявили пораженцами.

Дело спорилось с истинно российским максималистским размахом. В один только столичный «батальон смерти» за несколько дней записалось более двух тысяч дам. Правда, казарменная скука смертницам пришлась не по душе. Гораздо больше их привлекали свет-

ские приемы, рестораны и поклонники. Поэтому вскоре даже у либеральных командирш закончилось терпение. Спустя всего две-три недели полторы тысячи бойцов отчислили с красноречивой формулировкой: «За легкое поведение». Однако отвергнутые не растерялись и в пику обидчицам организовали в Инженерном замке свой самостоятельный «Ударный батальон», а также собрали Всероссийский съезд патриотически настроенных женщин.

Комедия неумолимо превращалась в трагедию, разыгрываемую в огромном театре абсурда. Свое логическое завершение она получила в середине лета, когда столичный «батальон смерти» добился-таки отправки на фронт и 9 июля, неподалеку от Сморгони, принял свой первый бой, который, впрочем, оказался и последним. Лишенные «романтической фантазии» немцы, видимо, не поняли в каком исторически-знаменательном событии им посчастливилось участвовать, и, вместо того, чтобы галантно разбежаться с высоко поднятыми руками, открыли ураганный огонь.

Конечно, нельзя исключить, что они просто не разглядели, кто на них наступал. Тем не менее, факт остается фактом — после первой же атаки, в которой батальон потерял свыше трети личного состава, его срочно отправили обратно в Петроград, а генерал Л. Г. Корнилов, являвшийся на тот момент верховным главнокомандующим, издал строжайший приказ о прекращении набора подобных частей и запрещении отправки на фронт уже имевшихся формирований. Тем не менее Россия все-таки опередила конкурентов с Запада. Она по сей день остается единственной европейской страной, в которой женское равноправие зашло так далеко, что из женщин было сформировано отдельное воинское подразделение и брошено затем в реальный бой против мужчин.

Правда подавляющее большинство доброволок из «батальонов смерти» после вышеописанного сражения почему-то вдруг утратило воинственный дух и поспешило покинуть армейскую службу. Самые стойкие ама-

зонки осенью были соединены в «Петроградский женский батальон», которому судьба предписала — в качестве части гарнизона Зимнего дворца — еще раз войти в историю в тот день, когда большевики отбирали власть у «министров-капиталистов». Затем и этот последний островок в безбрежном мужском армейском море был ликвидирован рабоче-крестьянской властью из-за «буржуйского» происхождения большинства бойцов.

Впрочем, Страна Советов, воплотила в жизнь многие из заветных чаяний дам-воительниц. Достаточно сказать, что во время Второй мировой войны в вооруженных силах СССР служило более 800 000 женщин — намного больше, чем во всех остальных армиях мира, вместе взятых. Чаще всего их можно было встретить среди зенитчиков, снайперов, связистов, но наибольшую известность получили женские авиационные полки, ставшие своего рода символом и витриной социалистической действительности. Представительницы слабого пола в Красной Армии зачастую служили на передовой даже в сугубо мужских войсках — танковых, артиллерийских, военно-морском флоте, однако крупных самостоятельных женских соединений из них все же не создавали¹⁹³. Тем не менее, потери оказались очень значительными. Официальные цифры сообщают о десятках тысяч погибших женщин.

Новые амазонки

В европейских армиях и вооруженных силах США вплоть до последней четверти XX века роль представительниц прекрасной половины человечества оставалась примерно такой же, как и в период Первой мировой. Однако в последние десятилетия аналитики НАТО принялись достаточно серьезно исследовать «вопросы, связанные с наиболее рациональным использованием лиц женского пола в военных структурах». По всей видимости, ими разработаны какие-то

рекомендации на сей счет, поскольку с конца 80-х годов минувшего столетия в странах этого блока проникновение амазонок буквально во все армейские закоулки приобрело прямо-таки лавинообразный характер.

У нас же в стране о проблеме армейской службы женщин к началу XXI века, похоже, вообще забыли. Но думается, что она о себе, как это чаще всего и бывает в России, вскоре заявит сама. Ведь мужчины ныне не горят желанием на профессиональной основе примерять на свои плечи погоны — прежде всего по причине нищенских армейских окладов. И генералы скрепя сердце вынуждены в качестве контрактников заменять их во все больших масштабах женщинами. Однако всех последствий массового набора амазонок в вооруженные силы сегодня наверняка до конца не представляют себе даже в НАТО. Ведь жизнь уже много раз доказывала, что теория это одно, а практика — совсем другое. В серьезной войне феминизированная армия к счастью еще не проверялась.

ГЛАВА 11

«БРОНЯ КРЕПКА И ТАНКИ НАШИ БЫСТРЫ»

Многотысячелетняя военная история нашей планеты насчитывает всего несколько десятков так называемых рубежных дат, с которыми связаны знаменательные события, послужившие толчком для кардинальных изменений в стратегии и тактике боевых операций. Но даже в таком элитном перечне особо выделяется 16 сентября 1916 года. Этот день не только разделил Первую мировую войну на две практически равные части и внес перелом в ход сражения на реке Сомме. Можно сказать, что с этого момента началась новая эпоха в развитии воинского искусства, поскольку именно в то хмурое осеннее утро произошла первая в

мире танковая атака. Тридцать две британских боевых машины около французской деревни Флер-Курслет всего за несколько часов сумели сделать то, что более двух лет не удавалось миллионам пехотинцев. Гусеничные чудища прорвали германский фронт и тем самым продемонстрировали, что выход из кровавого тупика «позиционной войны» наконец-то найден.

Российские бронетанковые войска тоже празднуют свой день рождения в сентябре. Разумеется, не в ознаменование английского успеха. У нас, как известно «собственная гордость». Но если чуть-чуть поскрести лакировку, то немедленно выяснится, что «железные кони» российской породы имеют к британским «сухопутным линкорам» самое непосредственное отношение, являясь, в сущности, их незаконнорожденными отпрысками.

От колесницы до «резервуара»

Мечта о создании всесторонне защищенной мобильной боевой единицы уходит своими корнями в глубокое прошлое. Оснащенные медным панцирем тележки использовались еще в Древнем мире. Затем — в период Средневековья на полях сражений царила закованная в латы рыцарская кавалерия. Однако наиболее полно идея «движущихся крепостей» получила возможность воплотиться лишь на рубеже XIX—XX столетий, когда технический прогресс одарил человечество компактным и сравнительно легким двигателем внутреннего сгорания. В эти годы появился непосредственный предок танка — бронеавтомобиль. Первыми его создали и использовали все те же англичане во время войны с бурами 1899—1902 годов¹⁹⁴.

Однако колесные машины могли применяться лишь на хороших дорогах. На пересеченной местности (то есть там, где в основном и разворачивались сражения) они оказались практически бесполезны. Таким образом, сама жизнь заставила конструкторов обратить

внимание на гусеничные трактора. Первыми, как уже сказано выше, адаптировать мирных сельскохозяйственных тружеников к армейским нуждам сумели британцы. Строили и перевозили их, естественно, в большой тайне. Закрытые брезентом, издали эти машины напоминали большие цистерны. В связи с чем и был пущен слух, что по заказу русских изготавливаются металлические резервуары — «танки» (tank — по-английски означает бак, емкость). В английском и русском языках это слово так и привилось в качестве названия для грозных боевых машин.

К концу Первой мировой войны усовершенствованные модели гусеничных танков уже полностью утвердились во всех армиях передовых государств. В России также по достоинству оценили британские «лоханы»¹⁹⁵. Однако все проекты собственных «бронеходов» не пошли дальше опытных экземпляров по причине слабости промышленного потенциала и трудностей военного времени. Поэтому первый русский танк был построен только после революции. Хотя «русским» его можно назвать лишь с большой натяжкой, разве что по месту изготовления. Дело в том, что во время гражданской войны белые армии получили от французов и англичан в качестве помощи несколько десятков современных танков. Часть из них красные захватили как трофеи. Наиболее простым по конструкции советским специалистам показался французский легкий танк «Рено ФТ» образца 1917 года. Его и решили скопировать на Сормовском заводе в Нижнем Новгороде¹⁹⁶.

Первый экземпляр «Русского Рено» вышел на ходовые испытания 31 августа 1920 года¹⁹⁷. По качеству он оказался значительно хуже прототипа. Тем не менее, в течение последующих шестнадцати месяцев в строй кое-как ввели еще четырнадцать машин. Все они имели собственные имена. Первая называлась: «Борец за свободу товарищ Ленин». Другие окрестили более скромно: «Илья Муромец», «Парижская коммуна», «Буря» и так далее в том же героико-революционном

духе. Однако дальнейшее производство вскоре остановилось из-за царившей в Советской России жесточайшей хозяйственной разрухи.

«Крокодил не ловится, не растет кокос...»

После окончания гражданской войны в Красной Армии насчитывалось, вместе с трофейными, всего около ста танков¹⁹⁸. Машины эти были разнотипными, изношенными, к ним не хватало запчастей. Да и вообще, столь ничтожное количество «лоханей» конечно же, не устраивало большевистских вождей, которые мгновенно смекнули, что при помощи «бронеходов» мировая революция имеет несравнимо больше шансов на осуществление. Короче, требовалось создавать свою танковую промышленность. Но легко сказать: «создавать». Россия и раньше не числилась среди лидеров мировой тяжелой индустрии, а после октябрьской революции оказалась отброшенной далеко назад. Немногочисленные инженеры в массе разбежались по границам или погибли в застенках ЧК. Рабочие, спасаясь от голода, устремились в деревни. Заводы стояли. Их оборудование растаскивалось. Однако, как только начавшийся в 1921 году НЭП слегка реанимировал российскую экономику, была предпринята попытка построить собственную машину. На Ижорском заводе в Петрограде по проекту «товарища Кондратьева» начались работы над плавающим танком «Ижзавод». Но к 1923 году они закончились полной неудачей¹⁹⁹.

В 1924 году проектирование и организацию производства танковой техники советское правительство специальным декретом возложило на созданное при Главном управлении военной промышленности Танковое бюро. В коллективе конструкторов не было ни одного человека, хотя бы смутно представлявшего, с какого бока подступиться к данной проблеме. Полностью отсутствовала необходимая документация. Поэтому прошло целых три года, прежде чем из ворот ленинг-

радского завода «Большевик» вышел опытный танк Т-16, представлявший собой несколько модернизированный все тот же французский «Рено FT»²⁰⁰. Работы по совершенствованию этой очередной «вариации на тему» затянулись, но реввоенсовет СССР, не дожидаясь их окончания, принял машину на вооружение: слишком велико было нетерпение — «на горе всем буржуям» — поскорее обзавестись бронированной самоходной дубиной.

Экспериментальный танк Т-16, слегка доработанный и получивший индекс Т-18 (а затем переименованный в МС-1 — то есть «малый сопровождения») начали серийно изготавливать в 1928 году²⁰¹. Предназначался он, как явствует из названия для взаимодействия (сопровождения) в бою с пехотой. Сразу же после поступления первых экземпляров Т-18 в войска выявились его «серьезные недостатки» и потребовалось срочно создать более совершенную модель.

Следующий, а точнее первый отечественный, не копирующий заграничные, танк разработали в Харькове, где на паровозостроительном заводе имени Коминтерна в сентябре 1927 года организовали еще одно конструкторское бюро по созданию бронетехники. Разработка машины, которой присвоили индекс Т-12, началась в 1928 году. В апреле 1930 харьковчане передали на испытания опытный экземпляр этого танка с целью «возможной постановки его в серийное производство»²⁰². Эта «лохань» считалась маневренной и планировалась для действий в составе самостоятельных механизированных частей. Однако испытания выявили множество дефектов. Их устранение привело к созданию еще одного образца — Т-24, которому было суждено стать первым советским серийным средним танком, выпущенным, правда, малой серией — всего 25 машин²⁰³. Он оказался сложен в производстве и в обслуживании, а в эксплуатации ненадежен. По этой причине — так же, как и МС-1, — Т-24 недолго продержался на вооружении Красной Армии. Неудачным получился и последний «наследник» «Рус-

ского Рено» — Т-20, работы над которым окончательно свернули летом 1931 года²⁰⁴. Столь же печальный итог имели еще две попытки создать оригинальную конструкцию. В 1929—1931 годах на Ижорском заводе фиаско потерпел проект Николая Дырленкова, обозначавшийся индексом Д-4²⁰⁵. Большие надежды возлагались на одновременно создававшийся в Оружейно-арсенальном тресте Т-19. Он должен был стать основным ударным средством мобильных частей Красной Армии. Но суровая реальность вновь опустошила советских танкистов с небес на землю²⁰⁶.

Кроме вышеперечисленных машин, в 20-е годы в главном конструкторском бюро Оружейно-арсенального треста были спроектированы танкетки Т-17, Т-21, Т-22, Т-23²⁰⁷. Однако они также страдали многочисленными «детскими болезнями», отчего в серийное производство не внедрялись.

Итог был более чем нелицеприятным. Все созданные отечественными специалистами машины оказались неудачными: у них не только постоянно выходили из строя различные узлы и отдельные детали, но даже хронически слетали гусеницы. К тому же «новоорожденные» сохраняли в себе уже давно устаревшие технические решения тех иностранных образцов, с которых в большей или меньшей мере копировались²⁰⁸. Поэтому, называя вещи своими именами, о советских танкостроителях 20-х — начала 30-х годов, можно сказать, что они не смогли справиться с теми задачами, которые перед ними поставила власть. Кремлевским вождям, не в первый и не в последний раз смилив «технологическую гордыню», пришлось обратиться к ненавистными «буржуям» с просьбой о «содействии».

С миру по нитке — нищему рубаха

Первой страной, с которой удалось договориться о технической помощи в деле создания в СССР собственной танковой промышленности, была Германия.

Версальский мир, увенчавший мировую войну 1914—1918 годов, очень жестко ограничил проигравших немцев во всем, что касалось совершенствования боевой техники. В частности, им полностью запрещалось иметь химическое оружие, авиацию, танки. Желая обойти это препятствие, Берлин и пошел на тайное сотрудничество с Москвой.

Большевики предоставили «временным попутчикам» полигоны, а также заводы для изготовления опытных моделей. Взамен германская сторона должна была прислать опытных специалистов, в том числе наставников-производственников и конструкторов. В 1930 году из Германии прибыла группа инженеров во главе с известным изобретателем Эдвардом Гротте, который и возглавил разработку новых «бронеходов» для Страны Советов²⁰⁹. В КБ к немцам, по условиям соглашения, «прикрепили» российских проектировщиков, которые таким путем, наконец, получили возможность быстро приобрести необходимые знания и навыки.

Но создание и запуск в серию современной техники даже с помощью европейцев требовали некоторого времени²¹⁰. Обзавестись же танками хотелось как можно быстрее. Поэтому вскоре советское правительство решило в дальнейшем использовать бюро Гротте как «кузницу кадров» для отечественного танкостроения, а уже готовые образцы современных машин вместе с технологиями для их запуска в серийное производство попытаться достать за рубежом²¹¹. Для этой цели в вояж по разным странам и континентам отправился начальник созданного в 1929 году Организационного Управления механизации и моторизации Красной Армии командарм I ранга Иннокентий Халепский.

Возглавляемая им комиссия сначала закупила в Италии несколько различных типов танков фирмы «Ансальдо», которые, однако, не понравились советским военным. Но вот приобретенный в США танк «Кристи М. 1930» оказался хорош всем. Судно с дву-

мя такими машинами покинуло Нью-Йорк 24 декабря 1930 года. По документам они проходили как коммерческие тракторы, поскольку госдепартамент США официально запрещал своим гражданам продажу военной техники Советскому Союзу. Тем не менее, удача сопутствовала Халепскому, так как когда обман раскрылся, корабль уже на всех парах спешил домой²¹². В СССР заокеанскую «лохань» приняли на вооружение 23 мая 1931 года, в очередной раз не дождавшись даже выпуска первого отечественного образца. Незаконно импортированной машине присвоили индекс БТ («быстроходный танк»). И спустя короткое время, благодаря внедрению на советском производстве фордовских методов, машины стали сотнями покидать конвейер харьковского завода²¹³. Для своего времени это был отличный вариант бронированного «чудо-коня», способного «растоптать» армию любого противника. Именно от БТ ведет родословную знаменитый Т-34, унаследовавший от американского предка свои основные достоинства — общую компоновку, подвеску и главные элементы ходовой части.

Впрочем, самый крупный импортный «бронепушечный» советские танкисты собрали в Англии. Там все в том же 1930 году фирмой «Виккерс-Армстронг» был создан танк «Виккерс-Армстронг Mk. E», более известный в мире как «Виккерс шеститонный». Эта модель очень приглянулась эмиссарам Халепского. Действительно, машина как нельзя лучше вписывалась в то, что разработанную «Систему танково-тракторно-авто-бронепушечного вооружения Красной Армии», предусматривавшую потребность войск как в танках «дальнего действия», (на эту роль определили БТ) так и в танках непосредственной поддержки пехоты. В качестве образца для последних идеально подходил «Виккерс-Армстронг Mk. E». К 4 июля 1931 года все пятнадцать заказанных СССР машин покинули цеха фирмы²¹⁴. Как и «Кристи», на вооружение их приняли, что называется авансом. Серийное производство пла-

нировалось организовать на Сталинградском тракторном заводе. Однако ввод в строй этого гиганта в ходе первого пятилетнего плана сорвался. Поэтому сборку заморских «бронечудищ» пришлось организовывать на ленинградском заводе «Большевик», где в течение следующих десяти лет «Русские Виккерсы» и штамповались в несметном количестве под индексом Т-26²¹⁵.

Одновременно в Англии комиссией Халепского была приобретена танкетка «Карден-Ллойд», а так же плавающий танк «Виккерс-Карден-Ллойд». Танкетка в бронетанковых войсках Красной Армии получила обозначение Т-27. Ее сборку освоили на подмосковном заводе имени Орджоникидзе в Черкизове. За два года там изготовили более 3328 машин²¹⁶. В тоже самое время на основе плавающего танка в СССР разработали два типа амфибий, в общем-то, мало, чем отличавшихся как друг от друга, так и от «родителя». Получив индексы Т-37А и Т-38, они в 1933 году заменили на конвейере черкизовского завода Т-27²¹⁷.

Кроме этого, в Великобритании советская делегация попыталась закупить средний трехбашенный танк «Виккерс-Армстронг А. 6». Однако данная машина (в отличие от предыдущих, поставлявшихся не только СССР, но и другим странам мира, которые не имели собственной танковой промышленности) считалась в Туманном Альбионе секретной, и англичане продавать ее отказались. Но поскольку людям Халепского танк весьма приглянулся, то они, вернувшись в Москву, настояли на организации и проведении тайной операции с целью добывания всей необходимой информации для налаживания производства трехбашенного «Виккерса» в СССР²¹⁸. Шпионская акция удалась, и вскоре на Кировском заводе в Ленинграде начали делать очень похожую боевую машину, известную в нашей стране под индексом Т-28²¹⁹.

Согласно программе оснащения Красной Армии бронетанковой техникой, предусматривалось иметь на вооружении, кроме легких и средних, еще и тяжелые

машины, которые должны были находиться в резерве Главного командования на случай прорыва особо сильных укрепленных полос будущего неприятеля. Работы над этими «сухопутными броненосцами» начались в КБ завода «Большевик» в 1929 году. Вскоре к ним подключили упоминавшегося выше Эдварда Гротте. Однако опытный экземпляр появился лишь после того, как конструкторы получили в руки чертежи очередной английской машины — 32-тонного пятибашенного «Виккерс-Армстронг А. 1 Индепендент», выпущенного в Великобритании в 1925 году. Этот англосакс в СССР приобрел индекс Т-35 и был запущен в серию параллельно с БТ на Харьковском паровозостроительном заводе имени Коминтерна в 1933 году²²⁰.

Подводя итог деятельности советских технических эмиссаров и танкостроителей 30-х годов, надо все же отдать этим людям должное. Как конструктора и изобретатели звезд с неба они, конечно, не хватали, но настойчивость в достижении цели продемонстрировали завидную. И, в конце концов, сумели не только выбрать на Западе удачные образцы боевых машин, но и наладить их успешный выпуск в СССР. В результате к началу Второй мировой войны Красная Армия получила свыше 20 000 танков — больше, чем все остальные страны мира вместе взятые²²¹.

Крещение огнем

«Пробу пера» советские танкисты в 30-е годы впервые получили возможность произвести в Испании, где в 1936—1939 годах полыхала гражданская война. СССР поддерживал республиканцев, посылая им «военспецов» и боевое снаряжение. Среди прочего на Пиренейский полуостров были направлены три сотни Т-26 и пятьдесят БТ вместе с экипажами²²². Там они встретились с германской и итальянской бронетехникой, вооруженной лишь пулеметами²²³, и благодаря своему

абсолютному превосходству в артиллерийском оснащении нещадно их били. В то же время в Испании выявился главный недостаток советских машин — слабость бронирования. Батарея небольших 37-мм противотанковых пушек легко останавливала атаку десятка «красных лоханей». Ситуация повторилась и на Дальнем Востоке, где в 1938 и 1939 годах произошли широкомасштабные вооруженные конфликты у озера Хасан и на реке Халхин-Гол.

В Монголии БТ встретились с японскими легкими танками «Ха-Го», которые, так же, как и немецкие и итальянские танкетки, уступали советским машинам по вооружению и бронированию. Однако во время знаменитой атаки 11-й танковой бригады, брошенной 3 июля 1939 года тогда еще неизвестным Г. К. Жуковым в лобовую атаку на укрепления Баин-Цагана, потери получились очень чувствительными. Из 132 машин к концу боя уцелело всего 50²²⁴.

Ушатом холодной воды для большевистских вождей оказалась война с маленькой Финляндией, начатая Советским Союзом 30 ноября 1939 года. В Карелии Красная Армия впервые столкнулась с европейской, хотя и небольшой, но профессионально отлично подготовленной армией²²⁵. Финны, почти не имевшие танков, как правило, отбивали все массированные атаки советской бронетехники, нанося при этом наступающим страшные потери, которые к концу боевых действий составили 3179 машин²²⁶.

Единственным позитивным моментом для советского танкового дела в «Зимней войне» стало испытание новой техники. Накопленный за два десятилетия опыт позволил отечественным специалистам, наконец, самим, без зарубежной помощи приступить к созданию современных моделей бронетехники. В конце 1939 года конструкторы ленинградского Кировского завода предъявили на суд правительственной комиссии два экспериментальных экземпляра тяжелого танка КВ («Клим Ворошилов»). 17 декабря их опробовали в бою, где они показали себя достаточно неплохо. Через два дня

«тяжеловес» был принят на вооружение. Правда, вскоре выяснилось, что и эти машины не лишены недостатков. Особенно оставляла желать лучшего ходовая часть. После некоторых колебаний генералы все же решили, что толстая броня вкупе с мощной 75-мм пушкой компенсируют «ходовые» минусы. Поэтому кировцы получили задание разворачивать серийное производство.

Параллельно в Харькове в январе 1940 года собрали первый Т-34, творчески развив идеи, разработанные инженером Кристи. Талантливейший американский конструктор сумел потрясающе предвосхитить будущий магистральный путь развития мирового танкостроения и наделил машину огромным потенциалом для совершенствования. Впрочем, советские инженеры не до конца продумали детали новой модели. Испытания выявили множество конструктивных недоработок. Наибольшие претензии предъявлялись к тесноте боевого отделения и «слепоте» танка — плохому обзору окружающей местности для экипажа²²⁷. Хотя харьковчане сумели добиться постановления о серийном производстве «тридцатьчетверки», недостатки новорожденного так и не были ликвидированы. В начальный период грянувшей вскоре войны, когда сражаться пришлось с немецкими танками первого — еще предвоенного поколения, проблемы «матчасти» были не столь заметны. Однако после того, как противник начал насыщать армию новыми типами средних и тяжелых танков, «врожденные болезни» тут же дали о себе знать²²⁸. Не в последнюю очередь именно поэтому в сражениях Второй мировой — даже на заключительном этапе — «козырным тузом» сталинских бронетанковых войск продолжало оставаться исключительно подавляющее численное превосходство.

Кроме тяжелого и среднего танков, в 1940 году были созданы и приняты на вооружение амфибия Т-40, заменившая на конвейере в Черкизово «англичан», а также легкий танк Т-50, который поручили изготавливать

ленинградскому «Большевику» вместо другого «обрусевшего британца» — Т-26. Однако тяжелые будни Великой Отечественной быстро поставили крест на карьере этих машин. Красная Армия требовала технику по принципу «пусть хуже, но больше». А Т-40 и Т-50 оказались сложны в производстве и дороги. В итоге их заменили на более примитивные Т-60 и Т-70.

Тяжкая поступь «моторизованного Чингисхана»

На 22 июня 1941 года бронетанковые войска СССР насчитывали 25784 танка²²⁹, в том числе свыше 1000 Т-34 и около 550 КВ²³⁰. В пяти приграничных округах (Ленинградском, Прибалтийском, Западном, Киевском, Одесском) находилось 15687 машин²³¹.

«Панцерваффе» (танковые войска) германской армии вторжения имели семнадцать танковых дивизий с 3397 танками, из них лишь 1404 средних, остальные легкие (тяжелые танки поступили на вооружение Вермахта только осенью 1942 года). Кроме того «Восточная армия» располагала двумя отдельными танковыми батальонами (106 машин), тремя отдельными батальонами огнеметных танков (116 машин), а также одиннадцатью дивизионами и пятью батареями штурмовых орудий (246 машин). Таким образом всего Вермахт имел 3865 единиц бронетехники²³². Пять немецких танковых дивизий были вооружены исключительно легкими «панцерами», по боевым возможностям уступавшим даже «Русским Кристи» и «Русским Виккерсам», которые — при грамотной тактике использования — вполне могли потягаться с «тевтонами» из разряда «средних». Что касается Т-34 и КВ, то они по техническим характеристикам абсолютно превосходили все немецкие «панцеры» предвоенного выпуска.

Казалось бы, соотношение несопоставимое. Тем не менее, в течение летне-осенних месяцев 1941 года последовал катастрофический разгром советских бронетанковых войск.

танковых войск, которые оказались фактически почти полностью уничтоженными²³³. К январю 1942-го на фронте и в резерве Ставки ВКГ находилось всего 2370 танков²³⁴. На Дальнем Востоке на тот момент оставалось 2124 машины²³⁵. При этом надо еще учесть, что за вторую половину 1941 года промышленность дала Красной Армии 4800 новых танков²³⁶. Кроме того, 930 машин передали в качестве помощи по ленд-лизу союзники²³⁷.

Германская армия потеряла за те же полгода 2851 танк²³⁸ (немецкие заводы возместили 2175 единиц²³⁹). Можно, конечно, сказать, что по отношению к общему количеству задействованных машин потери Вермахта — отнюдь не маленькие. Если, конечно, не сравнивать их с советскими. История в очередной раз преподавала урок, продемонстрировав, что небольшая, но профессионально вышколенная европейская армия всегда предпочтительнее огромной, но плохо организованной и не обученной азиатской орды. Сталинскую империю в тот момент спасли бескрайность территории, безграничность природных и человеческих ресурсов, а также обреченный героизм простых красноармейцев и ополченцев, своими телами затормозивших стремительное продвижение гитлеровской армии на Восток. Важную роль в спасении СССР сыграла помощь США и Великобритании. Поставки вооружения, промышленного оборудования и стратегического сырья помогли Советскому Союзу восполнить потери и развернуть производство на эвакуированных заводах в тыловых районах. Уже в 1942 году из ворот новых «танкоградов» на фронт ушло 24 446 танков²⁴⁰, к которым присоединилось более 4000 ленд-лизских машин²⁴¹.

Кроме того, благодаря флоту западных союзников германская экономика продолжала работать в тисках блокады, испытывая крайнюю нужду буквально во всем. Англо-американская авиация неуклонно усиливала бомбежки немецких заводов и других важнейших объектов. Поэтому Вермахт в том же 1942 году полу-

чил всего 6085 новых танков²⁴². Однако низкий профессиональный уровень большинства советских полководцев позволил генералам Гитлера, несмотря на трудности войны на несколько фронтов, вновь превратить в металлолом основную массу красноармейской бронетехники.

Даже в 1943–1944 годах, когда уровень подготовки немецких войск начал неуклонно падать, соотношение потерь на Восточном фронте продолжало выглядеть для Москвы удручающе.

Всего с июля 1941-го до конца апреля 1945-го в СССР, согласно официальной статистике, было изготовлено 98 300 танков²⁴³. Если вспомнить количество бронетехники, которое имелось в Красной Армии к началу войны, а также помощь Вашингтона и Лондона²⁴⁴, то получается, что Советский Союз в годы борьбы с Третьим рейхом использовал почти 137 тысяч боевых гусеничных машин — от пулеметных танкеток до самоходных орудий калибром 152 миллиметра. Самым массовым отечественным танком той поры стал Т-34, выпущенный в количестве около 55 000 единиц²⁴⁵. Далее следуют Т-60 и Т-70 — 5915 и 8226 экземпляров соответственно²⁴⁶. Тяжелых танков КВ и ИС произвели на свет 4775 и 3590 штук соответственно²⁴⁷. На базе легких машин, начиная с 1942 года, была запущена в серию самоходка СУ-76 (до июня 1945-го изготовлено 14 292 штуки)²⁴⁸. Т-34 послужил в 1943–1944 годах основой для создания СУ-85 (до мая 1945-го изготовлено 2654 штуки)²⁴⁹, СУ-100 (1340 штук)²⁵⁰, СУ-122 (637 штук)²⁵¹. Тяжелые танки в тот же период стали базой для изготовления СУ-152 (671 штука)²⁵², ИСУ-122 (1520 штук)²⁵³, ИСУ-152 (1792 штуки)²⁵⁴. К моменту окончания боев на европейском театре из всей этой колоссальной армады у СССР по официальным данным оставалось не более 35 200 танков и «самоходок»²⁵⁵. Здесь необходимо вспомнить, что за 1941–1945 годы советские ремонтники восстановили и вновь ввели в строй 430 000 машин²⁵⁶. Таким образом, всего за годы Второй мировой войны потери бронетанковых войск

Советского Союза составили свыше полумиллиона (!!!) единиц.

Чтобы еще лучше представить, какой ценой оплачивались сталинские победы, заметим, что Германия в 1939—1945 годах использовала на всех театрах военных действий против всех противников всего порядка 50 000 танков и самоходных орудий²⁵⁷, а такие машины, как «Тигр», «Пантера» и «Фердинанд» изготавливались относительно небольшими сериями: 1842²⁵⁸, 6000²⁵⁹ и 90²⁶⁰ штук соответственно. Основная же масса бронетанковых войск Третьего Рейха состояла из более слабых моделей²⁶¹. Если к тому же сделать поправку на то, что свыше четверти от суммарной численности своего танкового парка Германия потеряла в противоборстве с западными союзниками СССР, то можно в достаточной мере представить тот удручающий масштаб советских потерь, который исчерпывающе характеризует уровень мастерства сталинских стратегов. Самое прискорбное, что никаких комплексов или хотя бы маломальских угрызений совести по поводу своего непрофессионализма, послужившего причиной напрасно пролитого моря крови собственных соотечественников, эти люди не испытывали. Вместо анализа своих ошибок, они в послевоенные годы сели писать — в назидание молодому поколению — мемуары, исполненные ничем не обоснованной гордыни. Читая эти книги, невольно думаешь, что речь в них идет о какой-то другой — никому, кроме самих авторов, не известной войне, где союзники все больше гадили, а не помогали, а противник изначально страдал умственной отсталостью и добивался успехов исключительно благодаря вероломству или численному превосходству. А Красная Армия, разумеется, всегда была врага не числом, а умением. Постепенно полет фантазии авторов проник еще глубже в историю — вплоть до периода Первой мировой, где они в воображаемой реальности даже «застолбили» за Россией пальму первенства в деле создания первого в мире танка. Статьи с рассказами о том, как мы «обогнали» Европу

выходили в самых уважаемых изданиях вплоть до развала СССР²⁶².

Что ж, бумага все терпит. К тому же, оказалось, что очень многим потомкам нравится считать себя «внуками Ганнибалов» и не извлекать из собственной истории никаких уроков. Думаю, не в последнюю очередь именно по этой причине военные трагедии в реальной российской жизни упрямо повторяются. И, увы, отнюдь не в виде «фарса»...

ГЛАВА 12

ТРИСТА ЛЕТ ПО ЗАМКНУТОМУ КРУГУ

Кто-то из умных людей однажды заметил, что душу любой страны лучше всего можно понять, если внимательно прочитать те сказки, которые созданы ее народом. Вот, например, у европейцев даже небылицы не лишены зерна рационализма и подчинены прагматической логике. Счастливый финиш к их героям приходит только как награда за сверхусилия и честный труд. В русских сказках наоборот — счастье находят исключительно как внезапную удачу — по воле «золотой рыбки» или «по щучьему велению». Точно такой же алгоритм работает и при создании национальной военной мифологии.

Все народы во все эпохи поддавались соблазну «улучшить» собственное прошлое. Но если на Западе такими методами стремились просто слегка «подправить» некоторые цифры и факты, то на Востоке, «не мелочась», конструировали совершенно новую реальность, где поражения волшебным образом превращались в победы, а «наши» всегда выглядели чудо-богатырями. В наиболее концентрированном виде эта тенденция представлена в российской флотской историографии. Что тоже легко объяснимо. На суше отечественная армия пусть даже числом, но все-таки добивалась успе-

хов. Что же до морских войн, то как Российской империи, так и Советскому Союзу — они за редкими исключениями — приносили сплошные неудачи.

Без «витаминов» национальной традиции

Судьба отечественного военно-морского флота по своей главной доминанте во многом похожа на путь российской демократии. Также внедренный силовым актом, по прихоти верховной власти и вопреки глубинным традициям народа, он никак не может найти опору в головах подавляющей массы населения страны. В чем очень легко убедиться, спросив знакомых, к примеру, о том, как выглядит танк или бронетранспортер, а затем поинтересоваться тем же самым в отношении фрегатов или эсминцев. В связи с чем разговор на заявленную тему невозможно вести без хотя бы небольшого предисловия, объясняющего некоторые базовые моменты национальной военно-морской специфики.

Смысл ее лучше всего выражается в скучных статистических выкладках. Но, избегая тоскливой цифири, попробуем сформулировать суть проблемы в виде нескольких очевидных фактов. Общеизвестно, что эскадры боевых кораблей по сравнению с сухопутными войсками всегда являлись более-миниатюрным и сложным механизмом. Его создание и отладка требуют много времени и значительных интеллектуальных достижений практически во всех сферах человеческой деятельности (в отличие от небольшой по размерам экспедиции Колумба, собрать подавляющую своей многочисленностью орду мог любой неграмотный хан). Поэтому с успехом пользоваться столь тонким инструментом за всю историю земной цивилизации удавалось всего нескольким государствам. Тем, чей главный и самый объективный критерий развития в виде экономической мощи оказывался наиболее впечатляющим для своего времени.

И поскольку Россия никогда не числилась среди лидеров в области промышленности и финансов, то и флот ее всегда занимал (если вообще существовал в тот момент) весьма скромное место на иерархической лестнице военно-морских мировых авторитетов. А к концу первого тысячелетия нашей эры, когда на территории будущей Великороссии еще только началось образование родоплеменных союзов, история развития военного искусства для «большой воды» на Земле насчитывала уже несколько десятков столетий. Много раз возникали и рушились могущественные морские супердержавы — Критское царство, Афины, Карфаген, Рим, огромные флоты которых постоянно сходились в жестоких бескомпромиссных сражениях, вырабатывая при этом стратегию и тактику ведения операций и совершенствуя типы боевых кораблей. Но по своей сути флот совершенно не соответствовал тому жизненному укладу, который лежал в основе народного характера славян, сформировавшегося в сугубо сухопутных условиях. И лишь благодаря варягам, вмешавшимся в естественный ход сложных этносоциальных процессов на северо-востоке Европы, местное население в некоторой степени познакомилось с мореплаванием. С высоты нынешних знаний можно сказать, что скандинавы, в сущности, провели первый опыт по внедрению «морского мышления» в славянскую массу. Попытка эта, в конечном счете, не увенчалась успехом. Хотя начиналось все вроде бы удачно. Свидетельство тому — походы варяжско-славянских дружин по Черному морю. Правда, чисто боевыми древнерусские суда назвать нельзя, так как строились они преимущественно для транспортных целей и при встрече с серьезным противником, обладавшим военными кораблями специальной постройки, имели очень мало шансов на победу. В качестве наглядной иллюстрации здесь можно вспомнить катастрофу морского похода князя Игоря на Византию в 941 году. Поэтому российские историки всех поколений (даже из числа тех, что обожали «надувать щеки» в великодержавной гордости по любому пустячному поводу) дан-

ному периоду обычно уделяли всего несколько аморфных и бесцветных абзацев, а затем сразу перепрыгивали к временам Петра Великого.

Полученные Древней Русью искусственным путем знания и навыки, без опоры на традиции и экономический интерес оказались непрочными. В последующий период наши предки довольно быстро утратили вместе с «норманнским духом» и великоленные морские традиции варягов. Остатки морского авантюризма уничтожило монгольское завоевание. По сей причине и о великих географических экспедициях (открытии Америки, морского пути в Индию и т. д.), и о борьбе за владение океанами между такими морскими «грандами», как Испания, Португалия, Голландия и Англия, — в Московии почти ничего не знали. Между тем именно эти события революционным образом изменили ситуацию в мире. После них любое государство, претендовавшее на мало-мальски достойное место в международной жизни, уже не могло оставаться в сухопутной самоизоляции.

Тем не менее, вплоть до самого конца XVII века, несмотря на наличие морских границ, достаточно большой протяженности, Россия так и не обзавелась собственными военно-морскими силами. Хотя их необходимость и осознавалась некоторыми правителями, все попытки «внедрить» флот «сверху» результата не дали²⁶³. По всей вероятности, события развивались бы в русле привычного сценария еще очень долго, не взойди на московский трон удивительный царь Петр I.

К сожалению бурной, но сравнительно недолгой жизни этого человека не хватило для окончательного искоренения сухопутного менталитета соотечественников. Впрочем, остался открытым и вопрос, осуществимо ли подобное «национальное преобразование» вообще?

В течение последующих 300 лет с завидной периодичностью вспыхивали жаркие споры о том, необходим ли России крупный военно-морской флот. Первые сомнения возникли сразу после смерти Петра. В результате детище «царственного плотника» надолго захирело.

Однако прививка западной цивилизации все-таки не пропала даром, принеся плоды в последней трети XVIII столетия, когда усилиями Екатерины II русский флот был, в сущности, заново реанимирован. Удачнее всего складывались для него сражения с турками. Корабли под Андреевскими флагами ни разу не оставили османам даже шанса на ничью. Впрочем, на общественное мнение наиболее передовых стран эти успехи особого впечатления не произвели, поскольку победы над азиатами и на суше, и на море в то время в Европе уже считались нормой²⁶⁴. Добавлял скепсиса нейтральным наблюдателям и тот факт, что с более квалифицированным противником в лице уже утративших былую мощь шведов противостояние русских продолжало носить очень упорный характер²⁶⁵.

Не изменил ситуацию и наиболее эффектный — в смысле престижности — успех отечественного ВМФ: взятие в 1799 году французской крепости Корфу. Основные силы Франции в Средиземноморье к тому времени уже были полностью нейтрализованы блестящими действиями английского флота, руководимого Горацио Нельсоном²⁶⁶.

Состоявшаяся вскоре «очная встреча» с «Владычицей морей», превратившейся по воле переменчивой судьбы из союзницы в неприятеля, все быстро расставила по местам. Цвет российского флота в виде эскадры адмирала Сенявина, так и не решившись вступить в бой с англичанами, капитулировал перед ними в августе 1808 года у Лиссабона²⁶⁷. После такой впечатляющей конфузии рассуждать о величии российского ВМФ даже в этот, бесспорно, самый славный период в его истории, разумеется, довольно трудно.

От поражений к трагедиям

Новая попытка добиться пропуска в элитный клуб морских супердержав была предпринята императором Николаем I. В результате по количеству введенных в

строй боевых парусных кораблей русский флот к середине XIX столетия занял прочное первое место. Однако в реальности это могущество оказалось иллюзорным, поскольку технический прогресс уже сделал огромный шаг вперед, который царские адмиралы умудрились полностью проспять. Между тем ведущие флоты планомерно обзаводились паровыми и броненосными судами. Поэтому последний громкий успех российских моряков — Синопское сражение (1853 год) превратился всего лишь в победу одного отсталого флота над другим, еще более отсталым (турецким). Появившиеся вскоре в Черном море англо-французские эскадры очень легко и убедительно это доказали, одним своим видом загнав русские суда в Севастопольскую бухту, где наилучшим способом их дальнейшего использования было признано самозатопление.

Это событие настолько красноречиво характеризует ту дистанцию, что отделяла николаевских моряков от лидеров цивилизованного мира, что комментарии здесь вообще не требуются. Оно кстати превратилось в своеобразный роковой рубеж, поскольку с той поры и до наших дней успех в любой из войн сопутствовал только отдельным российским (или советским) кораблям. Причем исключительно в локальных стычках, да и то чрезвычайно редко. Недаром ведь самые известные эпизоды из боевой летописи отечественного флота, утвердившиеся в народной памяти за последние полтора столетия, связаны не с победами, а либо с ситуациями «погибаю, но не сдаюсь» («Варяг», «Стерегущий», «Сибиряков»), либо с громкими загадочными катастрофами («Императрица Мария», «Новороссийск», «Курск»). Можно сказать, что основными вехами в истории существования военно-морских сил нашего государства с середины XIX века стали большие и малые трагедии. А отсчет здесь начинается, разумеется, с полной потери флота по итогам Крымской войны²⁶⁸. То же самое, только в еще более жестком варианте, повторилось через полвека в русско-японскую 1904—1905 годов, когда путем титанических усилий

вновь были созданы, казалось бы, достаточно внушительные военно-морские силы. По крайней мере, количественно они вышли на «твердое» третье место в мире. Но дальневосточная война с далеко не самым сильным противником того времени, прогремев на весь мир позорными разгромами у Порт-Артура и Цусимы, опять вернула евроазиатскую империю с небес на землю, недвусмысленно указав ей на ее место — за дверями гостининой океанской элиты.

Следующий «удар судьбы» настиг отечественный ВМФ по итогам Первой мировой войны. К тому моменту такие бывшие морские «авторитеты», как Испания, Португалия и Голландия давно утратили былые амбиции. Им на смену в число лидеров выбились США и Германия. И если бы флот последней не сковали бесчисленные британские эскадры, у российских адмиралов не осталось бы даже теоретических шансов сдержать напор кайзеровских линкоров. Но в сложившейся ситуации немцы отрядили на «Восточный театр» минимум устаревших судов. С ними и боролся без особого успеха весь Балтийский флот, являвшийся наиболее крупным и современным ресурсом петербургского Адмиралтейства²⁶⁹.

Зато именно моряки Балтийского флота, как известно, сыграли не последнюю роль в революционных событиях 1917 года и окончательном развале национальных вооруженных сил. В конечном счете, вышла знакомая печальная картина с «разбитым корытом» — практически полное уничтожение всех боевых кораблей.

А между тем военные суда — удовольствие очень дорогое. Стоимость постройки лишь одного линкора равноценна затратам на вооружение нескольких десятков дивизий сухопутной армии. Поэтому излишне объяснять, во что обходилось обзаведение подобными красавцами для России с ее отсталой экономикой и промышленностью. Из народа по копейке вынимали последнее...

В то же время именно конец XIX и начало XX века явились периодом наивысшего взлета отечественной

военно-морской историографии. Видимо, длительный период постоянных неудач, не дававший ни малейшего повода для «головокружения от успехов», все-таки заставил большинство добросовестных специалистов взглянуть на былое трезвыми глазами и проанализировать опыт в поисках причин столь прискорбного состояния дел. Кроме того, сказалось то, что после либеральных реформ Александра II цензурная узда ослабла и российские ученые обрели возможность полноценных регулярных контактов с европейскими коллегами, которые уже давно овладели принципами и методами критического анализа событий прошлого. Так или иначе, но уровень объективности в книгах многих военных историков, работавших в годы правления последних царей, вполне соответствует западным стандартам²⁷⁰.

Данная историографическая традиция по инерции какое-то время жила и после большевистского переворота. Конечно, революционные катаклизмы сильно проредили ряды историков. Но те, кто выжил, продолжали выдавать довольно качественную продукцию. Этому отчасти помогало и то обстоятельство, что новая власть постоянно требовала «разоблачать словоблудие старорежимной науки». Поскольку данное явление (наряду с вышеупомянутыми прогрессивными веяниями) действительно имело место, иногда оказывалось достаточным просто объективно описать какое-нибудь поражение, чтобы соблюсти «линию партии и правительства». Таким образом, было опубликовано много весьма профессиональных исследований²⁷¹. Однако затем идеологическая направленность советской пропагандистской машины круто поменялась, устремившись в русло национал-большевизма. Старых «военспецев», чтобы не мешали, отправили «в расход», а пришедшие им на смену молодые кадры начали, что называется «на всю катушку» трудиться на уже было забытой ниве «прославления». «Творческий импульс» Иосифа Виссарионовича оказался столь силен, что его инерция военной историографией не преодолена и ныне.

Одновременно с поворотом в историографии Страна Советов принялась усердно возрождать «материальную часть» флотского наследства «проклятого царизма». Разумеется опять с хрипом и надрывом жил у народа. Таким образом все отрасли «нептунова хозяйства» бывшей Российской империи, совершив полный оборот по спирали времени, вернулись в свою прежнюю привычную канву. После чего, естественно, не заставили себя долго ждать и уже традиционные трагедии с катастрофами.

В отличие от сухопутной армии советский флот во Вторую мировую войну серьезного неприятеля на море фактически не имел. Наиболее многочисленные и мощные силы немецких адмиралов в течение всего периода боевых действий были скованы в Атлантике борьбой с англосаксами. Поэтому Германия, напав на СССР, не могла задействовать против него сколько-нибудь значительные морские силы. То есть, на протяжении всей войны наши моряки, за исключением нескольких эпизодов, все время имели подавляющее количественное превосходство. Тем не менее, ситуации на всех театрах почти постоянно складывалась по весьма непривлекательному сценарию. Фактически сразу же начались потери. И потери жуткие. Все лето и осень 1941 года изобилует примерами полнейшей профессиональной несостоятельности как рядовых советских моряков, так и высшего командного состава — напрашивается сравнение с приготовленной к закланию и абсолютно беспомощной жертвой. Редкий день обходился без того, чтобы фашисты не потопили (или же тяжело повредили) какой-нибудь корабль, а то и сразу несколько, причем без потерь со своей стороны²⁷². В результате к середине войны, еще уцелевшие крупные боевые единицы (от эсминца и выше) совсем перестали выходить из своих баз, прячась там во исполнение личного приказа Сталина, опасавшегося потерять то, что еще осталось на плаву²⁷³.

Даже в 1944–1945 годах ситуация не изменилась к лучшему. Например, на Балтике господство на море оставалось за немцами вплоть до последних дней войны. Только поэтому с осени 44-го (после полной изоляции с суши) целых семь месяцев держалась Курляндская группировка Вермахта²⁷⁴. По той же причине до самой капитуляции Германии не сдавались отрезанные и прижатые к морю многочисленные дивизии гитлеровцев у Либавы, в Данцигской бухте, в устье Вислы. К тому же немецкий флот не только снабжал и поддерживал огнем свою армию. За последние четыре месяца войны он сумел эвакуировать на Запад более двух миллионов человек²⁷⁵. Это в два с лишним раза больше, чем советский флот сумел вывезти в тыл из прифронтовых районов за 1941–1942 годы на всех театрах²⁷⁶. Здесь также уместно вспомнить и о трагических операциях по эвакуации гарнизонов Таллинна и Керчи. О брошенном на произвол судьбы осажденном Севастополе. О десятках морских десантах, кое-как выкинутых на чужой берег и оставленных там флотом без всякой помощи.

Советская морская авиация оказалась готовой к войне несколько не лучше других сил сталинского ВМФ. Например, над той же Балтикой летом-осенью 1941 года летало в общей сложности около тысячи краснозвездных машин. Совершивших против морских целей свыше 4800 вылетов²⁷⁷. Итог этой колоссальной работы при огромных потерях был равен практически нулю — потоплены крохотный тральщик, штурмбот и мотобаркас²⁷⁸. Нашим соколам противостояло всего несколько десятков немецких морских самолетов²⁷⁹. Результаты этого противостояния просто потрясают. Так, только за два дня уже упоминавшегося прорыва Краснознаменного Балтийского флота из Таллинна в Кронштадт летчики Люфтваффе совершили всего 156 вылетов. А потопили не менее пятнадцати крупных кораблей (не говоря уж о штурмботах и мотобаркасах)²⁸⁰.

Конечно, сложный и тернистый путь отечественного флота, всегда находившегося в тени сухопутной армии, это скорее не вина, а беда российских моряков.

К сожалению, за исключением Петра Великого, никто из правителей страны за все время ее существования не понимал до конца роль и значение морской мощи в комплексе всех вооруженных сил государства. Потому Россия никогда не имела продуманной морской доктрины, всесторонне взвешенных кораблестроительных программ, рациональной системы базирования и прочих компонентов правильной организации ВМФ. Отсюда и результаты. Никакого критического анализа ошибок никто не стал проводить и после окончания Второй мировой войны. Вместо этого была предпринята очередная дорогостоящая авантюра по строительству атомного океанского монстра, которая завершилась вполне прогнозируемым крахом в 90-х годах прошлого века. Одновременно новый холостой круг сделала и историография. Отечественные историки сорок лет — до самой горбачевской «перестройки» всеми силами пытались скрыть неудачи советского ВМФ, намеренно увеличивая потери немцев и преуменьшая собственные. Однако история — не роман. Поэтому при первых же признаках реальной либерализации коммунистического режима правда начала «выплывать на поверхность». Но вскоре в этот нормальный процесс опять вмешалась идеология — уже постсоветская, у которой потребность в мифе оказалась ничуть не меньшей. И, наверное, здесь ничего не поделаешь. Как ни крути — национальный характер вещь очень серьезная.

ГЛАВА 13

«НИКТО НЕ ЗАБЫТ»? А СКОЛЬКО ИХ, НЕЗАБЫТЫХ?..

22 июня 1941 года — наверное, самая страшная и трагическая дата в отечественной истории. В этот день в России простые люди скорбят и вспоминают павших. А высокие государственные чины обязательно говорят

правильные и торжественные речи, которые также традиционно завершаются уже ставшей ритуальной фразой «никто не забыт и ничто не забыто». Скорее всего, большинство ораторов произносят ее просто по привычке, сложившейся еще в советские времена, и не задумываются над сутью изрекаемого. Поскольку на самом деле не только точного числа, а даже хотя бы приблизительного количества тех, кто poleg на фронтах Великой Отечественной, мы до сих пор не знаем.

Технология лжи

Прошло уже более полувека со дня окончания Второй мировой войны, но ее история в нашем государстве за эти десятилетия так и не превратилась в предмет объективного исследования со стороны официальной историографии. Ручеек правдивых публикаций, пробившийся было в конце 80-х — начале 90-х годов, быстро иссяк, а большинство обнародованных тогда цифр и фактов, утонув в потоке прочей сенсационной информации, захлестнувшей в те годы страну, моментально забылись.

Ныне власть имущие вместо того, чтобы способствовать более полному открытию архивов, предпочитают, к сожалению, рассуждать только о самом факте Победы. Играя на патриотических струнах общества, политики, таким образом, завоевывают популярность. В результате в сознании большинства россиян по-прежнему живут с детства вдолбленные школьными учебниками мифы, которые создавались преимущественно в годы войны для того, чтобы утаить от общества, какими приемами и методами воевали полководцы Красной Армии и какие потери по сравнению с противником при этом несли советские вооруженные силы.

Выдавать желаемое за действительное руководство СССР начало буквально с первых дней войны. Так, например, германская армия вторжения на 22 июня 1941 года насчитывала 3865 танков и штурмовых орудий и 3562 боевых самолета²⁸¹. У Советского Союза

имелось в наличии в составе приграничных округов 15 687 танков и 10 743 самолета²⁸². Тем не менее, в сражениях дебютной фазы войны сталинские военачальники оказались повсеместно не просто разбитыми, а наголову разгромленными²⁸³. Сообщение же Советского Информбюро об итогах первой недели боев гласило: «Отрезанные нашими войсками от своих баз и пехоты, находясь под непрерывным огнем нашей авиации, мотомехчасти противника оказались в исключительно тяжелом положении. За семь дней боев они потеряли 2500 танков и около 1500 самолетов, более 30 000 пленными. Наступательный дух немецкой армии подорван...». Комментарии, как говорится, излишни. Можно только заметить, что за год войны — к 30 июня 1942 года — Красной Армии удалось взять в плен всего 17 285 солдат и офицеров противника²⁸⁴. За то же время в нацистском плену оказалось, как известно, несколько миллионов советских военнослужащих.

Потом, конечно, о подобных абсурдно лживых заявлениях старались не вспоминать или же объясняли их появление заботой о народе — желанием предотвратить панику и упадок боевого духа. Мол, кто-то ведь наверняка верил даже столь нелепому вранью. Беда, однако, в том, что и почти все материалы, закладывавшиеся в основу послевоенных исследований (проводившихся для анализа боевого опыта и выработки новых современных приемов военного искусства) мало чем отличались от пропагандистских агиток военных лет. Достаточно сказать, что по данным ГРУ СССР, широко публикующимся и ныне, вооруженные силы Германии на Восточном фронте с 22 июня 1941 года по 1 апреля 1942 года якобы потеряли 6,5 миллионов человек²⁸⁵. В действительности эта цифра почти в полтора раза превышает численность всех немецких войск, действовавших в указанный период времени на Восточном фронте. Реальная убыль врага убитыми и пропавшими без вести была, разумеется, в десятки раз меньшей²⁸⁶.

Конечно, статистические ошибки на войне неизбежны. Человеческой природе свойственно желаемое

принимать за действительное. Однако количество и масштаб этих неточностей — тоже один из главных показателей квалификации руководства противоборствующих сторон. Разница между реальностью и тем, что докладывалось в Москву, кардинально отличается от такой же разницы в докладах, которые получали, к примеру, Лондон или Берлин. Так, после «битвы за Британию» осенью 1940 года итоговый обзор, поданный Черчиллю, гласил, что авиация Германии недосчиталась во время сражения 2698 машин²⁸⁷. Но когда война окончилась и появилась возможность проверить эти сведения по немецким документам, выяснилось, что убыль в ведомстве Геринга на самом деле составила 1733 летательных аппарата²⁸⁸. Для сравнения возьмем отечественное донесение о первых четырех днях Курской битвы, когда советское командование, подводя итоги, рапортовало о 948 сбитых фашистских самолетах²⁸⁹. Сверив эти данные с содержимым архивов бывшего неприятеля, узнаем, что подтверждаются лишь 60 воздушных побед²⁹⁰. К слову, аналогичная сводка немцев сообщала об уничтожении 923 советских самолетов, из которых 566 подтверждается и нашей официальной статистикой²⁹¹. Таким образом, нетрудно вычислить, что российское военно-статистическое вранье примерно в десять раз, — то есть, на порядок более масштабно, нежели английское или немецкое.

«Мы за ценой не постоим!»

Рассчитывая именно на свое превосходство в профессионализме, германские генералы планировали боевые действия против СССР. Ведь материально-экономический потенциал фашистов (воевавших еще и с другими странами) не шел ни в какое сравнение с советскими ресурсами. Поэтому при одинаковом с противником качестве военного руководства Красная Армия не позже осени 1941 года неминуемо должна была оказаться в Берлине. Но в реальности ей для победы

понадобилось почти четыре года, помноженных к тому же на громадную всестороннюю помощь союзников по антигитлеровской коалиции. А какую истинную цену нашему отечеству пришлось заплатить за все без исключения победы Великой Отечественной войны можно понять, если взглянуть на сухие бесстрастные цифры потерь обеих сторон. Их сопоставления советско-российская историография старательно избегает по сию пору, предпочитая этой грустной картине, по уже укоренившейся традиции, богатый спектр победных эмоций. Однако, взяв для примера все ту же Курскую битву, мы увидим, что даже в 1943 году, несмотря на многократное подавляющее превосходство в живой силе и технике, Красная Армия потеряла (по официальным и вероятнее всего существенно заниженным данным) убитыми и пропавшими без вести 254 тысячи человек²⁹². А немцы 57 тысяч²⁹³.

В этой же связи полезно заглянуть в мемуары людей, не отмеченных генеральскими званиями. То есть тех, чьей кровью оплачивались успехи. Вот как вспоминает один из эпизодов битвы за Ленинград солдат-пехотинец Волховского фронта (впоследствии академик) Н. Н. Никулин: «Каждое утро, получив подкрепления войска, шли на штурм позиций немцев вдоль железнодорожной линии и падали сраженные. Вечером опять подходило пополнение. Так продолжалось день за днем. Когда весной снег стаял, обнажились штабеля убитых. У самой земли лежали солдаты в летнем обмундировании, в гимнастерках и ботинках. На них громоздились морские пехотинцы в бушлатах и широких черных брюках-клевашах. Выше — сибиряки в полушубках, ходившие в атаку в январе — феврале 1942 года. Еще выше «политбойцы» в ватниках и тряпочных шапках, выданных в блокадном Ленинграде. На них тела в шинелях и маскхалатах, с касками на головах и без них. Страшная картина! Надо было бы заснять ее для истории и повесить панорамные снимки в кабинетах всех великих мира сего для назидания. Но, конечно, этого не сделали»²⁹⁴.

После войны обычно осмысливают ход сражений, подвергая их критическому обсуждению в свете ставших доступными документов противника. Подобная работа, разумеется, требует максимум объективности. Иначе просто нельзя сделать верные выводы, чтобы не повторять прошлых ошибок. Однако труды, которые издавались сразу после победы, назвать историческими исследованиями нельзя даже с большой натяжкой. Состояли они преимущественно из штампов на тему неизбежности победы под руководством партии большевиков, изначального превосходства советского военного искусства и гениальности товарища Сталина. Мемуары при жизни «вождя народов» почти не издавались, а то немногое, что выходило из печати, больше походило на фантастическую литературу. Серьезной работы у цензуры в такой ситуации по существу не было. Разве что выявлять недостаточно усердных в деле прославления. Поэтому к неожиданностям и метаморфозам суматошной хрущевской «оттепели» этот институт оказался совершенно не подготовленным.

Впрочем, информационный взрыв 50-х годов — заслуга не одного Никиты Сергеевича. Вышеописанную благостную идиллию уничтожило банальное людское любопытство и честолюбие. Дело в том, что на Западе процесс осмысления недавних боевых действий шел нормальным цивилизованным путем. Генералы рассказывали о своих достижениях и делились с общественностью умными мыслями. Советской военной верхушке, конечно, тоже хотелось участвовать в столь интересном и увлекательном процессе, однако «кремлевский горец» не любил такого рода занятий. Но после марта 1953 года данное препятствие исчезло. В итоге на советскую цензуру немедленно обрушился приказ публиковать переводы некоторых работ о Второй мировой войне, написанных бывшими противниками и союзниками. В данном случае ограничились лишь купюрами особо неприятных страниц и редакционны-

ми комментариями, помогавшими советским читателям «правильно» понимать творчество «склонных к фальсификациям» иностранцев. Но когда вслед за этим и большое количество собственных золотопогонных авторов получили дозволение напечатать мемуары, процесс «осмысления» окончательно вышел из-под контроля. И привел к совершенно неожиданным для его инициаторов результатам. Достоянием общественности стало множество событий и цифр, которые, дополняя и уточняя друг друга, складывались в совершенно иную мозаику, чем существовавшая ранее картина войны. Чего стоит лишь одно трехкратное увеличение официальной цифры общих потерь СССР с 7 до 20 миллионов человек.

Конечно, пишущие сами понимали «что к чему» и старались обходить молчанием собственные неудачи. Но о подобных моментах в боевом пути бывших соратников кое-что сообщали. В связи с чем появились и побочные эффекты. Такие, как публичный скандал с письменными жалобами друг на друга в ЦК КПСС маршалов Жукова и Чуйкова, не поделивших победные лавры²⁹⁵. К тому же и любой приятный, на первый взгляд, факт может одним махом уничтожить годами выстраиваемый миф. Например, лестная для высокопоставленных «тружеников тыла» информация, что советская промышленность все время выпускала больше техники, чем германская, неизбежно ставила под сомнение генеральское бахвальство о победах «не числом, а умением».

Таким образом, военно-историческая наука сделала, по масштабам Советского Союза, гигантский шаг вперед. После чего вернуться к сталинским временам стало уже невозможно. Тем не менее, с приходом к власти Брежнева дела в области освещения событий Великой Отечественной войны вновь постарались упорядочить. Выработали свой — «самый передовой» подход к истории. По его правилам, без нужды, авторам врать не рекомендовалось (хотя, если «очень хочется», то допускалось). Зачем? Вот в архиве лежит военных времен «оптимистический» доклад о потерях противника. На него

и сошлемся. И солиднее так, и во всех книгах цифры одинаковые будут. А то, что во всем мире в подобных случаях принято сверять собственные документы с данными противника, так капиталисты нам не указ. О своих потерях лучше не надо. Зачем народ расстраивать? Численность советских войск приведем только на начало операции, а о пополнениях и резервах не стоит. К чему усложнять текст? Но у противника сосчитаем все, что было и чего не было. Однако с обобщающими цифрами осторожнее надо. Дело это не простое. Политическое! Идеологический противник не дремлет!

Гриф секретности, поедаящий мертвых

Таким образом, к середине 80-х годов окончательно сформировалась интеллектуальная среда отечественной историографии Второй мировой войны. Ее традициями вскормлены и большинство специалистов, которые сегодня разрабатывают эту тему. Нельзя, конечно, утверждать, что все историки продолжают цепляться за стереотипы «времен Очакова и покоренья Крыма». Достаточно вспомнить «перестроечную» эйфорию разоблачений, завершившуюся грандиозным скандалом 1991 года, когда для утешения генералов от истории, буквально зашедшихся в «охранительной» истерике, была устроена чистка редколлегии новой 10-томной «Истории Великой Отечественной войны»²⁹⁶, поскольку ее авторы захотели подняться до объективного анализа, выполненного по западным научным стандартам²⁹⁷. В результате последовало отлучение «безродных космополитов» от архивов, а также соответствующие оргвыводы²⁹⁸. Начальник Института военной истории генерал Д. А. Волкогонов был освобожден от своей должности, а большинство его молодых помощников — уволены из армии. Был ужесточен контроль над работой по подготовке 10-томника, для чего к ней подключили испытанных и проверенных по прежней деятельности маршалов и генералов.

Кто после такой «показательной порки» еще раз рискнет «перешибать плетью обух»? Ведь строгое начальство, владеющее монополией на истину и как собака на сене лежащее на архивах, до сих пор осталось по преимуществу прежним.

Вместе с тем в перестроечные времена, как уже упоминалось выше, небольшой части правдивой информации все же удалось вырваться за архивные двери. В частности, на средства Фонда мира для сбора сведений в рамках проекта по составлению книг Памяти о безвозвратных потерях Вооруженных Сил СССР в годы Великой Отечественной войны, был создан компьютерный центр автоматизированного банка данных. В этот банк данных — до того момента, когда данная работа была практически заморожена — успели ввести свыше 19 миллионов фамилий²⁹⁹. Этого оказалось достаточно, чтобы официальная историография обеспокоилась и попыталась дезавуировать «необдуманно» опубликованные и «подрывающие устои» факты и цифры. Главным результатом потуг охранителей стала публикация книги «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах»³⁰⁰, сразу же превратившаяся в «библию» для тех, кто тоскует по утрачиваемым мифам и легендам. Еще бы! Если верить этому статистическому официозу Министерства обороны, безвозвратные человеческие потери Красной Армии «всего лишь» на треть (СССР — 11,4 миллиона, Германия и ее союзники — 8,6 миллиона)³⁰¹ превышают потери противника.

Смешно предполагать, что авторы не знают точной цифры потерь немцев, установленной не по пропагандистским агиткам, а по подлинным документам военных лет и по «книгам памяти» — свыше 4 миллионов человек убитыми и не вернувшимися из плена на всех театрах военных действий. Из них на Восточный фронт приходится около 2,8 миллионов³⁰². Но, тем не менее, авторам «Грифа секретности» совесть и профессиональная честь позволяет ставить свои подписи под очевидным враньем.

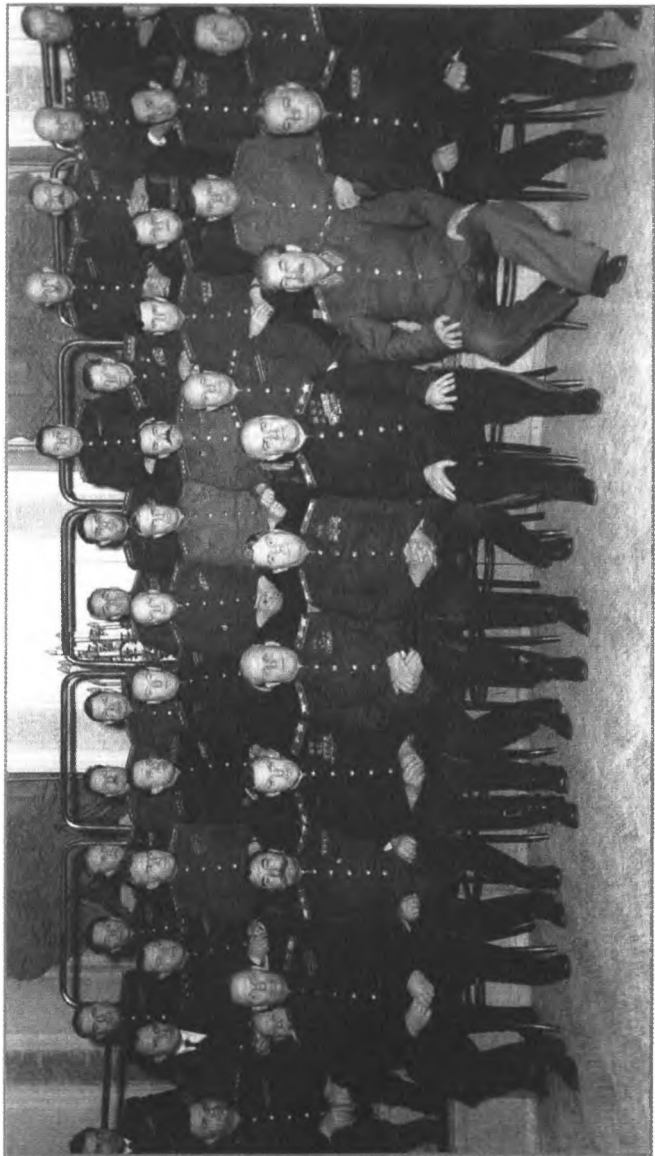
Военные будни

«Русский Виккерс» — обрусевший британец на службе у Сталина

«Кристи» — непосредственный предок Т-34

Они воевали числом, а не умением

Стратеги. Пока их потери еще «всего» 7 миллионов...

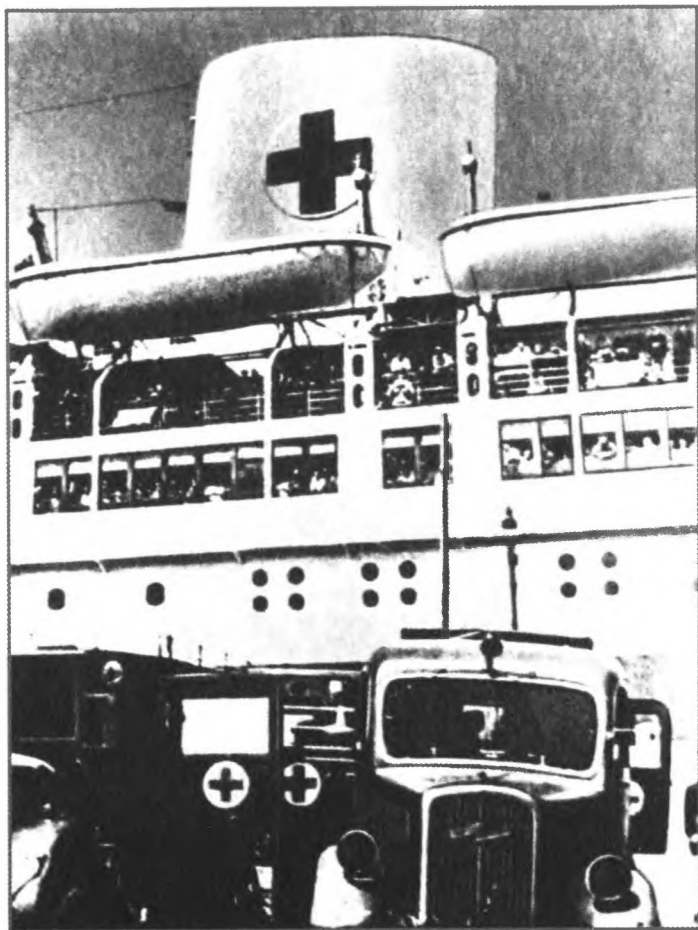

Мемориал, посвященный панфиловцам.
Здесь иностранцам рассказывают про величие русского духа

Лучший подводник всех
времен и народов Арно
де ля Перьер

Вальтер Швигер, «убийца» «Лузитании»

«Вильгельм Густлов».
Скоро его настигнут торпеды А. И. Маринеско

ВСЕ ТОРПЕДЫ В ЦЕЛЫ!
 Подводная лодка, где командиром капитан-лейтенант ОСИПОВ,
 потопила 3 вражеских транспортов
ВОДОИЗМЕЩЕНИЕМ
40 000
ТОНН

Странно было в начале апреля 1942 года морить Рыболовскими бантами против фашистских кораблей вблизи мыса Империал лодку, где командиром капитан-лейтенант ОСИПОВ. А в течение нескольких дней уничтожены 3 вражеских транспорта общим водоизмещением 40 000 тонн и 2 вражеских самолета с воздушными торпедами. Стороны выдерживали по две недели.

Уничтожены также ОСИПОВ, под торпедой в Балтийском море артиллерийским огнем противника. Уничтожены также вражеские самолеты, торпеды, самолеты и вертолеты, разрушены две батареи зенитных орудий, уничтожены самолеты, самолеты и вертолеты.

В течение нескольких дней уничтожены также вражеские самолеты, вертолеты, самолеты и вертолеты.

На ОСИПОВ уничтожены также вражеские самолеты, вертолеты, самолеты и вертолеты.

Уничтожены также вражеские самолеты, вертолеты, самолеты и вертолеты.

Уничтожены также вражеские самолеты, вертолеты, самолеты и вертолеты.

Уничтожены также вражеские самолеты, вертолеты, самолеты и вертолеты.

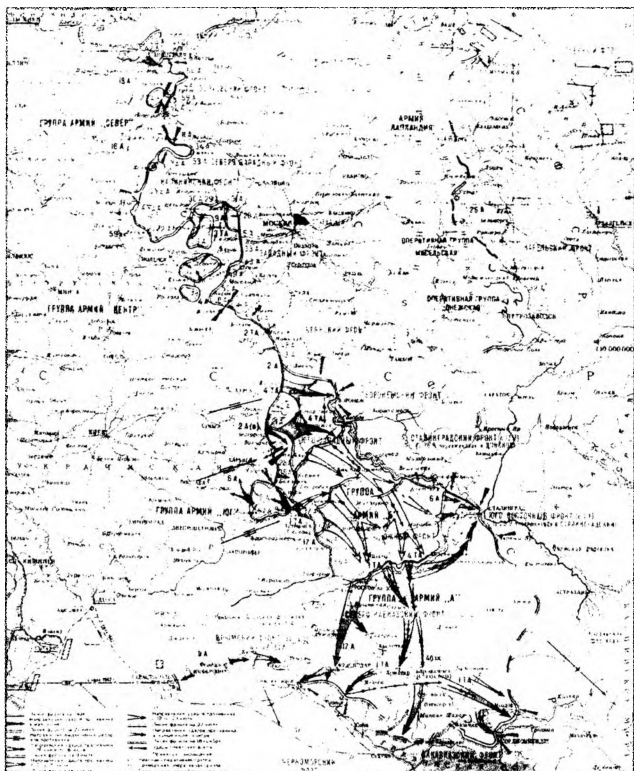

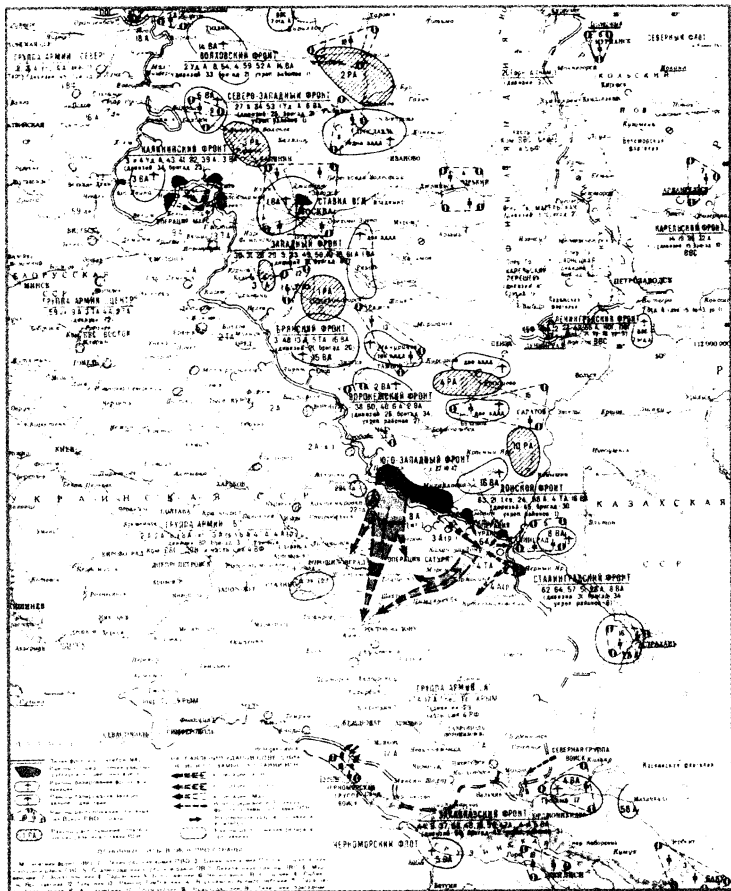
Иллюстрация из мемуаров адмирала В. Ф. Трибуца с мифическими результатами похода подводной лодки Щ-406

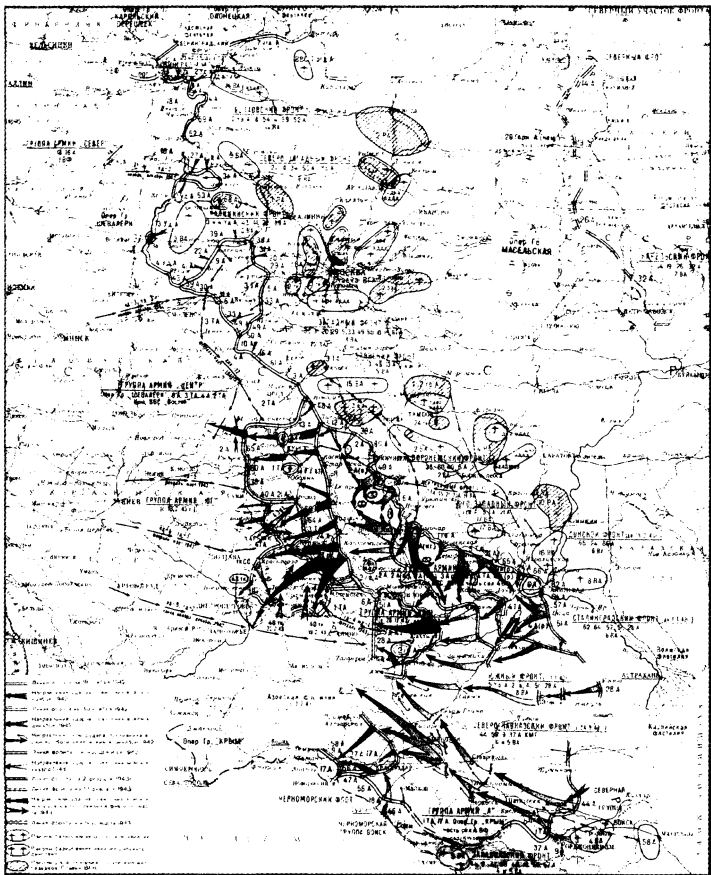
Лето невыученных уроков

Лето 42-го. Их отцы-командиры пока еще не умеют воевать даже «числом»

«Сталинградская» зима. Вот так красиво все могло получиться...

**А вот так было в реальности.
 Подробности до сих пор не рассекречены**

Кто кому помогал? Английские летчики в Заполярье

«Сталинский сокол» в английском подарке

Танк «Валентайн» — британская броня для советской пехоты

«Гостинцы» из-за океана. Американские танки в Красной Армии

Еще один «презент» от англосаксов

Опять подарок «дяди Сэма»

Любознательный читатель сделает для себя в этой книге еще массу поразительных открытий. Ее авторы, например, зачастую даже не согласны с данными «брежневских» лет, исправляя их, так сказать, в сторону «защиты чести мундира». В частности, по их мнению, в «застойные» годы (не иначе, как с целью очернения!) было «завышено» количество наших средних и тяжелых танков, имевшихся в стране на 22 июня 1941 года. Оказывается, в войсках их числилось не свыше 2000 штук, а всего 1400³⁰³. То есть, примерно столько же, сколько у врага. Аналогичная ситуация и с самолетами. Меньше их было, чем указывали «фальсификаторы» Леонида Ильича!

Или вот «патриотическая» корректировка несколько иного плана. Запустил какой-то «враг народа» «утку» о том, что получали мы в годы войны от англо-американцев в качестве союзнической помощи автомобили. Почти 430 тысяч³⁰⁴, в то время как на своих заводах изготовили всего 205 тысяч³⁰⁵. Неправда это! Все у нас было свое!³⁰⁶ Аналогичная картина с кораблями³⁰⁷ и с радиосредствами³⁰⁸.

А рядом — еще одно «откровение». До сих пор считалось, что для прорыва блокады Ленинграда требовалось ликвидировать примыкавший к Ладожскому озеру Шлиссельбургско-Синявинский выступ немецкой обороны шириной от 12 до 15 километров³⁰⁹. Но по желанию авторов «Грифа секретности» он расширяется вчетверо — до 60 «тысячметровок»³¹⁰. А вместе с ним растут до минимально пристойных, с точки зрения военного искусства величин, и среднесуточные темпы наступления советских войск.

Перечислять подобные «перлы» можно очень долго. Практически каждая страница в этой книге дышит ложью. Но аппетит, видимо, действительно приходит во время еды. По прошествии нескольких лет сказочники Министерства обороны решили еще больше «улучшить» историю. В 2001 году из печати вышло второе издание «Грифа секретности»³¹¹, где летопись Великой Отечественной стала «совсем красивой». К сожалению,

со времен перестройки изменился и дух эпохи. Ныне «за державу обидно» уже не только «людям, похожим на генералов». Даже некоторые из гражданских историков так называемой «либерально-демократической ориентации», ранее ратовавшие за предельную объективность, стали говорить о том, что «подобный подход временно необходим, поскольку народ устал от страшной правды, а на мифах строится государственность новой — сильной и цивилизованной России». Очень жаль, но приходится констатировать, что отечественной историографии, видимо, так никогда и не удастся избавиться от навязчивого гибрида из идеи вселенского величия и какого-то детского комплекса неполноценности, мешающего трезвыми глазами взглянуть на былое. А значит, мы и в дальнейшем будем оставаться страной с непредсказуемой и постоянно меняющейся историей, развлекая этим весь остальной мир.

Вместо приложения

Весьма любопытно подробнее разобраться в механизме фальсификаций, принятом на вооружение отечественными историками в погонах. При ближайшем рассмотрении он оказывается на удивление наивным и топорным. Такое впечатление, что интеллектуальный потенциал большинства армейских авторов настолько убог, что не позволяет даже хотя бы поверхностно замаскировать откровенно безыскусное вранье. Все их незатейливые фантазии легко может обнаружить при условии минимума внимательности любой из читателей. Включая и тех, кто прежде никогда не интересовался подобной темой. Возьмем, к примеру, все ту же книгу «Гриф секретности снят»³¹² и откроем ее на разделе, посвященном потерям Красной Армии в Великой Отечественной войне. Чтобы понять, каким образом получены итоговые результаты, сразу же перейдем к главе, где исследуются составляющие общей суммы — потери в стратегических и фронтовых операциях. Пер-

вая таблица (стр. 162) рассказывает об оборонительном сражении в Прибалтике, длившемся всего восемнадцать суток — с 22 июня по 9 июля 1941 года.

Генерал-полковник Кривошеев и его подчиненные почему-то не считают нужным подробно раскрыть состав войск, участвовавших в битве. Вместо этого безликой скороговоркой сообщается, что немцам противостояли Северо-Западный фронт совместно с Балтийским флотом и приводятся неизвестно откуда взятые данные по наличию сухопутных соединений к началу войны. А именно — 19 стрелковых дивизий, 4 танковые дивизии, 2 моторизованные дивизии, 3 воздушно-десантные бригады, 1 стрелковая бригада и 1 укрепленный район, имевшие в общей сложности 440 тысяч солдат. Впрочем, о моряках сказано и того меньше — «часть сил». Численное же наполнение «части сил» — 58 тысяч человек. Впору вспомнить чеховского Ваньку с его знаменитым «на деревню дедушке».

Из столь же короткого и невразумительного пояснения к таблице можно узнать, что в ходе операции Северо-Западный фронт получил и ввел в бой еще 14 дивизий и 1 бригаду. О номерах, а также численности этих соединений авторы опять загадочно умалчивают. Аналогичным сокращенно-урезанным образом анализируются и потери. В соответствующих графах без какого-либо комментария всего лишь указано, что безвозвратная убыль моряков составила 1278 душ и ни одного раненого! А «сухопутчики», учитывая и урон прибывших резервов, недосчитались 87 208 красноармейцев, из которых 73 924 убиты или пропали без вести. Остальные 13 284 отнесены к санитарным потерям. После чего коллектив ученых генералов считает тему закрытой и переходит к следующим операциям. Однако, изучая одну из них — Ленинградскую оборонительную (стр. 167—168), — внимательный читатель наверняка изумленно вскинет брови и застынет в недоумении. Поскольку количество военнослужащих Северо-Западного фронта к началу битвы у дальних подступов к го-

роду на Неве (завязавшейся 10 июля, то есть на другой день после окончания сражения в Прибалтике) по мнению авторов, составляло 272 тысячи человек. Что противоречит элементарным правилам математики. Ведь 440 000 солдат к 22 июня — минус потери за семнадцать суток — 87 208 пострадавших, — получается 352 792, а не 272 000. Если к тому же вспомнить про резервы — 14 дивизий и 1 бригаду, личный состав которых надо добавить к 440 000, то вышеуказанная разница должна возрасти еще больше. Куда же исчезло свыше 100 тысяч человек в промежуток с 9 по 10 июля?

Попытка решить данный ребус путем сопоставления скудных строк, характеризующих состав войск Северо-Западного фронта на 22 июня и 10 июля, вносит только дополнительную путаницу. Стрелковых дивизий было 19, стало 23. Танковых вместо 4, имеем 5. Моторизованных соответственно 2 и 4. Количество воздушно-десантных бригад осталось прежним — 3. А вот число стрелковых бригад и укрепленных районов возросло с 1 до 3 каждое. Заявленному списку подкреплений это не соответствует. Получается, что резервных дивизий добавилось меньше — всего 7, а не 14. Среди бригад наоборот завелась лишняя. А про новые укрепленные районы вообще нигде речи не было. В общем, похоже на бред сумасшедшего.

В данной связи очень забавно заглянуть в предисловие, где кривошеевская компания душевно рассказывает народу об основных принципах своей творческой кухни: «Главная задача настоящего труда — дать историкам, публицистам, военным кадрам, широкому кругу читателей обобщенный, объективно изложенный фактический цифровой материал... В ходе исследовательской работы, которая заняла несколько лет, обобщены тысячи разрозненных, хранящихся в различных архивах отчетных и статистических документов, сделаны соответствующие расчеты и сопоставления». Впрочем, об основной сверхзадаче книги авторы говорят несколько раньше — на самой первой странице: «В некоторых средствах массовой информации появились исчисления

о потерях, которые взяты из зарубежных источников, далеких от исторической правды. Все это приводит к искажению действительного положения дел, а иногда и к попыткам обесценить Победу в Великой Отечественной войне, принизить высокий моральный дух наших воинов, боевые и организаторские качества командного состава армии и флота, их верность Родине». Если перевести генеральский сленг на нормальный человеческий язык, то получится, что Кривошеев с подчиненными потел долгие годы не для того чтобы разгрести завалы прежней полувековой лжи, а ради святой цели «дать отпор» зловерным журналистам-очернителям, пляшущим под заграничную дудку. Но видимо люди в португепях переоценили свои умственные возможности. Иначе почему же результаты их титанического труда не выдерживают испытания даже правилами арифметики на уровне первого класса начальной школы?

Но вернемся к той самой Прибалтийской оборонительной операции 1941 года. Поскольку никакой вразумительной информации по ней в рассматриваемой книге, как мы только что убедились, нет, — то для того, чтобы хоть приблизительно установить потери Красной Армии в этой битве, придется проделать всю работу за авторов, что называется от «а» до «я». Исходные данные, разумеется, лучше бы всего взять из документов тех лет, но подобные бумаги по большей части все еще не опубликованы — хранятся за семью замками в военных архивах, куда генералы пускают самых, по их мнению, благонадежных. Поэтому необходимые цифры придется собирать из открытой литературы. Для начала воспользуемся боевым расписанием Красной Армии на 22 июня 1941 года (опубликованном в журнале «Сержант» № 1 за 1996 год, стр. 11–16) и справочником «Сухопутные силы РККА в предвоенные годы»³¹³. Информацию, заимствованную в этих изданиях по мере возможности будем сверять с содержанием ветеранских мемуаров и книг разных официальных историков, напечатанных в государственных издательствах за послевоенные десятилетия³¹⁴.

Итак, в битве участвовали войска Северо-Западного фронта, подразделявшегося на три армии — 8-ю, 11-ю и 27-ю.

В 8-ю входили: 12-й механизированный корпус (23-я и 28-я танковые дивизии, 202-я моторизованная дивизия), 10-й стрелковый корпус (10-я, 48-я и 90-я стрелковые дивизии), 11-й стрелковый корпус (11-я и 125-я стрелковые дивизии), 44-й и 48-й укрепленные районы, 9-я артиллерийская бригада противотанковой обороны и 25-й отдельный инженерный полк.

В 11-ю армию входили: 3-й механизированный корпус (2-я и 5-я танковые дивизии, 84-я моторизованная дивизия), 16-й стрелковый корпус (5-я, 33-я и 188-я стрелковые дивизии), 29-й стрелковый корпус (179-я и 184-я стрелковые дивизии), отдельные 23-я, 126-я и 128-я стрелковые дивизии, 42-й, 46-й и 45-й укрепленные районы, 10-я артиллерийская бригада противотанковой обороны, 110-й гаубично-артиллерийский полк большой мощности и 429-й гаубично-артиллерийский полк Резерва главного командования, 38-й отдельный инженерный батальон.

В 27-ю армию входили: 22-й стрелковый корпус (180-я и 182-я стрелковые дивизии), 24-й стрелковый корпус (181-я и 183-я стрелковые дивизии), отдельные 16-я и 67-я стрелковые дивизии, 3-я стрелковая бригада.

То, что большинство дивизий присутствовало не «россыпью», а объединялось в корпуса, весьма важно, поскольку это означало, что фронт имел дополнительные структуры и части. То есть, располагал значительно большим числом людей и вооружения. Стоило кривошеевцам лишь упомянуть о факте наличия корпусов, и они сразу же бы вынуждены были увеличить мощь Северо-Западного фронта. Однако генералы почему-то постеснялись. Но мы скромничать не будем. В штат каждого корпуса, кроме дивизий³¹⁵, входило корпусное управление, штаб, а также обеспечивающие его подразделения. Механизированные корпуса обязательно усиливались мотоциклетными полками (в данном случае 5-м и 10-м), отдельными батальонами

связи (132-м и 380-м), отдельными моторизованными инженерными батальонами (46-м и 47-м) и более мелкими составляющими типа полевых пунктов связи (15-й, 790-й). Стрелковые корпуса тоже наращивали боевые возможности своих дивизий, так как получали корпусные артиллерийские полки (47-й, 51-й, 73-й, 270-й, 448-й, 613-й, 614-й, 615-й), отдельные зенитные дивизионы (19-й, 39-й, 103-й, 111-й, 242-й, 247-й, 389-й) и прочую «мелочевку», вроде отдельных саперных батальонов, отдельных батальонов связи, корректировочных эскадрилий и т. д.³¹⁶

Кроме того, Северо-Западный фронт имел отдельные соединения и части фронтового подчинения: управление 65-го стрелкового корпуса, 5-й воздушно-десантный корпус (9-я, 10-я и 201-я воздушно-десантные бригады), 41-й укрепленный район, 11-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, 402-й гаубично-артиллерийский полк большой мощности Резерва главного командования, 17-й отдельный полк связи, 4-й и 30-й понтонно-мостовые полки.

Северо-Западный фронт также располагал в качестве соединений и частей фронтового подчинения войсками ПВО (Рижский, Эстонский, Каунасский бригадные районы ПВО, 10-я, 12-я и 14-я бригады ПВО, 21-й отдельный истребительный авиационный полк ПВО) и ВВС (57-я истребительная авиационная дивизия, 4-я, 6-я, 7-я и 8-я смешанные авиационные дивизии, 312-й отдельный разведывательный авиационный полк).

Вдобавок фронту полагались службы тыла: транспортная (железнодорожные бригады, автомобильные полки, дорожно-эксплуатационные полки), артснабжения (склады боеприпасов и вооружения), снабжения горючим (склады, лаборатории), интендантская (вещевые и продовольственные склады, холодильники, хлебозаводы), санитарная (госпитали, склады, лаборатории) и ветеринарная (лазареты, склады, лаборатории). Их состав по сей день никем детально не исследован. Однако они тоже несли потери, и это обстоятельство обязательно надо держать в уме.

Если теперь сравнить вышеизложенные раскладки с кривошеевскими данными, то немедленно выяснится, что компания генералов-фальсификаторов «забыла» упомянуть в перечне войск все (!) соединения ПВО и ВВС. Ложь присутствует и в итоговых цифрах сухопутных сил, поскольку проигнорированы две артиллерийские бригады, а вместо шести укрепленных районов указан только один. Разумеется, закономерно возникает подозрение, что авторы умышленно занижают общую сумму солдат и офицеров, находившихся в распоряжении командования фронтом на 22 июня. Тем более что указанное ими число (440 000 человек) значительно уступает тому, которое подразумевает штатное расписание войск фронта³¹⁷. Проверить эту догадку, к сожалению, невозможно, поскольку подробной раскладки (хотя бы до уровня бригады) по реальному численному составу вооруженных сил СССР на 1941 год в открытой печати все еще нет. Поэтому здесь придется поверить генералу Кривошееву на слово и продолжить за него работу по детализации усилий Красной Армии в стратегической операции по обороне Прибалтики.

Сразу после начала боевых действий Северо-Западный фронт получил подкрепление в виде располагавшихся до войны на территории Прибалтийского особого военного округа войск НКВД и пограничных частей (тоже числившихся по ведомству Л. П. Берия), общим количеством не менее 15 тысяч человек. Кроме того, в бой были брошены курсанты Рижского военного училища, Либавского училища ПВО ВМФ, различные добровольческие формирования — литовские, латышские, эстонские истребительные отряды и рабочие батальоны. Это еще несколько тысяч человек, по большей части погибших в те страшные дни июня — июля 1941 года. Трудно поверить, но этим людям историки Министерства обороны совсем отказывают в праве на память, не учитывая ни среди живых, ни среди мертвых, на том основании, что их официально никогда не зачисляли в состав фронтовых соединений. Вот такой патриотизм. На словах громкая трескотня о величии родины, а в ре-

альности тем, кто отдал жизнь за эту самую родину, не уделено даже строчки в примечаниях.

К концу июня из тыловых районов страны прибыли резервы: 21-й механизированный корпус (42-я и 46-я танковые дивизии, 185 моторизованная дивизия, 11-й мотоциклетный полк), 1-й механизированный корпус (3-я танковая дивизия, 163-я моторизованная дивизия, 5-й мотоциклетный полк), 41-й стрелковый корпус (111-я, 118-я и 235-я стрелковые дивизии), отдельная 234-я стрелковая дивизия. Эти соединения тоже уже в большинстве своем получили пополнение людьми, их суммарная численность вряд ли значительно отличалась от штатной и, скорее всего, достигала цифры в 100 тысяч человек³¹⁸.

Также с конца июня к операции по обороне Прибалтики подключились и войска Северного фронта (образованного из бывшего Ленинградского военного округа). Из состава этого объединения были полностью задействованы три отдельных авиационных дивизии: 2-я смешанная, 39-я, 41-я бомбардировочные и большая часть 5-й смешанной авиадивизии³¹⁹. Плюс находившийся в оперативном подчинении командующего ВВС Северного фронта 1-й авиационный корпус дальнего действия (40-я и 51-я дальнебомбардировочные дивизии)³²⁰. В начале июля, когда немцы прорвались к так называемой «старой» границе с Прибалтикой, в бой вступили и сухопутные части — гарнизоны укрепленных районов — Старо-Псковского, Ново-Псковского, Островского³²¹. Все это в сумме дает еще несколько десятков тысяч человек. Конечно, в масштабах сражения их потери были не так велики, как утраты Северо-Западного фронта. Но «Гриф секретности» ведь претендует на максимальную тщательность подсчетов, указывая в таблицах не примерные числа, а конкретные цифры убитых и раненых с точностью до одного человека. Поэтому особое удивление вызывает тот факт, что об участии в обороне Прибалтики, а значит и о потерях соединений Северного фронта Кривошеев с подчиненными

вообще ничего не пишут! (Еще один красноречивый штрих к вопросу об исследовательской честности и истинном патриотизме.)

Аналогичным образом «исследованы» и потери Краснознаменного Балтийского флота, определенные в 1278 человек. Это очередная ложь. Только потери Либавской военно-морской базы превышают указанное число втрое! В Либаве на 22 июня 1941 года находилось около 4 тысяч моряков гарнизона³²². Из них уцелело и сумело вырваться из окружения не более 2–3 сотен³²³. Несли потери и другие береговые формирования флота, разбросанные по всему побережью Прибалтики. Это происходило при бомбежках с воздуха и в столкновениях с неприятелем на суше³²⁴. Еще примерно 500 офицеров и матросов погибли и получили ранения на боевых кораблях, потопленных или поврежденных противником. Несли потери и флотские ВВС. Только за один день 30 июня всего три полка (1-й минно-торпедный, 57-й и 73-й бомбардировочные), составлявшие лишь около четверти от общего количества авиации балтийцев, недосчитались 86 летчиков³²⁵. А ведь напряженные бои длились две с половиной недели. Если суммировать эти далеко не полные фрагменты, то получится, что «Гриф секретности» преуменьшает потери моряков при обороне Прибалтики не менее чем в четыре раза!

Но вернемся опять к Северо-Западному фронту и попробуем прикинуть его потери. К 22 июня он располагал, согласно утверждению Кривошеева & К^о, 440 тысячами солдат. Не менее 100 тысяч было получено потом в виде резервов. Если опять поверить кривошеевским сведениям, что на 10 июля 1941 года фронт насчитывал 272 тысячи военнослужащих, то потери должны были составить около 270 тысяч человек, или втрое больше, чем «объективно обобщили» генералы! Если же вспомнить про людей, находившихся в войсках на «Больших учебных сборах» и официально зачисленных в штаты фронтовых соединений уже после начала войны, то недоучет окажется еще большим³²⁶.

Точно так же соратники Кривошеева рассчитывают состав войск и потери в остальных 50 стратегических и 43 фронтовых операциях, «проанализированных» в «Грифе секретности». К сожалению, анализ их подробной проверки (по образцу сражения за Прибалтику) займет слишком много места. Для такой работы требуется специальное издание, которое автор этих строк надеется опубликовать в будущем. Поэтому в заключение упомянем лишь еще несколько наиболее характерных примеров «патриотического людоедства». Возьмем хотя бы Керченско-Феодосийскую десантную операцию (стр. 175), проведенную войсками Кавказского фронта за девять суток. Не будем задаваться вопросом о правильности подсчета потерь, а просто запомним цифру безвозвратной убыли — 30 547 человек. И сразу «перепрыгнем» на страницу 255, где суммированы потери того же Кавказского фронта за двадцать девять суток его существования. Вы можете не поверить, но там в графе безвозвратных потерь значатся все те же 30 547 душ. Любому человеку понятно, что на передовой каждый день кого-то убивают, даже если нет серьезных сражений. Но в том месяце (январе 1942 года) вслед за высадкой десанта продолжались очень сильные бои. Кавказский фронт потерпел чувствительное поражение и отступил, оставив только что взятый город Феодосию. Однако оказывается, никого в эти три недели не потерял. Ни убитыми, ни пленными. А кто в этом сомневается, тот, согласно логике авторов «Грифа секретности», плохо любит родину.

Или вот страница 174 — с таблицей, посвященной контрнаступлению под Москвой в декабре 1941 года. Авторы сообщают, что общие потери (то есть, включая раненых и больных) составили 370 955 человек. Опять не станем проверять эти данные, а заглянем на страницу 369. Там рассказывается о потерях боевой техники в стратегических операциях, в том числе, разумеется, и в Московской. В ходе нее, по версии тех же кривошеевских счетоводов, Красная Армия лишилась 1 093 000 единиц стрелкового оружия, что, как нетруд-

но посчитать, в три раза больше, чем потери людей в той же операции. Естественно сразу же возникает вопрос: как можно было в ходе наступления (ладно бы при отходе, когда неприятель иногда захватывает склады) потерять столько винтовок? Ведь за утрату личного оружия трибуналы стабильно штамповали расстрельные приговоры. Но, может быть, дело обстоит очень просто: авторы, недолго думая, взяли — и уменьшили потери в несколько раз? А проделать ту же операцию с оружием — забыли. Вот и вышла «неувязочка»...

Ознакомимся теперь с табличкой на странице 243, где расписаны потери Центрального фронта, существовавшего всего в течение 32-х суток июля — августа 1941 года. Авторы утверждают, что за указанный срок он безвозвратно потерял 111 008 человек. Из них убито и умерло от ран 9199. Пропало без вести 45 824. Остальные 55 985 представляют собой... небоевые потери. За которые генералам стыд глаза не режет, поскольку в эту категорию попадают погибшие в результате аварий, стихийных бедствий, самоубийцы, умершие от болезней или казненные за какие-либо преступления. Что же за напасть случилась в середине первого военного лета между Гомелем и Брянском? Цунами по лесам и болотам прокатилось? Эпидемия чумы, почему-то не затронувшая немцев? Или красноармейцы в массовом порядке принялись нарушать «социалистическую законность»? Загадка. И никаких комментариев с примечаниями³²⁷. А дело все в том, что в августе 1941-го армии Центрального фронта попали в окружение (почему он и был так быстро расформирован). В результате 78 тысяч солдат (по немецким сведениям)³²⁸ очутились в плену. Кроме того, значительная часть разбежалась по местным деревням. Тех же, кому повезло остаться за пределами «котла» было явно недостаточно для затыкания огромной брешы, пробитой немцами в советской обороне. По сей причине четыре полнокровных дивизии заградотрядам расстрелять никто бы не позволил. Поэтому остается предположить, что затем почти все дезертиры внезап-

но устыдились проявленной недавно боевой неустойчивости и повесились, чтобы искупить вину и заодно улучшить статистику. Отцы-командиры их потом во вражьем тылу, разумеется, тщательно пересчитали. Всех до последнего обозника. Доказательство тому — циферка в генеральском исследовании. И объективность с математикой.

В завершение этого блиц-обзора вернемся к таблице потерь боевой техники в стратегических операциях. Для этого откроем страницу 370 и найдем строку «Курская оборонительная» 1943 года. Продолжительность ее 19 суток — с 5 по 23 июля. «Гриф секретности...» утверждает, что за упомянутый срок Центральный (2-го формирования), Воронежский и Степной фронты лишились (не считая аварии без воздействия противника) 459 самолетов причем, только боевых, без учета учебных и транспортных.

Любой человек относительно неплохо знакомый с советской историографией Второй мировой войны и не озабоченный комплексом патриотического величия при виде этой цифры наверняка недоуменно пожмет плечами. Ведь даже у фальсификаторов должны быть какие-то разумные границы приличий. Но видимо привычка к безнаказанной лжи рождает и ощущение полной вседозволенности. Не говоря уж об абсолютном неуважении к читателю. Конечно, квалификация авторов «Грифа секретности», как историков, мягко выражаясь, весьма невелика. Однако не могут же они на самом деле не знать, что еще в «хрущевском» 6-томнике «История Великой Отечественной войны» потери ВВС СССР в Курской оборонительной операции были определены примерно в 1 тысячу самолетов³²⁹. Здесь также опять уместно вспомнить, что советско-российская историография всегда смущалась вопроса о потерях собственной армии. А уж в те годы конкретные цифры называли только в виде исключения. Поэтому, если они появились в открытой печати, то это означало, что данные тысячекратно проверены и, скорее всего, отредактированы в сторону уменьшения. В чем

ныне очень легко убедиться. Надо просто заглянуть в книгу «Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне», выпущенную Воениздатом уже на закате «брежневской» эпохи, когда цензурная узда стала слабеть³³⁰. Автор упомянутой монографии по архивным документам подсчитал и обнародовал скорбную статистику наших авиаторов всего за четыре первых дня «Огненной дуги» — 566 машин. Неужели генерал Кривошеев и его коллектив «специалистов» не заметили, что даже эта четырехдневная сумма превышает то число, которое они вывели в своем «исследовании» по итогам всей девятнадцатисуточной операции? Впрочем, взывать к совести тех, кто одним взмахом пера вычеркивает из прошлого миллионы погибших — занятие безнадежное. Вот если им прикажут «сверху» — как в двадцатые годы прошлого века или в «горбачевскую» «перестройку» — тогда они немедленно «возьмут под козырек». Но пока социальный заказ от власть имущих совершенно иной. И эти «ученые» с лампасами стараются в меру способностей. То есть самым наглым образом врут, а потом еще в чем-то обвиняют журналистов, когда те на это указывают.

Свидетельство тому — еще одна книга: «Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил», Москва, «ОЛМА-ПРЕСС», 2001 год. Данный труд, в сущности, является просто расширенной версией статистического исследования «Гриф секретности снят», подготовленной тем же коллективом авторов. По идее, «Россия и СССР в войнах...» должна была как-то учесть обширную аргументированную критику «первой ласточки» и исправить ее хотя бы наиболее вопиющие недочеты. Увы! Все несуразности не только остались в неприкосновенности, но появилась масса новых: чего стоит одно лишь утверждение, что немцы в полтора раза превосходили к 22 июня 1941 года Красную Армию по средним и тяжелым танкам (стр. 219). В предисловии к этой книге генерал-полковник Кривошеев снова пеняет «некоторым СМИ» за недоверие к его работе: «Все это приводит к искажению истинного положения дел в

данном вопросе, нередко способствует преднамеренному извращению фактов отдельными авторами с целью принизить величие подвига наших солдат и офицеров, умалить заслуги полководцев, а в конечном итоге — обесценить саму победу советского народа в Великой Отечественной войне». На ту же тему переживает и академик РАН Ю. А. Поляков, благословляющий книгу хвалебной статьей: «Подобные издания, являющиеся результатом тщательного, объективного, подлинно научного подхода к данной теме — единственное средство преодоления телевизионно-газетных дилетантских топтаний на погосте». Неужели эта страна действительно никогда не усваивает уроков прошлого? Советский Союз развалился потому что был построен на фундаменте тотальной лжи. Зачем же в основу нового государства укладывать столь же гнилые бревна?

ГЛАВА 14

ПАНФИЛОВСКИЕ ТЕЗИСЫ К «АРХЕТИПУ МЛАДЕНЦА»

Один из основоположников аналитической психологии Карл Густав Юнг в свое время писал, что мифы всех народов мира являются плодами коллективного бессознательного: «Инстинкты заложены в мозгу, поэтому и первичные образы, всегда являющиеся основой человеческого мышления, становятся сокровищницей мифологических мотивов». Коллективно наследуемые формы восприятия и понимания Юнг назвал архетипами и уточнил, что одним из главных среди них является тот, который генерирует образы героического эпоса. Чем примитивнее общество, тем более велики герои его мифов. Но по мере подъема по ступеням цивилизации они бледнеют и мельчают. Официальная советская история, в том числе, разумеется, и военная, — вполне укладывается в эту теорию. Правда с одной лишь поправкой: у ее мифов есть конкретные авторы. Большинство их творений бла-

гополучно канули в Лету, но те, которые успешно вошли в резонанс с «коллективным бессознательным» народа, здравствуют по сию пору...

Вопросы без ответов

В конце каждого года в нашей стране обязательно торжественно отмечают годовщину победы над фашистами под Москвой. Происходит это обычно по уже устоявшемуся за минувшие с того момента десятилетия ритуалу. Звучат высокопарные речи больших чиновников, в которых неминуемо упоминается один из самых известных эпизодов не только московской битвы, но всей Великой Отечественной войны — «бессмертный подвиг двадцати восьми героев-панфиловцев».

Трудно найти россиянина, который бы не слышал об этих людях. Правда, согласно последним опросам, в подробностях описать подвиг питомцев комиссара Клочкова редко, кто может. Но таков уж удел любого героического символа, закрепляющегося в народной памяти лишь своей стержневой идеей и неизбежно утрачивая со временем многие конкретные детали. Гораздо более важен, как представляется, другой вопрос: а есть ли у нашего народа хотя бы возможность достоверно знать эти детали?

Для начала заглянем в официальную 6-томную «Историю Великой Отечественной войны Советского Союза» (Т. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 260—261): «...двадцать восемь героев приняли на себя удар пятидесяти вражеских танков. Противник рассчитывал прорвать на этом участке нашу оборону, вырваться на Волоколамское шоссе и двинуться к Москве... Еще не рассеялся дым от разрывов бомб, как на окопы советских бойцов двинулись цепи фашистских автоматчиков. Дружным ружейно-пулеметным огнем атака была отбита. Тогда противник бросил в бой двадцать танков и новую группу автоматчиков. В этот момент в окопы пробрался политрук Клочков. «Не так уж страшно, — сказал он бойцам, —

меньше чем по танку на человека». Гранатами, бутылками с горючей смесью и огнем из противотанковых ружей отважные панфиловцы подбили четырнадцать танков. Остальные танки повернули назад. Не успели бойцы перевязать раны, как на окопы двинулись еще тридцать вражеских танков. Клочков обратился к бойцам: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва». В жестоком бою один за другим советские воины выбывали из строя. Тяжелораненый политрук со связкой гранат бросился под вражеский танк и взорвал его. Четыре часа длился этот легендарный бой. Восемнадцать танков и десятки солдат потерял здесь враг, но прорвать оборону ему не удалось».

После этих строк, конечно же, остается лишь преклониться перед мужеством чудо-богатырей и изумиться их невероятному профессионализму. Чтобы горстка солдат почти голыми руками останавливала за один бой в среднем по два бронированных зверя на брата (пехотный взвод против танкового полка) — такого мировая военная история не знала ни до, ни после! И все же один нюанс официально-героической версии выглядит нелогичным. Нет ответа на вопрос, почему же все-таки германские танки дрогнули и повернули назад? Ведь во второй атаке они потеряли всего четыре машины из тридцати. Про подошедшее к панфиловцам подкрепление нигде не говорится. К тому же тогда, по логике, героев должно быть больше, чем двадцать восемь. И самое главное: если ни одного невредимого панфиловца к концу боя не осталось, почему двадцать шесть немецких танков не прошли дальше в тот момент, когда погиб последний советский солдат?

Наиболее часто встречающееся объяснение — «Немцы устрешились величия духа советских воинов» — при всей его патриотической красоте кажется не слишком убедительным. Русский дух, конечно, фактор весомый, но если дорога от него уже свободна, почему бы и не проехать? Даже в прилагавшихся к советским школьным учебникам картах оборонявшийся панфиловцами разъезд Дубосеково значит как территория, занятая

противником. Стало быть, в конце концов, русский дух перестал пугать неприятеля? Но почему? Логического или правдоподобного объяснения всем этим сомнениям из отечественной историографии извлечь невозможно и критически настроенным читателям приходится остужать свое любопытство разве что универсальными рассуждениями о «сыновьях Ильи Муромца, до поры до времени, лежащих на печи, но в трудную минуту берущих в руки дубину народного гнева».

Между тем, еще в годы перестройки советское Министерство обороны рассекретило несколько ранее закрытых документов, позволяющих исчерпывающим образом ответить на все вопросы, связанные со знаменитым боем. Однако российские историки почему-то продолжают их упорно «не замечать». Может быть потому, что ответы получаются слишком «антимифологические»?³³¹

Сюрприз из архива

В июле — августе 1941 года на ныне «ближне-зарубежной» земле Казахстана в числе множества других подразделений спешно формировались 1073-й, 1075-й, 1077-й стрелковые полки, а также 857-й артиллерийский полк и ряд других менее крупных частей. Были они не кадровыми и укомплектовывались только что мобилизованными, практически необученными людьми. Тем не менее, в конце августа все того же 1941 года их объединили в 316-ю стрелковую дивизию, которую под командой генерал-майора И. В. Панфилова отправили на театр боевых действий в состав Северо-Западного фронта.

Там ее зачислили в состав 52-й армии. В начале сентября панфиловцы уже получили крещение огнем, отбивая атаки противника неподалеку от городка Малая Вишера. Впрочем, неприятель на том участке особенно не нажимал, ограничиваясь демонстрацией активности, в связи с чем данный район фронта считался относительно спокойным. Поэтому именно отсюда в первую очередь и забрали часть войск (в число кото-

рых попала и 316-я) для экстренного затыкания огромной брешы, которую немцы пробили в начале октября в советской обороне на Московском направлении. Прибыв под Волоколамск, дивизия Панфилова вошла в состав 16-й армии Западного фронта.

Германское наступление в середине октября приостановила внезапно наступившая осенняя распутица. Тем не менее, уже на излете оно зацепило героев нашего исследования. 316-я понесла в тех оборонительных боях крупные потери в живой силе и технике. К ноябрьским праздникам дивизию пополнили только что призванными москвичами, но вот убыль тяжелого вооружения не возместили. Тем временем мороз слегка подсушил дороги, и 16 ноября 1941 года немцы возобновили свое генеральное наступление на советскую столицу. В этот день у железнодорожного разъезда Дубосеково (117-й километр Рижского направления Московской железной дороги) неподалеку от Волоколамского шоссе и произошел тот самый бой, который вошел в летопись Великой Отечественной как «подвиг двадцати восьми героев».

Разъезд оборонял 1075-й полк панфиловской дивизии, которым командовал полковник И. В. Капров. Полк насчитывал 1534 человека и занимал участок фронта длиной 4,8 километра. Ему были приданы два противотанковых орудия и четыре противотанковых ружья из дивизионных резервов. Собственные противотанковые средства полка тоже выглядели крайне скудно, насчитывая всего одиннадцать противотанковых ружей. Поэтому, когда утром 16 ноября неприятельская пехота при поддержке танков начала наступление, остановить его не удалось.

Немцы смяли боевые порядки полка примерно за 40—45 минут. Потери при этом составили 400 человек убитыми, 600 пропавшими без вести и 100 ранеными. В донесении, составленном сразу после сражения, цифры, видимо, округлены, но для нашего исследования это не принципиально, поскольку даже в таком виде они достаточно красноречиво свидетельствуют,

что 1075-й полк был фактически разгромлен и как полноценная армейская единица перестал существовать. Конечно, учитывая то, что его личный состав был почти необучен и лишен достаточного количества противотанковой техники, иного результата ожидать было трудно. Тем не менее, командира полка Капрова и комиссара Мухамедьярова за большие потери и сдачу позиций отстранили от занимаемых должностей, а остатки полка вместе со всей дивизией вскоре вывели в тыл на отдых и доукомплектование.

Рождение мифа

Дальнейший ход событий по-человечески вполне объясним. От военных журналистов в то время требовали зажигательных сенсаций и воспевания героев, достойных всеобщего подражания. Фронтовикам, в свою очередь, не хотелось выглядеть жалкими и битыми. Тем более что боевой путь панфиловской дивизии на фоне катастрофического для СССР 1941 года выглядит совсем не хуже других. Все части Красной Армии в ту страшную пору прошли через похожие круги ада. Однако именно над 316-й дивизией его величество случай почему-то решил подшутить, толкнув ее в жернова советской пропагандистской машины.

Во второй половине ноября 41-го в панфиловскую дивизию заехали корреспонденты «Комсомольской правды» В. Чернышов и «Красной звезды» В. Коротев. Первый побеседовал в штабе дивизии с инструктором-информатором. Что тот ему поведал и какую роль затем сыграла фантазия самого журналиста, теперь уже, конечно, не установить. Но в материале Чернышова «Слава бесстрашным патриотам», опубликованном в номере «Комсомолки» за 26 ноября 1941 года, уже присутствовал эпизод, в котором немногочисленная группа отчаянных храбрецов-панфиловцев сдерживала натиск пятидесяти четырех вражеских танков в сражении, продолжавшемся более четырех часов.

Коротеев взял интервью у комиссара дивизии Егорова, который, по словам корреспондента, рассказал ему о героическом бое одной роты с немецкими танками. Статья Коротеева с упоминанием данного факта, называвшаяся «Гвардейцы Панфилова в боях за Москву», появилась в «Красной звезде» в номере от 27 ноября 1941 года.

Как оформлялась легенда дальше, можно узнать из показаний все того же Коротеева, которые он давал следователю в 1948 году: «Я доложил редактору Ортенбергу обстановку, рассказал о бое роты с танками противника. Ортенберг меня спросил, сколько же людей было в роте. Я ему ответил, что состав, видимо, был неполный, примерно человек тридцать — сорок. Я сказал также, что из этих людей двое оказались предателями... 28 ноября в „Красной звезде“ была написана передовая „Завещание двадцати восьми павших героев“. Я не знал, что готовилась передовая, но Ортенберг меня еще раз вызвал и спрашивал, сколько же людей было в роте, которая сражалась с немецкими танками. Я ему ответил, что примерно тридцать человек. Таким образом, и появилось в передовой количество сражавшихся — двадцать восемь человек, так как двое оказались предателями. Ортенберг говорил, что о двух предателях писать нельзя, и, видимо посоветовавшись с кем-то, разрешил в передовой написать только об одном предателе... В дальнейшем я не возвращался к теме о бое роты с немецкими танками; этим делом занимался Кривицкий, который первым написал и передовую о двадцати восьми панфиловцах...».

Передовица Кривицкого появилась в номере «Красной звезды» от 28 ноября 1941 года. Вот лишь несколько самых характерных цитат из нее: «Свыше пятидесяти вражеских танков двинулись на рубежи, занимаемые двадцатью девятью советскими гвардейцами из дивизии имени Панфилова... Смалодушничал только один из двадцати девяти... только один поднял руки вверх... несколько гвардейцев одновременно, не стовариваясь, без команды, выстрелили в труса и преда-

теля... Воспаленными глазами политрук Клочков посмотрел на товарищей — „Тридцать танков друзья, — сказал он бойцам, — придется всем нам умереть, наверно. Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва“... Сложили свои головы все двадцать восемь. Погибли, но не пропустили врага».

Комментировать здесь, естественно, нечего, а можно только заметить, что журналист Кривицкий вместе с начальством явно небрежно делали свою работу. Врать ведь тоже надо уметь. По крайней мере, хотя бы продумать причинно-следственную цепочку. Если бы эти строки первым прочитал дотошный немец или практичный англосакс, то наверняка не избежать бы автору вопроса: «Каким образом и от кого он узнал столько красочных подробностей, если все погибли, а других свидетелей и радиосвязи с командованием у героев не было?». Но, видимо, и Кривицкий, и редактор «Красной звезды» Ортенберг в профессиональном отношении были «истинно русскими людьми» — поэтами в душе и любителями красного словца, не обращавшими внимания на «скучные мелочи» реальной жизни, сковывавшие простор эпической фантазии. Ну, а дальше миф стал жить своей самостоятельной жизнью, и освященная всей мощью тоталитарного государства откровенная журналистская халтура превратилась в непоколебимую аксиому.

Страна героев, страна мечтателей, страна поэтов...

Таким образом, 28 ноября 1941 года можно считать официальным днем рождения мифа. Далее он совершенствовался только в деталях. Постепенно исчез предатель. Политрук Клочков со временем чудесным образом оказался 7 ноября не на фронте, а в Москве на Красной площади, где участвовал в знаменитом параде. И так далее. Однако главные свои каноны легенда обрела именно в конце ноября под пером Кривицкого и с тех пор существенной редактуре уже не подлежала.

В этом вскоре успел убедиться и восстановленный после столь громких публикаций в должности командира 1075-го полка полковник Капров, показавший на допросе по делу панфиловцев в 1948 году: «В конце декабря 1941 года, когда дивизия была отведена на формирование, ко мне в полк приехал корреспондент „Красной звезды“ Кривицкий вместе с представителями политотдела дивизии Галушко и Егоровым... В разговоре со мной Кривицкий заявил, что нужно, чтобы было двадцать восемь гвардейцев-панфиловцев, которые вели бой с немецкими танками. Я ему заявил, что с немецкими танками дрался весь полк... Комиссар дивизии Егоров мне приказал выехать на место боя вместе с Кривицким (к концу декабря Дубосеково уже отбили у немцев). Фамилии Кривицкому по памяти давал капитан Гундилович, который вел с ним разговор на эту тему. Меня о фамилиях никто не спрашивал...».

Таким образом, около тысячи солдат 1075-го полка, погибших и пропавших без вести в том бою, оказались выкинутыми из истории Великой Отечественной войны. Зато в числе двадцати восьми чудо-богатырей оказались вообще не участвовавшие в сражении 16 ноября: «павший герой» Кужебергенев, например, добровольно сдался в плен раньше этого дня, а еще один «панфиловец» — Добробаба в реальности дезертировал, а затем служил у немцев в полиции.

Последнему, кстати, выпало сыграть в жизни мифа заметную роль. Через два с половиной года после войны его вычислили и арестовали за предательство. Можно себе представить, каково было удивление следователей, когда они выяснили, что перед ними сидит один из павших всесоюзно знаменитых легендарных героев. Срочно последовал строгий приказ провести тихое расследование «дела о подвиге двадцати восьми», строки из протоколов которого цитировались выше. Результаты дознания 10 мая 1948 года Главным прокурором Вооруженных Сил СССР генерал-лейтенантом юстиции Афанасьевым были доложены Генеральному

Прокурору СССР Сафонову. Тот сообщил их одному из главных сталинских подручных — А. А. Жданову. Но даже установив истину, советские вожди продолжали культивировать «патриотическо-воспитательный» миф.

Тем временем и Кривицкий постепенно уяснил, что сделал угодное для власти дело. В Израиле недавно опубликованы мемуары карикатуриста Бориса Ефимова, где автор вспоминает, что, зайдя однажды к Кривицкому, застал там споривших с ним на тему о праве журналиста на вымысел Твардовского и Гроссмана. Кривицкий, потрясая своей брошюрой о подвиге панфиловцев, кричал: «Так вот, что бы вы тут ни говорили, можете сомневаться сколько вам угодно, а вот эта дерьмовая книжонка через каких-нибудь четверть века будет первоисточником! Да! Да! Первоисточником».

Надо признать, что журналист-фальсификатор оказался прав. Еще долгие десятилетия он продолжал «разрабатывать» эту тему, украшая картину боя все новыми героическими штрихами. От Кривицкого не отставали и большинство собратьев по творческому цеху: Тихонов, Бек, Светлов, Ставский, Кузнецов, Липко. Всех не перечислишь. Имена панфиловцев присваивались улицам, площадям и колхозам. В 1967 году в Дубосеково открыли просторный музей. В 1975-м выстроили грандиозный мемориальный комплекс, чем-то напоминающий варварское капище с ритуальными истуканами, величиной с многоэтажный дом. Туда до сих пор привозят иностранцев и рассказывают им о величии русского духа.

Кстати, кроме вышеупомянутых двух постепенно обнаружилось еще четверо живых «героев-панфиловцев» — Тимофеев, Шемякин, Шадрин, Васильев. В послевоенные годы они охотно выступали перед октябратами и пионерами, рассказывая детишкам, как поджигали один за другим рвавшиеся к Москве германские танки.

СССР – ШВЕЦИЯ. НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА³³²

В русле старой традиции

По версии гения отечественной литературы Петр Великий, основывая город в устье Невы, бросил знаменитую фразу: «Отсель грозить мы будем шведу». Говорил ли царь на самом деле эти слова – оставим на совести Александра Сергеевича. Но то, что поэт верно уловил тенденцию развития событий, подтверждает сама История. Россия постепенно отобрала у Швеции большую часть из некогда принадлежавших ей территорий. После чего скандинавы отступили в разряд второстепенных держав.

Впрочем, ход и итоги этого многовекового противоборства хорошо известны всем даже по школьной программе. Поэтому лишний раз подробно описывать их не имеет смысла. Но вот то, что был между Москвой и Стокгольмом еще один – последний, если исходить из хронологии, вооруженный конфликт, который до сих пор не попал в учебники, известно немногим. А между тем представлял он собой самую настоящую войну, где люди гибли, попадали в плен и пропадали без вести. Происходили эти обойденные вниманием отечественной историографии события в годы Второй мировой войны. На традиционном для данных противников театре боевых действий – в бассейне Балтийского моря.

Первые столкновения солдат регулярных армий СССР и Швеции имели место во время советско-финской «Зимней войны» 1939–1940 годов. Шведы, разумеется, были встревожены немотивированным нападением огромной державы на их маленького соседа. Логика подсказывала, что «следующими, к кому большевики придут организовывать советы и колхозы», могут стать уже они сами. Поэтому, пока пожары сражений не докатились до их границ, скандинавы реши-

ли оказать посильную помощь изнемогавшей в неравной борьбе жертве агрессии.

Законы Швеции, несмотря на ее нейтралитет, разрешали гражданам страны служить добровольцами в войсках других государств. Именно в таком статусе два шведских батальона приняли участие в боевых действиях в Заполярье, где помогали Лапландской армейской группе финнов сдерживать напор полков, входивших в состав советской 14-й армии. Наступление РККА там действительно вскоре захлебнулось. Однако истины ради заметим, что причиной тому, скорее, была суровая зима, нежели помощь крохотных скандинавских подразделений.

Кроме того, также из добровольцев шведским командованием была сформирована авиационная часть — «Авиафлотилия-19», которой командовал майор Уго Бекхаммар. Она имела на вооружении 12 закупленных в Англии старых истребителей «Глостер-Гладиатор» и 4 столь же древних британских бомбардировщика «Хоккер-Харт».

11 февраля 1940 года флотилия перелетела через шведско-финскую границу и, базируясь на льду озера Кемь, в течение месяца активно пыталась противодействовать в том районе «сталинским соколам», имевшим подавляющее численное превосходство над финской авиацией. В этих условиях больших успехов скандинавы не добились. К тому же уже в первый день на узкой взлетной полосе столкнулись два «Харта», и число бомбовозов сократилось наполовину. Вскоре еще один бомбардировщик подбили зенитки, и он вынужден был сесть на чужой территории. Правда, экипажу удалось уйти на лыжах от преследователей и после долгих скитаний вернуться к себе на аэродром.

Ненамного лучше выглядели и достижения скандинавских истребителей. Действовать им пришлось мелкими группами по 2—4 машины, вступая в ходе почти каждого вылета в бой с бесчисленными стаями советских самолетов. Главная задача поневоле сводилась к простой цели — выжить. Все же за счет более высокой

индивидуальной подготовки шведы сбили 12 краснозвездных машин, потеряв при этом лишь три своих «Гладиатора».

Люди гибнут за металл

Но главные события советско-шведской войны развернулись все-таки на море. Скандинавы считают, что в результате враждебных действий Москвы в 1939—1945 годах, они потеряли, как минимум, два десятка кораблей, а от более серьезных убытков их спасла только плохая выучка моряков «большевистского Балтийского флота».

Гибли суда по-разному. Подрывались на поставленных тайком советских минах, уничтожались самолетами морской авиации и специально высылаемыми для этого подводными лодками, которые доставили Стокгольму особенно много неприятностей. В свою очередь, летчики и моряки Королевских вооруженных сил пытались любыми способами топить советские субмарины.

Первое морское столкновение произошло в ночь на 29 декабря 1939 года. Подводная лодка Щ-311, ведомая капитан-лейтенантом Федором Вершининым на подходе к шведскому порту Васа атаковала танкер «Сигрид». Однако в тот раз советские моряки действовали неумело и безоружному торговому судну удалось уйти от них без каких бы то ни было повреждений.

Через неделю 5 января 1940 года все та же Щ-311 опять напала на одиночное шведское торговое судно. Это был маленький частный пароходик «Фенрис» (вместимостью 484 брутто-регистрационных тонны, далее в тексте — брт), перевозивший керосин между приморскими городами Эреншельдсвик и Хольмзунд. Погоня за беззащитным карликом длилась более двух часов. Было израсходовано 73 снаряда прежде, чем суденышко все-таки загорелось и через некоторое время затонуло. Здесь уместно заметить, что еще во время Первой ми-

ровой у немцев и англичан нормой для такого «боя» считался расход в 5—6 снарядов.

Затем Балтийское море замерзло и до самого конца «финской» войны больше ни одной советской субмарины не удалось подойти к побережью Скандинавии. Следующие столкновения произошли лишь тогда, когда началась Великая Отечественная. Всю вторую половину 1941 года красные подводники промышляли у шведских берегов. Но, несмотря на чрезвычайно благоприятные условия для «морского разбоя» — потенциальные жертвы ходили не в конвоях, а поодиночке и даже не соблюдали светомаскировку — по причине все той же профессиональной беспомощности не смогли причинить какого-либо ущерба шведам.

Со своей стороны, скандинавы в конце лета сумели потопить одного из сталинских подводных корсаров, обнаруженного патрульными сторожевиками на торговых коммуникациях у острова Эланд. Согласно советским документам из того района в августе — сентябре 1941 года не вернулись С-6 (капитан-лейтенант Николай Кулыгин и 46 членов экипажа) и С-8 (капитан-лейтенант Илья Браун и 48 членов экипажа). Официально они обе считались пропавшими без вести. Однако в 1999 году шведские водолазы в ходе обследования окрестностей Эланда нашли на дне потопленную «эску». Правда, какую из двух, установить, пока не удалось. Тем не менее, успех атаки королевских моряков был доказан.

Причиной этих столкновений стали торговые отношения, которые нейтральная Швеция поддерживала в то время с Германией. Скандинавы продавали немцам железную руду, станки, шарикоподшипники и другие товары стратегического назначения, причем в таких количествах, что каждый германский танк в прямом смысле слова на 70 % состоял из шведской стали. Кроме того, шведы позволяли нацистам пользоваться своими территориальными водами и осуществлять частичный транзит войск через границы.

Чтобы понять, почему демократическая страна пошла на сотрудничество с фашистами, достаточно взглянуть

на карту. К 1941 году шведы оказались со всех сторон окруженными районами, находившимися под контролем Гитлера. В это время дела на фронтах у антигитлеровской коалиции продолжали ухудшаться, и помощи от нее в случае германской агрессии ждать не приходилось. В то же время нельзя не напомнить, что формально Швеция оставалась вне мирового конфликта.

Тем не менее, война есть война, и в ней зачастую все средства хороши. Для Советского Союза было очень важным попытаться нарушить важнейшие коммуникации противника, проходившие по Балтийскому морю и создать тем самым серьезные проблемы германской экономике. Именно этим объясняется тот факт, что поздней весной 1942 года подводные лодки Краснознаменного Балтийского флота, вопреки всем международным законам, вновь получили приказ выйти на позиции к берегам Скандинавии. В результате вспыхнула уже настоящая «шведская» война, по сравнению с которой инциденты прошлых лет выглядели просто детскими шалостями.

Это не англичане!

Исполняя этот приказ, советские субмарины из блокированного с суши Ленинграда и Кронштадта с наступлением лета начали прорываться сквозь противолодочные рубежи и минные поля Финского залива на просторы Балтики. Теперь, когда эмоции той поры уже давно остыли, можно, наверное, честно признаться, что действовали они по-прежнему не очень умело. Во всяком случае, подводники других стран добивались куда лучших результатов. Но в храбрости, вплоть до самопожертвования, большинству экипажей наших «наutilusов» отказать нельзя.

Первой к шведскому побережью удалось проскочить Щ-317. Командовал ею капитан-лейтенант Николай Мохов. Он первым в ту кампанию — 16 июня и атаковал шведский пароход «Улла». Торпеда прошла рядом

с бортом скандинава. Но 22 июня эта «щука» все же «съела» свою первую жертву. В районе острова Эланд Мохов потопил гражданский грузовик «Ада Гортон» (вместимостью 2399 брт), перевозивший железную руду. 14 моряков сухогруза во главе с капитаном Нильсом Сигурдом погибли. Шведские водолазы обследовали судно, и нашли осколок торпеды с «обратным адресом» — надписью на русском языке.

Это событие стало сенсацией. Дело в том, что русских подводников еще со времен Первой мировой войны страны Балтийского региона привыкли не принимать в расчет. Тогда они (как и 1939—1941 годах) практически никак себя не проявили. В отличие от британских субмарин, которые, прорвавшись в Балтику в 1914—1915 годах, навели страху на всех. Поэтому, обнаружив у своих берегов неизвестные подлодки, шведы сначала решили, что это опять британцы. И вдруг — такой сюрприз!

Стокгольм мгновенно отреагировал на него по дипломатическим каналам. В Москву 26 июня отправили ноту протеста МИДа. Одновременно королевский флот немедленно ввел систему конвоев. Коммерческие пароходы стали ходить группами под охраной военных кораблей, а шведская авиация начала ежедневное патрулирование над своими водами.

Впрочем, предотвратить новые нападения этими мерами не удалось. 1 июля около порта Вестервик все та же Щ-317 атаковала один из конвоев. Правда, снова промахнулась. Шведский эсминец «Эренсквольд» контратаковал лодку глубинными бомбами и отогнал из прибрежной полосы в открытое море. Однако 4 июля Мохов вновь напомнил о себе безуспешной атакой частного судна «Фортуна». И опять был закидан бомбами с подоспевших противолодочных кораблей. Выпустил в ответ торпеду. Но снова промазал.

Спустя два дня Щ-317 в районе острова Эланд засек эсминец «Норденшельд» и, устроив охоту за субмариной, все же накрыл ее глубинными бомбами. Лодка, оставляя за собой хорошо видный масляный след, все

же сумела уйти в нейтральные воды и исправить там повреждения.

Тем временем в шведскую прибрежную зону к началу второго летнего месяца прорвались еще три советские субмарины — С-4, С-7 и Щ-406. Последняя, командиром которой был капитан 3-го ранга Евгений Осипов, атаковала 1 июля в районе Херадшера частный пароход «Галеон», перевозивший руду на свой страх и риск в одиночку. Ему повезло: «щука» промахнулась. Торпеды взорвались, угодив в прибрежные скалы. Их обломки с заводской маркировкой на русском языке до сих пор хранятся в качестве экспонатов в военно-морском музее Швеции.

6 июля все та же Щ-406 напала на очередной конвой у порта Ландсорт. Торпеды снова прошли мимо, а шведский сторожевик «Капарай» своими глубинными бомбами заставил «щуку» долго прятаться на глубине. На следующий день Осипов атаковал уже другой конвой. И опять торпеды никого не задели.

С-4 (капитан 2-го ранга Дмитрий Абросимов) действовала нерешительно и вскоре была отозвана назад. А вот С-7 (капитана 3-го ранга Сергей Лисин) 9 июля около острова Арке выпустила торпеды по шведскому пароходу «Норег». Впрочем, и это судно от смертельных снарядов уклонилось. Попытка через несколько часов атаковать следующий конвой чуть не закончилась гибелью субмарины. Миноносец эскорта, оказавшийся рядом, пошел на таран. Лодка едва успела уйти на глубину. Винты скандинава вспороли воду над самой рубкой.

Все же Лисину в тот день удалось потопить большое торговое судно. Им оказалась «Принцесса Маргарета» (1272 брт) с грузом кокса. Погибли капитан Кнут Тернгрэн и 13 моряков.

Спустя два дня — 11 июля С-7 добилась нового успеха: пустила на дно двухторпедным залпом груженный рудой пароход «Лулео» (5695 брт). Вместе с судном утонули капитан Эрнст Вестин и 8 человек экипажа. Шведские сторожевики «Ягарен» и «Сиापханен», об-

наружив лодку, сбросили на нее более 20 бомб. С-7 получила повреждения. Из субмарины начал вытекать и всплывать на поверхность моря соляр. Заметив его, сторожевики сочли врага уничтоженным. Но Лисин, устранив повреждения, за следующие пять дней еще дважды проводил атаки. Правда, оба раза неудачно — мешало противодействие патрульных самолетов.

Сказки бабушки Коллонтай

После потопления «Лулео» (вновь были найдены осколки с клеймами русских заводов) министр обороны Швеции генерал Тернелл отдал приказ применять оружие против советских подлодок не только в своих территориальных водах, но даже вдали от берегов — в открытом море. Во исполнение этого приказа 12 июля севернее острова Эланд эсминец «Стокгольм» атаковал глубинными бомбами обнаруженную субмарину. На том месте в течение недели держалось огромное пятно из масла и соляра, что дало основание руководству Королевского ВМФ объявить о потоплении Щ-317, которая действительно на базу не вернулась и была зачислена — со всеми находившимися у нее на борту 42 моряками — в списки без вести пропавших.

На уничтожение этой подлодки до последнего времени претендовали и финны, заявлявшие о ее потоплении в устье Финского залива 15 июля в результате атаки минного заградителя «Руотсинсальми». Однако проведенное в 1999 году водолазное обследование района острова Эланд, в ходе которого были обнаружены останки корпуса Щ-317, доказало, что честь победы над этой «щукой» принадлежит все-таки шведам.

Но вернемся в 1942 год. 17 июля командование Балтфлота вынуждено было отдать приказ своим подводникам покинуть на время шведские воды. Объясняется это тем, что Стокгольм продолжал обстреливать Москву нотами протеста и апеллировал к общественному мнению союзников СССР — США и Великобри-

тании. Долгое время в Кремле делали вид, что не замечают международного скандала и отвечали, что это фашисты с провокационными целями атакуют шведские корабли трофейными советскими торпедами, желая посорить скандинавов и русских. Но затем произошел конфуз.

Наверное, многие читатели помнят кинофильм «Посол Советского Союза», где швед-рыбак из пролетарской солидарности приносит послу Страны советов осколок авиабомбы, сброшенной на прибрежный поселок. По версии отечественных кинематографистов, на осколке персонажи видят фашистское клеймо — маркировку фирмы-изготовителя. Таким образом, гадкие козни немцев разоблачаются. Но фильм похож на действительность так же, как молодая красавица-актриса, исполняющая роль посла, на свой прототип — Александру Коллонтай, которая в 1942 году была уже 70-летней дамой.

Не немецкие, а советские самолеты, пытаясь заминировать пролив Кальмарсунд, промахнулись и сбросили свой груз на побережье острова Эланд. «Гостинцы» оказались самого свежего производства. Крыть в такой ситуации было нечем, и командованию ВМФ СССР пришлось отдать своим субмаринам приказ на время покинуть шведские воды.

Ну а, возвращаясь к вышеупомянутому фильму о Коллонтай, справедливости ради заметим, что есть там и отдельные правдивые кадры. Например, как в посольство кидают камни простые шведы, возмущенные советским вероломством.

Трагедия «Бенгт Стуре»

Международный скандал все-таки помог снизить напряжение в скандинавских водах. Во всяком случае, во втором эшелоне советских субмарин, начавшем прорываться в Балтику с августа 1942 года, все лодки уже получали строгое указание действовать только против

немцев и финнов. Поэтому из их числа лишь подводный минный заградитель Л-3 (капитан 3-го ранга Петр Грищенко) имел «боевое соприкосновение» со шведским пароходом.

18 сентября Л-3 повстречала конвой скандинавов в выгодном для атаки положении и не удержалась от соблазна удачного выстрела. В результате рудовоз «Лильевальх» (5513 брт) затонул. Вместе с ним погиб капитан Эрнст Брамфорд и 32 моряка. Спустя несколько дней Грищенко в надводном положении едва не столкнулся с небольшим рыбацким ботом, но пожалел рыбаков, отпустив их живыми, за что по возвращении получил нагоняй от командующего Балтийским флотом адмирала В. Ф. Трибуца.

К тому времени дипломатическая перебранка несколько поутихла, и советское руководство вновь решило выдвинуть свои субмарины к шведскому побережью. В конце сентября в Балтийское море из Финского залива начал прорываться третий эшелон русских подлодок. Активнее всех действовала Д-2 (капитана 3-го ранга Романа Линденберга). 8 октября она стреляла по пароходу «Гуннар», 10-го по «Тимандре», а 19-го по парому «Король Густав». Но попаданий не было.

Шведы, в свою очередь, ожесточенно отбивались. Так, подошедшая к скандинавским берегам Щ-307 (капитан-лейтенант Николай Момот) 3 октября два раза подвергалась атакам самолетов и преследовалась миноносцем. Иногда шведы координировали действия с немцами и финнами. Именно в такой ситуации финская субмарина «Ветехинен», неподалеку от шведских вод неудачно атаковав советскую Щ-305 (капитан 3-го ранга Дмитрий Сазонов и 37 человек команды), пошла на отчаянный шаг — таран. В результате «щука» погибла со всем экипажем, а «Ветехинен» с трудом, но вернулась домой.

28 октября 1942 года произошел один из самых известных в Швеции эпизодов той войны. Щ-406, во второй раз прорвавшаяся в Балтику под командованием Евгения Осипова, встретила пароход «Бенгт Стуре» (872 брт), шедший с грузом угля. Преследование оди-

ночной незащищенной жертвы длилось более часа. Добиться попадания удалось лишь с третьего торпедного залпа. В результате судно разломилось и затонуло. Погибли 8 человек, а оставшиеся 7, вместе с капитаном Стуре Хедбергом, были подобраны на борт «шуки», которая вернулась в Кронштадт 8 ноября.

Там они были переданы в Особый отдел Балтфлота. После чего следы этих людей надолго затерялись. Сам пароход шведы считали пропавшим без вести. Только в 1960-х годах, когда в СССР начали публиковаться в открытой печати конкретные даты и районы атак советских подводников, скандинавы узнали, куда он делся. Судьба пленных шведских моряков напоминает одиссею широко известного ныне Рауля Валленберга. Стокгольм постоянно бомбардировал Москву запросами на данную тему, но стабильно получал уклончивые ответы.

Конечно, подданным полуазиатской империи, где счет собственных жертв «необоснованных репрессий» идет на десятки миллионов, трудно понять граждан цивилизованной европейской страны, полвека стремящихся выяснить судьбу своих нескольких граждан. Однако скандинавам все же удалось добиться кое-каких результатов. В 1993 году была, наконец, создана совместная российско-шведская группа по поиску членов экипажей с пропавших на Балтике судов. В 1995 году она обнаружила в Петербурге документы, из которых следует, что проблемой пленников с «Бенгт Стуре» занималась советская верхушка, вплоть до В. М. Молотова.

Сперва их планировалось принудить дать показания для международной комиссии, что судно потопили немцы, а советские моряки, наоборот, спасли им жизнь, вырвав из фашистских лап. Но зимой актуальность этой проблемы потеряла остроту, и о шведах забыли. Дальше точных данных нет. Согласно свидетельствам очевидцев, несчастных пленников, скорее всего, расстреляли в 1943 году на острове Котлин в районе форта «Шанц». Впрочем, в Стокгольме по-прежнему надеются найти в России бумаги, которые окончательно прояснят этот вопрос.

Последние аккорды

С конца 1942 и до осени 1944 годов ни одна советская субмарина не сумела вырваться на просторы Балтики. За это время в ходе войны успел произойти перелом. Антигитлеровская коалиция перешла в наступление. Шведы немедленно отреагировали и к концу 1943 года прекратили поставки в Германию. Но как только немцы отошли от устья Финского залива, и советские военные корабли вновь получили возможность выходить в открытое море, инциденты возобновились.

24 ноября 1944 года подводная лодка Л-21 (капитан 2-го ранга Сергей Могилевский) потопила шведское пассажирское судно «Ханза» (563 брт), принадлежавшее пароходству «АБ Готланд». Оно шло со всеми положенными огнями и сигналами, представляя собой идеальную цель. Погибло 83 человека.

Следующая трагедия случилась 29 декабря, когда К-56 (капитан 3-го ранга Иван Попов) атаковала торговый корабль «Веннерсборг» (1046 брт), шедший с грузом целлюлозы. Пароход быстро затонул. Погибло 19 человек. Эта же лодка 11 апреля 1945 года артогнем из надводного положения расстреляла парусно-моторную шхуну «Рамона» (57 брт). Из ее экипажа был убит один человек.

Внесла свой вклад и авиация. 20 декабря 1944 года краснозвездные самолеты потопили шведский торговый пароход «Танга», а 25 апреля 1945-го рыболовецкий сейнер «Арго».

Еще целый ряд шведских гражданских судов в 1939–1945 годах пропал без вести и погиб на минах. Но поскольку Балтика в годы войны была просто нашпигована минами всех противоборствовавших сторон, то оставим эти случаи за скобками данного очерка.

В заключение необходимо еще упомянуть о том, что на протяжении всех холодно-военных десятилетий второй половины XX века скандинавы испытывали своеобразный «подводный синдром» в отношении флота своего беспокойного восточного соседа. Почти каж-

дый год они обнаруживали в своих водах призраки советских субмарин и устраивали на них безрезультатную охоту. В конце концов, это стало напоминать анекдот, над которым все весело смеялись до октября 1981 года, когда один из призраков материализовался в виде реальной подлодки, севшей ночью на мель почти в самом центре одной из шведских военных баз. Грохнул новый международный скандал. Впрочем, это уже совсем другая история, которая никакого отношения ко Второй мировой войне не имеет.

ГЛАВА 16

РУССКИЙ БЛИЦКРИГ, ИЛИ МОГЛА ЛИ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ЗАКОНЧИТЬСЯ В 1942 ГОДУ

Слова, вынесенные в заголовок, отнюдь не являются броской фразой, призванной привлечь внимание читателей. Именно такой вопрос ставило перед собой советское правительство по окончании первого военного полугодия. Конечно, сейчас, когда мы знаем общий ход и результаты последующих сражений тех лет, он звучит наивно. Нам кажется невероятной ситуация, когда спустя всего лишь несколько месяцев после знаменитого вопроса «Удержим ли Москву?», заданного Жукову впадшим в отчаяние «отцом народов», у обитателей кремлевских кабинетов столь радикально изменились настроения. Однако тексты директив Верховного главнокомандующего достаточно красноречивы. В них можно прочесть, что германская армия «оказалась перед катастрофой», что «инициатива в наших руках и потуги разболтанной ржавой машины Гитлера не могут сдержатъ напор Красной Армии»³³³. Из этого следовало требование: «...добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев»³³⁴.

В данном случае, наверное, уместно вспомнить высказывание Наполеона: «У военного человека сердце должно быть в голове», но, конечно, одними только радостными эмоциями, порожденными успешным декабрьским контрнаступлением под Москвой, объяснить постановку таких задач нельзя. Они, несомненно, вытекали из уровня профессиональной компетенции главных полководцев от ВКП(б). Тем не менее, советским солдатам приходилось выполнять эти малограмотные приказы вопреки логике и здравому смыслу, без всякой пользы для дела неся огромные потери. Именно такого рода бессмысленной и кровопролитной операцией стало «Общее наступление Красной Армии зимой 1941–1942 годов».

На первый взгляд, фронтовая ситуация в тот момент действительно складывалась весьма выгодно для Красной Армии. Германские войска находились в кризисе. Сказывалось перенапряжение 1941 года, связанное с такими авантюрами, как одновременно проводимые балканские и средиземноморско-африканские операции, морская война в Атлантике и «блицкриг» в России. Сражения эти изначально планировались с расчетом на серьезную долю везения («счастливую звезду фюрера») и осуществлялись при подавляющем количественном превосходстве противника. Самое удивительное, что они чуть было не завершились успехом благодаря бесспорному таланту германских военачальников вкупе с прекрасной выучкой войск. Однако в последний момент везение закончилось, и большая численность Красной Армии и английских сил оказалась решающим фактором. К концу осени наступательные возможности немцев иссякли. Но до «катастрофы» им все же было еще очень далеко, и в обороне «разболтанная ржавая машина Гитлера» могла действовать вполне успешно.

На Восточном фронте (включая участок от Балтийского до Баренцева моря) германские соединения к началу 1942 года насчитывали примерно 3,4 миллиона человек (Вермахт, войска СС, Люфтваффе, Кригсма-

рине) порядка 1500 танков, приблизительно 30 000 орудий и немногим более 2000 самолетов³³⁵. Впрочем, основная масса указанной техники к эксплуатации в зимних условиях оказалась полностью неподготовленной, — все прежние долгосрочные планы Берлина ограничивались предполагаемой осенней победой, — и гораздо больше времени проводила в ремонте, чем на боевых позициях. Резко ограничивала возможности немцев и убыль автотранспорта. За полгода войны неблагоустроенные русские дороги вывели из строя значительную часть автомобильного парка Вермахта, рассчитанного в большинстве своем на европейские шоссе. Это, естественно, сказалось на маневренности войск, практически лишившихся былого преимущества в мобильности над советскими дивизиями.

В России воевали также свыше полумиллиона германских союзников³³⁶. Однако их оснащенность современным вооружением и техникой не шла ни в какое сравнение не только с немцами, но даже с красноармейцами. В связи с чем Вермахт использовал армии сателлитов на второстепенных участках в качестве вспомогательных сил.

Конечно, в Советском Союзе имели возможность мобилизовать несравнимо большее количество солдат³³⁷. Однако громадные потери вооружения в 1941 году³³⁸ делали такой шаг совершенно бессмысленным. Создать много новых полноценных или хотя бы минимально обеспеченных даже винтовками соединений было нельзя. К началу 1942 года в СССР по официальным данным «под ружьем» находилось около 10 миллионов человек. Помимо располагавшихся на Дальнем Востоке 1,4 миллионов военнослужащих, 8800 орудий и минометов, 2100 танков и 3200 самолетов³³⁹, а также небольшой части сил, находившихся в Иране, Закавказье и тыловых округах, почти все остальное могло быть отправлено в действующую армию³⁴⁰.

Здесь необходимо также пояснить, что Германия, изначально ориентировавшаяся на блицкриг, резервов почти не имела. Красная Армия же, наоборот, в течение

всей зимы получала значительные пополнения призывников, хоть и недостаточно обученные, но неуклонно повышавшие ее боевую численность, поскольку оружие убитых красноармейцев после прекращения отступления 1941 года больше не оставалось на потерянной территории. Однако кажущееся столь неоспоримым превосходство советской стороны вроде бы уже не должно было порождать сладких иллюзий у руководства СССР, так как практика минувшего полугодия наглядно продемонстрировала: даже при многократном преимуществе сталинские стратеги безнадежно проигрывали противнику сражения. Тем не менее, 5 января 1942 года на заседании Ставки «вождь народов» распорядился: «Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление»³⁴¹.

Изучая действия советских генералов в этой операции, нельзя отделаться от впечатления, что со времен Финской войны их тактический арсенал нисколько не возрос и единственным известным им методом наступления по-прежнему оставалась примитивная лобовая атака. Вся линия фронта от Ладожского озера до Черного моря вскоре покрылась трупами красноармейцев в несколько рядов. А те немногие километры территории, с которых удалось оттеснить противника, конечно же, ни в коем случае не стоили невообразимых потоков крови, которыми они были политы.

Советская историография считала началом «общего наступления» 7 января, но по смыслу событий к нему можно причислить и десантную операцию на Крымском полуострове. Тогда точкой отсчета станет 25 декабря 1941 года. На Черном и Азовском морях противник мог противопоставить Советскому Союзу только карликовый румынский флот³⁴². Это, разумеется, облегчало для сталинских адмиралов задачу. Десант имел цель деблокировать осажденный Севастополь, освободить Крым и в дальнейшем прорваться с его территории в Таврию и далее на просторы северного Причерноморья в тыл немецкой группе армий «Юг».

До 2 января на захваченные в первые дни плацдармы усилиями Черноморского флота и Азовской военной флотилии перекинули 62 тысячи человек³⁴³, которые к названной дате, преодолевая сопротивление примерно 25 тысяч немцев и румын³⁴⁴, с огромными потерями (42 тысячи солдат и моряков)³⁴⁵ освободили Керченский полуостров. Но далее, несмотря на постоянно доставлявшиеся подкрепления, неоднократные попытки продолжить наступление, предпринимавшиеся в течение всей зимы, буквально утонули в крови³⁴⁶, не достигнув ни одной из поставленных целей. Командовавший немцами в Крыму генерал-полковник фон Манштейн тем временем в середине января нанес своими скудными силами контрудар. В результате советским войскам пришлось оставить Феодосию.

Многочисленные десанты, наспех высаженные в другие пункты Крымского побережья, также закончились неудачно, принеся лишь новые бесполезные жертвы.

Первыми непосредственно исполнять приказ Ставки на «общее наступление» начали 7 января дивизии Северо-Западного (командующий генерал-лейтенант П. А. Курочкин), Волховского (генерал армии К. А. Мерецков) и Ленинградского (генерал-лейтенант М. С. Хозин) фронтов, которые атаковали войска германской группы армий «Север» (фельдмаршал фон Лееб). Эти сражения вошли в историю Красной Армии как Любанская, Демянская и Торопецко-Холмская наступательные операции. В дебюте им сопутствовал некоторый успех. Южнее Новгорода советские части на широком фронте взломали неприятельскую оборону, и затем целый месяц теснили противника, взяв «в кольцо» при этом в районе города Демянска шесть дивизий Вермахта (2-й и 10-й армейские корпуса — примерно 100 тысяч человек)³⁴⁷. Еще одна дивизия (281-я охранная — примерно 10 тысяч солдат)³⁴⁸ была окружена в городе Холм. Однако немцы в том и другом «котле» сумели организовать круговую оборону и наладить их снабжение по воздуху, приковав к себе значительные силы РККА³⁴⁹.

Южнее Ладожского озера, где, пытаясь прорвать блокаду Ленинграда, наступали сразу пять советских армий, только одной из них — 2-й ударной удалось пробить на маленьком участке немецкий фронт по реке Волхов и к концу января подойти к Любани, загнав, таким образом, себя саму в «мешок» с чрезвычайно узким входом и глубиной до 70 километров.

Но в феврале новый командующий группой армий «Север» генерал-полковник фон Кюхлер остановил продвижение всех трех советских фронтов, а в марте, умело перегруппировав свои немногочисленные силы, нанес контрудар под основание Любанского прорыва. В результате в «котел» попала вся советская группировка, пробивавшаяся к Ленинграду («армия Власова» — 16 дивизий и 10 бригад, а также ряд более мелких частей усиления — примерно 180 тысяч человек)³⁵⁰, впоследствии частью уничтоженная, а частью вместе со своим командующим сдавшаяся в плен. Вырваться посчастливилось лишь нескольким небольшим группам без техники и тяжелого вооружения. Затем Кюхлер приступил к деблокаде окруженных гарнизонов Демянска и Холма. От линии фронта их отделяли десятки километров укрепленных красноармейских рубежей. Но и здесь упорные бои закончились поражением советских войск. Немцы проблись к своим дивизиям, продержавшимся в осаде два с лишним месяца. Общие итоги противоборства Кюхлера с Курочкиным, Мерецковым и Хозиным достаточно красноречиво характеризуют цифры потерь. Группа армий «Север» недосчиталась 121 тысячи человек (включая раненых и обмороженных)³⁵¹. У Северо-Западного, Волховского и Ленинградского фронтов по далеко неполным данным в тех же графах убыли числятся свыше 583 тысяч душ³⁵².

Впрочем, главные события, согласно сценарию «общего наступления», должны были произойти на московском направлении. Здесь силами Калининского (генерал-полковник И. С. Конев), Западного (генерал армии Г. К. Жуков) и Брянского (генерал-полковник

Я. Т. Черевиченко) фронтов планировалось окружить и уничтожить немецкую группу армий «Центр» (фельдмаршал фон Клюге). Именно здесь развертывалась самая крупная группировка советских войск, именно сюда в первую очередь направлялись резервы и пополнения Красной Армии³⁵³. Наступление тут являлось продолжением декабрьского контрнаступления, и в летописи Великой Отечественной оно подразделяется на Сычевско-Вяземскую, Вяземскую, Ржевскую и Болховскую наступательные операции. Официальная дата начала — 8 января, хотя в действительности никакой паузы между ними и упомянутым контрнаступлением не было. Развивая декабрьский успех, советские войска к началу февраля на некоторых направлениях сумели довольно глубоко вклиниться в германскую оборону. Но хронические недостатки в организации сражений, медлительность реакции на изменение обстановки и отсутствие согласованности между родами войск Красной Армии помогли немцам вскоре вновь создать сплошную линию фронта, прорвать которую больше уже не удалось, несмотря на неоднократные попытки. Затем Клюге нанес несколько контрударов, срезав наиболее опасные вклинения и окружив три советские армии (29-ю, 33-ю, 39-ю), а также ряд менее крупных соединений. Из этих «котлов» тоже мало кто смог вырваться. И хотя атаки Красной Армии продолжались до самой распутицы на одних и тех же направлениях, по окончании «общего наступления» зимней кампании 1941—1942 годов противник продолжал оставаться рядом с Москвой — всего в 150 километрах.

Следующие три фронта — Юго-Западный (генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко), Южный (генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский) и Крымский (генерал-лейтенант Д. Т. Козлов) имели задачу окружить и разгромить германскую группу армий «Юг» (фельдмаршал фон Бок). Про крымские неудачи уже рассказано выше. В связи с ними Костенко и Малиновский вынуждены были начать атаки неприятельских позиций, так и не дождавшись рывка Козлова через Перекоп в тыл груп-

пировке Бока. «Общее наступление» началось здесь 18 января. Попытки пробить оборону Вермахта продолжались до самого апреля на 500-километровом участке от Белгорода до Азовского моря, но лишь однажды во второй половине января под Харьковом советским войскам удалось вклиниться в оборону неприятеля на несколько десятков километров в ходе так называемой Барвенково-Лозовской наступательной операции.

К апрелю активные боевые действия на всех фронтах прекратились. «Общее наступление» января — марта 1942 года даже частично не выполнило ни одной из тех задач, ради которых задумывалось. Красная Армия не рассекала и не окружала врага, а пыталась вытеснить его с занимаемых позиций фронтальными — самыми кровопролитными для наступающих — атаками, отражение которых сами немцы, к слову, не спешат записать себе в заслугу. Вот, например, мнение германского генерала Курта фон Типпельскирха, служившего в Вермахте в годы Второй мировой войны: «Упрямое и негибкое преследование поставленных перед собой целей посредством все новых и новых ожесточенных атак в одних и тех же местах во всех отношениях существенно облегчило немецкому командованию задачу сломить натиск противника»³⁵⁴.

Вместо того чтобы заняться решением реальных задач, — например, деблокировать Ленинград и Севастополь, а также «срезать» наиболее опасные выступы вражеского фронта, — Сталин и его генералы погнались за «журавлем в небе», попытавшись ни много, ни мало — одним ударом выиграть войну. В итоге большая часть резервов, которых будет так не хватать во время поражений предстоящего лета, была бессмысленно израсходована. Немцы же, напротив, сумели в значительной мере восстановить боеспособность своих войск уже к весенним боям. Все огромные жертвы и трагическое мужество и армии, и тыла Советского Союза, с таким трудом остановивших было к концу 1941 года германскую военную машину, оказались перечеркнутыми.

Теперь несколько слов на тему, которую отечественная официальная историография стесняется больше всего. О сравнении потерь. Вообще-то эти страшные цифры опубликованы. Но вот раскладывать данные противника по операциям, сопоставлять рядом на одной странице со своими — ученые-историки нашей страны почему-то не любят. Что ж, попытаемся сделать это за них.

Немецкие вычисляются легко. Германский генерал Буркхарт Мюллер-Гиллебранд, имевший огромный опыт службы в Генеральном штабе Третьего Рейха, после окончания Второй мировой войны на основе документальных данных написал фундаментальный трехтомный труд «Сухопутная армия Германии 1933—1945», где обобщил все сведения по формированию, составу, оснащению и потерям Вермахта. В отличие от генералов нынешнего российского поколения он не претендовал на абсолютную точность подсчетов — до последнего солдата — сообщая в основном приблизительные и округленные значения. Тем не менее, историки всего мира считают его исследование честной работой, из которой можно получить достаточно ясное и объективное представление о статистической динамике немецких войск. Так вот согласно Мюллеру-Гиллебранду Германия на Восточном фронте с 1 января по 31 марта 1942 года потеряла убитыми и пропавшими без вести около 150 тысяч человек³⁵⁵.

Потери Красной Армии установить сложнее. Например, по данным современного российского Министерства обороны, количество убитых и без вести пропавших в Вооруженных Силах СССР за 1941—1945 годы составляет 8 668 400 человек³⁵⁶. В то же время в память компьютерного центра автоматизированного банка данных, созданного на средства Фонда мира для издания книг Памяти по безвозвратным потерям Вооруженных Сил СССР в годы Великой Отечественной войны, уже к концу 1994 года было занесено 19 миллионов фамилий³⁵⁷. К сожалению, эти сведения по периодам войны и операциям пока не опубликованы.

Поэтому при подготовке данного материала все цифры взяты из традиционных источников, изданных нашим Министерством обороны. Таких, как 12-томная «История Второй мировой войны» и статистическое исследование «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах». Потери в них, судя по всему, занижены в среднем более чем в два раза. Но, тем не менее, по сравнению с германскими все равно огромны: за первые три месяца 1942 года погибло и пропало без вести 675 315 советских военнослужащих!..³⁵⁸

И в заключение — слово тем, кто видел поле боя не из генеральского блиндажа. Сначала цитата из воспоминаний писателя-фронтовика Виктора Пекелиса, относящаяся к марту 1942 года: «...Потери в тех боях были огромными, но с нашей стороны гораздо большими... Хоронить убитых негде — кругом глубоко промерзшая земля, деревья; снег по пояс. Все просеки, поляны, делянки были завалены трупами, по ним ходили, на них сидели, лежали. Когда требовалось обозначить путь или проходы в снегу, вместо вех втыкали тела погибших... Множество раненых перевязывать не успевали, а потом и делать это стало некому и нечем. Из-за больших потерь во главе взводов, рот, а то и батальонов ставили сержантов и даже рядовых... Во время войны тщательно работала цензура: цензура писем — солдатских треугольников, цензура сообщений „От Советского Информбюро“. После войны появилась иная цензура: генералов, исправлявших таким образом и свои промахи, и промахи Верховного...»³⁵⁹.

Теперь свидетельство другого ветерана (Александра Лебединского), помогающее понять почему дела складывались именно таким образом: «В журнале „Родина“ за май 1995 года Василь Быков рассказал о том, как после войны судили сержанта — ординарца командира стрелкового полка, который после гибели своего командира воспользовался его удостоверением и двумя орденами и после излечения выступил в роли подполковника, получив в командование полк. К двум

присвоенным он до конца войны получил еще четыре ордена и воевал до Победы. Когда его после войны на суде спросили, как он с сержантским крутозором командовал стрелковым полком, то на это он ответил так: „Получив боевой приказ, я вызывал командиров батальонов и так „накручивал им хвосты“, что они мигом бросались выполнять приказ“. В это вполне можно поверить, так как звание младшего лейтенанта присваивали за боевое отличие как награду всем, кто хоть в одном бою принимал на себя командование взводом и имел хотя бы 7 классов образования. Иные к концу войны дослужились до майорского чина, дойдя по должности до командира батальона. Теперь представим себе, кто же был командиром той дивизии, откуда начинал свой путь сержант, кто был начальником штаба полка, заместителем командира, у которых так и не возникло подозрения относительно деятельности командира-самозванца на поле боя, при отдаче им боевых приказов, организации взаимодействия, при докладах обстановки... Читатель скажет: невероятно, не может быть! Было, было. Только в нашей 38-й стрелковой дивизии, уже третьего формирования с начала войны, с 8 августа 1943 по 30 декабря 1944-го сменилось пять командиров дивизий. Только последний, генерал-майор Тимошков, окончил учительскую семинарию, фронтовые курсы прапорщиков и Военную академию имени М. В. Фрунзе в 30-е годы. Все остальные имели два-три класса сельской школы и краткосрочные курсы „краскомов“»³⁶⁰.

ГЛАВА 17

ЛЕТО НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ

Общеизвестно, что в начале лета 1942 года наша страна оказалась на грани полного краха. Такие в высшей степени остросюжетные и судьбоносные моменты в цивилизованных государствах обычно пользуют-

ся повышенным вниманием историков и потому изучаются особенно тщательно. Но в России уроков из военного прошлого, как правило, не извлекают, а о поражениях своей армии вообще стараются поскорее забыть. В связи с чем вышеупомянутый отрезок времени до сих пор является, так сказать, пасынком отечественной историографии.

Непредсказуемое прошлое

Чтобы убедиться в этом, достаточно полистать любое исследование на русском языке, посвященное Второй мировой войне. В разделах, где описывается 1942 год, львиную долю места авторы непременно уделяют более приятным событиям — зимнему наступлению под Москвой и ноябрьско-декабрьскому периоду Сталинградской битвы.

Конечно, ученых мужей можно понять. Трудно логично объяснить то, что происходило на советско-германском фронте в мае — октябре 1942-го, если придерживаться традиционных для советско-российской науки представлений о причинно-следственных связях. Ведь согласно господствующей версии, — сформулированной еще в хрущевские времена, но до сих пор сохраняющей официально-государственный статус, — кризис 1941 года, «вызванный главным образом неожиданностью нападения», к декабрю — январю уже был успешно преодолен, а все предсталинградские неприятности явились результатом некомпетентного вмешательства Сталина и его недоверия к талантливым советским полководцам. Что, конечно же, усугублялось «сохраняющимся численным превосходством врага».

Однако за последние полтора десятилетия рассекречено достаточно много разнообразных документов того времени, которые не оставляют камня на камне от всей этой схемы. В итоге в нашей современной историографии Великой Отечественной войны сложилась весьма странная ситуация, когда учебные про-

граммы тиражируют старый подход, а рядом с ними — но отдельно, не пересекаясь, — существуют новые факты и цифры, из которых напрашиваются совершенно противоположные выводы...

Планы сторон

К концу марта 1942 года «общее наступление», которое Красная Армия пыталась вести по всему огромному театру боевых действий от Ладожского озера до Черного моря, окончательно захлебнулось в собственной крови, так и не выполнив поставленных перед ним задач, но поглотив большинство из имевшихся на тот момент резервов. Таким образом, благоприятный момент, связанный с неподготовленностью германских войск к зиме, использовать для их разгрома не удалось. Следующие полтора месяца с обеих сторон крупных операций не предпринималось. Лишь под Москвой и у реки Волхов численно незначительные силы немцев не торопясь, добивали окруженные советские армии. На всем остальном протяжении линии фронта противники собирались с силами и вырабатывали планы на летнюю кампанию.

На 1 мая 1942 года вооруженные силы Советского Союза имели около 11 миллионов человек, не менее 100 тысяч орудий и минометов, свыше 10 тысяч танков и более 11 тысяч самолетов. Действующая армия, согласно официальной советской версии, не дезавуированной по сей день, насчитывала (с резервом Ставки, войсками ПВО и ВМФ) примерно 5,8 миллионов человек, свыше 4 тысяч танков, около 4 тысяч боевых самолетов, более 70 тысяч орудий и минометов³⁶¹. Цифры по фронтовым соединениям, видимо, преуменьшены: в соответствии с последними данными, только в мае под Харьковом и в Крыму было свыше 1600 советских танков. Но другой информации пока нет³⁶².

Германия на Восточном фронте (включая участок от Балтийского до Баренцева моря), по немецким дан-

ным (Вермахт, войска СС, Люфтваффе, Кригсмарине) к началу последнего весеннего месяца имела приблизительно 3,5 миллионов человек, 3,2 тысячи танков и штурмовых орудий, 2,1 тысячи самолетов, 43 тысячи артиллерийских и минометных стволов. В России также находилось порядка 500 тысяч немецких союзников: румын, финнов, итальянцев, венгров, словаков и испанцев. Однако слабая моторизация и крайний недостаток тяжелого, да и вообще современного оружия сводили их участие в боях к вспомогательной роли³⁶³.

Определяя направление главных ударов противника, советское командование в очередной раз ошиблось; — решило, что немцы вновь приложат максимум усилий, дабы овладеть Москвой. В связи с этим большая часть Красной Армии и ее резервов сосредоточивались вокруг столицы. А чтобы ослабить предполагаемый напор врага и отвлечь их внимание с московского направления, советское командование решило провести в мае две крупные наступательные операции на южном фланге — в Крыму и под Харьковом. Для этого также выделялись значительные силы.

Но неприятель летом 1942 года штурмовать «Белокаменную» не собирался. Понимая, что сил для нового успешного натиска по всему Восточному фронту у него уже не хватает, руководство Третьего Рейха основной целью наступления избрало Кавказ. Нацисты таким путем пытались «убить сразу двух зайцев». Во-первых, лишить СССР основных месторождений нефти, поставив, таким образом, под большой вопрос его дальнейшее участие в войне. Во-вторых, создать плацдарм для рывка на Ближний Восток — важнейший регион для всей антигитлеровской коалиции — навстречу Африканскому корпусу генерала³⁶⁴ Роммеля.

Начать генеральное наступление в Берлине планировали во второй половине июня. А чтобы создать более выгодную исходную ситуацию, германское командование, парируя советские удары, тоже подготовило частные наступательные операции в Крыму и под Харьковом.

Крымский позор

Перекопский перешеек, соединяющий Крым с материком, был занят неприятелем еще осенью 1941-го. Поэтому положение находившихся там советских войск — в первую очередь снабжение — зависело от действий Черноморского флота (командующий — вице-адмирал Ф. С. Октябрьский) и Азовской военной флотилии (контр-адмирал С. Г. Горшков). Они обладали просто несопоставимым количественным перевесом над румынским флотом, а немцы, кроме мелких «посудин», в этих бассейнах вообще ничего не имели. Поэтому, при грамотном руководстве советские моряки вполне могли угрожать оккупированному неприятелем побережью, не говоря уже о сохранении контроля над своим. Иными словами советские военные корабли в Черном море имели возможность оттянуть «на себя» с фронта крупные силы гитлеровцев. Однако в грянувших вскоре боях ни с активными, ни с оборонительными задачами красные адмиралы не справились. Действуя против них фактически лишь одной авиацией, генерал-полковник фон Манштейн, командовавший германо-румынскими войсками в Крыму, смог не только помешать снабжению Севастополя, но и затем воспрепятствовал эвакуации из него разбитых советских соединений.

На территории Крымского полуострова линия соприкосновения противников делилась на два обособленных участка: Севастопольский оборонительный район (командовал которым все тот же адмирал Октябрьский) и Крымский фронт (генерал-лейтенант Д. Т. Козлов), оборонявший Керченский полуостров. Разделяло их около 160 километров занятой врагом земли, которую им предписывалось освободить и соединиться друг с другом. Общее руководство морскими и сухопутными силами осуществлял главком Северо-Кавказского направления маршал С. М. Буденный.

Обе стороны почти одновременно завершили подготовку к наступательным действиям. Но Манштейн

все же опередил советских военачальников, нанеся удар 8 мая. В историю Великой Отечественной это сражение вошло под названием Второй Керченской оборонительной операции. А в длинном перечне поражений первого года войны оно занимает особое место, выделяясь даже на таком, прямо скажем, специфическом фоне.

Глядя на карту, очень трудно понять, каким все-таки образом советским стратегам удалось проиграть Керченскую битву. Крымский фронт состоял из трех армий (44-й, 47-й, 51-й), оборонявших Керченский полуостров по Ак-Монайскому перешейку, ширина которого составляет около 20 километров (то есть всего по 7 километров на армию!). С флангов его не обойти — кругом море. Любой корабль там советский. За передним краем, на всю почти 100-километровую длину полуострова, оборонительные рубежи. Но главное — соотношение сил — просто убийственное для Манштейна. 296 тысяч обороняющихся красноармейцев, к которым надо добавить неизвестную пока численность флотских соединений, оказывавших поддержку с моря, — противостояли 150 тысячам наступавших немцев и румын³⁶⁵. Прочие соотношения: 498 советских танков против 180 гитлеровских, 4668 орудий против 2470, 574 самолета против 400³⁶⁶.

Тем не менее, уже в первый день боев управление советскими войсками было потеряно. После чего все три армии Крымского фронта, бросая технику и тяжелое вооружение, побежали к Керченскому проливу. Благо он неширок, переправиться на восточный берег успело примерно от 100 до 120 тысяч человек во главе с командованием. 18 мая Манштейн подавил последние крупные очаги сопротивления. Немцы захватили 170 тысяч пленных, а также богатые трофеи — 1133 пушки, 258 танков, 323 самолета. При собственных утратах всего в 7500 человек³⁶⁷.

В «Грифе секретности» (стр. 225) признается потеря 176 566 военнослужащих. «Военно-исторический журнал» № 8 за 1992 год (стр. 41) добавляет к ним

4646 орудий, 496 танков, 417 самолетов, 10 400 автомашин, 860 тракторов и многозначительное «и т. д.». Почему-то думается, что это «еще не вечер» и годиков так через десять — пятнадцать мы узнаем новую — «уточненную по ранее неизвестным документам» статистику.

В данной связи очень интересно отследить, как правдолюбивые историки нашего отечества в течение предыдущих тридцати лет описывали керченский позор. В 6-томнике «История Великой Отечественной войны Советского Союза» соответствующая глава (2-й том, стр. 404—406) начинается с суровой фразы: «На Керченском полуострове к весне 1942 года положение советских войск было очень тяжелым». И далее в той же самой тональности. О соотношении сил понятное дело ничего не сообщается. О потерях тоже. А паническое бегство Красной Армии на Кавказский берег названо деликатно — «отход».

В 12-томной «Истории Второй мировой войны» тоже все изложено с предельной честностью (5-й том, стр. 122—126). Исходная ситуация характеризуется предложением: «К началу весенних сражений весьма сложной была оперативная обстановка на Керченском полуострове...». Потом можно прочесть про «отражение атак превосходящих сил врага». Правда на сей раз в завершение появляется информация о потерях. Естественно в высшей степени объективная — «Крымский фронт в течение мая потерял десятки тысяч человек, свыше 3400 орудий и минометов, около 350 танков и 400 самолетов». Затем даже присутствует некоторая критика руководства в лице дежурного подлеца и всепроникающего врага советского генералитета — Л. З. Мехлиса³⁶⁸.

Трудно отказать себе в удовольствии заглянуть и в 8-томную «Советскую военную энциклопедию» (изданную в 1976—1980 годах), которая по сей день рекомендуется курсантам военных училищ в качестве одного из основных вспомогательных пособий. Там в статьях, освещающих боевой путь 44-й, 47-й и 51-й армий, о мае 42-го повествуется спартакски лаконич-

но: «отражали наступление численно превосходящих сил противника» (6-й том, стр. 654, 7-й том, стр. 449, 451). Впрочем, вся история Великой Отечественной войны у нас написана именно в таком ключе.

Вернемся опять к реставрации событий конца весны – начала лета 1942 года. После керченского «бенефиса» Манштейн не теряя времени перегруппировал силы и 7 июня начал штурм Севастополя. Гарнизон крепости насчитывал более 130 тысяч человек, 1524 орудия и миномета среднего и крупного калибра (и свыше 600 небольших 50-мм минометов), 38 танков, 115 самолетов. Немцы и румыны имели некоторое преимущество в людях и крупных артиллерийских стволах, а в авиации – подавляющее превосходство³⁶⁹. Однако сильно укрепленные за минувшие полгода осады оборонительные позиции главной базы Черноморского флота оставляли советским войскам реальные шансы на то, чтобы удержать город. Во всяком случае, два предыдущих штурма были отбиты. Правда, немцы тогда не предпринимали попыток блокады с моря.

На этот раз неприятель учел ошибки. Готовя нападение на СССР, германское командование не планировало активных действий против советского ВМФ, поскольку немецкий флот был полностью скован англичанами. Но когда стало ясно, что война затягивается, кое-какие авиационные части, натасканные специально для борьбы с кораблями, были переброшены с Запада на Черное море, получив задачу блокировать водные коммуникации «советов». Этого оказалось достаточно. Ни один из советских транспортов, отправленных с грузами для осажденных во время третьего штурма, не вернулся обратно. Погибло и много боевых кораблей, которые наши адмиралы, впав в отчаяние, пытались использовать в качестве грузовых. Так и не сумев организовать противовоздушную оборону конвоев, флотоводцы, в конце концов, по сути, бросили Севастополь на произвол судьбы.

Крепость пала в начале июля. Эвакуировать моряки сумели только командование и примерно 3 тысячи

рядовых защитников города³⁷⁰. Остальные или погибли, или попали в плен. По немецким данным количество этих несчастных составило 100 тысяч человек. Германская армия также захватила трофеи — 622 орудия, 26 танков, 141 самолет³⁷¹.

В заключение стоит отметить, что отданное в последний момент Сталиным распоряжение об эвакуации остатков гарнизона даже сейчас используется большинством историков как аргумент в пользу мифа о «непобежденных севастопольцах», оставивших твердую только по приказу Верховного. Хотя в свете уже общедоступной информации, вряд ли кто из сказочников всерьез сомневается в том, что если бы у «кремлевского горца» была хоть малейшая надежда удержать Севастополь, он без каких бы то ни было комплексов, обязал бы его защитников стоять насмерть.

«Канны» наоборот

Тем временем под Харьковом разыгралась еще одна — ничуть не меньшая по размерам трагедия. Здесь ни на кого из командиров не оказывал влияния дьявольский гений злобного Мехлиса, и советские войска первыми завершили подготовку к активным действиям. Но это им не помогло. Впрочем, обо всем по порядку.

12 мая перешел в наступление Юго-Западный фронт. Командовал им маршал С. К. Тимошенко, являвшийся к тому же по совместительству главкомом всего Юго-Западного направления, в которое входил еще Южный (генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский) фронт. По замыслу операции, данным объединениям предписывалось окружить и уничтожить находившиеся перед ними германские соединения из группы армий «Юг» (фельдмаршал фон Бок), устроив им нечто вроде «гигантских Канн». Но Ганнибала из Тимошенко не получилось. Хотя 765 300 красноармейцам³⁷² противостояло менее 500 тысяч немцев, румын и венгров.

Соотношение по боевой технике тоже было не в пользу Вермахта — 430 танков против по меньшей мере 1100³⁷³.

Неприятель подождал, пока Тимошенко увязнет в боях, а затем 17 мая ударил под основание наступающей группировки. Уже через несколько часов немецкие «панцеры» прорвали оборону Южного фронта и начали давить его тыловые подразделения. Советский маршал бросил против них из резерва два кавалерийских (!!!) корпуса, а два танковых (тоже из резерва) послал на усиление все еще наступавших частей. То есть, отправил в готовый захлопнуться котел еще 300 машин! Если бы эта бронированная армада была повернута на наступающего противника, то разгрома, вполне возможно, удалось бы избежать. А так немецкие танкисты разогнали конников и 23 мая замкнули кольцо. В результате в окружение попало 27 дивизий и 14 бригад Юго-Западного и Южного фронтов. И хотя остаткам некоторых соединений с ожесточенными боями удалось вырваться из мышеловки, в плену оказалось 240 тысяч человек³⁷⁴. Немцы также захватили и уничтожили 2026 орудий, 1249 танков³⁷⁵. А потеряли в этом сражении ранеными и убитыми всего около 20 тысяч солдат и офицеров³⁷⁶.

Истинные масштабы харьковской трагедии и соотношение потерь в тех боях отечественные стратеги и историки долгое время старательно скрывали. До тех пор пока к власти не пришел Михаил Сергеевич Горбачев со своей «никому не нужной гласностью». На гребне порожденного ею информационного бума увидели свет и воспоминания еще одного «генеральского недруга» — Н. С. Хрущева. Из которых страна впервые узнала настоящие размеры катастрофы Южного и Юго-Западного фронтов. Заглянем в его мемуары: «Поэтому я ехал, летел и шел к Сталину, как говорится, отдаваясь на волю судьбы; что станет со мною, не знал. Встретились. Сталин поздоровался... говорит мне: „Немцы объявили, что они столько-то тысяч наших солдат взяли в плен. Врут?“ Отвечаю: „Нет, товарищ Сталин, не врут. Эта цифра, если она объявлена нем-

цами, довольно точная. У нас там было примерно такое количество войск, даже чуть больше. Надо полагать, что частично они были перебиты, а другая их часть, названная немцами, действительно, попала в плен“»³⁷⁷. Конечно, Никита Сергеевич был личностью очень противоречивой. Числится за ним немало глупостей и откровенных гадостей. Но иногда этот человек вдруг подымался над взрастившей его средой. Достаточно вспомнить ликвидацию ГУЛАГа, разоблачение Сталина и признание, что СССР потерял во Второй мировой войне не 7 миллионов человек, а в три раза больше. К перечню подобных моментов можно отнести и процитированные выше строки. За них к Хрущеву нельзя не испытывать уважения. ПОТОМУ ЧТО БОЛЬШЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В ТЕЧЕНИЕ ВСЕЙ ЕГО ИСТОРИИ НЕ НАШЛОСЬ НИ ОДНОГО ВОЕННАЧАЛЬНИКА, КОТОРЫЙ БЫ ТАКЖЕ ЧЕСТНО – ХОТЯ БЫ «В СТОЛ» – ПЕРЕД УХОДОМ «В МИР ИНОЙ», ЧТОБЫ «ОБЛЕГЧИТЬ ДУШУ» – НАПИСАЛ БЫ О «ЦИФРОВОМ ЭКВИВАLENTE» СОБСТВЕННОГО ПОРАЖЕНИЯ³⁷⁸. Но озабоченная своими мелкими страстишками публика – пусть и с большими звездами на погонах – никогда не может простить кому-либо настоящих благородных поступков. Именно так она себя и повела после посмертной публикации бывшего советского лидера. Почти сразу же в «Военно-историческом журнале» появилась большая (растянутая на три номера!) статья с красноречивым названием «Вот где правда, Никита Сергеевич»³⁷⁹. Ее содержание среди прочего³⁸⁰ популярно объясняло «дураку-кукурузнику», что он зря вспомнил, как играл с «костлявой» в кошки-мышки, зачем-то признаваясь Сталину в потере под Харьковом более 240 тысяч солдат, поскольку на самом деле в окружение там попало гораздо меньше – в худшем случае 207 тысяч³⁸¹. Спустя еще несколько лет генерал Кривошеев с подчиненными еще более «улучшил» статистику. Оказывается не только окруженные соединения (6-я, 57-я армии, часть 9-й и «Группа генерала Бобкина»), но и те армии Юго-

Западного направления, которым повезло не попасть в немецкий котел (21-я, 28-я, 31-я), безвозвратно потеряли в майских боях в общей сложности всего 170 958 человек³⁸². Господа генералы, а может быть еще меньше? С нетерпением ждем новых корректировок.

Ну а пока опять вернемся к событиям 1942 года. После столь ужасающих поражений на южном фланге советско-германского фронта против 900-тысячной неприятельской группировки – групп армий «А» и «Б» (1200 танков, 17 000 орудий, 1640 самолетов)³⁸³ осталось 1,7 миллиона красноармейцев (2300 танков, 16 500 орудий и минометов, 758 самолетов) Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов³⁸⁴. Это означало, что путь немцам на Кавказ и к Сталинграду открыт. Такими силами советские полководцы парировать предстоящий удар более умелого противника явно не могли. Но в Кремле все еще опасались наступления немцев на столицу, и снять с московского направления войска для отправки на юг не решились. А новые резервные армии еще только формировались.

Итоги весенне-летней кампании 1942 года нагляднее всего иллюстрируют цифры потерь, в общем-то, мало, чем отличающиеся от результатов годичной давности. Красная Армия с 1 апреля по 30 июня, согласно нынешним официальным данным, недосчиталась погибшими и пропавшими без вести 842 898 человек³⁸⁵. В соответствующий список германской армии за тот же период попало около 94 000 военнослужащих, включая потери в Африке, Западной Европе и от партизан на оккупированных территориях³⁸⁶.

Соотношение страшное. Но реальность выглядела еще страшнее. Степи на сотни километров усеяли трупы советских солдат, а по ту сторону передовой на пыльных дорогах южно-русской равнины растянулись бесконечные колонны пленных красноармейцев. Для сравнения заметим, что, согласно официальной советской статистике, за первый год войны в плену оказалось всего 17 285 солдат германской и союзных ей армий³⁸⁷.

Если отрешиться от уже устоявшихся традиционных оценок и попытаться объективно проанализировать все вышеизложенное, то напрашивается неожиданный вывод, что один из главных устоев нашей историографии «о параноидальном сталинском недоверии к мудрому руководству Красной Армии в начальный период войны» — не соответствует действительности. Этот тезис был рожден в хрущевскую «оттепель» и получил права аксиомы в горбачевскую «перестройку». То есть, тогда, когда еще здравствовало большинство генералов и маршалов военной поры, которым по вполне понятным причинам было выгодно списать свои ошибки и неудачи на мертвого «отца народов».

Конечно, свирепый «кремлевский горец» представлял собой малосимпатичную личность. И, по большому счету, не верил никому. Однако, внимательно присмотревшись к требованиям, предъявлявшимся им в 1941—1942 годах к советской армейской верхушке, нельзя не признать, что в известном смысле Сталин в то время не недооценивал, а наоборот — переоценивал таланты своих полководцев. Ведь он ожидал от них, — учитывая астрономический перевес Советского Союза в людях и технике, — выполнения вполне заурядных по степени сложности задач, которые оказались отечественным генералам явно не по силам. Конечно, расстрелы многих высоких чинов после поражений в первых боях 1941 года, отвратительны с любой точки зрения, однако, если вспомнить о параноидальных чертах личности Сталина, они, скорее всего, объясняются именно неверием вождя в то, что при таком колоссальном преимуществе в силах, которыми располагали его стратеги, сражения, проигрывались ими неумышленно.

Лишь летом 42-го «хозяин», видимо, понял, что злого умысла здесь не было. Просто таков общий уровень профессионализма в его армии. И других генералов все равно взять неоткуда³⁸⁸. Однако полностью смириться

с этим, генсек, вероятно, сумел не сразу. Характерна его телеграмма от 27 мая — после харьковского разгрома — в ответ на неоднократные просьбы руководства Юго-Западного фронта (Тимошенко, Хрущева, Баграмяна) о подкреплениях: «Не пора ли вам поучиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением!»³⁸⁹. И крупных резервов туда не послал. В результате противник прорвался к Сталинграду. Только с поздней осени 1942 года будущий генералиссимус, наконец, стал исходить из суровой реалии — для успеха Красной Армии надо иметь не просто численное преимущество, а многократное, подавляющее превосходство.

Однако в начале второго военного лета до спасительного «озарения» было еще далеко. Поэтому с окончанием зимы 1941—1942 годов, предоставившей Красной Армии некоторую военно-климатическую передышку, все вернулось «на круги своя», и события вновь стали развиваться по сценарию июня — ноября 1941 года...

Критический момент

В то время как Советский Союз подобно второгоднику повторял уже неоднократно пройденный курс фронтовых наук, на мировой арене произошли кардинальные изменения. Нападение Японии на США хотя и ознаменовалось впечатляющими военными успехами самураев, парадоксальным образом ослабило страны «Оси» в Европе. Экономический потенциал Америки был столь огромен, что один лишь факт официального присоединения Вашингтона к антигитлеровской коалиции сразу же начал оказывать заметное влияние на ход боевых действий в Старом Свете. Берлину пришлось озаботиться проблемой немедленного усиления — как количественного, так и технического — своих войск в Средиземноморье и на побережье Атлантики. Более значительных ресурсов отныне требовали продолжение активной войны на море

против англосаксов, а также задача организации мощной ПВО, способной противостоять тысячным стаям американско-британских стратегических бомбардировщиков. Все это заметно сократило объем пополнений и материальных средств, направляемых на Восточный фронт.

К тому же триумфальная череда японских побед на Тихом океане продолжалась недолго. Тот вариант войны, который так удачно был реализован Токио в конце XIX — начале XX века в ходе конфликтов с Китаем и Россией, на сей раз дал сбой. США в короткое время сумели развернуть на тихоокеанской арене значительные силы и внесли перелом в ход борьбы. Уже в июне 1942 года «звездно-полосатый» флот показал зубы, разгромив японские эскадры в сражении у атолла Мидуэй. Конечно, до окончательной победы здесь тоже еще было очень далеко. Но неотвратимо раскручивавшийся гигантский маховик американской военной промышленности с каждым месяцем делал надежды японцев на победу все утопичнее — в прямом и переносном смысле слова. Тем более что Страна восходящего солнца вскоре лишилась и своего единственного козыря — преимущества в опыте, поскольку не смогла обеспечить быстрой подготовки достойного сменя гибнущим ветеранам. В итоге Штаты получили возможность уделить больше внимания европейским делам и нарастить объем поставок по ленд-лизу Великобритании и Советскому Союзу³⁹⁰.

Что касается Англии, то, хотя ее перспективы и улучшились, реальное положение продолжало оставаться незавидным. Немецким морякам удалось основательно нарушить жизненно важные коммуникации союзников в Атлантике. В мае сумма их потопленного транспортного тоннажа достигла 705 000 брт (151 судно), в июне — 834 000 брт (173 судна)³⁹¹. Англо-американские верфи не успевали возмещать потери в корабельном составе, и поэтому положение со снабжением Британских островов, экономика которых, как известно, основывалась на ввозе сырья, становилось

откровенно угрожающим. Скверно развивались и события в Средиземноморье, английский контроль над которым в результате переброски 2-го воздушного флота из России — численность Люфтваффе и итальянских ВВС дошла до более 900 машин против 600 английских³⁹² — был снова утрачен. Это, в свою очередь, послужило предпосылкой для наступления в Северной Африке германо-итальянских войск, возглавляемых генералом Роммелем, которое началось в ночь на 27 мая. Несмотря на численное превосходство наземных сил англичан (1270 танков против 610)³⁹³, господство в воздухе позволило фашистам довольно быстро добиться успеха. Британцам пришлось начать отступление, временами напомилавшее настоящее бегство. Преодолев около 600 километров, дивизии Роммеля к началу июля вторглись в Египет. И лишь перебои со снабжением заставили их остановиться неподалеку от пирамид. Однако угроза прорыва немцев на Ближний Восток, а значит, и потеря его нефтяных месторождений и коммуникаций, по которым в СССР поступала значительная доля союзнической помощи, (в связи с нехваткой кораблей для северных конвоев, шедших в Мурманск и Архангельск, Ближневосточный регион был в этом смысле особенно ценен) продолжала оставаться остроактуальной³⁹⁴.

Вся эта противоречивая мозаика катаклизмов создавала в Москве нервозное настроение, колебавшееся между надеждой на лучшее и растерянностью. Естественно, не добавили Кремлю бодрости и майские катастрофы в Крыму и под Харьковом. Видимо, в тот момент у Сталина даже возникло ощущение неспособности Красной Армии своими силами отразить предстоящее летнее наступление Вермахта. Поэтому недавние хвастливые заявления на весь мир о победе «через полгода — годик» прекратились, сменившись привычными прошлогодними жалобами на «огромное численное преимущество» врага. Но поскольку теперь к озабоченной собственными проблемами Британии добавился новый мощный союзник, то именно к нему

и принялся взывать советский вождь, требуя принять самые радикальные меры для спасения Москвы от окончательного военного краха — открыть второй фронт, высадив на западном побережье Франции экспедиционную армию, и резко увеличить материально-техническую помощь Стране Советов. В противном случае, намекал коммунистический диктатор, он может пойти на сепаратный мир с нацистами.

Еще в начале весны союзники предложили «дяде Джо» прислать главу его внешнеполитического ведомства — В. М. Молотова для переговоров и подписания официальных договоров. Тот прибыл в Лондон 20 мая, в самый разгар крымско-харьковских бедствий, отчего все ранее намеченные к обсуждению темы для сталинского посланца имели уже второстепенное значение. По той же причине он, — в отличие от зимней встречи с министром иностранных дел Великобритании Антони Иденом в Москве, ознаменовавшейся серьезными разногласиями, — без возражений подписал предложенный ему вариант соглашения о союзе в войне, а также о сотрудничестве и взаимной помощи после войны³⁹⁵. И, не медля ни секунды, отбыл в Вашингтон. Таким образом, впервые во весь рост встал вопрос о Втором фронте, превратившийся вскоре на долгие десятилетия в одну из любимых тем советской пропаганды.

Высадка во Франции требовала грандиозной подготовки и была рискованной даже по меркам 1944 года, когда она в реальности произошла. А в 1942-м из-за упоминавшихся уже проблем, порожденных неудачным для антигитлеровской коалиции ходом военных действий, подобное предприятие больше походило на авантюру и грозило громадными жертвами почти без надежды на удачу. Кроме того, Рузвельт с Черчиллем, конечно же, еще хорошо помнили сердечную дружбу Сталина с Гитлером, которая в сущности и позволила «бесноватому фюреру» развязать Вторую мировую войну.

Однако Молотов изложил серьезные аргументы. Терять союзника — пусть и «союзника поневоле», — ко-

торый к тому же превратился в основного поставщика «пушечного мяса», англосаксонские державы явно не хотели. Поэтому Рузвельт решил приободрить русских приятными, но неопределенными обещаниями. Каких-либо официальных документов с обязательствами и конкретными сроками открытия Второго фронта США подписывать не стали. Однако все же опубликовали коммюнике, где заявили, что приветствуют идею развертывания боевых действий в Западной Европе в 1942 году и при благоприятном стечении обстоятельств попробуют воплотить этот проект в жизнь. Куда более заинтересованную реакцию вызвали просьбы Молотова об увеличении материально-технической помощи. Американцы сразу же подписали соглашение о переводе поставок на бесплатную основу до самого конца войны, притом в существенно большем объеме, чем прежде³⁹⁶.

На обратном пути Молотов опять остановился в Лондоне, где попытался склонить Черчилля к содействию в решении проблемы открытия Второго фронта. Но и тот в довольно откровенном разговоре дал понять, что в ближайшее время СССР может рассчитывать на попытку десанта союзников во Францию лишь ограниченными силами. К слову, Черчилль обещание сдержал. Английская армия и флот 19 августа 1942 года организовали пробную операцию форсирования пролива Ла-Манш — «поиск под Дьепом»³⁹⁷. Как и следовало ожидать, предприятие окончилось полной неудачей. Немцы быстро скинули британцев обратно в море. Но сам факт подобной активности заставил Германию еще больше озаботиться укреплением «Атлантического вала». В результате в Россию не попало еще какое-то количество солдат и снаряжения.

К тому же, несмотря на осторожность подхода к проблеме Второго фронта, Черчилль в ходе встречи с Молотовым согласился считать этот вопрос весьма важным, что и было заявлено в коммюнике по итогам переговоров. На просьбы материального плана англичане, как и американцы, отреагировали мгновенно,

подписав документ «О финансировании военных поставок и другой военной помощи»³⁹⁸.

Сталина, естественно не удовлетворили итоги поездки Молотова. Чужими руками «загрести жар» не удалось и ближайшее будущее продолжало представляться большевистским вождям в очень мрачных тонах. Угроза немецкого наступления по-прежнему дамокловым мечом нависала над Россией, а уверенности, что удар удастся отразить, не прибавилось.

На грани сепаратного мира

Вооруженные силы Германии летом 1942 года были наиболее совершенным боевым инструментом в мире. Слабо моторизованная, без современных средств связи, с допотопной организацией, руководимая в массе бездарными и малограмотными полководцами, армия Страны Советов не являлась для Вермахта равным противником. Однако исходное численное соотношение свидетельствует, что возможности для более-менее успешной обороны у Кремля имелись. Требовалось лишь рационально распорядиться своим количественным превосходством — сосредоточить резервы на самых вероятных направлениях вражеского удара. Войск у противника явно не хватало не только для натиска по всей линии фронта от Баренцева до Черного моря, но даже для стратегического наступления на каком-нибудь одном крупном участке.

Однако немцы также понимали, что это лето — последняя возможность успешно окончить затянувшийся «блицкриг» против СССР. Поэтому Гитлер, в очередной раз понадеявшись на свою «счастливую звезду», снова пошел на авантюру, приказав прорваться к Волге, — из-за нехватки автотранспорта и железных дорог превратившейся в важнейшую советскую коммуникацию, — оккупировать попутно обширные хлебные области Дона и Кубани, испещренный угольными шахтами Донбасс и захватить Кавказ с его нефтепромыслами. Выполнение таких задач действительно

ставило под вопрос дальнейшее участие Советского Союза во Второй мировой войне. Этот план, впрочем, сразу же вызвал у большинства германских генералов массу сомнений, и не только по причине нехватки средств. Смушала проблема снабжения — конфигурация фронта была такова, что при продвижении к турецкой границе вся группировка «повисала» на одной лишь ростовской железной дороге. Однако Гитлер настоял на своем.

Прорвать советскую оборону намечалось на участке от Курска до Азовского моря. Для этого создавались две группы армий — «А» (фельдмаршал Лист) и «Б» (фельдмаршал фон Бок, которого вскоре сменил генерал-полковник фон Вейхс). Первая располагалась южнее и нацеливалась на Кавказ, вторая на Сталинград. Противостояли им пять фронтов — Брянский (генерал-лейтенант Ф. И. Голиков), Юго-Западный (маршал С. К. Тимошенко), Южный (генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский), Северо-Кавказский (маршал С. М. Буденный), Закавказский (генерал армии И. В. Тюленев) и Черноморский флот (вице-адмирал Ф. С. Октябрьский) с Азовской военной флотилией (контр-адмирал С. Г. Горшков). Об их численном соотношении уже рассказано выше. Кроме того, по официальным данным, к июлю 1942 года, помимо действующей армии, в резерве Ставки находились 10 общевойсковых армий, 1 танковая армия, 62 отдельные стрелковые дивизии, 4 отдельные стрелковые бригады, 3 кавалерийские дивизии, 5 отдельных танковых и механизированных корпусов, 1 отдельная авиационная дивизия, 3 отдельные авиационные бригады, 32 отдельных авиационных полка³⁹⁹.

По самым скромным подсчетам их общая численность составляла не менее миллиона человек, до тысячи танков и столько же самолетов. То есть, чем обороняться, имелось. Другое дело, что с определением направления главного удара неприятеля сталинские стратеги опять ошиблись. В итоге резервы пришлось перекидывать в спешке, бросать в бой не единым ку-

лаком, а частями, и необходимого многократного превосходства долго создать никак не удавалось.

Первой начала наступление группа армий «Б» — 28 июня она своим левым флангом, как кинжалом, вспорота оборону Брянского фронта. 50-километровая брешь даже на карте впечатляла. Сталин в тот же день приказал отправить к Голикову четыре танковых корпуса, сопроводив их гневной телеграммой: «Запомните хорошенько. У Вас теперь на фронте более 1000 танков, а у противника нет и 500...»⁴⁰⁰. Однако двукратный перевес был явно недостаточен, чтобы нейтрализовать германское превосходство в профессионализме. Усеяв курские поля остовами горящих советских «тридцатьчетверок», немцы за неделю прошли более 200 километров, форсировали Дон и ворвались в Воронеж.

Второй удар (но уже правым флангом группы «Б») был нанесен 30 июня по Юго-Западному фронту, который просопротивлялся не дольше соседа. Здесь 6 июля неприятель также вышел к Дону. В районе Старого Оскола оба клина сомкнулись, загнав в «котел» те соединения Тимошенко и Голикова, что не успели отойти (части 40-й и 21-й армий)⁴⁰¹.

8 июля двинулась на Восток и группа армий «А», тесня спешно откатывавшийся к устью Дона Южный фронт. Линия советской обороны рухнула на протяжении свыше 500 километров.

Дыру попытались заткнуть, бросив в мясорубку (вдобавок к войскам уже перечисленных выше фронтов) сразу девять новых армий (6-ю, 60-ю, 62-ю, 63-ю, 64-ю общевойсковые и 1-ю, 4-ю, 5-ю танковые, 1-ю истребительную авиационную), а также десятки отдельных дивизий и бригад, забирая их для этого даже с Дальнего Востока⁴⁰². Но остановить противника не удалось. Группа «Б», повернув от Воронежа на юг и перемалывая выдвигаемые ей навстречу вновь прибывшие войска, устремилась по правому берегу Дона к Сталинграду. Группа «А» столь же быстро заняла Донбасс, пересекла большую излучину Дона, переправилась на его левый берег, и, гоня перед собой все возраставшее чис-

ло полков Малиновского и Буденного, рванулась к Кавказу.

Краткая хроника тех дней достаточно красноречива. 16 июля — «котел» под Миллеровом (части 90-й и 38-й армий)⁴⁰³, 17-го сдан Ворошиловград, 22-го Новочеркасск, 24-го Ростов, 28-го Сталин подписывает свой самый жуткий военный приказ № 227 «Ни шагу назад», узаконивший заградотряды и бессудные массовые расстрелы отступавших. Но и такая жесточайшая мера не повлияла на ход событий. 5 августа Красная Армия оставила врагу Ставрополь, 7-го Армавир, 9-го Пятигорск. 10-го немцы захватили нефтяные вышки Майкопа — первое вожделенное месторождение «черного золота». 12 августа пали Краснодар и Элиста, 21-го знамя со свастикой взвилось над Эльбрусом, а 23-го германские танки севернее Сталинграда прорвались к Волге.

В эти недели английская и американская разведки докладывали своему руководству, что к ним начала поступать информация о попытках Советского Союза через третьи страны узнать у Гитлера его условия перемирия. Керр, британский посол в Москве, стараясь прояснить данный вопрос, обратился к Сталину и Молотову, но вразумительного ответа не получил. Фюрер, однако, на контакты с генсеком не пошел, по всей вероятности, уверенный, что скоро и без того одержит полную победу над Советским Союзом⁴⁰⁴. Наступление развивалось столь неожиданно гладко, что он даже вывел с юга России шесть дивизий 11-й армии Манштейна, недавно овладевшей Севастополем. Вскоре за ними последовали еще пять дивизий, в том числе две танковые и две моторизованные⁴⁰⁵. Часть войск отправилась на Запад, а часть на северные участки Восточного фронта. Вполне возможно, что именно этих солдат, оснащенных специальным штурмовым снаряжением, и не хватило затем Паулюсу под Сталинградом или Клейсту на Кавказе.

Между тем Красная Армия весь конец лета, а затем и всю осень из-за Волги и Каспийского моря продол-

жала получать щедрые пополнения людьми и техникой. И, как вода точит камень, советские солдаты реками своей крови все-таки заставили Вермахт потерять некоторую остроту и силу ударной массы. Повторилась история 1941 года: тевтонская машина сначала замедлила движение, а потом и начала пробуксовывать.

Дипломатические танцы

Тем временем США и Британия готовились нанести неприятелю удар в наименее защищенное место. На июньской встрече Рузвельт с Черчиллем согласились с собственными военными, что составленные на всякий случай в спешном порядке наметки плана высадки во Франции «Следжхэммер» (в переводе на русский — «Кувалда») сомнительны, и договорились вернуться к нему в 1942 году лишь при возникновении явных признаков угрозы быстрого военного краха СССР. Давление на позиции стран «Оси» они хотели начать с десанта в западную часть Северной Африки (план «Торч»). Но последние известия с фронтов в России заставили англо-американцев всерьез обеспокоиться. И британский премьер заторопился в Москву: сообщить о принятом решении высадиться в Африке (какая-никакая, а все же помощь) и заодно постараться понять, насколько серьезно Сталин настроен продолжать борьбу против Гитлера.

Переговоры «заклятых друзей» состоялись в середине августа. Встретились они впервые. Черчилль впоследствии охарактеризует увиденного им рябого маленького инвалида с покалеченной рукой как «крестьянина, которым можно вертеть как угодно». Наверное потомок герцогов Мальборо все же несколько преувеличил степень своего интеллектуального превосходства над недоучившимся грузинским семинаристом. Впрочем, результаты тех переговоров действительно выглядят в пользу британца. Советский вождь, хотя и продемонстрировал союзнику недовольство отсрочкой

десанта в Европу, однако не сумел скрыть, что прекрасно понял все достоинства англо-американского вторжения на «Черный континент» и оценил ту выгоду, которую получит СССР от этого действия. Кроме того, привыкший к самовосхвалению и не умеющий говорить о себе горькую правду диктатор не удержался от заведомо лишнего обещания побить «не сегодня-завтра» не только немцев, но и турок, если те вдруг вздумают плохо себя вести. Именно эти слова окончательно и решили судьбу «Кувалды» — успокоенные англосаксы с облегчением поставили на нем жирный крест. Между тем в интересах Советского Союза разумнее было бы, наоборот, убедить союзников в том, что положение Москвы отчаянное. Для удержания Сталина в коалиции Рузвельт с Черчиллем могли бы предпринять попытку открытия Второго фронта еще в 1942 году. Почти наверняка она бы оказалась неудачной — немцы бы сбросили десант обратно в море. Но для этого им пришлось бы перекинуть войска из России, а значит ослабить, если не прекратить совсем, давление на многострадальную Красную Армию.

«Дядя Джо» скоро поймет, что допустил ошибку и, разозлившись за это на хитрых «капиталистов», демонстративно откажется послать в январе 1943 года делегацию на конференцию в Касабланке. Этой неумной выходкой он еще раз накажет свою несчастную страну, поскольку на совещании союзного руководства решались основные стратегические вопросы. Среди них первоочередным считался вопрос о Втором фронте, на ускорение открытия которого представители СССР без сомнения могли повлиять, участвуя они в обсуждении планирования и координации совместных действий товарищей по оружию⁴⁰⁶.

Тем не менее, свои дипломатические поражения диктатор сумел обернуть «победой» на внутреннем пропагандистском фронте. Дело в том, что после зимних бравурных маршей Сталину необходимо было как-то объяснять народу причины новых поражений Красной Армии, ведь тезис о «внезапности» и «вероломстве»,

использованный год назад, теперь, в середине войны, явно не мог сработать. Да и разговоры о «многократном численном превосходстве врага», в общем, нужного эффекта в полной мере не достигали. Одним словом, миф о «ненадежных союзниках» оказался очень кстати. В официальном выступлении по случаю четвертьвекового Октябрьского юбилея Иосиф Виссарионович предал гласности противоречия с англо-американцами, свалив на них вину за неудачи своей армии и заложив тем самым один из первых камней в фундамент будущей «холодной» войны.

Между тем вскоре выяснилось, что и бахвальство перед Черчиллем в августе оказалось дешевым блефом. До самого конца осени весь мир — кто с тревогой, а кто с надеждой гадал — удастся ли Вермахту занять всю территорию между Черным и Каспийским морями. Окончание сражений в том районе позволяло Германии высвободить войска для организации надежной зимней обороны по Волге и Дону и держать в уме неплохие перспективы на 1943 год. Таким образом, судьба еще целых три месяца, что называется, балансировала на лезвии ножа (25 августа немцы взяли Моздок, 10 сентября Новороссийск, 28 октября Нальчик), прежде чем германское наступление выдохлось окончательно. Опасения немецких генералов насчет снабжения полностью сбылись⁴⁰⁷. Когда первоначальная инерция летнего рывка замедлилась, и войска особенно почувствовали нужду в подпитке — ее бесперебойное обеспечение организовать не удалось. Например, после взятия Пятигорска танки Клейста свыше двух недель простояли в ожидании горючего, предоставляя красноармейцам бесценное время на перегруппировку и возведение новых оборонительных рубежей. Да и физической массы Вермахту в конце концов не хватило. По данным «Грифа секретности», за время Воронежско-ворошиловградской, Сталинградской и Северо-кавказской стратегических оборонительных операций в бой было введено четыре новых фронта — пятнадцать армий и полторы сотни отдельных дивизий⁴⁰⁸, а также огром-

ное, но пока не известное количество маршевого пополнения. В то же время в течение июля – сентября германские группы «А» и «Б» из своих изначальных шестидесяти восьми немецких дивизий лишились, вследствие очередного каприза Гитлера, одиннадцати (уже упоминавшихся выше). А получили всего 140 750 человек для возмещения потерь в тех соединениях, что участвовали в наступлении с первых дней⁴⁰⁹.

В итоге к середине ноября южная часть Восточного фронта застыла в состоянии неустойчивого равновесия, вытянувшись огромной дугой Туапсе – Грозный – Сталинград – Орел и увеличившись с июньских 500 километров в четыре раза. Чтобы удержать ее, свои группировки немцам пришлось растащить по всему периметру. К тому же редкий пунктир германских соединений перемежался тонкими ниточками слабых румынских, итальянских и венгерских частей. На карте подобная конфигурация выглядела откровенным призывом к Красной Армии осуществить сталинградский контрудар. Но фюрер вновь запретил сокращать линию фронта путем отвода войск на более удобные позиции.

Может быть, свои надежды на лучшее будущее он черпал из сводок выпуска новой военной продукции? Они гласили, что в течение 1942 года Германия получила 1,7 миллиона единиц стрелкового оружия, 50 300 орудий и минометов, 6200 танков и самоходных орудий, 11 600 боевых самолетов⁴¹⁰. «Адольф Алоизвич», конечно же, не видел аналогичных докладов о достижениях советской промышленности, которая за тот же срок обеспечила производство почти 6 миллионов винтовок, автоматов и пулеметов, 357 тысяч орудий и минометов, 24 400 танков, 21 700 боевых самолетов⁴¹¹. К этому необходимо еще добавить более чем 4 тысячи танков и 2600 самолетов, полученных от англо-американцев⁴¹².

Впрочем, еще одним фактором оптимизма для Берлина мог служить уровень профессионализма советских военачальников, о котором наилучшим образом свидетельствовало соотношение потерь. По официаль-

ным отечественным данным (наверняка серьезно заниженным), советские вооруженные силы, находясь в обороне, за четыре месяца 1942 года — с 1 июля по 30 октября потеряли убитыми и пропавшими без вести не менее 1,3 миллиона человек⁴¹³. Аналогичный германский показатель «Русского» фронта — около 170 тысяч солдат и офицеров⁴¹⁴.

ГЛАВА 18

НЕПОСЛУШАНАЯ ИГРУШКА ДЛЯ РУССКИХ МУЖЧИН

Мечта о кораблях-невидимках, неожиданно наносящих врагу удары из глубины моря, стара, как само человечество. В тоже время история создания и применения субмарин напоминает сказки о гадком утенке и Золушке. Первые проекты «Наутилусов» были воплощены в жизнь еще до нашей эры. Однако чтобы закрепиться в составе военных флотов, им потребовались тысячелетия. Появилось даже убеждение в порочности самой идеи подобного оружия. От этого злого заклятья подводным лодкам удалось освободиться лишь в начале XX века, после чего они мгновенно превратились во всемогущих королей — вершительниц военных судеб наиболее могущественных держав. В России обзаводиться собственным подплавом начали перед русско-японской войной. Тогда был построен «Дельфин» — первая реально боеспособная отечественная субмарина. Боевой путь ее оказался незавидным: несколько аварий и катастроф с человеческими жертвами, никаких успехов в противоборстве с противником и бесславный конец в собственной базе. Судьба этого первенца стала символической для всей истории советско-российских подводных сил, которую военные летописцы с упорством достойным лучшего применения по сей день стараются «подправить» на страницах своих книг. Думаю, настало время сломать эту прискорб-

ную традицию, поскольку объективно сравнить свой пройденный путь с достижениями соседей и конкурентов всегда полезней, чем хвастаться и врать⁴¹⁵.

Дальневосточный дебют

Где и когда впервые додумались заняться изготовлением средств подводной войны, никто точно не знает. У Аристотеля можно прочитать, что еще Александр Македонский опускался на дно моря в специальном устройстве, позволяющем провести разведку заграждений в портах противника. Однако уровень развития техники долго сдерживал порывы изобретателей. И хотя достоверные сведения об эпизодическом боевом применении прародительниц подлодок сохранились в архивах ВМФ многих стран, все они принадлежали к тем случаям, которые, как говорится, «не делают погоды». Сколько-нибудь заметным образом повлиять на ход вооруженного конфликта субмаринам не удавалось вплоть до русско-японской войны 1904 года.

Сражения в Желтом море, как известно сразу же стали складываться для царского флота неудачно. Видимо, это и способствовало рождению в Петербурге плана массового использования в боевых действиях столь экзотического для тех лет оружия, как субмарины. Однако поскольку в распоряжении российских моряков имелась в ту пору всего лишь одна подводная лодка (тот самый злополучный «Дельфин»), они принялись лихорадочно покупать по всему миру экспериментальные экземпляры «наутилусов» и доставлять их во Владивосток. Благодаря очередной российской загадке — семимесячной задержке с отправкой торпед, — лодки долго оставались «моральным фактором». Первое боевое столкновение произошло только в самом конце войны — 29 апреля 1905 года. В этот день «подводный миноносец» «Сом» вышел в атаку на два японских корабля-разведчика, которые в итоге спешно ретировались.

К началу второго военного лета в дальневосточных водах находилось уже полтора десятка российских подлодок. Большинство историков, включая зарубежных, ныне считают, что это обстоятельство сыграло немаловажную роль во время обсуждения в Токио перспектив десанта во Владивосток, заставив самураев воздержаться от этой затеи. Однако на берегах Невы этого, похоже, не поняли — ни во время войны, ни позже, в ходе послевоенной дискуссии об уроках поражения. Уровень познаний российских морских начальников по части «потайных судов» великолепно иллюстрирует ответ адмирала Бирилева на рапорт одного из офицеров-подводников с просьбой выделить французские свечи зажигания к лодочным двигателям. «Его превосходительство» начертал возмущенную резолюцию: «Достаточно двух фунтов казенных стеариновых». И этот человек спустя несколько месяцев стал морским министром империи. Как говорится, нарочно не придумаешь.

Одним словом, царские адмиралы не сумели извлечь никакой выгоды из монополии обладания бесценным военным опытом одновременного использования большого количества субмарин. Плохо проанализировали имевшуюся информацию и не подумали о том, каким образом с наибольшим успехом применять новое оружие в будущем.

В роли аутсайдера

В результате начавшаяся летом 1914 года Первая мировая война застала российских подводников врасплох и они быстро отстали от тех, кто предпочитал учиться не только на своих, но и на чужих ошибках.

Больше всех преуспели трудолюбивые и дотошные немцы. Уже в первые недели боевых действий их успехи заставили как неприятелей, так и союзников спешно пересматривать привычные приемы стратегии и тактики военно-морского искусства. К концу войны ито-

говые достижения кайзеровского подплава выглядели просто ошеломляюще. Никогда прежде в битвах примерно равных противников одна сторона не наносила другой такого громадного урона при собственных сравнительно небольших потерях. В данном случае обычно скучные цифры выглядят красочнее любой иллюстрации: 372 германских «наutilus» (общим водоизмещением около 300 тысяч тонн) потопили порядка 200 боевых кораблей (свыше полумиллиона тонн) и около 6000 транспортных судов (суммарным водоизмещением 13,4 миллиона брутто-регистрационных тонн — далее брт). Потери составили 178 лодок (из них 10 на счету русского флота). Кроме непосредственного физического ущерба врагу был нанесен и огромный экономический урон. Финансы, затраченные противостоявшим Берлину блоком (Англией, Францией, Италией, Россией и США) на противолодочную борьбу, в девятнадцать раз превысили стоимость постройки самих субмарин.

Наиболее результативным подводником стал также немец Арно де ля Перьер. Он потопил 189 коммерческих судов (450 000 брт) и 2 военных корабля. Еще двадцатка германских командиров подлодок перешагнули рубеж в 100 000 брт, который с тех пор считается «гроссмейстерским» показателем. Именно субмарины, а не сухопутная армия или надводный флот, стали для Германии в прямом смысле последней надеждой на достойный выход из общемировой бойни.

На этом фоне достижения русских «акул» выглядят более чем скромно. Первая подводная лодка под Андреевским флагом — черноморский «Тюлень» — добилась успеха только почти через год после начала войны. А всего за весь период боевых действий царские субмарины на всех театрах боевых действий лишили неприятельские флоты немногим более двухсот судов. Из них свыше трех четвертей составляли крошечные турецкие парусники, считавшиеся уже тогда добычей лишь номинально. Кроме того, в Черном море двадцать одной российской подлодкой были потоплены

около трех десятков коммерческих пароходов, в основном небольшой величины. Собственные потери составили одну лодку.

На Балтике противником русских являлись не отсталые и плохо организованные турки, а немцы. Это, разумеется, отразилось на окончательных достижениях. Первая полноценная победа здесь пришла еще позже. А к моменту заключения мира триумфальный список успехов тридцати семи российских субмарин Балтийского флота вырос аж до 9 торговых судов (21 000 брт). При собственных потерях в восемь лодок. Лучшим российским подводным истребителем Первой мировой войны стал капитан-лейтенант Иван Мессер, записавший в свой актив 5 пароходов (10 800 брт).

Любопытно, что через несколько месяцев после начала войны пять британских подлодок сумели прорваться в Балтийское море и в дальнейшем действовали там совместно с русскими. Это импровизированное соревнование наши соотечественники, несмотря на численное превосходство, проиграли, что называется «с треском». Например, в 1915 году англичане потопили 2 германских крейсера и 2 вооруженных судна. Кроме того, они пустили на дно и захватили 15 торговых «грузовиков». В свою очередь, из 50 торпед, выпущенных российскими «акулами» в том же году, в цель не попало ни одной! Было арестовано лишь два небольших парохода в льготных условиях крейсерства в Ботническом заливе, то есть в самом северном районе Балтийского моря, где германский флот не мог осуществлять защиту своих торговых коммуникаций со Швецией⁴¹⁶. Первый боевой корабль был потоплен русским «наutilusом» уже после революции. Им стал британский эсминец «Виттория», торпедированный 31 августа 1919 года в Финском заливе «Пантерой», которой командовал бывший лейтенант императорского флота А. Н. Бахтин. Его «добыча» до сегодняшнего дня остается наиболее крупным военным судном (1300 тонн) специальной постройки из числа отправленных на дно русскими и советскими субмаринами.

Кстати говоря «Виттория» осталась и единственной победой, одержанной подводниками, как красного, так и белого флотов в период гражданской войны. Что убедительно свидетельствует о случайности этого успеха. Тем не менее, необходимо отдать должное советскому политическому и военному руководству 20—30-х годов. Под впечатлением недавних германских успехов оно уделило строительству своих подводных сил очень большое внимание. По сути, на субмарины была сделана основная ставка в формировании морской мощи страны. Поэтому в СССР к началу Второй мировой войны количество находившихся в строю подлодок в несколько раз превышало подплав любого другого государства. Однако интеллектуальное обслуживание этой армады — вопросы разработки теории и практики ее боевого использования, а также программ для обучения личного состава — опять оказалось не на высоте. В результате при столкновении с немцами последовало быстрое и всеобъемлющее фиаско, которому даже трудно найти аналог в истории.

Чтобы его охарактеризовать достаточно беглого взгляда на самую простую статистику. Как и в Первую мировую, в 1939—1945 годах германские подводники вновь оказались лучшими. На их счету 2759 судов (свыше 14,1 миллиона брт) транспортного флота и 110 боевых кораблей (в том числе 2 линкора, 6 авианосцев, 5 крейсеров). Из задействованных в операциях 1188 лодок было потеряно 781⁴¹⁷ (из них 19 уничтожено усилиями ВМФ СССР). Высшего индивидуального итога добился капитан-лейтенант Отто Кречмер — 44 «купца» (266 000 брт) и 2 миноносца. Еще три десятка командиров немецких подлодок перешагнули «гроссмейстерский» показатель в 100 тысяч брт.

Союзный германскому итальянский флот больших успехов не достиг. Потеряв 90 субмарин из своих 156 (до развала флота фашистской Италии в начале сентября 1943 года), подводники Муссолини уничтожили

около 200 торговых и военных кораблей (примерно 700 000 брт). Чемпионом по результативности стал Джанфранко Гаццана совсем немного не дотянувший до «гроссмейстера» — 11 коммерческих судов водоизмещением 97 000 брт.

Япония, использовав 192 субмарины (погибло 129), сумела потопить лишь 147 транспортов (776 000 брт), а также 3 авианосца, 2 крейсера и около 50 менее крупных военных кораблей. Самым удачливым командиром среди «подводных волков» Страны восходящего солнца стал Тошиаки Фукурума — 11 грузовых пароходов (62 000 брт) и 2 сторожевика.

Подплав США война застигла в довольно расслабленном состоянии. Но американцы сумели быстро собраться и наградой им стали крупные успехи, позволившие занять место рядом с немцами. Введя в дело 315 субмарин (потери — 52 лодки) «звездно-полосатые» парни пустили ко дну 1178 торговых судов (4,9 миллиона брт). И, кроме того, линкор, 9 авианосцев, 12 крейсеров и 143 более мелких боевых корабля. Лучшим стал капитан-лейтенант Ричард О'Кейн, уничтоживший 29 «торгашей» (110 000 брт), что возвело его в ранг единственного «гроссмейстера» флотов антигитлеровской коалиции. На счету у подводников Соединенных Штатов и потопление самого крупного в мире боевого корабля — японского авианосца «Синано» (62 000 тонн). Его отправила на дно 29 ноября 1944 года подводная лодка «Арчерфиш», которой командовал капитан 3-го ранга Джозеф Инрайт.

Великобритания в силу географического положения и зависимости от снабжения всеми видами ресурсов, поступавших исключительно по морю, главное внимание уделила противолодочной обороне, возложив данную задачу даже на основную массу своих «наutilusов». Это, конечно же, ограничило их возможности в плане охоты за торговым судоходством. Тем не менее, результат, достигнутый 234 английскими субмаринами (погибло 75) выглядел неплохо: более 400 транспортов (примерно 1 миллион брт) и свыше

100 военных кораблей противника. Наилучшего лично-го итога добился Дэвид Уонклайн, уничтоживший 11 пароходов (92 000 брт) и 5 боевых единиц неприятеля.

В сравнении с этими показателями успехи советских подводников смотрятся очень бледно. Экономические и фронтовые трудности заставили руководство страны почти полностью свернуть постройку субмарин в пользу сухопутных вооружений. Даже не все подлодки из числа находившихся на стапелях в июне 1941-го удалось ввести в строй к маю 1945-го, не говоря уж о закладке новых. Однако самым главным разочарованием оказался уровень профессиональной подготовки советского подплава. Тактические приемы из его арсенала 1941–1945 годов выглядят примитивно даже относительно опыта начальных месяцев Первой мировой войны. Соответственно сложились и итоги противоборства. В период с 22 июня 1941-го по 2 августа 1945-го по графе находившихся в строю прошло примерно 270 субмарин⁴¹⁸. Из них в боевых действиях с Германией и ее союзниками было потеряно 109. А достижения выразились в уничтожении 112 в основном малотоннажных транспортов (примерно 230 000 брт) и 19 мелких военных кораблей, по большей части переоборудованных в таковые из старых гражданских судов. И ни одного попадания в боевые корабли специальной постройки, начиная от эсминца и выше! Яркой иллюстрацией разницы в подготовке вновь стал мини-турнир с англичанами. Только на сей раз, он состоялся не на Балтике, а в Заполярье. Четыре британских подводных лодки пришли туда для оказания помощи советскому ВМФ в конце первого военного лета и до начала 1942 года одержали девять побед. А двадцать два советских «наutilusа» за тот же период времени — лишь четыре.

Самым результативным подводником нашей страны стал капитан 3-го ранга А. И. Маринеско — 2 парохода (40 144 брт). Однако, отдавая должное Александру Ивановичу, нельзя все же не отметить фактор исключительного везения. Встретить две такие громадные мишени

(пассажирские лайнеры «Вильгельм Густлов» и «Генерал Штойбен») одну за другой редко кому удавалось. Доказательством этому служит и тот факт, что второе место занял капитан-лейтенант И. Я. Трофимов, потопивший не два, а четыре судна, но общим водоизмещением 13 557 брт.

Кстати, о лучшем советском подводнике стоит поговорить подробнее. За прошедшие десятилетия о нем написано очень много, но поток публикаций, так или иначе затрагивающий жизнь этого человека, не ослабеваает до сих пор. Сформировался даже набор стереотипов и трафаретов, ориентируясь на которые, большинство авторов и пишут свои работы. Поэтому в них повторяются одни и те же мифы, не подтверждающиеся послевоенными исследованиями. В то же время остаются не упомянутыми некоторые факты, оказавшие серьезное влияние на судьбу Александра Ивановича. Среди наиболее часто встречающихся выдумок необходимо отметить завышенный счет побед Маринеско. По сей день ему часто приписывают к двум настоящим еще два (а иногда и три) мифических корабля, якобы отправленных на дно Балтийского моря.

Скорее всего отечественных летописцев смущает то обстоятельство, что за одно из не подтверждающихся «потоплений» Маринеско был награжден орденом Ленина, а за другое получил орден Красного Знамени. В первом случае наши историки обычно пишут, что был уничтожен транспорт «Хелен», будто бы торпедированный Александром Ивановичем 14 августа 1942 года. Однако документы противника сообщают, что этот корабль затонул днем ранее, подорвавшись на mine в точке с совершенно другими координатами, чем указано в рапорте Маринеско. В том же месте, где происходила атака и примерно в то же самое время немецкая плавучая батарея SAT-4 заметила выпущенную в нее торпеду, которая прошла мимо. О чем также имеется донесение. Судя по всему, этот смертельный снаряд и был неудачно выпущен лучшим будущим советским асом.

Не подтверждается также и постоянно указываемое в отечественных публикациях потопление 9 октября 1944 года судна «Зигфрид». Александр Иванович действительно дважды атаковал в тот день этот корабль, но все выпущенные им торпеды прошли мимо цели. Тогда, не желая больше тратить дорогостоящие «рыбины», Маринеско приказал подойти поближе («Зигфрид» шел без охранения) и открыл по противнику артиллерийский огонь. После чего, согласно его рапорту, транспорт получил смертельные повреждения. Но из германских документов следует, что корабль не утонул, а был отбуксирован в ближайший порт и вскоре отремонтирован.

Некоторые авторы, как уже упоминалось выше, говорят еще о каком-то судне, потопленном прославленным подводником. Однако сам Маринеско в своих отчетах по итогам походов докладывал только о четырех победах. Поэтому комментарии здесь, как говорится, излишни.

Если сравнивать результаты боевой деятельности «чемпиона» советского подплава с достижениями его зарубежных коллег и оппонентов, то нельзя не признать, что по общемировым меркам, к выдающимся сумму побед Маринеско причислить нельзя. В лучшем случае его итог равняется уровню европейского или американского середнячка. При объективном анализе трудно не заметить и тот факт, что при атаках относительно небольших кораблей лучший советский снайпер не попал в цель ни разу. Отсюда — очевидный вывод: «Густлов» и «Штойбен» стали его жертвами лишь благодаря своим гигантским размерам. А в плане профессионального мастерства наш герой вполне соответствовал остальным подводникам сталинского флота, чье умение в свою очередь не вполне отвечало требованиям той войны.

Несколько слов необходимо сказать и в связи с мифами о «Вильгельме Густлове». Этот корабль (25 484 брт), построенный в качестве пассажирского лайнера, не являлся, как иногда пишут, «флагманом германского

флота», а использовался во время войны на манер передвижной казармы — общежития для моряков. Правда, официально его название звучало солиднее — плавающая база подводных лодок. В море, в те злополучные для себя сутки, он вышел, имея на борту незначительное количество военнослужащих. А основное число пассажиров составляли раненые и беженцы — дети, женщины, старики, которые в подавляющем большинстве утонули. Однако траур, якобы объявленный Гитлером по всей Германии после потопления этого судна, — плод очередной патриотической фантазии отечественных публицистов. Немецкими документами это не подтверждается. Впрочем, здесь даже не обязательно обращаться к официальным бумагам. Достаточно полистать периодику Третьего Рейха за январь — февраль 1945 года. Ведь траур не бывает секретным. Не заносил советского моряка в число своих личных врагов и Гитлер. Зимой 45-го у фюрера было уже очень много других — более актуальных проблем, чем гибель корабля, пусть даже очень большого. Рушилась вся его империя.

Не соответствуют действительности и громкие эпитеты типа «атака века», поскольку «Густлов» не является самой крупной жертвой подводников. О японском суперавианосце «Синано», пущенном на дно американцами, уже говорилось выше. Но это боевой корабль. А если обратиться к невоенным судам, то легко увидеть, что еще весной 1915 года немецкой субмариной был потоплен лайнер «Лузитания» (30 396 брт). Самой же крупной гражданской «посудиной», уничтоженной подводниками в период Второй мировой войны, является британский пассажирский пароход «Эмпресс оф Британ» (42 348 брт), торпедированный 28 октября 1940 года германской U-32 под командованием старшего лейтенанта Ханса Йениша.

Не любят отечественные историки писать и о том, что был Александр Иванович человеком не без недостатков, с очень сложным характером, а в ударах судьбы, часто обрушивавшихся на его лихую голову, был

виноват преимущественно сам. Наоборот, авторы склонны намекать на несправедливость и предвзятость различных начальников по отношению к Маринеско. Однако наказания, которым подвергался лучший советский подводник, согласно архивным документам не выглядят «необоснованными репрессиями», столь привычными в те годы. К примеру, из партии в первую военную осень он был исключен по банальной, можно сказать, типично российской причине — «за систематические пьянки». Тем же самым объясняются и аналогичные неприятности 1943 года, и послевоенные заключения. Но, пожалуй, самая примечательная история случилась с героем нашего рассказа в январе 1945-го...

В то время Финляндия уже вышла из обоймы германских союзников, перейдя в стан противников Берлина, и советские подводные лодки получили возможность действовать из баз Страны Суоми, откуда было намного легче добираться к коммуникациям фашистов. Отдыхали подводники после походов в тех же самых заграничных базах, где их контакты с местным населением ограничивались специальными приказами советского командования. В частности существовал строжайший запрет на посещение увеселительных заведений. Однако именно его и нарушил Маринеско. И не просто нарушил, а «задержался» в ресторане на пару дней, из-за чего лодка, которой он командовал не смогла вовремя выйти на боевое задание.

Загулял Александр Иванович по причине того, что приглянулась ему хозяйка финской ресторации — молодая очаровательная шведка. Скандинавская красавица весьма благожелательно отнеслась к ухаживаниям русского офицера...

За подобную любвеобильность, когда она входит в противоречие с требованиями военного времени, в армии любой страны по головке не гладят. И скоротечный роман чуть было не закончился для молодого моряка печально. Командующий флотом за самовольное оставление корабля в боевой обстановке приказал от-

дать Маринеско под трибунал, но потом исполнение приказа задержал и дал «Ромео» возможность искупить вину в очередном походе.

По всей вероятности нависший над подводником дамоклов меч явился хорошим дополнительным стимулом, так как в ходе этого исправительно-испытательного рейда Маринеско и одержал обе свои победы. За что получил награду. Правда, учитывая недавнюю провинность с понижением — не Звезду Героя, а орден Красного Знамени. Вот и все репрессии.

Не быть, так хоть казаться

Основная масса германского подводного флота была перемолота англо-американцами в битве за Атлантику. Нацистов подвело то, что США и Англия сумели одержать победу в «войне мозгов» и намного опередили Третий Рейх в деле создания противолодочного оружия.

Но даже те чисто символические силы, которые Берлин смог выделить для воздействия на советские морские коммуникации, оказались способными держать их в напряжении вплоть до последних дней войны. Показателен случай, произошедший 12 августа 1944 года в Карском море (то есть в глубоком советском тылу), когда германская субмарина U-365 встретила транспорт «Марина Раскова», который охраняли три советских военных корабля. Эти «конвоиры» были недавно получены по ленд-лизу от американцев и имели самое современное противолодочное вооружение. Однако выучка экипажей была традиционно-российской. Поэтому, «немка», играючи — один за другим повредила транспорт и пустила ко дну двух охранников. После того, как третий поспешно бежал с поля боя, U-365 без помех добила «Раскову» и отправилась продолжать охоту дальше.

Таких эффектных побед отечественные «подводные хищники» не одерживали. Но, разумеется, очень хоте-

ли. В связи с чем и ход войны в советских водах развивался в точности по поговорке — если нельзя, но очень хочется, то можно. Постепенно почти каждый торпедный залп в докладах командованию стал звучать как успешный, даже если стрельба велась по прибрежным рифам или просто по пустому месту. Например, командир Щ-406 капитан 3-го ранга Осипов в 1942 году после своего летнего похода в центральную часть Балтики рапортовал о пяти потопленных транспортах общим водоизмещением 40 тысяч тонн⁴¹⁹. Однако послевоенные исследования документов противника ни одной (!) победы не подтвердили. На счет Осипова можно отнести лишь повреждение четырехмачтового парусника «Фидес» (545 брт), который шел в одиночку и без охранения. Но даже со столь скромной и совершенно беззащитной целью будущий герой справиться не смог. Она осталась на плаву и немцы затем отбуксировали ее в один из портов.

Тем не менее, за этот мифически урожайный рейд, лодка была награждена орденом Красного Знамени, сам Осипов стал Героем Советского Союза, а весь его экипаж получил различные награды. И этот случай — не исключение. Подобных историй хватит на целую книгу. Почти ничего не подтверждается у всех официально-легендарных личностей военных лет. Таких как Валентин Стариков (из 14 официально числящихся за ним, реален лишь один потопленный корабль), Иван Травкин (из 13 один), Николай Лунин (из 13 один) и т. д.⁴²⁰

К концу войны одним словесным залпом стали поражаться сразу по два, а то и по три судна. В докладной записке наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова И. В. Сталину от 4 декабря 1943 года фигурируют 179 транспортов (свыше 1 миллиона брт) и боевых кораблей, якобы потопленных подводниками самого небольшого по составу Северного флота. Но современное не предвзятое сравнение двусторонних данных подтверждает лишь 29 транспортов (51 847 брт) и военных кораблей. Можно себе представить, сколько их

набралось к маю 1945-го в итоговом отчете, где к североморским добавились столь же лихие фантазии балтийцев с черноморцами.

Ложь в абсолюте

Если сравнить послевоенные труды зарубежных историков по установлению истинных потерь противников периода 1939—1945 годов, то легко увидеть, что такого огромного процента вранья, как у нас, больше нигде в мире не было. Но самое главное даже не это. Обычно в цивилизованных государствах сразу же после окончания боевых действий, когда появляется возможность скорректировать свою информацию по неприятельским данным, начинается кропотливая работа аналитиков⁴²¹. Критически рассматриваются все операции, а также эффективность тактики и стратегии, применявшейся как своими, так и чужими военачальниками. Это, естественно, требует изначальной честности и беспристрастности, поскольку выдача желаемого за действительное ничего, кроме вреда, принести не может.

Однако у нас в стране предпочли пойти другим путем. Цифры военных лет никаким «испытаниям на прочность» не подвергались целое десятилетие. Их просто популяризировали и прославляли в целях «воспитания патриотизма». Но после смерти Сталина, Никита Хрущев вместе с маршалом Жуковым (которые по сухопутному недолюбливали «шибко умных» моряков) заинтересовались этим вопросом. Специально созданная научно-историческая группа Главного штаба ВМФ СССР сравнила данные советской стороны с документами бывшего противника. В результате официальные цифры после проверки значительно понизились⁴²², хотя и не до уровня истинных величин. Разница оказалась настолько потрясающей, что пришлось «ради приличия» значительную часть мифов оставить в сохранности. В открытой печати, разумеется, никакого

подробного анализа, а тем более полного отчета проверки не опубликовали. Даже наоборот, наложили гриф секретности на все цифры, обнародованные «зарубежными фальсификаторами». А Никита Сергеевич тем временем поругался с американцами и европейцами, постучал ботинком по трибуне ООН и, видимо, одумался, решив, что зря обидел своих незадачливых «мариманов». После этого цифровой показатель их достижений в общедоступной отечественной исторической литературе вновь начал расти. С приходом к власти Брежнева этот процесс пошел еще быстрее. Все же до уровня «сталинских» величин новая волна фальсификации не поднялась. Впрочем, «брежневские» цифры тоже выглядели весьма внушительно, в процентном отношении являясь лучшими в мире.

Омрачало идиллию только одно обстоятельство. Каждый автор был от природы наделен разной степенью воображения, что естественно отражалось и на бумаге. В связи с чем на Западе «буржуи» откровенно и с удовольствием насмеялись. Это сильно задевало самолюбие. Однако ответить «идеологическому противнику» адекватной монетой в рамках нормальной дискуссии при такой ситуации с арифметикой было невозможно. Поэтому, в конце концов, пришлось стерпеть издевательства и с гордым видом утереться, утешившись мыслью, что дома основная масса населения ни о чем не подозревает. А чтобы у молодого поколения и впредь не появлялось ненужных вопросов, дела с «информационным обеспечением» решили упорядочить. Сделали это, конечно же, в лучших национальных традициях. То есть занялись не наведением порядка в реальной жизни, а исправлением бумажных показателей. Сначала «для служебного пользования» опубликовали трехтомник «Боевая деятельность подводных лодок военно-морского флота СССР в Великую Отечественную войну» (М.: Воениздат, 1969–1970), где флотские историки порадовали начальство еще одной оптимистическо-фантастической версией — всего на всех театрах торпедами, артиллерией и таранами потоп-

лено 314 транспортов (925 000 тонн) и 80 военных кораблей. Вдумайтесь читатель, целых три толстенных книги (по 450 страниц) «секретного» вранья, за разглашение которого грозила уголовная ответственность. Еще можно как-то понять мотивы, когда стараются утаить собственные потери. Но ущерб противника? Подобный материал испокон веков во всем мире служил главной «пищей» для пропагандистов. В общем, вышло в точности по Черномырдину — хотели как лучше, а получилось как всегда. Увы и ах — таковы уж правила игры в этой стране.

Несколько лет трехтомником наслаждались исключительно избранные личности. И видимо пришли к выводу, что угроза народных сомнений пока не актуальна. А к тайне в ближайшее время кого-либо подпускать вредно. В чем можно легко убедиться, например, по тому факту, что более широкой аудитории верных «государевых слуг» в лице «офицеров, генералов и адмиралов, курсантов, слушателей военных академий, а также всех изучающих историю минувшей войны» предназначалась всего лишь монография В. И. Ачкасова и Н. Б. Павловича «Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне» (М.: Воениздат, 1973). Изданная крошечным по советским меркам тиражом 15 000 экземпляров. Где присутствовало множество отрывочных циферок, но окончательный баланс достижений советских «наутилусов» отсутствовал.

Поиски выхода из такого затруднительного положения продолжались достаточно долго. Осчастливил страну итогами противоборства в морских глубинах только труд главного «нептунова» начальника «застойных» лет адмирала флота Советского Союза С. Г. Горшкова. Он назывался «Морская мощь государства» (М.: Воениздат, 1976) и утверждал, что подводники по данным подтвержденным противником выбили из рядов неприятеля 33 корабля и вспомогательных судна, а также пустили на дно 157 транспортов вместимостью 462 313 брутто-регистрационных тонн. То есть вроде бы по-

вторял «хрущевские» цифры конца 50-х годов. Но через дробь указывал еще 54 военных корабля и 165 транспортов вместимостью 476 100 брутто-регистрационных тонн, которые другими источниками кроме наших не подтверждались (стр. 232). Однако поскольку каждый советский человек прекрасно понимал, что враг для того и существует, чтобы строить козни или вредить хотя бы по мелочи (в данном случае не подтверждать), то общая цифра побед, подпорченная было Никитой Сергеевичем, по сути, увеличивалась более чем в два раза. Это было одно из главных ноу-хау советской историографии. Нигде в мире предположительные успехи в расчет не принимались, а через дробь указывались поврежденные корабли, разумеется, тоже подтвержденные двусторонними данными.

На сем откровениям в данной области отечественной историографии пришел конец. Подробной поименной расшифровки какого-нибудь варианта безликой суммы жертв своих доблестных «аллигаторов» народ так и не увидел. Не получили ее и в Кремле. Ни в открытом, ни в тайном варианте. Тем не менее ситуация для внимательного наблюдателя сложилась пикантная. «Горшковские» подсчеты почти не отличались от «секретных». И даже выглядели точнее и не столь «патриотично», так как делили итог на достоверную часть и предположительную. Но «тайный» трехтомник продолжали держать в спецхранах вплоть до развала Союза. Что дало отличный повод иностранцам еще не раз позубоскалить в отношении «особенностей русской ментальности». Но к тому времени на «забугорных» оппонентов уже махнули рукой. «Застойный» период Страны Советов входил в фазу маразма и похоронных маршей. В связи с чем проблемы исторических споров уже мало кого волновали. Ну а цифры «Морской мощи» до наступления горбачевской «гласности» затем повторяли все более-менее солидные издания, выпускавшиеся словно бы по инерции.

После перестройки идеологическое табу наконец-то сняли, но воспитанные десятилетиями инстинкты

и привычки «школы коммунистических летописцев» остались. В итоге полного поименного справочника корабельного состава и потерь Германии в нашей стране нет даже сейчас. По этой же причине все так же гуляют по страницам различных книг и журналов, выпускаемых под патронажем Министерства обороны анонимные «эсминцы», «транспорты», «сторожевики» и прочие суда, якобы потопленные нашими сноровистыми и умелыми моряками.

Впрочем, установить истину в этом вопросе даже по прошествию стольких лет — дело вполне реальное. Каждый корабль имеет свое место постройки, название, порт приписки, точную цифру водоизмещения, что отражено в соответствующих книгах, регулярно выпускающихся во всех цивилизованных странах. К тому же суда не иголки. Они все время на виду у соседей и утаить этапы их биографии или гибель практически невозможно. Требуется лишь желание знать правду. Но именно его-то и не наблюдается у тех, кто обязан заниматься такими вопросами в России по долгу службы⁴²³.

Самое грустное, что на «ненаучной фантастике» основываются и программы военных училищ. Поэтому и не стоит удивляться, когда в мирное время у нас вдруг тонут подводные лодки. Пока не стремление к объективному анализу, а великодержавные эмоции владеют умами большинства россиян, мы постоянно будем наступать на старые грабли.

ГЛАВА 19

«Я ПОГИБ ПОДО РЖЕВОМ», ИЛИ ПОЧЕМУ МАРШАЛ ЖУКОВ НЕ КОМАНДОВАЛ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВОЙ

Если посмотреть на карту Советского Союза периода Второй мировой войны и найти на ней города Ржев и Сталинград, то нетрудно заметить, что эти населенные пункты осенью 1942 года были соединены между

собой двумя непрерывными линиями — синей и красной. Первая подразумевает русло Волги, а вторая огнедышащую фронтовую черту, надолго задержавшуюся в то грозное время как в верховьях великой русской реки, так и в ее нижнем течении. Больше никаких связей между упомянутыми населенными пунктами, на первый взгляд, нет. Не найти их и в официальных историях Великой Отечественной войны — ни в старых советских, ни в нынешней российской. Ржев там лишь мимоходом упоминается при описании второстепенных «отвлекающих» сражений. Сталинграду же посвящены целые разделы в сотни страниц под громкими названиями «Беспримерная победа» и «Начало коренного перелома в ходе борьбы с фашистской Германией». Однако чем дальше в прошлое отодвигаются эти события, тем больше сомнений возникает в правильности канонических версий...

Силы противников

Начнем с того, что в военном искусстве выдающимися считаются только те победы, которые добыты не числом, а умением и малой кровью. Кроме того, (несмотря на сам факт успеха) важнейшее значение имеет, насколько полно были использованы все потенциальные возможности, предоставлявшиеся в ходе боев. При подобном подходе тезис о «беспримерном разгроме фашистов на Волге» сразу же начинает тускнеть. Достаточно взглянуть на соотношение сил. Всего на советско-германском фронте (включая участок от Балтийского до Баренцева моря) к концу осени 1942 года находилось около 3,3 миллионов немецких солдат и офицеров (Вермахт, войска СС, Люфтваффе, Кригсмарине). Кроме того, здесь же действовали армии немецких союзников — Финляндии, Венгрии, Италии и Румынии, насчитывавшие в общей сложности примерно 1 миллион человек. Боеспособность их, правда, была не велика. В отличие от гер-

манских войск «младшим партнерам» не хватало выучки. К тому же они были плохо моторизованы, испытывали острую нехватку тяжелого вооружения и вообще любой современной техники. Впрочем, особого изобилия в оснащении не наблюдалось и у немцев. Все противники Красной Армии располагали 51 700 орудиями и минометами, примерно 4000 танков и самоходных орудий и не более чем 2700 самолетами⁴²⁴.

Согласно официальной отечественной статистике, опубликованной в книге «Гриф секретности снят» (стр. 355, 357, 359), Советский Союз имел порядка 250 000 орудийных и минометных стволов, примерно 20 000 танков и около 20 000 самолетов. Численность людей в вооруженных силах страны превышала 10,6 миллионов⁴²⁵. Из этого количества на дальневосточной границе находилось 1,3 миллиона солдат, 12 728 орудий и минометов, 2526 танков, 3357 боевых самолетов⁴²⁶. Примерно столько же требовалось для обеспечения функционирования армейского механизма в тыловых округах. Все остальное могло войти в состав действующей армии. По последним данным, она достигала величины в 6,6 миллионов человек, имея на вооружении 120 445 орудий и минометов, 7567 танков и 8805 боевых самолетов⁴²⁷.

Кроме того в резерве Ставки: на ноябрь имелось пять общевойсковых армий, одна танковая, двадцать семь отдельных стрелковых дивизий, шесть стрелковых бригад, пять отдельных танковых и механизированных корпусов, четыре авиационных корпуса, четыре отдельные авиационные дивизии, пять отдельных авиационных полков⁴²⁸. О численном их составе сведений нет, но если оценить «на глаз», то это еще не менее 1 миллиона человек, более тысячи танков, около тысячи самолетов. В общем, отечественная статистика, как всегда, запутана. Но даже из ее «хитрых» цифр видно, что Красная Армия имела преимущество непосредственно на фронте и располагала мощными резервами.

Заметно улучшилась и мобильность войск. Постановки ленд-лизовских автомобилей резко подняли подвижность соединений, а присылка радиосредств повысила управляемость частей. Однако столь солидные количественные и материальные «плюсы» советской стороны по-прежнему в значительной степени скрадывались профессиональным превосходством немцев. Уровень подготовки солдат и офицеров Красной Армии за полтора года войны, хотя и возрос, но по-прежнему качественно уступал германскому. И это при том, что Вермахт уже лишился значительной части ветеранов еще довоенной выучки, на смену которым приходили гораздо хуже вымуштрованные новобранцы. Однако потери немцев все же еще не достигли того предела, когда количество переходит в качество. Вермахт вкупе с Люфтваффе продолжал оставаться на тот момент лучшей «силовой» машиной мира, руководимой наиболее талантливыми полководцами середины XX века. Правда, в советской военной верхушке одиозно бездарные фигуры — вроде К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного и С. К. Тимошенко — тоже уже уходили на задний план, а на первые роли выдвигались более способные люди, типа К. К. Рокоссовского и Н. Ф. Ватутина, однако степень их «искры божьей» тоже не следует переоценивать.

Таким образом, советским генералам по-прежнему оставалось надеяться лишь на победу числом, притом числом подавляющим. Для этого требовалось сосредоточить главные силы на каком-либо одном участке и именно там приложить основные усилия, чтобы нанести поражение неприятелю. Поэтому когда напор немцев ослабел и стало ясно, что так же, как и год назад, появляется возможность перехватить стратегическую инициативу у противника, перед Сталиным и его помощниками во весь рост встал вопрос: «Какое направление избрать главным на предстоящую кампанию?» К сожалению, документально аргументированное освещение данной темы в отечественной истори-

ческой науке по сей день отсутствует, а то, что написано мемуаристами при критическом анализе выглядит настолько неубедительно, что всерьез уже не воспринимается.

Направление главного удара

Почему же за прошедшие с той поры шестьдесят лет документы, раскрывающие замыслы советского командования, все еще не рассекречены?⁴²⁹ Это весьма странно, ведь их публикация только бы подчеркнула величие замыслов военачальников Красной Армии. Если эти планы, конечно, соответствуют тому, что полководцы написали в своих мемуарах. Но раз покров тайны вопреки здравому смыслу не снят, то волей-неволей закрадываются разного рода сомнения. Впрочем, так или иначе, а за неимением других источников первичную информацию все равно придется черпать из воспоминаний главных советских стратегов того времени — маршалов Жукова и Василевского⁴³⁰.

Намерения Ставки в книгах упомянутых авторов представляются следующим образом: главный удар наносится на юге, где путем проведения ряда последовательных широкомасштабных операций достигается разгром всего правого фланга неприятельского фронта. В центре, на московском направлении предпринимается отвлекающее наступление. При удачном стечении обстоятельств перед ним ставилась ограниченная цель «срезать» так называемый «Ржевский балкон» — большой выступ германских позиций, направленный к столице. Однако основная его задача — не дать Берлину снять для переброски на юг какие-либо войска. Еще один вспомогательный удар — прорыв блокады Ленинграда — намечался на севере. Силы, выделенные для него, в рамках узкого участка были, конечно, очень большие. Однако, в сравнении со всей массой Красной Армии, они

оказывались незначительными. Иными словами, все задумывалось в такой последовательности, как и случилось потом на деле.

Но в таком случае элементарные основы военной науки диктуют и концентрацию наиболее мощной группировки Красной Армии на юге. В противном случае гарантированы бессмысленные потери и угроза провала планов всей кампании. Вступают в противоречие с маршальской версией и те документальные цифры с фактами, что были опубликованы в последние полтора десятилетия советской власти. Первая информация к размышлению на данную тему появилась в 1976 году, когда увидел свет шестой том 12-томной «Истории Второй мировой войны». Согласно его сведениям (стр. 35), советские армии севера и центра (от Ленинграда до Болхова) на 19 ноября 1942 года имели в своем составе 3,1 миллиона человек, а юга (от Новой Калитвы до Черного моря), несмотря на гораздо большую протяженность их позиций, всего 1,9 миллиона. Схоже выглядит и соотношение военной техники — орудий 41 100 к 24 300, самолетов 1672 к 1408, танков 4464 к 1782. Последнее особенно странно. Ведь главная ударная сила тогда заключалась именно в танках, не говоря уж о том, что леса и болота северо-запада не лучшая арена для бронетехники — то ли дело приволжские или донские степи. И даже маршевое пополнение фронтовых частей за октябрь — ноябрь не в пользу юга — 152 000 человек к 170 000.

Следующий материал по этому вопросу появился в статье полковника В. Т. Елисеева, опубликованной в «Военно-историческом журнале» № 11 за 1987 год и сообщающей о том, что наибольшее усиление — более четверти своих стрелковых соединений — за октябрь — ноябрь 1942 года получил Калининский фронт, занимавший северный фас Ржевского выступа. Кроме того, если другие данные этой статьи «наложить» на информацию только что упоминавшегося 6-го тома «Истории», то можно узнать, что из двадцати танковых корпусов Красной Армии — основного инструмента раз-

вития стратегических наступлений тех лет, вводимого в дело после прорыва обороны, — на московском направлении находилось восемь, а на юге лишь пять. Аналогичная картина и с механизированными корпусами (также предназначавшимися для расширения первоначального успеха и оснащавшихся большим количеством танков). Юго-Западный и Сталинградский фронты имели по одному такому соединению, а Калининский фронт целых три.

В общем, армии, заслонявшие Москву и якобы готовившие отвлекающее наступление, намного превосходили в силах объединения, призванные, по официальной версии, нанести основной удар. Говоря проще, география расположения советских войск к началу зимней кампании 1942—1943 годов не позволяет сделать вывод о выборе южного фланга в качестве главного театра. Логика подсказывает, что на самом деле Кремль основные усилия решил сосредоточить на московском направлении, а контрудар под Сталинградом рассматривал как вспомогательный.

В пользу этой версии свидетельствуют еще несколько нюансов. Азы военной науки сродни правилам бокса, где наносить отвлекающий удар после основного считалось бы верхом глупости. Наступление под Москвой началось 24 ноября, а контрнаступление под Сталинградом 19-го. Чем объяснить, что «отвлекающий» удар наносился позже «основного»? Только тем, что основным был именно более поздний удар под Москвой.

Предполагаемый вариант, кстати, полностью снимает все загадочные вопросы относительно дат, которые отечественная историография вообще никак не объясняет. Например, почему такой большой промежуток времени прошел между окружением Сталинградской группировки немцев и продолжением наступательных операций Красной Армии в том районе? И почему войска для них пришлось спешно перекидывать с северо-запада (по пословице — в лес идти — собак

кормить), если основное наступление на южном направлении готовилось заранее?

Заметим также, что планированием и непосредственным руководством подмосковного наступления занимался лично «маршал победы» Жуков, уделяя ему много больше внимания, чем удару у Сталинграда, куда он лишь иногда наведывался в качестве координатора Ставки. Как бы мы не относились сегодня к этому человеку и его стратегическим дарованиям, не вызывает сомнений тот факт, что Сталин поручал ему операции, которые считал наиболее важными.

Еще аргумент — данные книги «Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР». Вообще-то, цифры по октябрю — декабрю в ней традиционно занижены, но нас пока интересуют не реальные величины, а соотношение безвозвратных потерь за 4-й квартал 1942 года — к убыли в тот же период в операциях южного фланга (стр. 143 к стр. 180, 182)⁴³¹. Ведь если на юге велись наиболее активные действия, то и главные потери должны быть там. Однако они не составляют даже половины от общей цифры. Где же еще в те месяцы мог работать такой огромный кровавый молох, если не под Москвой? Кроме юга и центра, серьезных боев больше нигде не было. Другое дело, что лишний раз вспоминать о неудачах отечественные авторы не любят. Немецкие же историки, кстати, до сих пор вопрос о месте главного удара в кампании 1942—1943 годов считают открытым. Недавно опубликован перевод книги Гроссмана «Ржев — краеугольный камень Восточного фронта» (Ржев, «Ржевская правда», 1997). В ней описывается, какой колоссальной силы удар отразил Вермахт в Подмосковье в ноябре — декабре 42-го.

Сомневаются в правдивости канонической советской версии Сталинградской победы и многие представители англосаксонской историографии. В последние годы особенно плодотворно работает над этим вопросом американец Дэвид М. Глентц⁴³².

Теперь, учитывая все вышеизложенное, попробуем реконструировать наиболее вероятный ход событий «Сталинградской» зимы и восстановить причинно-следственные связи, которые его обусловили. Попутно также порассуждаем о возможностях и перспективах, открывшихся бы перед Красной Армией в том случае, если бы ее командование выбрало иные варианты решения стоявших перед ним задач.

Итак, в середине осени 1942 года советские военачальники размышляли над вопросом, где им целесообразнее нанести главный удар. Северный участок от Мурманска до Ладожского озера отпадал сразу же, поскольку являлся второстепенным. Северо-запад и центр (от Ленинграда до Воронежа) в этом смысле выглядели более привлекательно. Но линия фронта там без особых изменений стояла уже долго, и неприятель успел хорошо укрепиться. А вот на юге фронт только недавно остановился, приобретя вид огромной дуги. Ее вершина пересекала Кавказ и почти упиралась в Каспийское море. Но самое главное, ее верхнее основание — 400-километровый отрезок по течению Дона от Воронежа до Сталинграда, обороняли лишь венгры, итальянцы и румыны, которые Красной Армии были «по зубам» даже без численного преимущества. От перспективы удара оттуда к Азовскому морю просто дух захватывает! В окружение попадала вся южная группировка армий врага — более трети его войск Восточного фронта! Такая грандиозная победа намного приблизила бы окончание войны и спасла миллионы жизней. Почему же тогда советское главнокомандование планировало основное наступление под Москвой? Ведь не могло же оно не видеть столь явных преимуществ южного направления?

Думается, здесь главное слово осталось за Сталиным. После бесконечной череды предыдущих поражений он все еще боялся внезапного броска неприятеля к столице: 150 километров для танков — не расстояние.

Кроме того «Верховный», вероятно, уже настолько разочаровался в своей армии, что просто не верил в ее способность успешно осуществить глубокий прорыв (от Среднего Дона до Таганрогского залива — свыше 300 километров). Да и потом, в случае удачи, требовалось еще удержать в «клещах» и затем уничтожить громадную группировку противника. Успешное выполнение подобной задачи, видимо, тоже представлялось сомнительным. Поэтому на юге решили ограничиться локальным контрнаступлением на сравнительно небольшом участке под Сталинградом. Советская разведка неправильно определила там численность врага. Даже в январе 43-го она докладывала, что в том районе — то есть в «котле»! — находится в три раза меньше войск неприятеля, чем это было в реальности⁴³³. Столь счастливая ошибка и послужила отправной точкой в выборе места будущего отвлекающего удара.

А вот задача «срезать» Ржевский выступ, если взглянуть на обстановку глазами того времени, действительно могла показаться более приемлемой. Здесь не требовалось осуществлять глубоких прорывов, а значит, и управлять войсками было намного проще. Кроме того, конфигурация железных дорог, ориентированных на столицу, позволяла быстро подкинуть подкрепления из центра страны, если бы немцы вдруг вновь ухитрились обрубить советские танковые клинья и устроить Красной Армии новый «котел» — что-то вроде «зимнего Харькова». Короче, некоторые плюсы у московского направления существовали. Правда, эти «плюсы» были из разряда тех, о которых не хвастаются, так как они рельефно подчеркивали профессиональные недостатки советских стратегов.

Таким образом, едва ли корректно винить германскую разведку в «нераскрытии» планов противника. Она совершенно верно определила место главного удара Красной Армии — на московском направлении. Другое дело, что берлинские аналитики недооценили способность советских войск восстанавливаться после разгромов. Гитлер, например, категорически отка-

зался поверить донесению, что месячное производство танков в СССР достигло 700 единиц⁴³⁴.

Первыми той осенью начали активные действия против «стран Оси» англичане. В ночь на 24 октября в Египте они перешли в наступление по всему фронту. К началу ноября сопротивление итало-немецких дивизий было сломлено, а их остатки спешно откатывались в Ливию, надеясь там закрепиться на каком-нибудь удобном рубеже. Но в ночь на 8 ноября американо-английские войска приступили к осуществлению плана «Торч» — крупномасштабного десанта в северо-западную Африку. В результате Гитлеру и Муссолини пришлось отправить туда часть последних своих скудных резервов, что еще более улучшило стратегические перспективы Красной Армии.

Именно на такой сценарий и рассчитывало советское командование, информированное Черчиллем заблаговременно. Теперь следовало с максимальной выгодой использовать благоприятный момент. И русская сторона Восточного фронта пришла в движение. Сначала был нанесен отвлекающий удар, вошедший в историю под названием «операции „Уран“». 19–20 ноября войска Юго-Западного (командующий генерал-полковник Ватутин), Сталинградского (генерал-полковник Еременко) и Донского (генерал-лейтенант Рокоссовский) фронтов обрушились на румынские части, располагавшиеся северо-восточнее и южнее Сталинграда. Эффект получился столь неожиданным, что в Кремле, наверное, даже не сразу поверили пришедшим с юга донесениям. Слабая оборона румын в первые же часы рухнула, словно карточный домик, и советские танки, вырвавшись на стратегический простор, покатались навстречу друг другу. 23 ноября они соединились, окружив находившуюся между румынскими войсками 6-ю германскую армию (генерал-полковник Паулюс). В «котле» оказалось около 300 тысяч солдат противника, из них немцев — примерно 220 тысяч. Однако важнее всего было то, что дальше — до самого Черного моря — перед Красной Армией лежа-

ли будто специально созданные для стремительных танковых бросков гладкие, как стол, степи. И войск у неприятеля, чтобы прикрыть их, поблизости не было. Ох, если бы операция «Уран» задумывалась не как вспомогательная! Тогда, вслед за первой волной наступавших, занятых сжиманием кольца окружения, в пробитую ими брешь на тылы кавказской группировки Вермахта рванулся бы второй эшелон танковых и механизированных корпусов. Но, увы! Резервы концентрировались на главном направлении — под Москвой.

Исход любой войны порой решается в часы и минуты. По таким «звездным» мгновениям и судят о степени таланта и квалификации военачальников. Среагируй советское главнокомандование на изменившуюся обстановку без промедления, многое еще можно бы было наверстать. Однако вместо того, чтобы только обозначить наступление в Подмоскovie, а все резервы оттуда скорее отправлять на юг, Сталин с Жуковым 24 ноября приказывают Калининскому (генерал-полковник Пуркаев) и Западному (генерал-полковник Конев) фронтам, как и замышлялось ранее, приступать к операции «Марс» — наносить главный удар в районе ржевского выступа. Но немцы-то — не румыны! В результате Красная Армия угодила в настоящую мясорубку. Оборонявшаяся там 9-я германская армия (генерал-полковник Модель) отбила все атаки.

Только после этого — в начале декабря Ставка, наконец, пересмотрела планы и утвердила проект операции «Сатурн» — ту самую попытку отрезать весь южный фланг противника, о которой говорилось выше. Тогда же начали перебрасывать к Сталинграду и часть резервов — из тех, что дислоцировались в оперативном тылу и, что характерно — северо-западнее того района, где их пришлось вводить в бой: например, 2-ю гвардейскую армию, 25-й танковый и 5-й механизированный корпуса.

Но потерянного времени-то не вернешь! За эти дни немцы, предельно оголив другие участки, успели со-

брать кое-какие войска, которые возглавил фельдмаршал Манштейн, и 12 декабря начали прорываться к окруженному Паулосу. В несколько дней они преодолели половину пути и столь триумфальный еще недавно успех «Урана» повис на волоске. Поэтому Кремль вынужден был отказаться от «Сатурна» и превратить его всего лишь в «Малый Сатурн» — угрозу тылам деблокирующей группировки Манштейна. Эта операция в истории Красной Армии известна еще как Среднедонская. Главную роль в ней играли войска Ватутина, буквально раздавившие оборонявшихся на берегах Дона (в его среднем течении) итальянцев. Солдаты Муссолини, также как и румыны, практически не имели противотанковых средств. Наступление здесь началось 16 декабря, а 24-го вперед пошел и получивший подкрепления Еременко. Манштейн вынужден был отступить, чтобы развернуться и оказать помощь легионерам дуче. Кольцо вокруг Паулоса, таким образом, удалось сохранить, но и немцы удержали «Ростовский коридор», по которому затем в январе 1943 года вытащили с Кавказа свои дивизии, спасая южный фланг от окружения и полного разгрома.

Трагический финал

Между тем, под Москвой «жуковское» наступление на позиции Моделя закончилось абсолютным крахом. Только после этого советское командование окончательно признало южный фланг главным, начав отправлять туда в конце декабря те резервы, что Пуркаев и Конев не успели «сжечь» в напрасных атаках: например, 3-ю танковую армию, 3-й и 10-й танковые корпуса. Последствие сего факта — хроническое запаздывание с каждым следующим этапом Сталинградской битвы. Если бы Среднедонская операция началась хотя бы на неделю раньше, контрвыпад Манштейна не состоялся бы вовсе, а итоги «Малого Сатурна» выглядели бы куда более впечатляюще, так как в полосу удара

не успели бы выдвинуться части 304-й, 306-й пехотных, 3-й горной, 7-й и 19-й танковых дивизий противника. Кроме того, удар бы наносился на Ростов и если бы даже не достиг Азовского моря, то к Северскому Донцу советская армия вышла бы непременно, а значит и «прыжок» к Днепру начался бы почти на два месяца раньше.

Но в суровой действительности Донской фронт получил долгожданные подкрепления лишь к 10 января. После чего и приступил к выполнению задержавшегося на полтора месяца из-за нехватки сил плана «Кольцо» — ликвидации окруженной 6-й армии Паулюса. Эта операция затянулась до 2 февраля. Одновременно Воронежский фронт (генерал-полковник Голиков) наконец приобрел возможность 12 января перейти в наступление против венгерских войск на Верхнем Дону. Выучка и степень организации венгров были лучше, чем у румын и итальянцев, но противотанковое вооружение у них также отсутствовало. И лавина советских «тридцатьчетверок» смяла, в конце концов, оборону мадьяр. Это сражение в истории Великой Отечественной носит название Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской операций. Немцы для затыкания образовавшейся огромной дыры сил не имели, и в начале февраля путь на Белгород, Курск и Харьков оказался, по сути, открыт.

Тем временем на северо-западе 12 января Ленинградский (генерал-лейтенант Говоров) и Волховский (генерал армии Мерецков) фронты двинулись навстречу друг другу — начали прорывать блокаду Ленинграда. Эта операция получила название «Искра». За три недели боев, имея подавляющее превосходство над противником в людях и технике и потеряв, по официальным данным, свыше 115 тысяч солдат и офицеров⁴³⁵, Красная Армия сумела «прогрызть» лишь узенький коридорчик длиной 15 и шириной 8 километров, который немцы, удержавшиеся на Синявинских высотах, полностью просматривали и простреливали. Как знать, может быть людей, polegших в приладожских

болотах в те январские дни, в конечном итоге и не хватило потом на юге? Ведь решающий стратегический разгром соединений Вермахта у Днепра наверняка бы повлиял и на положение под Ленинградом, вынудив немцев для изыскания резервов сократить линию фронта — отвести войска к Нарве и Пскову. Или, по крайней мере, сильно ослабить свою Прибалтийскую группировку. Это позволило бы прорвать блокаду немного позднее, но с куда меньшими потерями и большим успехом. Именно так, между прочим, и развивались события внутри «Ржевского балкона». Изыскивая дивизии для латания дыр на юге, германское командование в марте 1943 года вынуждено было очистить выступ и занять оборону не по дуге, а у основания — по прямой. Это уменьшило длину позиций, а заодно и породило вопрос: зачем маршал Жуков бессмысленно погубил здесь столько своих солдат, упрямо бросая их в лобовые атаки, когда появилась новая многообещающая перспектива? Закрадывается подозрение, что он раньше никогда не слышал о стратегии не прямых действий.

Бросается также в глаза, что опыт, получаемый ценой миллионов чужих жизней, советские полководцы усваивали очень медленно. Во всяком случае, зимой и весной 1943 года выводов из недавних ошибок они не сделали. Если посмотреть на карту №10 шестого тома 12-томной «Истории второй мировой войны», где обозначены планы Ставки на февраль, то увиденное, как минимум, озадачит. Вероятно, у советского командования от достигнутых с такой натугой успехов закружилась голова, поскольку оно вдруг решило, что сможет «взять в клещи» и разгромить буквально все группы армий неприятеля на пространстве от Ленинграда до Ростова. На чем основывались такие надежды, сказать трудно, тем более что на фронте уже практически не осталось участков, обороняемых германскими союзниками. А с немцами подобные фантазии, как уже много раз убеждала реальность, не проходили. Не стал исключением в этом смысле и февраль — март 1943 года.

Например, на северо-западе предполагалось уничтожить группу армий «Север». Основной удар должен был быть осуществлен 18 февраля южнее озера Ильмень на Псков и Нарву. Вспомогательный наносился 10 февраля под Ленинградом на Красный Бор. Но Красноборская операция сразу же захлебнулась в крови, и основное наступление к Прибалтике пришлось сначала переносить, а потом и вовсе отменять. Кстати, действия там «координировал» тоже маршал Жуков.

Удача «общему наступлению» сопутствовала опять лишь на юге, где оборона Вермахта по-прежнему напоминала «тришкин кафтан». Однако концовка «Сталинградской зимы» и здесь оказалась для советских войск трагической. Поскольку разбросанные по всему фронту резервы вновь не успели в нужные моменты на нужные участки, Манштейн, возглавивший к тому времени весь правый фланг германского Восточного фронта, не преминул этим воспользоваться, преподав наглядный урок на тему о том, как надо действовать при дефиците сил. Он не стал пытаться создавать сплошную линию обороны, а, перегруппировав войска, собрал несколько относительно крупных танковых кулаков (вот она — роль ускользнувших с Кавказа дивизий!) и бросил их в контрудар, подрезая советские клинья. Красноармейские генералы, чьи передовые части к 20-м числам февраля уже были к Днепру у Запорожья, немецкую перегруппировку расценили, как бегство неприятеля на Правобережную Украину⁴³⁶. И контрудар Манштейна стал для них ушатом холодной воды. Дабы избежать полного разгрома, советским войскам пришлось откатываться почти на 200 километров назад. Но всем уклониться от германских клещей не удалось. Хотя советские источники упорно отмалчиваются, немцы настаивают, что южнее Харькова 6 марта им удалось отрезать и уничтожить несколько крупных танковых соединений и кавалерийский корпус⁴³⁷. А вот о том, что 3-я танковая армия в самом Харькове попала в окружение, сообщается и в отечественной литерату-

ре. Правда, ее остаткам к 17 марта удалось пробиться к своим. Но сам город — так же, как Славянск, Белгород, Красноград и ряд других крупных населенных пунктов — пришлось снова сдать врагу. Подоспевшие наконец-то резервы остановили Манштейна только к апрелю. В результате его контрудара и образовался тот самый знаменитый Курский выступ, за который через три месяца разгорится одна из самых жестоких битв Второй мировой войны.

Краткие итоги

Неудачи февраля — марта 1943-го больше, чем на полгода, отодвинули освобождение Левобережной Украины. К тому же во второй раз путь от Северского Донца и от Миуса до Днепра получился и дольше, и кровопролитнее. Ошибки при выборе направления главного удара и очень медленная реакция на изменение ситуации стали главными причинами печального, но несомненного факта, гласящего, что советское главнокомандование не смогло извлечь максимальной выгоды из того исключительно благоприятного положения, которое сложилось к началу зимней кампании 1942—1943 годов. А закончило ее вообще на чрезвычайно минорной ноте. Кроме того, в ходе всех операций были понесены огромные и совершенно неоправданные потери.

В заключение остается лишь назвать полную цену зимы 1942—1943 годов в «железе» и человеческих жизнях. По данным «Грифа секретности...», советские вооруженные силы с 1 ноября 1942 года по 31 марта 1943-го потеряли убитыми и пропавшими без вести около 1,2 миллиона человек⁴³⁸. То, что эта цифра не соответствует истине, не вызывает сомнений⁴³⁹. Но насколько она занижает утраты, пока сказать трудно. Во всяком случае, еще не окончательные сведения негосударственного банка поименных данных по потерям вооруженных сил СССР в 1941—1945 го-

дах превышают генеральские отчеты в среднем почти в 2 раза. Так что в данном вопросе наверняка еще рано ставить точку. Безвозвратные потери немцев на Восточном фронте за этот же отрезок времени составили около 350 тысяч солдат и офицеров⁴⁴⁰. Итальянцы, венгры и румыны в общей сложности безвозвратно потеряли примерно 300 тысяч военнослужащих⁴⁴¹.

Теперь о потерях техники. Подсчитать урон немцев достаточно легко. Их статистика на данный счет весьма точна — погрешность различных источников в худшем случае достигает нескольких десятков танков или самолетов. Что для масштабов Второй мировой войны конечно же несущественно. Кроме того германские цифры по убыли боевых машин нисколько не противоречат другим данным — показателям выпуска новой продукции и отчетам по наличию оружия на разные даты. Поэтому подозрений в фальсификации здесь не возникает. Воспользуемся опять сведениями Мюллера-Гиллебранда⁴⁴². Он сообщает, что потери Третьего Рейха в танках и штурмовых орудиях с 1 ноября 1942 года по 1 апреля 1943-го составили 3889 машин. Впрочем, тут надо не забыть, что несколько сотен бронеединиц из этого количества приходятся на Африку.

Общепринятая статистика Люфтваффе «дает» для Восточного фронта в конце 1942 — начале 1943 года ежемесячные потери примерно в 350 боевых самолетов⁴⁴³. Значит, за пять месяцев — с ноября 1942-го по март 1943 получим где-то 1750 машин.

Аналогично прикинем утраты Советского Союза. Правда отечественная статистика настолько запутана и противоречит самой себе, что за истинность конечного результата ручаться трудно. Тем не менее попытаемся получить ответ на этот вопрос. Из «Грифа секретности» можно узнать, что СССР имел на 1 января 1943 года 21 900 боевых самолетов и 20 600 танков (стр. 357, 359). Седьмой том 12-томной «Истории Второй мировой войны» (М.: Воениздат, 1976. С. 33)

сообщает, что к 1 апреля у Красной Армии осталось всего 11 600 боевых самолетов и 9100 танков. Открыв предыдущий — 6-й том (стр. 353) подсчитаем производство за первый квартал 1943 года — 6372 боевых самолета и 5660 танков. К ним необходимо добавить примерно по 1 тысяче самолетов и танков⁴⁴⁴, присланных англо-американцами. Таким образом, получается, что за три первых месяца 1943 года советские войска потеряли более 17 500 боевых самолетов и около 18 000 танков. Нет оснований предполагать, что и полтора последних месяца 1942 года в процентном отношении потерь выглядели лучше. Вот такая арифметика.

ГЛАВА 20

ТИПИЧНО РОССИЙСКОЕ УБИЙСТВО

Большинство россиян — из тех, что жили в «застойные» времена, — наверное, еще не забыли каким шумным восторгом — даже специально написанными песнями! — было встречено в Советском Союзе появление книги Л. И. Брежнева «Малая земля». Особенно хорошо это событие помнится нынешнему поколению людей среднего возраста — тем, кому сейчас от 35 до 45 лет. Нас тогда заставляли в обязательном порядке на школьных уроках штудировать произведение Леонида Ильича и славать по нему зачеты. Конечно, подробности содержания вскоре вылетали из памяти, но главный смысл оставался — что-то о подвигах и солдатах-богатырях, которых вдохновлял на разгром врага сам будущий генсек ЦК КПСС. Потом, правда, грянула горбачевская перестройка и всем объяснили, что Брежнев был не столь блистателен как военачальник, а книги его щедро разбавлены всякими выдумками. К тому же и писал он их не сам — просто визировал уже готовый чужой текст.

Поэтому возникает вопрос: происходила ли в реальности та битва, в которой Леониду Ильичу при-

писывалась столь выдающаяся роль? И если да, то как развивались события на самом деле? Историю эту можно реставрировать, проанализировав мемуары тех, кто воевал на побережье Черного моря в феврале 1943 года. Написано их изрядное количество, поскольку в «брежневский» период правления произведениям о «Малой земле» «Воениздат» открыл настоящую «зеленую улицу». Цензура, конечно, выкидывала оттуда все, что могло бросить тень на «славное сражение», но некоторые любопытные факты все же проскакивали сквозь ее сито. Собранные воедино, они складываются во вполне отчетливую мозаику, название которой — еще одна забытая трагедия Великой Отечественной войны⁴⁴⁵.

В надежде на русское авось

После того, как Манштейн сумел спасти кавказскую группировку Вермахта, немцы на восточном побережье Азовского и Черного морей к концу зимы 1943 года оставили только свою не слишком многочисленную 17-ю армию, занявшую позиции от Кубани до Новороссийска. Такое количество людей, в отличие от более чем трети всех дивизий Восточного фронта, уже можно было снабжать из Крыма — через Керченский пролив. При этом они угрожали тылам всего южного фланга советских войск и поэтому привлекали к себе огромные силы Красной Армии, очень нужные в то время на других направлениях. В связи с чем советское командование раз за разом бросало в кровопролитные атаки все новые части, стремясь сбросить противника с кавказского плацдарма. Но продвинуться в результате многодневных боев удалось лишь на 200–300 метров. В этой ситуации высоким начальством было решено высадить в немецком тылу, западнее Новороссийска, морской десант. Изначально он задумывался несколько иначе — как помощь сухопутной армии, когда она прорвет основную

германскую линию обороны. Но поскольку наступление стало захлебываться, генералы надавили на адмиралов, заставив их бросить моряков в авантюрную атаку, не дожидаясь прорыва, — в надежде, что те, словно горчичник, оттянут на себя с сухопутного фронта часть войск противника и тем самым помогут конечному успеху армейского штурма. Такова вкратце предыстория брежневской «Малой земли».

Поскольку вспомогательная десантная операция для освобождения Новороссийска планировалась с самого начала зимы, то моряки имели на ее подготовку достаточно времени. Другое дело, что они явно не рассчитывали на роль заведомых смертников. Но у нас в стране флот традиционно подчиняется армии, а приказ — есть приказ, — его не обсуждают. И командующий Черноморским флотом вице-адмирал Октябрьский дал сигнал на непосредственную организацию заранее намеченных сил высадки к действию.

Началось все в ночь на 4 февраля. В первый эшелон высадки определили 83-ю и 255-ю морские стрелковые бригады, а также 323-й отдельный батальон морской пехоты, 563-й отдельный танковый батальон и особый пулеметный батальон. Вторым эшелонам шли 165-я стрелковая бригада вместе с отдельными авиадесантным и противотанково-артиллерийским полками. Всего около 17 тысяч человек, которых перевозили и прикрывали более 60 кораблей и около 150 самолетов. Если считать экипажи кораблей и летчиков, то всего для операции выделялось до 20 тысяч человек.

Главные силы десанта под командованием контр-адмирала Басистого (около 15 тысяч человек) высаживались у поселка Южная Озерейка. Для их прикрытия с моря и артиллерийского подавления береговой обороны выделялся отряд крейсеров и эсминцев, которым руководил вице-адмирал Владимирский. Вспомогательные десанты высаживались — морской в Цемесской бухте у Станички (около 900 человек), за что отвечал контр-адмирал Холостяков, а воздушный в глубине по-

бережья у поселка Васильевка (около 100 человек). Авиационное обеспечение десантных действий — прикрытие, огневая поддержка и транспортировка поручалась генерал-майору Ермаченкову.

Согласно плану, Южную Озерейку должны были сначала «обработать» бомбардировщики, потом крупнокалиберная артиллерия крейсеров и эсминцев, а затем уже непосредственно саму высадку обязывались поддерживать огнем канонерские лодки и другие более мелкие корабли. Но первыми десантировались и отвлекали на себя внимание неприятеля 323-й отдельный батальон морской пехоты у Станички и парашютисты, задачей которых являлось наведение паники в тылу врага.

Немцы поблизости от основного района высадки ни кораблей, ни авиации, ни танков не имели. Если быть совсем точным, то из германских войск там располагалась лишь 164-я резервная зенитная батарея (4 пушки). А оборону у Озерейки держал 53-й пехотный румынский полк. Таким образом, преимущество в живой силе и, особенно, в артиллерии с авиацией у наших моряков было подавляющее. Однако положение осложнялось тем, что советская морская пехота совершенно не имела брони — амфибий, десантных барж и других специальных высадочных средств. Солдатам приходилось прыгать в ледяную февральскую воду, на своем горбу под огнем выгружать боеприпасы и все другое снаряжение, а потом еще мокрыми вести бой на берегу. Конечно, Черное море теплее Ледовитого океана, но все же это не Африка. Впрочем, англо-американцы даже на «Черный континет» предпочитали десантироваться, используя специальную технику. Но в России начальство к подчиненным традиционно — еще с царских времен — относится как к «серой скотинке». Поэтому все мемуаристы генералы-адмиралы вообще забывают сообщить, каким образом вымокшие до нитки люди, по их мнению, должны были воевать зимой.

Анализируя все пятьдесят два морских десанта, высаженных советским флотом в 1941—1945 годах, нельзя избавиться от мысли, что отечественные адмиралы были органически не способны делать выводы из прежних неудач, поскольку они раз за разом упрямо повторяли одни и те же ошибки. И еще поражает, с какой щедростью эти люди губили подчиненных, бросая их в огонь и воду даже не во имя исправления собственных недочетов, а просто так, без всякого практического смысла. Видимо, число потерь служило оправданием в глазах начальства и доказательством проявленного усердия. Потом в воспоминаниях будет написано много общих слов о родине, о героизме и тому подобных вещах, но ни один человек не то что не покается — даже не усомнится в потоках напрасно пролитой по его вине чужой крови.

Причины этого, наверное, надо искать в национальном характере, так как те же солдаты — бывшее «пушечное мясо» — если им везло пробиться со временем на командирские посты, начинали вести себя аналогичным образом. С другой стороны, нельзя сказать, что планы составлялись глупцами. Корни неудач лежали не в замыслах как таковых, а в отвратительной организации — постоянном недоучете множества мелочей и отсутствии оперативной реакции на быстро меняющуюся боевую обстановку.

Не стала исключением и Южно-Озерейская операция. Посадка десантников на корабли происходила в Геленжике и Туапсе. По всем расчетам, суда должны были успеть подойти к месту главной высадки сразу после его бомбежки и обстрела крупнокалиберной морской артиллерией. Но приданные десанту 16 легких танков были погружены на четыре старые несамоходные баржи еще дореволюционной постройки. Буксировка их оказалась трудным делом и сорвала все расчеты сроков.

Когда величина опоздания стала приближаться к полутора часам, Басистый сообщил о непредвиден-

ной проблеме Владимирскому и попросил его задержать обстрел, но тут вмешался Октябрьский и запретил что-либо менять в первоначальном плане, мотивируя это тем, что летчики уже вылетели на задание. Таким образом, сброс парашютистов и отвлекающий десант в Станичку начались строго по графику. Также по первоначальному замыслу отбомбились авиаторы. Только крейсера с эсминцами отстрелялись немного позже. А затем наступила пауза. То есть противник был, по сути, предупрежден и получил время для подготовки к отражению атаки. К тому же бомбежка вышла неудачной — смертоносный груз лег далеко от цели. А корабли допустили ошибку в вычислении своего места в море и обрушили более двух тысяч снарядов не на Озерейку, а в лежащее правее пункта десантирования болото. В довершение всего отряд Басистого начал высадку в самом центре очага обороны противника.

Первыми к берегу рванулись шесть «малых охотников» с морскими пехотинцами авангарда — специального штурмового отряда. Но пляж, казавшийся до того безжизненным, сразу же осветился прожекторами и ракетами, а затем открыл ураганный огонь. Второй залп накрыл корабль, где находился диспетчер высадки капитан 3-го ранга Иванов. Судно взорвалось — все люди на нем погибли, после чего управление боем было окончательно потеряно. Канонерки и другие корабли с десантниками на борту, мешая друг другу, бестолково крутились в прибрежных волнах, получали повреждения, теряли людей, но не могли правильно организовать стрельбу, чтобы подавить огонь противника и начать планомерную высадку.

Свою лепту в путаницу внесли крейсера и эсминцы, также маневрировавшие рядом. Они чуть было не протаранили суда с десантом, наведя еще больший беспорядок. Поэтому получилось так, что сразу за штурмовым отрядом к берегу начали подходить наиболее уязвимые цели — баржи с танками. Конечно, если бы оборону в Озерейке держали не румы-

ны, а немцы, то высадиться не удалось бы вообще никому. Тем не менее, и румыны уничтожили все баржи. Однако несколькими танками удалось-таки сойти на берег. Под их прикрытием часть судов высадила примерно 1,5 тысячи морских пехотинцев, но большинство кораблей так и не сумело прорваться к пляжу.

Во время этой огненной свистопляски две канонерки вынужденно отошли немного западнее места боя и неожиданно обнаружили, что там противника вообще нет. Суда беспрепятственно десантировали свыше полутысячи человек, которые заняли побережье и остановились. Они могли ударить неприятелю во фланг или обойти с тыла, но по причине плохо организованной связи Басистый так и не узнал, что рядом уже захвачен плацдарм, и высадку можно перенести туда. Он только видел, что корабли его не могут подойти к освещенному боем участку — один за другим получают повреждения — горят и тонут, и поэтому отдал приказ на прекращение операции — отходить обратно в Геленжик и Туапсе.

Хорошо еще, что командиры канонерок, когда увидели сигнал отбоя, пожалели беспрепятственно высаженных ими морских пехотинцев и задержались, приняв их обратно на борт. А те десантники и танкисты, которые все же сумели зацепиться за берег у Озерейки и вели там бой, были просто-напросто брошены на произвол судьбы. Эти люди, видимо, прекрасно понимали, что они уже списаны «в расход» и поэтому помощи ждать обесмыслено. В связи с чем они решились на отчаянный шаг — прорываться по тылам немцев к сухопутному фронту. Самое удивительное, что шестерым удалось это сделать. Остальные попали в графу «потери». На месте боя и прорыва неприятель потом насчитал 630 трупов советских солдат. Еще 542 человека оказались в плену. Остальных, погибших еще в воде, унесло море.

Неудачный десант парадоксальным образом принес даже меньше потерь, чем могло быть при более успешной высадке. Дело в том, что командующий Черноморской группой войск Закавказского фронта генерал-лейтенант Петров в этот день вместо предполагавшегося усиления атак, почему-то вообще вдруг прекратил наступление на суше. Это предоставило командиру германской 17-й армии генералу Руоффу отличную возможность маневрировать силами. Поэтому, если бы Басистый и сумел закрепиться у Озерейки, то немцам никто не мешал перекинуть туда авиацию, которая без сомнения частью бы потопила, а частью отогнала наши корабли от места высадки. Затем туда же подтянулись бы и германские танки. После чего морскую пехоту, лишенную поддержки корабельной артиллерии, просто бы раздавили гусеницами.

Впрочем, в реальности никакой помощи, тем, кто попал в беду, тоже не оказали ни с моря, ни с воздуха. Не сбросили ни одного патрона. Не попытались подействовать каким-нибудь иным образом. Над подобными вопросами отцы-командиры даже не задумались. Советские летчики, не имевшие в воздухе неприятеля, хорошо видели, что на земле у Озерейки и в тылу у немцев продолжаются бои. Они докладывали об этом командованию, но генералы с адмиралами уже махнули на «смертников» рукой, поскольку были заняты более перспективной с точки зрения их личных карьер и судеб проблемой.

Дело в том, что отвлекающий десант у Станички неожиданно принес успех. Высаживался он через относительно узкую Цемесскую бухту и поэтому поддерживался не корабельной, а береговой артиллерией, уже хорошо пристрелявшей знакомые цели. Под прикрытием ее огня батальон майора Кунникова сумел переправиться, а затем и закрепиться на небольшом «пяточке». С точки зрения стратегии и тактики, он не сулил никаких выгод. Но начальство уцепилось за эту удачу, слов-

но тонущий за соломинку, поскольку в Москву требовалось докладывать хотя бы о небольших победах. К Кунникову погнали все подкрепления, какие только можно было найти. Так родилась «Малая земля».

Хотя сам плацдарм и в дальнейшем был, по сути, бесполезен и приносил только бессмысленные потери, держали его до самой середины осени 1943 года, направляя туда, через отлично простреливаемое врагом море, в огромных количествах людей, технику и прочее снаряжение.

Окончательно выбить немцев с Кавказа так и не удалось. В октябре они сами, практически беспрепятственно, эвакуировали 17-ю армию в Крым и использовали ее потом в качестве заплаток для затыкания дыр на других участках фронта.

На этом, в принципе, историю о «Малой земле» можно бы было и закончить, если бы не вопрос: «А при чем же здесь Брежнев?». Разве мог какой-то полковник — начальник политотдела, обязанности которого заключались лишь в том, чтобы следить за моральным состоянием солдат, быть виновным в недочетах операции, разрабатывавшейся и проводившейся множеством генералов и адмиралов? Конечно, Леонид Ильич здесь ни при чем. Просто к середине 70-х годов он уже превратился в непогрешимого вождя, и даже упоминание его имени при описании неудачных десантов казалось немислимым. Поэтому они из заурядной бессмысленно-кровавой операции под перьями придворных летописцев превратились чуть ли не в решающую кампанию всей Великой Отечественной войны.

ГЛАВА 21

КУРСКАЯ ДУГА БЕЗ ПОЗОЛОТЫ

Говорят, что в России даже судьбоносные события материалом для историков по-настоящему становятся только тогда, когда умирают все их высокопостав-

ленные участники, а дети и внуки этих ветеранов уходят от рычагов власти на пенсию. Если это так, то вряд ли надо удивляться тому, что история Второй мировой войны у нас в стране так до сих пор и не воссоздана...

Общеизвестно, что всю вторую половину лета 1943 года — с начала июля и до конца августа — между городами Орел и Харьков — там, где Среднерусская возвышенность граничит с украинской степью, гремело ужасающей канонадой одно из самых кровопролитных сражений XX века, вошедшее в историю под названием Курская дуга. Но каков был ее истинный облик? В Советском Союзе сразу же после своего завершения Курская битва была объявлена не просто выдающейся победой Красной Армии, но «уникальным вкладом в развитие общемирового воинского искусства». Западные специалисты обычно соглашаются, что смерть в те летние дни на просторах Восточной Европы действительно собрала богатую жатву. Но вот достижения сталинских стратегов они оценивают, мягко говоря, куда сдержаннее.

Определить правого в этом споре не представлялось возможным более полувека, поскольку отечественные архивы все это время оставались закрытыми. Однако ныне с необходимых документов наконец-то снят гриф секретности, и каждый сам может попытаться расставить все точки над *i*.

Силы и планы сторон

Хронологический экватор Второй мировой войны как известно пришелся на летне-осенние месяцы 1942 года и совпал с наивысшим пиком успехов вооруженных сил Германии, Японии, Италии и их мелких союзников. Не было, наверное, в странах антигитлеровской коалиции человека, которого бы в тот период не одолевала тревога за исход глобальной мировой схватки. Конечно, сейчас любой школьник может объяснить, что с крахом германского «блицкрига» против СССР

и вступлением в войну экономического сверхгиганта в лице США у «оси» Рим—Берлин—Токио не осталось даже призрачного шанса на окончательный успех: настолько более мощным был совокупный потенциал ее противников. Но тогда, когда японцы вышли на подступы к Австралии и Индии, а немецкие танки через предгорья Кавказа рвались навстречу своему Африканскому корпусу, мало кто мог подумать, что это — последние крупные победы «самураев» и «нибелунгов», обусловленные исключительно талантом немецких генералов и традиционной выучкой германских войск, оттянувших на себя главные силы многочисленных противников со всех театров.

Но пределы возможного есть и у суперпрофессионализма. Несопоставимое превосходство антифашистского блока в людских и природных ресурсах, а также в выгодном географическом расположении, все же сыграло решающую роль. К концу осени 1942 года перенапряжение военной машины Третьего Рейха перешло критическую черту. В результате ситуация резко и кардинально изменилась, обернувшись поражениями Вермахта на юге России и в Африке. Оказалась проигранной англосаксам и грандиозная «битва за Атлантику». После чего про стратегические крупномасштабные наступления «странам оси» пришлось забыть. Все мечты о лучшем будущем они отныне связывали лишь с перспективой неизбежных, как им казалось, разногласий в неприятельском стане. Поэтому к середине 1943 года оборона с целью выигрыша времени превратилась в главную задачу Берлина и его сателлитов.

Для ее решения на Восточном фронте (включая участок от Балтийского до Баренцева моря) немцы (Вермахт, войска СС, Люфтваффе, Кригсмарине) сумели сосредоточить к началу второго летнего месяца около 4 миллионов человек⁴⁴⁶ — из 9,5 миллионов, находившихся у них тогда «под ружьем»⁴⁴⁷. Рядом с ними в окопах сидело порядка 300 тысяч солдат союзных нацистам армий — главным образом румын и финнов⁴⁴⁸. Все вместе они имели 54 300 артиллерийских и миномет-

ных стволов⁴⁴⁹, 4 тысячи танков и 2980 самолетов⁴⁵⁰. Создать сколько-нибудь значительные резервы из столь скудных сил, разбросанных по огромной территории от Мурманска до Новороссийска, возможным не представлялось.

Красная Армия выглядела намного внушительнее. По официальной статистике она насчитывала 11,5 миллионов бойцов. Еще солиднее смотрится ее общий арсенал — почти 300 тысяч орудий и минометов, около 20 тысяч танков и самоходок, примерно 20 тысяч самолетов⁴⁵¹. Из всей этой военной массы для нейтрализации японцев на Дальнем Востоке дислоцировалось 1,2 миллиона человек, 14 тысяч орудий и минометов, 2400 танков и 4 тысячи самолетов⁴⁵². Почти все остальное готовилось к предстоящим боям. Согласно данным тех же источников действующая армия имела 6 612 000 человек, 105 000 орудий и минометов⁴⁵³, 10 199 танков и самоходок, 10 252 самолета. Резерв Ставки состоял из 1 111 000 человек, 16 782 орудия и миномета, 2688 танков, 662 самолета⁴⁵⁴. Ресурс маршевого пополнения, подготовленного для отправки на фронт, по неполным данным составлял около 500 тысяч человек⁴⁵⁵.

Таким же впечатляющим превосходством над фашистами обладали и союзники СССР, собиравшиеся в ближайшее время высадиться на территории Италии. Одна лишь угроза этой операции осложняла для Гитлера обстановку и на Восточном фронте, поскольку вынуждала спешно перебрасывать часть войск из российской группировки — и без того малочисленной — в Европу. Так, за июнь 1943 года только количество боевых машин Люфтваффе в России уменьшилась на 700 единиц⁴⁵⁶. Однако в смысле профессиональной подготовки германские войска по-прежнему выглядели наголову выше красноармейцев. Поэтому Берлин на Восточном фронте, в отличие от Западного, пассивно отбиваться не собирался, а спланировал относительно крупное наступление, рассчитывая в ходе его переломить значительную часть соединений советской

действующей армии и резервов, собранных для штурма рубежей германской обороны.

Местом проведения этого ограниченного наступления была избрана Курская дуга – выступ советско-германского фронта, врезавшийся в немецкое расположение между Орлом и Харьковом гигантским «балконом» длиной и шириной более чем по 100 километров. Его предполагалось «срезать» встречными «клиньями», окружив и уничтожив находившиеся там войска. С севера удар наносили часть дивизий (9-я полевая армия)⁴⁵⁷ группы армий «Центр», которой командовал фельдмаршал фон Клюге. Непосредственно руководить наступлением должен был генерал Модель. Навстречу ему ударную группировку (4-ю танковую армию⁴⁵⁸ и оперативную группу «Кемпф»⁴⁵⁹) группы армий «Юг» вел сам ее командующий – фельдмаршал фон Манштейн. Между ними располагалась 2-я полевая армия⁴⁶⁰. В ее задачу входило сковывать Красную Армию на «фасаде» Курского «балкона». С воздуха наземную группировку поддерживали части 4-го и 6-го воздушных флотов. План получил название «Цитадель». Германские войска, сосредоточенные для его воплощения в жизнь, состояли из 50 дивизий – 34 пехотных, 14 танковых, 2 моторизованных. Они располагали приблизительно 10 тысячами орудий и минометов, 2772 танками и штурмовыми орудиями (в группе «Центр» – 1026, в группе «Юг» – 1746)⁴⁶¹ и примерно 1830 боевыми самолетами⁴⁶². Личный состав, собранных вокруг Курска войск, насчитывал примерно 900 тысяч человек⁴⁶³. Советское командование – впервые с начала войны – сумело разгадать вражеский замысел. Правда, полной уверенности у Ставки в этом не было. Поэтому в кремлевских кабинетах ситуацию оценивали как в высшей степени тревожную и, опасаясь повторения сценария многочисленных катастроф прошлых лет, решили на ближайшее время отказаться от активных действий. С середины весны красноармейцы и мобилизованное местное население старательно работали лопатами, возводя укрепления на сотни километров вглубь от

передовой. А в сравнительно небольшом районе курского выступа сосредотачивалась невиданная дотоле по плотности группировка: свыше 2 миллионов солдат, не менее 28 285 орудий и минометов (с зенитной артиллерией, но без 50-мм минометов), 4995 танков и самоходок, около 3 тысяч самолетов. Эти войска подразделялись на фронты — Центральный (генерал-полковник К. К. Рокоссовский), Воронежский (генерал армии Н. Ф. Ватутин), Степной (генерал-полковник И. С. Конев). Кроме них в ближнем тылу сосредотачивались дополнительные многочисленные резервные армии и более мелкие соединения⁴⁶⁴.

Русский Верден

План советского командования, конечно, нельзя назвать шедевром военного искусства. Он основывался не на тактических изысках ратного мастерства, а на простой идее использования численного преимущества — притом оборонительного, а не наступательного, — и на надежде, что в бесконечном лабиринте укреплений Вермахт забуксует, завязнув в горах земли, бетона, железа и солдатских тел. После того как немцы выдохнутся, предполагалось перейти в стремительное контрнаступление — разгромить и отбросить обескровленного неприятеля как можно дальше к границе.

Курская битва началась рано утром 5 июля. Немецкие клинья мощными таранами обрушились на войска Рокоссовского и Ватутина. Оба фронта затрещали, однако все же выдержали первый удар. После этого германские дивизии сменили тактику и принялись планомерно расшатывать советскую оборону, бросив в бой новейшие образцы вооружения — авиационного, артиллерийского, стрелкового. Самые большие ожидания гитлеровцы связывали с танками и самоходными орудиями — главной ударной силой сухопутных войск той эпохи. Одно из основных мест при этом

отводилось «тиграм», «пантерам» и «слонам» — последним моделям бронетанковой техники.

Но германская промышленность уже не могла обеспечить необходимым количеством машин все театры боевых действий. Статистика свидетельствует, что около 2600 танков и штурмовых орудий Вермахта в начале июля 1943 находились в различных районах Германии и оккупированной ею территории Западной и Центральной Европы⁴⁶⁵. Окажись хотя бы часть из них под Курском — трудно сказать, как бы развивались там события. Еще более показательна ситуация с авиацией. Свыше половины наличного состава Люфтваффе действовали против союзников, неся там куда большие потери, чем в России. К примеру, если за июль 1943-го над Курской дугой немцы потеряли 588 самолетов, то в боях с англо-американцами за Сицилию в том же месяце они недосчитались 711 крылатых машин, а в битве над Гамбургом — с теми же англосаксами — в это же время потеряли еще 528 авиаединиц⁴⁶⁶. Столь серьезный суммарный урон превысил возможности воспроизводства. Следует также добавить, что к июлю немецкие заводы успели выпустить не так уж и много нового вооружения.

Из танков под Курск смогли попасть всего 178 «тигров», 204 «пантеры» и 90 «слонов» (последние, строго говоря, являлись не танками, а истребителями танков — «старшим родственником» наших самоходно-артиллерийских установок, и в бывшем Советском Союзе были более известны под наименованием «фердинанд»). Вся остальная бронетанковая техника Вермахта состояла из машин старых марок.

Тем не менее, первые дни битвы особого оптимизма в сердца красноармейских генералов не вселили. Немцы, хотя и медленно, однако неотвратимо преодолевали глубоко эшелонированную оборону. Советская сторона сразу же начала бросать в бой громадные резервы. Своей кульминации кризисная обстановка достигла к 12 июля. Именно в этот день состоялось знаменитое танковое сражение под Прохоровкой, тради-

ционно, еще со сталинских времен, трактуемое у нас в стране, как несомненная и решительная победа над гитлеровцами. Впрочем, если принять за критерий оценки материальные итоги боя, то вывод напрашивается иной.

Основу советских бронетанковых войск составляли средние танки Т-34, которые в 1941 году по всем параметрам превосходили германскую технику. Однако проведенная немцами в 1942 году модернизация своих старых машин лишила «тридцатьчетверки» былого преимущества, а появление у неприятеля новейшего бронированного «зоопарка» вообще резко изменило ситуацию. Использовать прежнюю тактику боя было уже нельзя. Известнейший писатель-фронтовик Василь Быков, вспоминая те дни, рисовал следующую печальную картину: «Средний танк Т-34, в общем неплохой, маневренный, с хорошим и сильным двигателем, имел слабую броню и при скверной 76-мм пушке становился легкой добычей немецкого противотанкового оружия и особенно тяжелых танков типа «тигр». Преимущество последних особенно проявлялось в обороне, при отражении наступления наших «тридцатьчетверок». Великолепная цейсовская оптика и мощная пушка позволяли «тиграм» с дальнего расстояния расправляться с десятками наших наступающих танков. Советские танкисты прямо-таки плакали с досады, когда наш танковый батальон, едва начав атаку (особенно на равнинной местности), попадал под огонь замаскированных где-нибудь в садках и сельских строениях «тигров». Сразу загоралось несколько машин, подбитых танковыми болванками из «тигров», в то время как сами «тигры» оставались неуязвимы из-за дальности расстояния до них. Нередко происходили случаи, когда атакующие, поняв, что сблизиться на расстояние прямого выстрела не успеют, покидали машины и под огнем возвращались на исходный рубеж. Пока они его достигали, их машины уже горели. В конце концов, разгадав крамольную уловку танкистов, командование отдало приказ привлекать к суду

военных трибуналов экипажи, вышедшие из огня в полном составе. Тогда танкисты пошли на новую хитрость: стали подъезжать к противнику ближе и покидать машины уже под пулеметным огнем из танков. Кто-то из них погибал или был ранен в открытом поле, но кое-кому удавалось пробраться к своим. Из подбитой же — подожженной машины шансов выбраться было сравнительно меньше»⁴⁶⁷.

Первыми выход из этого отчаянного положения нашли войска Рокоссовского, отбивавшиеся от дивизий Моделя на северном фланге «огненной дуги». Будущий министр обороны Польши после нескольких неудачных встречных боев запретил бросать «тридцатьчетверки» в лобовые контратаки, приказав их использовать только из засад и укрытий в боевых порядках пехоты. Результаты не замедлили себя ждать. Противник, продвинувшись всего на полтора десятка километров, начал выдыхаться. Но на юге, где фронтами руководили Конев и Ватутин, продолжали с упрямством, достойным лучшего применения, встречать атаку атакой, несли колоссальные потери и сдавали один рубеж за другим. Кстати, и пропорция потерь в людях на севере по официальным данным составляла «все-го» 1:1,5 в пользу немцев, на юге же достигала величины 1:7,5.

Именно в таком ключе развивались и события под Прохоровкой 12 июля 1943 года, когда, пытаясь выправить положение, на острие германского бронированного клина кинули 5-ю гвардейскую танковую армию генерала Ротмистрова. Сражение превратилось в истребление советских танкистов, которые обреченно продвигались по открытой местности, безуспешно пытаясь подобраться к противнику для выстрела в упор — то есть, на ту дистанцию, с которой их пушки могли пробить броню неприятеля.

Что касается статистики этого боя, то во всех работах советских авторов указывалось, что у Прохоровки сражалось полторы тысячи машин — 800 наших и 700 немецких. Из них Красная Армия якобы

потеряла около 300, а противник — более 400 единиц. Однако опубликованные ныне документы обеих сторон рисуют совершенно иную картину. С германской стороны в битве участвовал 2-й танковый корпус СС (дивизии «Лейбштандарт», «Тотенкопф», «Райх») имевший около 65 тысяч солдат, 268 танков (в том числе 30 «тигров») и штурмовых орудий. Ему противостояли советские 5-я гвардейская танковая армия и 5-я гвардейская общевойсковая армия, располагавшие в сумме 130 тысячами бойцов, а также 995 танками и самоходно-артиллерийскими орудиями⁴⁶⁸.

В результате сражения к вечеру части Красной Армии были отброшены с занимаемых позиций на несколько километров. Потери немцев составили 842 человека убитыми, пропавшими без вести и ранеными, 30 танков, из них всего 1 «тигр». Советские армии лишились 10 тысяч человек и 341 единицы бронетехники⁴⁶⁹.

Узнав о таких итогах боя, Сталин пришел в ярость и хотел отдать командующего 5-й гвардейской танковой армией генерала Ротмистрова под трибунал⁴⁷⁰. Однако затем соображения престижа и пропаганды перевесили. К тому же и большинство других советских стратегов под Курском проявили себя не лучше. Поэтому Прохоровку просто объявили... победой. Тем не менее, согласно секретному приказу Верховного, была создана комиссия для расследования причин столь серьезного фиаско. В ее выводах действия обеих армий 12 июля назывались «образцом неудачно проведенной операции»⁴⁷¹.

Конечно, и у Рокоссовского, с точки зрения классического военного искусства, соотношение потерь выглядит удручающе. Ведь по правилам строгой науки обороняющийся — да еще и при условии численного превосходства над врагом — просто не имеет права терять больше наступающего противника, тем более, в полтора раза. Однако в данном случае, учитывая уровень подготовки Вермахта и Красной Армии, подобный результат следует признать оптимальным.

Как бы то ни было, Рокоссовский все-таки остановил немцев, а Конев с Ватутиным продолжали отступать и после фиаско у Прохоровки. В итоге к середине июля советские войска в Курском выступе оказались в полуокружении, и дело запахло новым крупным поражением.

Помощь с Запада

Впрочем, даже проигрыш битвы на «огненной дуге» в катастрофу для Москвы превратиться не мог. Германия, как уже говорилось выше, просто не имела сил для развития успеха. Но и локальный разгром грозил Сталину потерей престижа в глазах союзников, начавшего расти лишь недавно. Как бы развивались события в случае, если бы немцы выиграли Курскую битву, ныне можно только гадать. Поскольку в критический момент сражения англо-американцы поставили Гитлеру стратегическую «подножку», начав 10 июля десантную операцию с целью высадки на территорию острова Сицилия. Иными словами, первый участок долгожданного «Второго фронта» в Западной Европе был открыт.

13 июля фюрер вызвал к себе в «Волчье логово», расположенное в Восточной Пруссии, Манштейна и Клюге. На совещании между ними было решено, что изменение обстановки в Европе вынуждает немедленно свернуть «Цитадель». Приказ на прекращение наступления и отход на исходные позиции вышел 15 июля. Поэтому немцы считают битву окончившейся именно в этот день. Советской историографии сия дата очень не нравится, так как имевшиеся в наличии к середине лета итоги боев свидетельствовали о поражении, что называется, «по очкам». В связи с чем отечественные ученые «продлевают» сражение до 23 августа, включая в него наступление Красной Армии, начавшееся после полумесечной паузы, предоставленной Вермахтом, в течение которой полуразгромленные фронты

Конева и Ватутина были пополнены и приведены в порядок. Тем не менее, все попытки прорвать германскую оборону на значительную глубину до самого начала осени успехом не увенчались, приведя лишь к наиболее кровопролитному для наступающих фронтальному выталкиванию неприятеля из сравнительно незначительных районов, прилегающих к Орлу и Харькову. Об этом наши специалисты до сих пор стараются не упоминать. Как и о том, что якобы «обескровленные» на Курской дуге германские танковые дивизии (входившие в СС — «Лейбштандарт», «Райх», «Тотенкопф» и 3-я Вермахта) без какой бы то ни было паузы и серьезного пополнения отправились сражаться в Италию и в полосу советского Южного фронта.

На Апеннингах эсэсовцы изрядно потрепали нервы союзникам, а у Азовского моря нанесли контрудар и, ликвидировав плацдарм на реке Миус, захватили в плен около 18 тысяч красноармейцев⁴⁷². В то же время будто бы «обескровившие» немецких танкистов войска Воронежского и Степного фронтов приходили в себя вплоть до 3 августа. Маршал Жуков в своих мемуарах очень хорошо объясняет необходимость «оперативной паузы» для Воронежского и Степного фронтов. Только вот почему-то забывает написать об истинных причинах их «паралича», а равно про то, что своим вынужденным почти трехнедельным бездельем упомянутые фронты очень помогли германской армии отвести угрозу на других участках.

Данный момент также является «больным зубом» отечественной историографии. Уж очень не хочется нашим ученым мужам признать, что миллион немецких солдат без крупных подкреплений сражался в Курской битве больше полутора месяцев.

С 12 июля, когда в контрнаступление перешли вдобавок к Центральному фронту, еще Брянский и часть Западного, в сражение вступили 203 танка, 2 тысячи артиллерийских стволов и примерно 250 тысяч человек 2-й танковой армии Вермахта. Против них было брошено около 650 тысяч красноармейцев, 12 600 ору-

дий и минометов, 1400 танков, 2300 самолетов. После этого Манштейн и Клюге, отражая натиск столь мощной лавины, лишь маневрировали имевшимися у них под руками с самого начала наличными силами. Со своей стороны, советские стратеги вводили в бой новые резервы: 3-ю гвардейскую, 11-ю общевойсковую, 4-ю танковую армии, а также отдельные корпуса — пять танковых, один механизированный, один кавалерийский, одиннадцать отдельных дивизий.

Не менее щедрая поддержка была послана и на южный изгиб курского «балкона» — Ватутину с Коневым. Они получили 4-ю гвардейскую, 47-ю и 57-ю общевойсковые армии, танковый и механизированный корпуса, девятнадцать отдельных дивизий и две бригады. По советским данным, численность свежих войск, подкинутых в огонь битвы, на обоих флангах составила 363 тысячи человек, 13 тысяч орудий и минометов, 1800 танков, 2 тысячи самолетов. Кроме того, под Курск была отправлена львиная доля пополнения, полученного действующей армией за июль — август 1943 года в количестве 456 700 душ⁴⁷³.

Некоторые итоги

Конечно, замысел «Цитадели», как и все прошлые предприятия нацистской верхушки, являлся по большому счету авантюрой, рассчитанной на исключительную бездарность всех без исключения советских генералов и благоприятную ситуацию на Западном фронте. Гитлер явно игнорировал тот факт, что боеспособность Красной Армии, по сравнению с 1941—1942 годами, заметно возросла, а Вермахт, напротив, начал терять свои лучшие качества. Тем не менее, статистика потерь на «огненной дуге» красноречиво отражает все еще огромную разницу в квалификации противоборствующих сторон. Все советские фронты, принимавшие участие в Курской битве, недосчитались убитыми и пропавшими без вести с 5 июля по 23 августа 254 тысячи

человек⁴⁷⁴. Обе немецкие группы армий — 57 700 солдат⁴⁷⁵. Потери советской авиации полностью пока еще не опубликованы⁴⁷⁶. Известно только, что всего за четыре дня с 5 по 8 июля они составили 566 самолетов⁴⁷⁷. Убыль «Люфтваффе» за этот же срок — 60 машин⁴⁷⁸. Разница в утрате танков официально рассекречена: 6064 советских бронеединицы⁴⁷⁹ против 1300 германских⁴⁸⁰, из них всего 73 «тигра», 127 «пантер» и 39 «слонов»⁴⁸¹.

Если объективно оценивать стратегические последствия сражения и сравнить их с задачами, которые обе стороны пытались решить, планируя будущие операции, то нельзя не признать, что в известной степени немцам удалось добиться желаемого. В частности, выиграть время. Вплоть до осени Красная Армия не смогла сколько-нибудь серьезно продвинуться вперед и значительная ее часть оказалась перемолотой в полуторамесячном побоище. Большинство соединений пришлось буквально реанимировать — заново оснащать техникой и пополнять людьми. Пока подтягивались новые, недавно сформированные резервы и проводились необходимые перегруппировки, лето было потеряно.

В связи с этим для отечественной историографии характерно желание ограничить рассмотрение событий войны в июле — августе 1943 года одной лишь Курской битвой, не упоминая о попытке других широкомасштабных атак, в частности, большого наступления на всем южном крыле советско-германского фронта. Напомню, что 17 июля к активным действиям перешли Юго-Западный и Южный фронты, атаки которых были успешно парированы немецкими танками уже упомянутым выше контрударом на реке Миус.

Неудачно развивались события и на московском направлении, где Западный и Калининский фронты с 7 по 20 августа пытались осуществить прорыв на Смоленск и Рославль. Абсолютно никаких результатов, кроме огромных потерь, не принесло также крупное летнее наступление под Ленинградом, начавшееся

22 июля и продолжавшееся до конца августа. Скорее всего, погибших в разных районах резервов, и не хватило под Курском для полноценного разгрома немцев. Создай советское командование еще большее превосходство в силах, и с самого начала не отдавай инициативу неприятелю, тогда в итоге спустя некоторое время сложилась бы ситуация, в которой Манштейну с Клюге просто нечем бы было отразить напор мощного «катка». Но наука правильной войны с трудом усваивалась Сталиным и его воеводами. Дивизии, как и в прошлые кампании, опять расплыли практически по всем фронтам. В результате Красной армии вновь пришлось, теряя время, приводить войска в порядок, перегруппировываться и пополняться.

Подводя итог Курской битвы нельзя не сказать несколько слов и о природе тех эмоций, которые сформировали ее образ в советско-российской версии изложения Второй мировой войны, так как даже простое сравнение официальной статистики состава войск и потерь неизбежно порождает вопрос: «Почему же Курская дуга в отечественном восприятии сразу же окуталась ореолом небывалой победы?» Думается, что причины здесь кроются, прежде всего, в области коллективной психологии. Общественное мнение Страны Советов питалось скрупулезно отредактированной информацией. Но те, кто определяли ее основные параметры, прекрасно понимали, что кошмар поражений первых лет войны обусловлен не преимуществом врага в численности и технике (о чем постоянно трещала официальная пропаганда), а его превосходством в профессионализме. Поэтому неуверенность в собственных силах и страх новых катастроф постоянно витал над ними. Отсюда и та буйная радость, когда немцы прекратили наступление. И бесподобное ощущение собственной «крутизны», когда начало приходить осознание, что «германец уже не тот». В отличие от прошлых лет численное преимущество над ним, при условии координации действий с союзниками, уже гарантировало успех. Ну а «пушечного мяса» в стране было еще достаточно...

КТО КОМУ ПОМОГАЛ?

Уже свыше десяти лет каждый год в конце лета в Мурманске, Архангельске и Петербурге собираются моряки из стран антигитлеровской коалиции. Сами они называют эти встречи «Братством Северных конвоев». Время неумолимо, и с каждым разом ветеранов, увы, становится все меньше. Однако те, кто еще имеет силы, вновь обязательно приезжают, чтобы увидеть старых товарищей по оружию и на несколько дней вернуться в уже далекую военную молодость, когда они под разными флагами добывали ОДНУ ОБЩУЮ ПОБЕДУ.

К сожалению, совершенно иначе обстоит дело в историографии. За годы холодной войны летописцы бывших союзников вылили друг на друга ушаты грязи. Особенно преуспели в этом занятии отечественные «бойцы идеологических фронтов». Это, в первую очередь, конечно же, объясняется спецификой советского режима, отгородившегося от всего мира «железным занавесом» и превратившего историческую науку в «приводной ремень партии и правительства». Итоги этих бумажных сражений печальны. Среди них — далеко не безвредная, как может показаться на первый взгляд, потеря способности адекватно воспринимать реалии. Даже сейчас, когда на официальном уровне в России все-таки стали вспоминать, что дрались мы против Германии не одни, говорится это так, словно делается одолжение Западу, с которым мы теперь вроде бы как снова дружим. Большинство россиян по-прежнему твердо уверено, что победа одержана нашей страной, по сути, в одиночку. А если кто-то там и открыл в конце войны какой-то второй фронт, то только потому, что спешил «приватизировать» плоды нашей победы...⁴⁸²

Факты, однако, вещь упрямая, и говорят они совершенно о другом. Если кто и воевал против нацистов в одиночку, то только Англия. После капитуляции Франции 22 июня 1940 года Великобритания в течение целого года одна боролась с армиями Гитлера и Муссолини. Немцы же в этот момент ездили на советском бензине, ели советский хлеб, изготавливали военную технику из советского сырья. Точные цифры поставок из СССР в Германию за 1939—1941 годы до сих пор не опубликованы. Причем поставками дело не ограничивалось. Например, около Мурманска в распоряжение моряков Третьего Рейха была предоставлена база подводных лодок, позволившая значительно увеличить радиус их действия. А по Северному морскому пути — то есть, по советским территориальным водам — отечественные ледоколы вывели на английские океанские коммуникации германский крейсер. Перечисление можно продолжить. Фактически это были союзнические отношения с фашистским блоком. Поэтому упрекать кого-либо за недостаток усердия в войне с нацистами с нашей стороны, мягко говоря, странно. Ну, а в том, что 22 июня 1941 года СССР свалился в яму, которую руками Сталина и Молотова усердно рыл для других, опять же, кроме самих себя, винить некого. Каждый народ заслуживает — и отвечает за действия — того правительства, которому позволяет собой управлять...

К моменту нападения Германии на Советский Союз никаких обязательств у Великобритании и США, с одной стороны, и СССР, с другой, по отношению друг к другу не было. Однако уже в первый день войны на Востоке Черчилль, а спустя двое суток и Рузвельт, заявили о готовности предоставить Москве посильную помощь. Первая британская миссия для переговоров об этом отбыла из Лондона 25 июня. Основные соглашения о совместных действиях с представителями «Туманного Альбиона» советское руководство подписало в июле — августе. Реальное боевое сотрудничество ве-

дет отсчет с конца июня 1941 года, когда английская авиация начала операцию «Циркус», призванную отвлечь истребители Люфтваффе с Восточного фронта ввиду полной неспособности ВВС Красной Армии им противостоять, несмотря на многократное численное превосходство⁴⁸³.

К британскому флоту руководство СССР обратилось за помощью также в июне 1941-го с просьбой нанести удары по германским судам снабжения и военным кораблям, обеспечивавшим наступление Вермахта на Мурманск. В связи с этим в начале июля в Москву вылетел адмирал Виан для изучения возможностей базирования королевского ВМФ в советских портах. Но 17 июля он вынужден был доложить, что это невозможно до тех пор, пока не будет усилена оборона объектов, особенно противовоздушная. Поэтому в качестве передовой базы для операций в Заполярье англичане решили использовать Сайдис-фьорд на побережье Исландии.

Начало практическому взаимодействию флотов положил переход в Архангельск в конце июля 1941-го минного заградителя «Адвенчур» с грузом глубинных бомб и магнитных мин, в которых советские моряки испытывали крайнюю нужду. 31 июля самолеты с английских авианосцев совершили налеты на Киркинес и Петсамо, заставив немцев ослабить атаки на Мурманск.

Вслед за этим к советским берегам отправились четыре подводные лодки, которые пустили на дно 9 кораблей противника (об этом рассказывалось выше). Северный флот до их появления демонстрировал полную беспомощность, не потопив вообще ни одной транспортной или боевой единицы неприятеля. Только после подхода англичан немцам пришлось всерьез озаботиться проблемой безопасности снабжения своей заполярной группировки и тратить время с ресурсами на организацию системы конвоев для доставки боеприпасов и снаряжения. Это внесло немалую лепту в срыв германского наступления в том районе, по-

содействовав сохранению для СССР важнейших северных гаваней.

В конце августа 1941 года для усиления советской авиации в Заполярье прибыло 151-е авиакрыло королевских ВВС, которое сразу же включилось в боевую работу, а также оказало необходимую помощь «сталинским соколам» в освоении английских самолетов, отправленных для восполнения потерь первых недель войны. Таково лишь краткое перечисление событий, с которых началось боевое сотрудничество, постепенно принимавшее все более крупные масштабы.

Неизвестное об известном

Для консолидации общих усилий неоценимое значение имело и вступление во Вторую мировую войну Соединенных Штатов Америки с их мощнейшей экономикой. Впрочем, чтобы описать хотя бы основные вехи взаимодействия союзников по антигитлеровской коалиции, потребуются солидная монография. Но один из вопросов затронутой темы постоянно привлекает к себе повышенное внимание, и на нем просто нельзя не остановиться. Это вопрос о поставках в СССР ленд-лизу.

Данное словосочетание происходит от английских слов lend — давать в займы и lease — сдавать в аренду. Закон о ленд-лизе американский конгресс принял 8 марта 1941 года. Касался он государств, оказывающих военное сопротивление Германии, и был официально распространен на СССР 7 ноября 1941 года. Однако фактически поставки начались уже с начала осени (а из Англии даже с лета).

Грузы шли по трем основным маршрутам — тихоокеанскому, северному и сквозь так называемый «Персидский коридор». Самым крупным и спокойным был первый (47 % поставок). Однако он являлся и наиболее долгим и очень дорогим. Самой ко-

роткой и удобной теоретически выглядела дорога вокруг Скандинавского полуострова в Мурманск и Архангельск. Но она проходила рядом с оккупированной нацистами Норвегией и постоянно подвергалась ударам германских ВМФ и ВВС. Советский Северный флот оказался не способен обеспечить защиту конвоев даже в собственных водах, и союзникам пришлось самим сопровождать транспорты до наших портов и обратно. Но поскольку силы у них тоже были не беспредельны, то северным маршрутом прошла только четверть ленд-лизских грузов.

Общее количество англо-американских поставок в СССР за 1941–1945 годы в пересчете на нынешние деньги западными историками оценивается в сумму порядка 100 миллиардов долларов. Переговоры об уплате хотя бы части долга велись десятки лет. Причем американцы настаивали лишь на возмещении стоимости невоенных товаров (электростанций, гражданской одежды и т. д.). По последней договоренности от 19 октября 1972 года советская сторона обязалась выплатить 722 миллиона долларов. Но, как говорится, «воз и ныне там»...

Полный перечень полученных Страной Советов грузов пока еще в отечественных источниках не опубликован. Однако некоторые цифры известны. И по ним можно судить о размерах помощи. Например, советские заводы за время войны изготовили 205 тысяч автомобилей, а от союзников было получено 427 тысяч. Учитывая тот факт, что импортные машины на голову превосходили отечественные по грузоподъемности и проходимости, можно смело утверждать, что, только благодаря им, удалось спасти тыл от развала, а также многократно увеличить мобильность армии.

Помимо этого, из-за океана «отплыли» 22 206 самолетов, 14 302 танков, 8701 трактор, свыше 5000 бронетранспортеров, 35 000 мотоциклов, 1981 локомотив, 11 300 вагонов и цистерн (железнодорожная техника в СССР после 1941 года практически перестала

производиться), 350 000 тонн взрывчатки, 15 миллионов пар солдатской обуви, 69 миллионов квадратных метров шерстяных тканей, около 4 миллионов автомобильных шин, 422 000 полевых телефонов, свыше 2 миллионов километров телефонного кабеля, около миллиона тонн химического сырья, 2,7 миллиона тонн высокооктанового авиационного бензина (которого в СССР и до войны крайне не хватало), на 1,3 миллиарда долларов продовольствия.

На продовольствии тоже стоит остановиться особо. Англо-американцы, по сути, всю войну кормили не только Красную Армию, но и значительную часть гражданского населения СССР. Полученных продуктов в пересчете на калории (армейский паек, установленный Государственным комитетом обороны, составлял 4000 ккал. в день, что, кстати, значительно превышало нормы, определенные для гражданских людей) хватило бы 10-миллионной армии более чем на пять лет. Излишне, наверное, напоминать, что эта еда не разнообразила меню советских людей, а спасала от голодной смерти.

Несколько слов заслуживает и союзническая техника. Например, самолеты. В отличие от фанерных советских, это были цельнометаллические машины, насыщенные различным современным оборудованием, о существовании которого у нас в стране ранее просто не знали. Ветераны так описывали разницу: «...вооружение было куда внушительней, а оборудование — просто сказка! Отличная радиосвязь, автопилот, удобные кислородные маски, просторная кабина с великолепным обзором. Даже пепельницы. Инженерно-техническому персоналу было проще с их обслуживанием. Наши прилетают в масле, мороз ли, жара — надо брать ветошь, ведра с бензином и мыть машину. Двигатели доставляли немало хлопот. А американец сел, зарулил на стоянку — сухой, чистенький...»⁴⁸⁴. То есть, если переводить на современные понятия, то «мерседес» и «жигули». И поступало такой техники немало. Например, в труднейшем 1942 году поставки танков и

самолетов (изобилия которых, между прочим, не наблюдалось в то время и у самих союзников) составили соответственно более половины и около трети от годового производства этих видов вооружения в Германии. Другое дело, что советские стратеги умели воевать лишь числом, заваливая противника трупам и искореженной техникой. Но здесь уж союзники не причем. Каждая страна и каждая политическая система сами определяют критерии отбора кандидатов в генералы.

Наибольшее же значение ленд-лиз имел для советских моряков. Флот вообще очень сложный и тонкий механизм. Его на современном уровне могут поддерживать лишь наиболее развитые в промышленном и экономическом отношении государства. Поэтому практически сразу после начала войны в СССР свернули судостроительные программы. С горем пополам строились лишь мелкие катера, на которые, кстати, устанавливались ленд-лизские двигатели, зенитки, радиооборудование и прочая наиболее современная оснастка. А пополнение флота более крупными единицами шло в основном за счет союзников. От них поступили: линкор, крейсер, 9 эсминцев, 4 подводные лодки, 202 торпедных катера, 28 фрегатов, 138 охотников за подводными лодками, 99 тральщиков, 49 десантных судов, 105 транспортов (общей грузоподъемностью свыше миллиона тонн), 28 танкеров, 3 ледокола, 11 ледокольных буксиров, 17 морских буксиров, 5 плавающих мастерских. По сути, это целый флот.

В замкнутых Балтийском и Черном морях, куда доставить помощь не позволяла география, советские крупные корабли с середины войны вообще перестали выходить из баз, так как все их попытки как-либо влиять на ход сражений приносили лишь потери. Только на севере, где основную тяжесть морского противоборства несли на себе союзники и где благодаря помощи тех же англо-американцев был создан единственный более-менее современный для тех лет советский флот, наши моряки до конца боевых дей-

ствий участвовали в относительно дальних походах. Достаточно открыть любой справочник, чтобы убедиться, что на начало Петсамо-Киркенесской операции, завершавшей войну в Заполярье, свыше половины кораблей Северного флота являлись импортными. Еще более разительным это соотношение выглядело в морской авиации. Из 289 флотских истребителей отечественных машин насчитывалось только 35, а из 72 торпедоносцев — лишь 6.

Война без ретуши

В советской и российской историографии обычно почти не уделяется внимания «Битве за Атлантику». Мол, все это ерунда — судьба Второй мировой решалась на суше — на Восточном фронте. Каким образом какие-то кораблики могли угрожать расположенному на континенте Третьему Рейху? Можно, конечно, подобные рассуждения отнести на счет традиционного отечественного «сухопутного мышления». Однако больше в них все же от лукавого. Любой мало-мальски грамотный военный должен знать, что моря и океаны — это прежде всего коммуникации — самые удобные и дешевые дороги. На их содержание не надо тратить деньги. Кто ими владеет, — держит мир за горло. Он способен легко и быстро перебросить войска и грузы в любую точку планеты (один корабль равен грузоподъемности тысяч грузовиков и десятков железнодорожных составов) и нанести удар там, где у неприятеля нет сил для его парирования. Но главное — хозяин водных дорог имеет возможность питать свою экономику ресурсами из самых дальних уголков земного шара, превращая сырье в технику и снаряжение. Именно блокада англо-американцами гитлеровской сухопутной крепости «Европа» не позволила находившемуся в руках фашистов промышленному потенциалу развернуться на полную мощь. Поэтому и советский тыл сумел выиграть конкуренцию у немец-

кого по производству сухопутных вооружений. Германским заводам не хватало буквально всего из номенклатуры первичного сырья только потому, что в окружающих континент морях плавали «какие-то кораблики» и не давали гитлеровским транспортам высовывать нос из гаваней.

Пытаясь отобрать море у этих «корабликов», немцы в 1939–1945 годах построили свыше тысячи (!) подводных лодок (в СССР за время войны не заложили ни одной), но цели не добились. Из этой тысячи советский ВМФ потопил только полтора десятка субмарин. Все остальные потери германских подводников приходятся на долю союзников. Похоже выглядят пропорции распределения производства и потерь среди прочих типов военных и транспортных судов противника. Между тем, количество материалов, оборудования, рабочего времени, затраченного на постройку лишь одной подлодки, эквивалентно затратам на производство нескольких десятков танков. Если же сравнивать с эсминцем, то речь пойдет уже о сотнях «панцеров». Говоря проще, усилия значительной части германской экономики, и без того «недокормленной», всю войну шли на борьбу с англо-американским флотом. Не будь грандиозной битвы в западных водах, на Восточном фронте появилось бы в несколько раз больше танков противника. А ведь даже то количество, которое реально имелось у Вермахта, Красной Армии далеко не всегда удавалось останавливать...

Похожую логическую цепочку можно построить и анализируя борьбу в воздухе. Ведь большая часть авиации фашистов – свыше двух третей от общего количества – была «перемолота» над Западной Европой. Аргументы такого рода можно перечислять долго. Но главное, что просто по-человечески следует помнить россиянам, когда речь заходит о ленд-лизе и прочей союзнической помощи, это все-таки то, что **ПОМОЩЬ ОКАЗЫВАЛАСЬ НАМ, А НЕ НАМИ.**

Впрочем, все вышеприведенные цифры и факты упомянуты не для продолжения старого спора о том,

чей вклад в разгром фашистского блока и его союзников был «решающим». Подобная дискуссия не конструктивна по существу. Победа — не бутылка водки. Ее нельзя «разлить по стаканам». Ни одному из государств антигитлеровской коалиции было бы не под силу выиграть войну у «стран Оси» в одиночку. И остановиться на этой формуле — правильной всего.

Кстати говоря

Сразу после окончания Второй мировой войны товарищ Сталин сказал, что величина союзнической помощи не превышала 4 % от размеров производства промышленной продукции на отечественных предприятиях. С этой оценкой «вождя народов» были на редкость единодушны и все советские полководцы, неизменно воспроизводя ее на страницах своих мемуаров. Правда, когда советская система ударяла их своей экзистенциальной дубиной по голове, то, как правило, наступало озарение. Например, маршал Жуков, снятый Хрущевым со всех постов и отправленный в ссылку на дачу, вдруг изменил свое мнение. Об этом свидетельствует недавно рассекреченный рапорт тайного прослушивания разговоров опального военачальника органами безопасности в 1963 году. В этом разговоре Георгий Константинович жаловался приятелю: «Лакированная эта история. Я считаю, что в этом отношении описание истории, хотя тоже извращенное, но все-таки более честное — у немецких генералов, они правдивее пишут. А вот «История Великой Отечественной войны» («хрущевский» шеститомник — прим. В. К.) абсолютно неправдивая. Вот сейчас говорят, что союзники нам не помогали... Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... Получили 350 тысяч автомашин, да каких автомашин! ...У нас не было взрывчатки, пороха. Не было, чем снаряжать винтовочные пат-

роны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом и взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали! Разве мы могли бы быстро наладить производство танков, если не американская помощь сталью? А сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии. Это не история, которая была, а история, которая написана. Она отвечает духу современности. Кого надо прославить, о ком надо умолчать... А самое главное умалчивается...»⁴⁸⁵.

А вот аналогичное признание еще одного авторитетного эксперта – Анастаса Микояна, сделанное в ходе приватной беседы: «...осенью 1941 года мы все потеряли, и, если бы не ленд-лиз, не оружие, продовольствие, теплые вещи для армии и другое снабжение, еще вопрос, как обернулось бы дело...»⁴⁸⁶.

ГЛАВА 23

ОЧЕНЬ «НАША» ИСТОРИЯ

Трагедия российской атомной подлодки К-141, случившаяся в августе 2000 года, потрясла мир. Больше недели все виды средств массовой информации уделяли ей львиную долю своего внимания, рассказав, как может показаться на первый взгляд, практически обо всем, что хоть в какой-то степени касалось погибшего ракетноносца. Однако, на самом деле, ажиотаж, порожденный столь громким событием, всегда оставляет после себя массу белых пятен, прикрытых лишь торопливо-эмоциональными оценками⁴⁸⁷.

Трагедия «холодного блицкрига»

В репортажах и прочих материалах, посвященных драме, разворачивавшейся в Баренцевом море, «Курск» очень часто именовался самым совершенным и грозным кораблем российского флота, а то и вообще не

имеющим по своему потенциалу равных в мире. Скорее всего, подобными эпитетами журналисты пользовались из вполне понятного желания подчеркнуть трагичность катастрофы и хоть как-то скрасить потрясение от ужасающего непрофессионализма и беспомощности, которые наши адмиралы с полной откровенностью демонстрировали всей планете. Так или иначе, но упомянутые восторженные оценки – вопреки логике и смыслу того позора и унижения, что были ясно осознаны обществом, – почему-то закрепились в народной памяти.

Последнюю из них – относительно мирового величия К-141 – опровергнуть очень просто, поскольку даже сама классификация кораблей отечественного военно-морского флота отводит главенствующую роль ракетным подводным крейсерам стратегического назначения с баллистическими межконтинентальными ракетами на борту. «Курск» же, как известно, был способен нести лишь тактическое оружие – крылатые ракеты и торпеды, а значит, относился к менее мощному типу многоцелевых атомных подлодок и, следовательно, уступал по потенциалу не только нашим «Тайфунам», «Дельфинам» и «Кальмарам», но и НАТО-вским субмаринам соответствующего класса.

В том же, что касается совершенства и боевой ценности К-141, разобраться сложнее. Здесь требуется более обширный анализ. Начать его придется издалека, для чего нам необходимо перелистнуть назад несколько страничек недавней истории и заглянуть во времена самого разгара «холодной войны».

К концу 60-х годов СССР уже безнадежно проигрывал экономическое противоборство с «миром капитала», в связи с чем создание и совершенствование всей номенклатуры новых систем оружия становилось для Москвы фактически неразрешимой проблемой. Поэтому планы вероятной войны у стратегов от КПСС начинали приобретать вид откровенной авантюры, весьма напоминающей ими же многократно обруганный гитлеровский «блицкриг».

Суть сценария брежневской военной верхушки — в случае перерастания «холодного» противостояния в «горячее» — основывалась на расчете осуществить быстрый марш-бросок советских сухопутных армий через всю Западную Европу и упованиями, что после потери этого региона Америка не станет переводить конфликт в убийственно-ядерную фазу. Однако оккупировать обширную территорию от Альп до Атлантики было невозможно, пока флот США безраздельно хозяйничал в мировом океане, сохраняя возможность перекинуть подкрепления в любое место, а также обеспечить вторжение на советское побережье в наиболее уязвимых местах.

Оспорить господство в открытом море у натовских эскадр мог лишь аналогичный флот, построенный по традиционным канонам, с соблюдением пропорций всех его обязательных составляющих — надводной, подводной и авиационной. Но так как сил и средств для обзаведения такими ВМС СССР не имел, то советские военные теоретики, словно утопающий за соломину, ухватились за иллюзорную надежду создать какое-либо чудо-оружие и с его помощью решить задачу сокрушения морского потенциала противника не только одним махом, но еще и относительно дешево.

Суть проблемы заключалась в том, что главной составляющей неядерной мощи американских адмиралов являлись крупные ударные авианосцы, стоимостью по несколько миллиардов долларов каждый. Самолеты с этих передвижных аэродромов уверенно контролировали все океаны земного шара, не оставляя кораблям Страны Советов даже теоретического шанса на успех при попытке прорваться в Атлантику для нарушения важнейших коммуникаций Западного альянса. Создание же своих крупных авианесущих судов оказалось для Советского Союза именно тем камнем преткновения, от которого и начали множиться все последующие трудности. Поэтому мечта потопить или хотя бы вывести из строя на какое-то время штатовские авианосцы превратилась просто в навязчивую идефикс «кремлевских сидельцев».

В конце концов, данную миссию решено было возложить на атомные подводные лодки, оборудованные усовершенствованными комплексами для пуска крылатых ракет с повышенной дальностью и мощностью боеголовок. Этими неожиданно вынырывающими из-под воды ракетами, пущенными с незаметно подкравшихся глубинных крейсеров, и предполагалось громить ненавистные плавучие авиабазы НАТО. Работа над субмаринами «последней надежды», получившими индекс «проект 949», начались в 1969 году в ленинградском ЦКБ «Рубин» и продолжалась вплоть до 1978 года, когда, наконец, на Северном машиностроительном предприятии в Северодвинске был заложен первый корабль из серии, предполагавшей на будущее более двадцати единиц.

«Убийца авианосцев» на деле вышел громадным монстром, превышавшим в полтора раза по водоизмещению даже стратегические атомоходы США, носившие на себе не крылатые, а баллистические ракеты. Уже одно это обстоятельство явилось неоспоримым минусом новой советской подлодки. Причина столь удивительной гигантомании заключалась в том, что конструкторам-оруженцам не удалось создать компактных ракетных комплексов. Была просто увеличена дальность полета и масса боезаряда. В итоге возросли вес и габариты системы, названной впоследствии «Гранитом». В результате крылатая ракета перестала соответствовать оптимальным параметрам, фактически превратившись в сверхзвуковой самолет, что, естественно также нельзя было отнести к ее сильным сторонам.

Кроме того «Граниты» сохранили все «родимые пятна» отечественного флотского ракетного оружия, связанные с проблемами целеуказания и опознавания. Иными словами, уничтожение морских быстро движущихся объектов оставалось для них лишь упованием на осуществление целой цепи счастливых случайностей. Чтобы уничтожить авианосец, необходимо точно узнать его координаты. Но сделать это нельзя из-за господства над морем самолетов с тех же самых

авианосцев. Если же ко всему вышеупомянутому добавить еще общеизвестное отставание качества советской радиоэлектроники (обрекавшее на неудачу любую попытку получения разведанных со спутников — мощные средства РЭБ стран НАТО подавили бы их в первые же минуты конфликта), то можно с уверенностью констатировать, что проект, да и сама идея, подобного корабля были мертворожденными детьми абстрактной доктрины.

Чего, кстати, нельзя сказать о цене данной работы. Строительство каждой субмарины обходилось примерно в миллиард долларов. Подобные расходы для и без того тощего советского госбюджета, без сомнения стали весьма ощутимым грузом, внеся свою лепту в приближение краха той страны, ради величия которой «чудо-оружие» и должно было появиться на свет.

Абсурд в виде фарса

Как уже говорилось, несмотря на всю свою утопичность «проект 949» все же стал воплощаться в металл. Хотя, конечно, и не столь быстрыми темпами, как предусматривалось планами «старцев из политбюро». В 1981 и 1983 годах вошли в строй два первых ракетносца — К-525 и К-206, переименованных в постперестроечное время в «Архангельск» и «Мурманск». К тому времени проект был немного модернизирован — правда, без ощутимого изменения главных тактико-технических характеристик, — после чего приобрел шифр «Антей» — «проект 949А», в соответствии с которым с 1982 по 1990 годы и закладывались остальные советские «убийцы авианосцев». Всего до развала Союза флот принял от промышленности семь таких кораблей — К-148 (названную в 1991 году «Краснодар»), К-173 («Красноярск»), К-132 («Иркутск»), К-119 («Воронеж»), К-410 («Смоленск»), К-442 («Челябинск») и К-456 («Касатка»).

На этом, казалось бы, история создания и существования атомных подводных лодок данного типа по всем законам здра-

вого смысла должна была завершиться. Россия к 90-м годам растеряла последние остатки былой советской мощи. Вероятная война с НАТО само собой ушла из реальной жизни в область ненаучной фантастики: военный бюджет стран Запада к этому времени составлял свыше 450 миллиардов долларов, российский — менее 1 % от этой суммы. Говоря проще, в ситуации, когда у правительства нет денег даже на зарплату морякам, дорогостоящая эксплуатация в составе флота бесполезных мастодонтов «проекта 949» превращалась, по меньшей мере, в бессмысленную расточительность. Тем удивительнее выглядят дальнейшие события.

Невероятно, но факт: идея использования «убийц авианосцев» после августа 1991 года получила новый импульс и, пойдя по второму кругу, согласно неотвратимым законам истории, начала превращаться в преступный фарс. Вместо снятия с вооружения не оправдавших надежд субмарин, ельцинское окружение принялось достраивать на стапелях Северодвинска то, что не успели завершить оборонщики эпохи Горбачева. В 1992–1993 годах были введены в строй еще две подлодки — К-266 («Орел») и К-186 («Омск»), а также заложена одна новая — двенадцатый корабль этого типа, получивший известные теперь всему миру тактический номер К-141 и название «Курск».

О тайных пружинах принятия этих решений пока можно только догадываться. Видимо, не последняя роль принадлежала лоббистским усилиям руководителей ВПК, стремившихся получить деньги под хорошо освоенный заводами старый проект. Могли иметь свой интерес и адмиралы с политиками из числа тех, кто, вопреки реалиям, продолжает разыгрывать карту «генетической враждебности Запада и России». Впрочем, перечень подобных предположений — тема отдельной статьи. Вернемся к «Курску», вступившему в строй в 1995 году.

Как проходила его постройка во времена наивысшего разгула общественной смуты, повального воровства и бюджетного недофинансирования — предста-

вить достаточно легко. Вполне возможно, что именно в этих обстоятельствах и надо искать причину гибели атомохода и его экипажа. Трагическую абсурдность истории «Курска» лучше всего, думаю, демонстрирует тот факт, что спасти этот ракетоносец, — который изначально замысливался в качестве одного из главных антинаатовских козырей, — вынуждены были в конце концов сами НАТО-вцы. Но самое грустное заключается в том, что люди, погибшие на К-141, оказались принесенными в жертву обычной российской глупости, державно-опереточным амбициям и ненасытной номенклатурной корысти.

Старые песни на новый мотив

Официальную причину гибели атомохода российское правительство обнародовало только летом 2002 года, впрочем, так и сказав всей правды: что послужило истинным детонатором для злополучных торпед, по сей день остается неясным.

В этой связи стоит вспомнить, как буквально с первого дня катастрофы чиновники и другие высокопоставленные российские руководители начали «выдавать на гора» множество «версий».

Так, например, подавляющее большинство действующих адмиралов и даже сам министр обороны практически сразу же заговорили о неизвестной «подлодке-убийце», якобы таранившей наш ракетоносец, а потом скрывшейся с места преступления. Почти утвердительно называлась даже ее национальность — «американка или англичанка», поскольку-де «Норвегия крупных субмарин не имеет, а из государств, не граничащих с районом Баренцева моря, свой нос туда суют только США и Великобритания».

Действительно, все верно. Атомоходы упомянутых стран несут боевую службу в нейтральных водах, в том числе и у российских границ. Но никакого криминала в этом нет. Корабли нашего подплава занимаются у

рубежей упомянутых держав тем же самым. Крупные флоты всегда стремятся контролировать друг друга и столкновение в таких условиях вполне возможно. Однако если бы именно оно стало причиной гибели «Курска», то неподалеку от него на дне наверняка лежал бы и его «убийца».

Как уже упоминалось выше, К-141 – намного крупнее всех натовских субмарин. К тому же самые большие из них – стратегические ракетоносцы – никогда не лезут в районы чужих учений, а спокойно дежурят на отведенных им позициях. Разведкой же занимаются так называемые многоцелевые подлодки. В США и Великобритании к этому классу принадлежат корабли типа «Лос-Анджелес» и «Трафальгар». Но их подводное водоизмещение почти в четыре раза меньше, чем у «Курска». То есть, шансов уцелеть при серьезном столкновении с ним такая лодка имела примерно столько же, сколько остается у легкового автомобиля, решившего протаранить тяжелый грузовик.

В качестве второй по степени официозной распространенности версии назывался подрыв на mine времен Великой Отечественной войны. Гипотезу гибели современной АПЛ по вине такого древнего оружия даже как-то неудобно всерьез обсуждать: К-141 проектировался с огромным запасом плавучести, примерно равным возможности вернуться домой после попадания современной торпеды.

Вообще «проект 949», если, конечно, не принимать во внимание изначальную утопичность его концепции, был неплохим кораблем. Надо отдать должное конструкторам из ЦКБ «Рубин» – они поработали на совесть, создав одну из самых надежных советских субмарин за всю историю отечественного судостроения. Во всяком случае, до трагедии «Курска», за почти двадцать лет эксплуатации лодок этого типа на них не произошло ни одной серьезной аварии. Это говорит о многом, так как аварийность у нашего подводного флота в сравнении, например, с натовским, всегда была достаточно высокой.

Итак, если рассуждать о наиболее вероятных причинах катастрофы, то искать их в первую очередь следует не во внешних катастрофических обстоятельствах, а в субъективных факторах — таких, как ошибки экипажа, плохое техническое состояние механизмов, испытание чего-то нового и пр.

Почему же тогда высокие чиновники в погонах долгое время пытались кормить общественность столь «экзотическими» версиями? В принципе здесь может быть только два ответа. Или они не знали всего вышеизложенного, из чего следует, что столь ответственные посты в нашем государстве занимают не просто непрофессионалы, а дремучие невежды в том деле, которое поручено их заботам. С порога это тоже нельзя исключать, если хорошо помнить российскую историю. Но все-таки, скорее всего, причина начальничьей демагогии в большинстве случаев крылась в другом: объективное и гласное расследование аварии просто не выгодно российским высшим политикам, чиновникам и генералам. Ведь полная гласность в вопросе о гибели «Курска» неизбежно вскрыла бы их прямые упущения и недоработки.

Лично мне кажется, что всю правду о «Курске» можно будет узнать лишь на очередном крутом повороте истории, когда по российскому обыкновению новая власть будет утверждаться за счет разоблачения тайн своих низвергнутых предшественников.

ГЛАВА 24

КУДА ЛЕТИМ?

Успешная операция НАТО в Афганистане и столь же быстрый разгром американцами и их союзниками регулярной армии Ирака вновь продемонстрировали всему миру, какую роль в современной войне играет авиация. Для российских вооруженных сил это очередной тревожный звонок. Ведь действия ВВС нашей

страны в последних чеченских войнах были, мягко говоря, далеки от идеала. Впрочем, от трудных дней не застрахован никто. Главное – вовремя посмотреть правде в глаза и назвать все своими именами, признать ошибки, проанализировать их и сделать правильные выводы⁴⁸⁸.

Тяжела ты, шапка, не по «сеньке»...

Военная авиация России, на первый взгляд, производит сильное впечатление. По численности она занимает второе место в мире (на первом ВВС США – около 10 тысяч летательных аппаратов) с официальным штатным расписанием примерно в 4 тысячи самолетов и вертолетов. В реальности же есть даже сверхлимитное количество – 5800 боевых и транспортных единиц 35 типов, которые в свою очередь подразделяются на 85 модификаций. На базах резерва содержится свыше 800 машин. Не на 100 % войска укомплектованы только летающими танкерами Ил-78 и тяжелыми палубными самолетами.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что благополучие это поверхностное, поскольку парк ВВС стремительно стареет. 50 % самолетов и вертолетов уже перешагнули пятнадцатилетнюю отметку, а 25 % имеют возраст не менее десяти лет. То есть три четверти от общего количества техники изготовлено промышленностью еще до развала СССР. Еще 24 % насчитывают свыше пяти лет службы и лишь 1 % выпущен с заводских конвейеров за последние пять лет. Впрочем, даже новые единицы в подавляющем большинстве спроектированы еще в советское время, а значит, являются морально устаревшими.

Причина такой диспропорции проста и банальна – отсутствие в казне необходимых средств. Но все же самое главное это то, что военный бюджет в своем нынешнем виде не позволяет поддерживать в боеготовом состоянии даже те летательные аппараты, что име-

ются в наличии. Доля исправных машин в 2001 году упала до 65 %. Но и у них мал остаток гарантийного ресурса. Около 50 % формально боеготовых единиц вообще не поднимаются в воздух. Нарастает также кризис инфраструктуры и систем обеспечения ВВС. В предаварийном состоянии находятся 60 % взлетно-посадочных полос, а доля современного оборудования в частях связи и подразделениях радиотехнического профиля не превышает 15 %. Пытаясь найти хоть какие-то дополнительные финансы, командование ВВС решилось на беспрецедентную меру — отдало приказ о переводе части своих сил на боевое дежурство в пониженной степени готовности.

Однако данный шаг помог мало. Да и вряд ли он мог что-то кардинально изменить. Достаточно упомянуть, что ВВС сегодня получают только 20 % от минимально необходимого им количества горючего. В связи с этим налет экипажей упал до катастрофической цифры, составив в среднем около 25 часов в год, что в несколько раз меньше допустимого минимума. В довершение всего из-за мизерной зарплаты армию покидают наиболее знающие и энергичные кадры. Только в 1998–2000 годах из ВВС ушло 4,5 тысячи офицеров из 6 тысяч закончивших училища в 1995–1999 годах. А из 1,5 тысячи оставшихся лишь 32 % признано последней проверкой готовыми к выполнению боевых задач. Коллегия Министерства обороны Российской Федерации по результатам инспекции, проводившейся в конце 2000 года, сделала вывод, что состояние боевой подготовки личного состава ВВС достигло того уровня, при котором этот вид войск может окончательно утратить способность выполнять возложенные на него задачи.

Перспективы на будущее осложняются еще и тем, что наступило время перевооружения. Так, в странах НАТО самолеты 4-го поколения, начавшие вступать в строй в 70-х годах, полностью исчерпали возможности для модернизации и им на смену проектируются новые машины. В США уже всюду летают машины 5-го

поколения. В России же вопрос создания таких самолетов опять упирается в деньги, поскольку подобная программа стоит много миллиардов долларов, а весь военный бюджет нашей страны, по официальным данным, составляет порядка 10–12 миллиардов долларов США в год. Поэтому речь пока идет хотя бы о модификации имеющегося парка машин до уровня поколения 4+.

На 2001 год было запланировано повышение потенциала у 70–100 самолетов. Конечно, по отношению к общему количеству это капля в море, но и выполнение такого объема работ тоже не удалось осуществить полностью. То есть все идет тем же чередом, что и ранее. Последняя официально принятая программа вооружения на 1996–2005 годы за первые пять лет была обеспечена финансами всего на 19 % и в итоге тихо скончалась. Для призванной заменить ее госпрограммы 2001–2010 по сей день так и не найдены реальные источники финансирования.

Воздушные коммерсанты

Видимо, необходимо признать очевидные факты – российское государство не в состоянии содержать столь крупные ВВС и тем более не может найти деньги на их модернизацию. Выход очевиден: сокращение парка и перевооружение оставшейся части. Финансы на создание новых моделей можно получить от торговли оружием на мировом рынке. Только заниматься всем этим надо, не полагаясь на традиционные российские «авось» и «небось», которые пока, к сожалению, продолжают править бал в нашей «оборонке», прикрывая малограмотность, недомыслие и безответственность наших чиновников.

Летом 2001, как известно, прошел авиакосмический салон в аэропорту Ле-Бурже под Парижем. Свои достижения демонстрировали около 1800 крупнейших фирм из 43 различных государств, включая, разумеет-

ся, все крупнейшие корпорации, что определяют сейчас мировые тенденции в сфере авиации и космоса.

Наша страна была представлена экспозициями почти полусотни наиболее известных отечественных предприятий, курировало которые «государево око» в лице функционеров «Рособоронэкспорта» и «Авиаэкспорта». Близкие к правительству российские эксперты в массе своей расценили итоги пребывания в Ле-Бурже соотечественников как очередной успех национальной промышленности. Хотя вскользь упоминали и о некоторых выявившихся там недостатках. На последних и остановимся подробнее.

Например, среди стендов израильской делегации экспонировался старый и легко узнаваемый даже дилетантами-авиалюбителями самолет – российский штурмовик Су-25, но со звездами Давида в качестве опознавательных знаков и под совершенно новым именем «Скорпион». Однако удивление профессионалов вызвал не факт смены названия и государственной символики – им давно уже известно, что Израиль традиционно специализируется на модернизации старой военной авиатехники, в том числе чужой. Поразительно другое: появление «Скорпиона» лишает Россию такого количества потенциальной валютной прибыли, что впору назначать очередную государственную комиссию по расследованию чрезвычайного происшествия.

Дело в том, что израильские фирмы «Элбит» и «Элгат» долго, но тщетно пытались установить контакты с руководством ОКБ «Сухой», предлагая ему проект совместной работы по усовершенствованию Су-25. Однако россияне посчитали лишней возню над своими древними штурмовиками. А специалисты из Хайфы на этом не успокоились и поехали в Грузию, где на тбилисском авиационном заводе имелся полный комплект документации по Су-25. Ну а поскольку вопросы интеллектуальной собственности и в России, и в СНГ до сих пор представляют собой «дикое поле», то вскоре состоялось рождение «Скорпиона».

Самолет оснастили принципиально новым оборудованием. В частности, его электроника ныне соответствует стандартам НАТО. В результате машина получила возможность действовать ночью, а в воздушном бою даже противостоять истребителям 3-го поколения. Стоит все это удовольствие всего лишь порядка 2 миллионов долларов за штуку. То есть, теперь любая нищая африканская страна для своих локальных разборок может купить несколько подержанных Су-25 (стоимость нового — обычно 6—7 миллионов долларов), которых за пределами России раскиданы сотни, и получить затем в пользование после модернизации весьма приличную машину.

Сенсацию на салоне вызвала и еще одна весть, пришедшая из Тель-Авива и связанная с той же отечественной маркой «Сухой». В 1999 году семь старых Су-27 были без должной проработки контракта проданы компанией «Промэкспорт» в Эфиопию. В результате недавно один из них вдруг прибыл на модернизацию в Израиль, который таким образом получил для подробного изучения самолет, по сей день составляющий основу ВВС России и — самое главное — являющийся значительной частью ее авиационного экспорта.

Чем закончится изучение Су-27 на земле обетованной, можно предсказать без труда. Поскольку за рубежом Россией продано достаточно много этих машин еще советского производства, то на них, разумеется, отсутствует современное электронное оборудование. Но стоит его установить, и самолет сразу же начнет соответствовать классу истребителей поколения 4+. А значит, для следующих экспортных поставок «Сухому» уже придется равняться на уровень израильской модернизации. Говоря проще, наша страна опять теряет большие деньги и в очередной раз доказывает, что никто в мире лучше нее не умеет в самый неподходящий момент вешать на собственную шею дополнительные жернова.

Все это, конечно, можно было бы списать на благополучно «почивший в бозе» осенью 2000 года «Промэк-

спорт». Однако произошедшее тогда с огромным шумом объединение этой организации с «Росвооружением», — в результате чего и родился нынешний «Рособоронэкспорт», — которое по замыслу должно было прекратить конкуренцию между ними и положить конец падению и без того низким ценам на российское оружие, похоже тоже надежд не оправдывает. Как иначе расценить тот факт, что новый перспективный учебный самолет Як-130 в результате «творческой кооперации» с итальянцами ныне неожиданно превратился в итальянский же М-346 компании «Аэромакки», а фирма «Яковлев» полностью лишилась прав (и соответственно денег) на свое детище?

Но этого мало. М-346 теперь выступит на мировом рынке в качестве конкурента еще одной перспективной российской учебно-тренировочной машины МиГ-АТ. Ее при помощи французских фирм СНЕКМА и «Талекс авионикс» (оказавших помощь МиГу в решении уже хронических отечественных проблем с двигателями и авионикой, за что, правда, придется отдавать 40 % ожидаемых доходов) вроде бы удалось вывести на уровень самых высоких требований. И тут — на тебе...

Кстати, и в конкуренции с все тем же маленьким Израилем на ниве модернизации своих ископаемых — постройки еще 60-х годов — истребителей МиГ-21 российская фирма также оказалась не на высоте. Пока она может похвастаться только старым — 1994 года, да и то демпинговым — контрактом с Индией, которой обязалась модернизировать за 300 миллионов долларов 125 ранее проданных туда машин. В то же время израильтяне уже давно выгодно обновляют этот тип истребителя для различных государств, имеющих его на вооружении. Недавно они заключили новое соглашение с Румынией на те же 300 миллионов долларов, но за модернизацию всего 100 аппаратов, и ведут переговоры о работах еще над примерно 500 машинами в разных странах.

Однако все вышеперечисленное меркнет перед главным, поистине гамлетовским вопросом, стоящим сейчас перед отечественным авиапромом — может ли быть созданным в ближайшее время новый российский истребитель 5-го поколения?

Все крупные фигуры национальной промышленности от прямых ответов, связанных с данной проблемой, стараются уходить, так как ясно: денег на эту игрушку в казне все равно нет. Руководитель ОКБ им. Микояна Владимир Барковский в одном из интервью⁴⁸⁹ вообще советует не торопиться — пусть, мол, соперники первыми идут к цели широким фронтом и тратят огромные средства на проверку всех альтернативных решений. Мы же, дождавшись проявления их приоритетов, изучим чужие ошибки и наверстаем, сэкономив кучу денег.

Ничего оригинального Барковский, впрочем, не предлагает. Путь заимствования идей — это привычный маршрут отечественных авиастроителей. Например, дебютный представитель 3-го поколения — заокеанский F-4 «Фантом» начал поступать в строевые части в 1959-м, а советский МиГ-23 — в 1969-м. Первый истребитель 4-го поколения F-15 «Игл» принят на вооружение США в 1972 году, а наш МиГ-29 — вновь лишь 10 лет спустя — в 1982-м. Но тогда, слава богу, не было войны. Если же забраться в более глубокие исторические дебри и вспомнить канун Второй мировой, то окажется, что Европа и Северная Америка уже давно летали на скоростных и цельнометаллических машинах, а СССР на фанерных тихоходах — «Ишаках» и «Чайках». На смену им в 1941–1945 годах пришли такие же «деревяшки» в виде «Яков» и «Лавочкиных». Немцы весьма красноречиво прозвали наших истребителей «Иван в бревне», имея в виду как материал для изготовления техники, так и ее боевые качества. Разумеется, квасные патриоты от ВВС вместо беспристрастного анализа ситуации по сию пору придумывают хитрые

объяснения, почему германские асы сбивали по 200–300 самолетов на Восточном фронте, а советские в 5–7 раз меньше.

Ныне в США уже летает серийный истребитель 5-го поколения F-22A «Рэптор», разработанный фирмой «Локхид Мартин». Впрочем, коммерческой угрозы российской военной авиапромышленности он не несет, так как создан исключительно для собственных пентагоновских нужд и стоит около 200 миллионов долларов за штуку. На его создание уже потрачено 19 миллиардов долларов, а вся программа перевооружения оценивается в 250–280 миллиардов – честно говоря, даже оторопь берет от таких цифр.

Но вот взлет «Боинга» X-32A, создаваемого по программе JSF, представляет для российской промышленности смертельную опасность.

JSF задумана специально как проект для вытеснения с мирового оружейного рынка всех конкурентов. В первую очередь, конечно, закадычных друзей западноевропейцев. Но учитывает, естественно, и фактор демпинговых цен, по которым привыкла торговать Россия. Поэтому итоговый продукт JSF заранее ограничен ценой в 30 миллионов долларов, и вся разработка подчинена этому требованию. Появившись в каталогах продавцов вооружения, американец 5-го поколения сразу же поставит жирный крест на большей части той валюты, что получают с мирового рынка российские авиастроители и все нынешние модернизации до уровня 4+ окажутся пустой тратой средств...

ГЛАВА 25

О НАШИХ ПОБЕДАХ И ИХ ПОРАЖЕНИЯХ

В начале лета 2002 года, когда началась подготовка к завершающему акту трагедии многострадального «Курска» – подъему носовой части подводной лодки, канал ОРТ показал документальный сериал «Русская глубина».

Миру была поведена российская версия противостояния подводников Советского Союза и Соединенных Штатов во время Холодной войны. К сожалению, авторы фильма не смогли обойтись без традиционного «джентльменского набора» военно-патриотической отечественной историографии и создали очередной пропагандистский ширпотреб. Впрочем, бог с ними — с национальными комплексами, поскольку тему «немирного глубоководного атома» сейчас полезнее всего рассмотреть не в плоскости глубоководных эволюций «железных акул», так и не получивших к счастью, сигнала к настоящей боевой атаке, — а в плане сравнения СССР и США по уровню того качества продукции, которое их судостроительная промышленность обеспечивала своим морякам⁴⁹⁰.

Главное, что прямо-таки бросается в глаза — это разность подходов при выполнении одной и той же задачи. В Штатах первым делом тщательно прорабатывали концепцию. Только после того, как была учтена каждая мелочь, составляли столь же обстоятельный план работ и лишь затем приступали к его реализации. Причем сначала все опять-таки по многу раз проверялось на берегу, а в море выпускалось «изделие» в максимально надежном, насколько это было возможно, состоянии.

В Советском Союзе шли кардинально иным путем, пытаясь даже столь глобальную цель, как атом, одолеть привычными методами — посредством кавалерийских наскоков и штурмовщины. Например, советская промышленность долго не могла обеспечить надежной работы парогенераторов ядерных энергоустановок — вода первого контура через быстро появлявшиеся трещины в трубных пучках проникала во второй и вызывала в нем повышение радиоактивности, что приводило к переоблучению личного состава. Все атомоходы первого поколения (проектов 627, 629, 645, 658, 659, 675) имели этот дефект. Не стану подробно говорить о прочих конструкторских метаниях: достаточно взглянуть на внешний вид субмарин разных проектов.

Тем не менее, не доведенные «до ума» типы подлодок все равно строились в огромном количестве и регулярно выпихивались в море на боевую службу.

Американцы, наоборот, очень долго не приступали к крупносерийному производству, «до верного» продолжая поиск наиболее перспективного проекта корабля. В частности, особо жесткий контроль был внедрен при приемке атомных реакторов. Они испытывались в условиях максимально приближенных к океанским реалиям — искусственно создавались крены, дифференцы, ускорения и прочие перегрузки. Да что говорить о ядерных энергоустановках, когда даже форма корпуса подводной лодки отрабатывалась на специально построенной опытной субмарине. Но зато когда был найден образец корабля, удовлетворявший большинству требований, он потом с постепенными улучшениями повторялся во всех последующих проектах. Это благотворно сказывалось как на темпах работ, так и на стоимости продукции.

Аналогичным образом развивалась ситуация и с размещением на подводных лодках баллистических ракет. В США с самого начала исходили из того, что океан — это огромная стартовая площадка, где, в отличие от суши, не нужно шахт и достаточно легко можно уйти от взгляда нескромных чужих глаз. Поэтому американцами была разработана комплексная целевая программа, изначально задуманная как единая система. В нее входило конструирование специальной морской баллистической ракеты, причем, что очень важно, сразу же верно было выбрано топливо — твердое. И старт — подводный. Следующим компонентом являлся носитель ракеты. И здесь безошибочно остановились на атомной субмарине — варианте более сложном, но перспективном. Затем рассчитывались системы жизнеобеспечения, базирования и прочие детали, вплоть до оптимального количества ракет в залпе.

Наша страна и здесь пошла своим особым путем. И, как вскоре выяснилось, традиционно не лучшим. Вме-

сто создания специального проекта морской баллистической ракеты было решено взять за основу существующую сухопутную модель. Вместо твердотопливного двигателя — выбрали жидкостной. Вместо подводного старта — надводный. Вместо целевой разработки в качестве носителя нового типа атомной субмарины, остановились на уже существующей серийной и к тому же дизельной подлодке. Все это обусловило дальнейшее хроническое отставание.

Ведь что такое, к примеру, надводный старт? Лодка должна всплыть, открыть крышку шахты, поднять ракету на пусковом столе к ее верхнему срезу, а после запуска опустить стол, закрыть шахту и только потом опять погрузиться. То есть, терялось главное достоинство субмарины — скрытность. И если бы ей даже удалось нанести удар, то шансы на возвращение резко снижались. А экипаж превращался, по сути, в отряд камикадзе.

Но в отечественных вооруженных силах начальство традиционно видит в личном составе не живых людей, а что-то вроде военно-биологического полуфабриката, единственное предназначение которого — быть использованным. Поэтому, когда первый советский атомный ракетоносец (проект 658, тактический номер «К-19») в июле 1961 года все же вышел в море, он, несмотря на то, что в теории аварийная ситуация с реактором не исключалась, инструкций на такой случай вообще не имел. И случилось то, что и должно было произойти при подобном раскладе — нештатная ситуация обернулась тяжелейшей аварией с человеческими жертвами и переоблучением всего экипажа.

Вопреки героическим усилиям моряков, аварию устранить не удалось, и командир подлодки капитан 2-го ранга Николай Затеев вынужден был нарушить приказ о радиомолчании просьбой о помощи. К тому времени главная антенна уже вышла из строя, а вспомогательная не могла обеспечить связь с берегом. Но сигнал беды все же поймала дизельная субмарина «С-270», находившаяся по плану учений в соседнем квадрате.

Командовавший ею капитан 3-го ранга Жан Свербилов, конечно, не имел права самовольно покидать боевую позицию. Однако сознание того, что угроза гибели нависла над товарищами, заставила офицера нарушить все уставы. Он решил немедленно идти к аварийному кораблю. Это и спасло жизнь большинства членов экипажа «К-19». Атомоход удалось удержать на плаву, а затем и привести в базу.

Для командира «С-270» его человеколюбивая инициатива вышла боком. Уже через час после начала спасательных работ и выхода в эфир с докладом о трагической ситуации, Свербилов получил свирепое радио от главкома ВМФ СССР: «Почему без разрешения покинули позицию? Ответите за самовольство!». Неприятности, разумеется, продолжились по возвращении домой. Вот как их описывает сам Жан Михайлович: «Проснулся я оттого, что кто-то тряс за плечо. Будил меня флагманский связист одного из соединений подводных лодок Ким Батманов. „Мы, офицеры флота, все за тебя, Жан, — сказал он, — но на флот приехал Бутыма — самый главный в советском судостроении. Все перед ним на цыпочках ходят, ведь он представитель ЦК. Так вот, он заявил, что промышленность поставляет флоту превосходную технику, а флот — дерьмо, не умеет ее эксплуатировать. Затеев — паникер, ты, Жан, — пособник паники“»⁴⁹¹.

К счастью, времена были уже не сталинские, и дальнейших репрессий не последовало. Тем не менее, сама реакция на аварию «К-19» со стороны высоких чинов была типично российской — хамской и барской одновременно. Обратимся еще раз к записям Жана Михайловича: «Когда мы положили стопку партийных и комсомольских билетов на стол к начальнику политотдела, он посмотрел на них, как на неразорвавшуюся гранату. „Зачем вы это сюда принесли?“ — „А куда мы их должны нести?“. Тогда он вызвал молоденькую вольнонаемную секретаршу и приказал запереть их в сейф... А в медицинских книжках моряков наших экипажей не остави ти не единой записи о полученных

дозах радиации». Добавим, что восемь из них умерли почти сразу же и еще несколько человек позднее, а «К-19» получила у моряков красноречивое прозвище «Хиросима».

Несовершенство проекта первой советской атомной субмарины и отсутствие четкой методики эксплуатации новой техники привели к тому, что история ее службы превратилась в бесконечную цепочку различных аварий, происшествий и трагических случаев со смертельными исходами для тех, кто имел несчастье оказаться на ее борту. Еще во время постройки на стапеле в трюме субмарины вспыхнул пожар. Затем были пробные неудачные пуски реактора. В феврале 1972 года на «Хиросиме» произошла новая трагедия, которая стоила жизни 30 морякам. Но корабль вновь спасли и восстановили, а принимать ее из ремонта отцы-адмиралы послали тех, кто остался жив в аду недавней катастрофы. Такое испытание психика выдержала не у всех...

Возвращение субмарины на базу ознаменовалось новым пожаром. Видя дымящийся атомоход, окруженный судами спасателями и буксирами, моряки понимающе переглядывались: «„Хиросима“ вернулась...». Различные неприятности регулярно продолжали случаться и в дальнейшем. Тем не менее, высокое начальство упрямо возвращало корабль в строй и отправляло на задание в море. Хотя на деле он, естественно, был более опасен для своих, чем для «вероятного противника». Пример трагической эпопеи «К-19» не исключение.

Напоследок следует заметить, что, когда американцы в 60-х годах прошлого века потеряли по неизвестным причинам две атомные подводные лодки, — США на несколько лет взяли тайм-аут, прекратили рискованные походы в Арктику и занялись работами по повышению надежности систем жизнеобеспечения. В результате у них по сию пору — больше ни одной катастрофы с человеческими смертями. В то время как наш скорбный мартиролог сейчас уже тянет на солидную книгу.

...«Хиросиму» адмиралы вывели из боевого состава лишь в 1991 году, когда флоту стало не хватать денег на содержание даже новых кораблей. Вслед за ней последовало и подавляющее большинство других атомных советской постройки. Как их утилизировать, пока толком никто не знает. Американцы каждый год выделяют миллионы долларов для решения этой проблемы. Правда, в России опять недовольны — считают, что мало...

Зачем нужна горькая правда

Главная тема этой книги — восприятие и осознание россиянами собственного военного прошлого — гораздо глубже, чем может кому-то показаться на первый взгляд. Касается она не только узкого круга историков, а каждого жителя нашей страны. Ведь пока самые широкие круги общественности всерьез не задумаются над упрямо повторяющимися ошибками минувших времен и по-настоящему не захотят перемен, армейские неурядицы и в будущем постоянно будут напоминать о себе разными трагическими «сюрпризами», безжалостно и властно вторгаясь в судьбы миллионов молодых мужчин — чьих то сыновей, братьев, мужей.

О том насколько серьезен, болезнен и трудноразрешим данный вопрос, свидетельствует тот факт, что за последние полтора десятка лет едва ли не единственной сферой общественной жизни, практически не претерпевшей никаких радикальных перемен, остаются вооруженные силы. Неоднократные попытки реформ привели здесь лишь к изменениям косметического характера.

В результате простой набор призывников в армию ныне превратился в остросоциальную проблему. От выполнения «почетного долга» многие пытаются увильнуть любыми способами, вплоть до антизаконных. Падение престижа военной службы оборачивается тем, что даже офицерские мундиры надевают се-

годня — далеко не лучшие сограждане. Все это; в конечном счете, уже по-настоящему угрожает не только обороноспособности, но и внутреннему благополучию государства.

Тем не менее, генералы, которые по большому счету представляют собой плоть от плоти народа, продолжают мертвой хваткой держаться за идеалы «времен очаковских и покоренья Крыма». Они никак не хотят признать, что их потерявшаяся во времени «епархия» срочно требует тотального реформирования — подобного тому, которое было предпринято в начале XVIII века Петром I. Вместо этого продолжается бессмысленная ежегодная заготовка «пушечного мяса впрок» — чтобы хватило на тот случай, если в очередной раз придется воевать не умением, а числом...

Вопрос, конечно же, сейчас не в том, кто виноват. Главное — что делать? Наверное, пришла пора понять, что дело военной реформы нельзя дальше оставлять на совести исключительно людей с большими звездами на погонах. Не стоит надеяться и на «царя-батюшку»: новый Петр Великий вряд ли появится в обозримом будущем, да и эпоха «просвещенного абсолютизма» давно во всем мире миновала.

Необходимо умственное пробуждение всего общества, необходимы затем его политическая воля и трудовые усилия. А для этого главное — в первую очередь перестать лгать самим себе и кичиться своим мнимым величием, осознать корни своих вековых проблем и научиться брать пример с тех, кто умеет работать и воевать лучше, чем до сих пор умели мы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кораблев И.* Ганнибал. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 220.

² В данной связи очень показателен тот факт, что слово «склавин», служившее для обозначения группы славянских племен, у германцев, в конце концов, стало синонимом термина «раб». Не менее красноречива в этом плане и широко известная цитата русской летописи, передающей слова князя Святослава Игоревича, (он княжил в Киеве в 957–972 годах, но по воспитанию еще оставался норманном и соответственно рассматривал Русь как недавно завоеванную колонию) которые касались планов на ближайшее будущее: «Хочу жить в Переяславле на Дунае. Там середина земли моей. Туда стекается всякое добро: от греков — золото, шелка, вина, разные плоды, от чехов и венгров — серебро и кони, а из Руси — меха, мед и рабы». Что касается непосредственно уровня развития военного дела у древнеславянских племен, то наиболее подробно эта тема освещена у византийского историка Маврикия. Из его работ (см., например, «Стратегикон» в «Вестнике древней истории» № 1 за 1941 год) следует, что славяне практически не знали боевого порядка, бросались в сражение толпой. Поэтому автор считал достаточным использовать против них неглубокие построения. Наибольшую опасность славяне представляли в лесах и теснинах, где фаланга вынужденно рассыпалась и теряла ударную мощь. То есть, единственная возможность наносить урон более организованному неприятелю у наших предков появлялась лишь при партизанском способе ведения войны. Это удел слабых.

³ В том, что русские дружины IX–XII веков являлись плодом труда скандинавов, убеждают многие факторы. К самым наглядным специалисты относят вооружение: каплевидные щиты, прямые длинные мечи, островерхие шлемы и прочее снаряжение, практически полностью копирующее типичную боевую экипировку норманнов.

⁴ *Четверухин Г.* История развития корабельной и береговой артиллерии. Москва — Ленинград: Военмориздат, 1942. С. 48.

⁵ *Похлебкин В.* Внешняя политика Руси, России и СССР в именах, фактах, датах (справочник). Выпуск II, 1-я книга. М.: Международные отношения, 1995. С. 69.

⁶ Если упомянуть еще взлет ВМФ Японии времен Второй мировой войны и нынешнего супергиганта – США, которому Британия передала гегемонию на океанах, то этим мы исчерпаем перечень стран, когда-либо добивавшихся статуса великих морских держав. Здесь уместно заметить, что именно попытка создания сверхдержавного флота нанесла роковой удар экономике СССР.

⁷ Морской энциклопедический словарь. СПб.: Судостроение, 1993. С. 205.

⁸ ...*Всяких немцов на воеводство не посылать* // Родина. 1997. № 9. С. 51.

⁹ *Четверухин Г.* История развития корабельной и береговой артиллерии, Москва – Ленинград: Военмориздат, 1942. С. 70.

¹⁰ Католик Фиорованти возвел также Успенский собор – главную архитектурную святыню Русской православной церкви. Перед этим Успенский собор безуспешно пытались построить отечественные специалисты – здание рушилось. Вслед за Фиорованти в Россию потянулись и другие итальянцы. Например, Марк Фрязин возвел Ивану III Грановитую палату, Алевиз Новый и Петр Фрязин соорудили более мощные стены Кремля. Перечисление можно продолжить и дальше.

¹¹ И это в тот момент, когда могущество Европы прирастало именно морем! Воистину – когда Бог хочет наказать, он отнимает разум!

¹² *Похлебкин В.* Внешняя политика Руси, России и СССР в именах, фактах, датах (справочник). Выпуск II, 1-я книга. М.: Международные отношения, 1995. С. 121.

¹³ Там же.

¹⁴ Россия XV–XVII веков глазами иностранцев (сборник). Лениздат, 1986. С. 51.

¹⁵ ...*Всяких немцов на воеводство не посылать* // Родина. 1997. № 9. С. 52.

¹⁶ Кстати освещение данного эпизода в интерпретации одного из главных морских авторитетов сталинской эпохи академика А. Н. Крылова красноречиво свидетельствует, что в России осмысление этой проблемы несколько не продвинулось даже к середине XX века. (Цитируется по воспоминаниям А. Сорокина «Строки победы» (из дневника издателя), опубликованным в 7-м выпуске сборника «На земле, в небесах и на море» М.: Воениздат, 1985. С. 252.) «8 августа

1941 года... В редакторской Алексей Николаевич оживился. Зашла речь о подписании соглашения с англичанами о совместных действиях в войне против Германии. Ученый обрушился на Чемберлена и Черчилля. С ними, с англосаксами, переговоры надо вести жестче, напористее. — Как бывало в истории, — шумел Крылов, — а история — хороший учитель. Я еще в двадцатые годы рассказывал в Лондоне нашим дипломатам, как Иван Васильевич Грозный, государь, вел дипломатическую переписку с английской королевой Елизаветой. В послании к ней он сообщал нужды своего государства. Королева ответила, что согласна заключить торговый договор и предложила условия. Грозный, человек зело нервный и прямой, возмутился и начертал: «Я тебе писал о своих государственных нуждах, а ты мне отвечаешь о нуждах твоих торговых мужиков. Ну, не пошла ли ты дура!»

¹⁷ *Похлебкин В.* Внешняя политика Руси, России и СССР в именах, фактах, датах (справочник). Выпуск II, 1-я книга. М.: Международные отношения, 1995. С. 207.

¹⁸ ...Всяких немцов на воеводство не посылать// Родина. 1997. № 9. С. 53.

¹⁹ *Четверухин Г.* История развития корабельной и береговой артиллерии, Москва — Ленинград: Военмориздат, 1942. С. 107.

²⁰ Советская Военная Энциклопедия (далее СВЭ). Т. 4. М.: Воениздат, 1977. С. 20.

²¹ СВЭ. Т. 7., М.: Воениздат, 1979. С. 204.

²² *Петросян Ю.* Османская империя. М.: Наука, 1990. С. 138

²³ Действия Румянцева и Суворова в наиболее громких победных сражениях с турками буквально списаны с позиций классических битв Евгения Савойского с османами при Белграде и Зенте. Это, разумеется, несколько не умаляет полководческой славы «екатерининских орлов», а лишь подтверждает их принадлежность к самой передовой в ту пору европейской школе.

²⁴ *Харботл Т.* Битвы мировой истории (словарь). М.: Внешсигма, 1993. С. 61.

²⁵ Там же. С. 124.

²⁶ Энциклопедия военного искусства. Генералиссимусы. Минск: Литература, 1997. С. 187.

²⁷ *Ненахов Ю.* Войны и кампании Фридриха Великого. Минск: Харвест, 2002. С. 455.

²⁸ *Бешанов В.* Шестьдесят сражений Наполеона. Минск: Харвест, 2000. С. 405.

²⁹ *Васильев А.* О составе русской и шведской армий в полтавском сражении // Военно-исторический журнал. 1989. № 7.

³⁰ *Ненахов Ю.* Войны и кампании Фридриха Великого. Минск: Харвест, 2002. С. 431.

³¹ Там же. С. 545.

³² Там же. С. 552.

³³ *Золотарев В., Межевич М., Скородумов Д.* Во славу отечества Российского. М.: Мысль, 1984. С. 165.

³⁴ Там же. С. 188.

³⁵ *Строков А.* История военного искусства. СПб.: Полигон, 1994. С.152.

³⁶ В то же время вливание западных специалистов продолжало поддерживать боеспособность российской армии на весьма достойном уровне: в 1812 году с Наполеоном под знаменами Александра I сражалось более 120 генералов-европейцев из примерно 400 штатных единиц. См. Безотосный В. Национальный состав российского генералитета 1812 года // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 60–71.

³⁷ СВЭ. Т. 1. М. ОГИЗ РСФСР, 1932. С. 510.

³⁸ Подробнее см. *Кабузан В.* Немецкое население в России в XVIII – в начале XX веков // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 18–29; *Хоскинг Д.* Великое, но рухнувшее прошлое // Родина. 1995. № 1. С. 39.

³⁹ Однако даже этот факт не заставил российское общество трезво осмыслить уроки истории. Иллюстрация этому – военные реформы 1905–1912 годов, которые свелись к традиционной говорильне вперемежку с половинчатым подражанием и одновременными претензиями на поиск «собственного особого пути».

⁴⁰ Эта модель стала эталоном на целых полтора столетия – вплоть до конца XX века, когда армия западного мира вновь рванулась на новый технологический уровень и стала превращаться в симбиоз человека и компьютера.

⁴¹ *Керсновский А.* История русской армии. Т. 3. М.: Голос, 1994. С. 341.

⁴² Там же. Т. 4. С. 164, 353.

⁴³ *Мерцалов А.* Некоторые проблемы Великой Отечественной войны на страницах «Военно-исторического журнала» // Вопросы истории. 1991. № 23. С. 250.

⁴⁴ *Ларин М., Банасюкович Д.* Информационный потенциал автоматизированного банка данных о безвозвратных потерях в годы Великой Отечественной войны // *Людские потери СССР в Великой Отечественной войне.* СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. С. 68–70.

⁴⁵ Немецкое *Ordnung uber alles* в таком деле, само собой, всегда предпочтительнее российских «авось да небось».

⁴⁶ При подготовке главы использованы книги: *Ханке Х.* Люди, корабли, океаны. Л.: Судостроение, 1976; *Фиркс И.* Суда викингов. Л.: Судостроение, 1982; *Блон Ж.* Великий час океанов. М.: Славянка, 1993; *Уингейт Ф., Миллард Э.* Викинги. М.: Росмэн, 1995; *Стриннгольм А.* Походы викингов. М.: АСТ, 2002; *Джонс Г.* Викинги. М.: Центрполиграф, 2003; *Хоскинг Д.* Россия и русские. М.: АСТ, 2003; *Похлебкин В.* Внешняя политика Руси, России и СССР в именах, фактах, датах (справочник). Выпуск II, 1-я книга. М.: Международные отношения, 1995; статьи: *Авдусин Д.* Современный антинорманизм // *Вопросы истории.* 1988. № 7. С. 23–33; *Мельникова Е., Петрухин В.* Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // *Вопросы истории.* 1989. № 8; *Хлезов А.* Варяги на Руси: научный спор и историческая реальность // *Новый часовой.* 1997. № 5. Издательство СПбГУ.

⁴⁷ В финском языке по сей день шведы именуется словом «*ruotsi*».

⁴⁸ Дир – скорее всего искаженное скандинавское имя Тир, что означает «небесный» (имя бога войны).

⁴⁹ Примечательно, что примерно в ту же эпоху (в конце XI – начале XII вв.) политическая раздробленность не мешала западно-европейским рыцарям договориться между собой, выстроить четкую воинскую иерархию, создать могучее крестоносное войско и, пройдя тысячи километров, не только завоевать Палестину, но основать там несколько государств. В свою очередь, низкая договороспособность русской элиты явилась одной из главных причин не только завоевания русских княжеств монгольскими ханами, но и последующей 250-летней зависимости Руси от Орды.

⁵⁰ Когда на Руси появилась артиллерия точно не известно. На данный счет существуют два известия. В «Голицынской» летописи говорится, что «лета 6879 (1389 год) вывезли на Русь арматы и стрельбу огненную и от часу уразуме-

ли из них стреляти». Но в другой летописи – «Софийском временнике» – имеется сообщение, что при обороне Москвы от татар в 1382 году уже применялось огнестрельное оружие: «тюфяки пушаще в них, ...а иные великими пушками». Однако поскольку первая запись специалистами считается более достоверной, то в XIX веке 500-летний юбилей отечественной артиллерии праздновали в 1889 году.

⁵¹ В современной историографии старую статистику приводят очень редко. Одно из таких исключений – книга *Павленко Н.* (Петр Великий. М.: Мысль, 1994. С. 139), где можно прочитать, что к Нарве подошли четыре корпуса. «Генеральство» Головина – 10 пехотных и 1 драгунский полк – 14 726 человек. «Генеральство» Вейде – 9 пехотных и 1 драгунский полк – 11 227 человек. Новгородский отряд – 2 пехотных и 5 стрелецких полков – 4700 человек. Дворянское ополчение – 11 533 человека. Если сверить эту информацию со справочником *Рабиновича М.* (Полки петровской армии 1698–1725. М.: Советская Россия, 1977), то выясняется, что Павленко не упомянул один стрелецкий полк и два гвардейских. Гвардия насчитывала порядка 4000 солдат (*Леонов О., Ульянов И.* Регулярная пехота. М.: АСТ, 1995. С. 23). Еще необходимо учесть несколько сотен артиллеристов. После чего получим примерно 32 500 солдат регулярной армии и около 15 000 стрельцов и конников дворянского ополчения. Конечно, ко времени подхода Карла XII – за два с половиной месяца осады – русская армия понесла какие-то потери. Но они не были крупными, поскольку ни одного штурма Нарвы Петр предпринять не решился, а гарнизон крепости по причине малочисленности больших вылазок не делал.

⁵² *Павленко Н.* Петр Великий. С. 144.

⁵³ Павленко (на стр. 148) указывает, что с учетом подошедшего после сражения из глубины России «генеральства» Репнина (9 пехотных полков – 10 834 солдата), остатки разбитых частей регулярной армии, собравшейся у Новгорода, насчитывали 22 967 человек (не включая гвардию). Если сравнить эту цифру с перечисленным выше составом «генеральств» Головина и Вейде, а также учесть численность 2-х новгородских полков, направленных к Нарве (по штатам пехотному полку полагалось свыше 1000 человек), то легко вычислить потери частей регулярной армии – не менее 16 000 человек. Урон стрельцов и дво-

рянского конного ополчения точно нигде не сообщается. Но известно, что только во время бегства вплавь через реку Нарову утонуло свыше тысячи кавалеристов (*Павленко Н.* С. 145). Кстати, величину общих потерь в 17 000 человек называет один из наиболее основательных дореволюционных историков петровской эпохи Устрялов Н. (*Урланис Б.* История военных потерь. СПб.: Полигон, 1994. С. 54).

⁵⁴ *Масси Р.* Петр Великий. Т. 2. Смоленск: Русич, 1996. С. 84.

⁵⁵ СВЭ. Т. 5. М.: Воениздат, 1978. С. 495.

⁵⁶ *Харботл Т.* Битвы мировой истории. М.: Внешсигма, 1993. С. 318.

⁵⁷ Внимательный читатель этой книги может очень легко убедиться еще и в чрезвычайно низком профессиональном уровне коллектива российских «редакторов-цензоров». Трудно поверить, но эти «историки» (руководитель коллектива – Медведева Н.) не знают, что в европейской историографии победы Румянцева и Суворова при Кагуле (1770 год) и Треббии (1799 год) носят другие названия – битвы у Прута и у Сан-Джованни. Поэтому они решили, что «вредный» англичанин специально не упомянул в справочнике успехи русских полководцев и, желая «исправить несправедливость», поместили их туда под русскими названиями. В результате оба сражения представлены в книге двумя статьями. Румянцевское на буквы «К» и «П» (С. 186, 372), а суворовское на буквы «С» и «Т» (С. 401, 454).

⁵⁸ *Павленко Н.* Петр Великий. С. 415.

⁵⁹ Там же. С. 487.

⁶⁰ Не говоря уж о Суворове (заявившем о себе, как о полководце, гораздо позднее Фридриха и Морица Саксонского), которого отечественные историки предпочитают упоминать в подобных случаях.

⁶¹ *Энглунд П.* Рассказ о гибели одной армии. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 55.

⁶² *Павленко Н.* Петр Великий. С. 308.

⁶³ *Васильев А.* О составе русской и шведской армий в полтавском сражении // Военно-исторический журнал. 1989. № 7.

⁶⁴ *Павленко Н.* Указ. соч. С. 308.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ *Энглунд П.* Рассказ о гибели одной армии. С. 83–84.

⁶⁷ *Масси Р.* Петр Великий. Т. 2. С. 326.

⁶⁸ *Масси Р.* Петр Великий. Т. 2. С. 326.

⁶⁹ *Энглунд П.* Рассказ о гибели одной армии. С. 146.

⁷⁰ *Масси Р.* Петр Великий. Т. 2. С. 334.

⁷¹ Там же.

⁷² *Васильев А.* Пехота шведской армии Карла XII под Полтавой // Орел. 1992. № 1. С. 18–27.

⁷³ *Энглунд П.* Рассказ о гибели одной армии. С. 267.

⁷⁴ *Павленко Н., Артамонов В.* 27 июня 1709. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 244.

⁷⁵ Там же. С. 245.

⁷⁶ Там же. С. 243.

⁷⁷ Даже через несколько лет после смерти Петра – в 1729 году из 71 генерала русской армии 41 человек являлся иностранными «военспецами». Подробнее см. в книге *Анисимова Е.* Россия без Петра 1725–1740. СПб.: Лениздат, 1994. С. 431.

⁷⁸ Двойное жалованье для иностранцев, по сравнению с русскими военными, введенное Петром, отменили по иронии ее величества Истории во время так называемого «немецкого-засилья» те же самые немцы Бирон и Миних лишь в 1732 году. При них же (но еще позже – в 1738 году) российский генералитет наконец-то обрел количественный паритет с европейцами на русской службе – 31 иноземец к 30 россиянам. Подробнее см. в книге *Анисимова Е.* Россия без Петра 1725–1740. СПб.: Лениздат, 1994. С. 429, 431.

⁷⁹ *Петрухинцев Н.* Два флота Петра I: технологические возможности России // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 117–128.

⁸⁰ *Андерсен М.* Петр Великий. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 157.

⁸¹ После 1724 года (Петр умер в начале 1725-го) из всех огромных 70–90-пушечных линкоров, во множестве построенных «царем-шхипером» на выколачиваемые из мужиков последние копейки, в море из базы всего несколько раз выходил только один (подробнее см. в справочнике *Чернышова А.* Российский парусный флот. М.: Воениздат, 1997). Остальные сгнили, простояв у причалов без всякой пользы. И превратившись, таким образом, наверное, в самый дорогой в мире (и самый недолговечный) памятник ограниченности власти даже великих самодержцев.

⁸² Впрочем, и в данном случае можно говорить лишь об относительном успехе (только в сравнении с достижения-

ми своего же флота открытого моря), поскольку даже когда Северная война закончилась, Петр был вынужден сохранять в армейском флоте высокооплачиваемую группу иностранцев — старших и средних офицеров, игравших роль главных управленцев-организаторов. В 1723 году из числившихся на галерной службе одного вице-адмирала, двух командоров, шести капитанов 2-го ранга, одного капитана 3-го ранга и одного капитан-поручика все были иноземцами. Из семи поручиков русским являлся лишь один. Только на уровне младших командиров — подпоручиков, комитов и подкомитов коренные русские начинали добиваться паритета, занимая соответственно из 21, 36 и 51 вакансий — 18, 17 и 40. Подробнее см. *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб.: Историческая иллюстрация, 1999. С. 111, 184.

⁸³ При работе над этой главой использованы книги: *Клаузевиц К.* Швейцарский поход Суворова 1799 года. М.: Воениздат, 1939; *Осинов К.* Суворов. Л.: Госполитиздат, 1943; *Осинов К.* Александр Васильевич Суворов. М.: Воениздат, 1955; *Золотарев В., Межевич М., Скородумов Д.* Во славу отечества Российского. М.: Мысль, 1984; *Ростунов И.* Генералиссимус Александр Васильевич Суворов. М.: Воениздат, 1989; *Керсновский А.* История русской армии. Т. 1. М.: Голос, 1992.; *Строков А.* История военного искусства. Т. 2. СПб.: Полигон, 1994; История войн. Т. 2. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997; статьи: Сен-Готард // СВЭ. Т. 7. М.: Воениздат, 1979; *Орлов А.* Цюрихское сражение; *Фролов Б.* Чертов мост и *Агеев А.* Швейцарский поход Суворова // СВЭ. Т. 8. М.: Воениздат, 1980; *Кавтарадзе А.* Итальянский и Швейцарский походы А. В. Суворова в 1799 году // Новая и новейшая история. 1981. № 3; *Беспалов А.* Швейцарский поход Суворова: бой за Чертов мост и перевал Сен-Готард // Сержант. 2000. № 1; *Ильин С.* Сражение при Цюрихе // Сержант. 2000. № 3.

⁸⁴ В августе 1799 года в Голландии британо-русский флот высадил еще одну армию численностью 32 000 солдат (из которых 17 593 были русскими, остальные англичане). Подробнее см. статью *Егорова А.* Конфуз союзного войска // Родина. 1996. № 6. С. 37—42.

⁸⁵ В отечественной историографии долгое время не было единодушия в оценке численности русских солдат в отряде Суворова. Цифры колебались от 17 000 в Т. 8. СВЭ (С. 499) до

21 000 в «Истории военного искусства» А. Строкова (С. 171). Но А. Беспалов в журнале «Сержант» (№ 1 за 2000 год) опубликовал боевое расписание русской армии в Швейцарии, из которого следует, что Александр Васильевич имел под рукой порядка 21 500 солдат.

⁸⁶ Кроме того, 10 500 австрийцев непосредственно в операции не задействовались, а выполняли роль заслонов на севере (корпус Науендорфа) и на юге (отряд Рогана).

⁸⁷ Еще 23 400 французских солдат (дивизии Шабрана, Клейна, Тюрро), сдерживаемых австрийскими заслонами на юге и на севере в полосу суворовского удара не попали.

⁸⁸ Любопытно проследить тенденцию освещения этого боя в советской историографии. В частности, в книге *Осипова К.* (Суворов. 1943. С. 260) резюме итогов сражения оканчивается абзацем: «В этот день русские войска потеряли 2 тысячи человек. По мнению многих военных писателей, это была напрасная жертва, так как движение Розенберга в тыл Сен-Готарда все равно принудило бы французов ретироваться. Это замечание справедливо. Но оно не учитывает того, что Суворов не мог быть уверен в успехе Розенберга, а для армии был дорог каждый час». Но в следующих изданиях этой книги Осипова, которая стала называться не «Суворов», а «Александр Васильевич Суворов» (например, в издании 1955 года. С. 249), вся вышеприведенная информация о потерях и спорности суворовских решений выкинута. В аналогичном ключе «переработаны» и абсолютно все остальные главы. Так, среди прочего в 1943 году Осипов еще даже пытался полемизировать с критиками суворовского плана Швейцарской кампании и признавал вероятность существования каких-то его ошибок (С. 255): «Если Суворову может быть брошен упрек в недостаточно тщательной проверке сведений, то поведение австрийцев, уже долгое время воевавших в Швейцарии...» Но в 1955 году уже никаких упоминаний о недочетах фельдмаршала нет. Абзац сразу начинается с претензий к бывшим союзникам (С. 243). Таким образом, читатель постепенно лишался последних крох той информации, что могла натолкнуть его на «ненужные» мысли.

⁸⁹ В отечественной историографии статистика потерь неудачного сражения традиционно запутана. Говоря проще, с годами она становится все меньше — то есть прият-

нее для «патриотического» глаза. Например, А. Керсновский (начавший работать над своей «Историей русской армии» еще до революции и закончивший труд в эмиграции) определял потери Римского-Корсакова в 18 000 человек. Да еще прибавлял, что: «Это самое жестокое поражение нашей армии за XVIII столетие» (С. 190). А в СВЭ (Т. 8. С. 439) грустные цифры снижаются до 15 000. В постперестроечной «Истории войн» убыль при Цюрихе уже 8000 душ (С. 273). А в совсем «свежей» статье С. Ильина, опубликованной в журнале «Сержант», по части утрат упоминаются только три генерала и 4000 солдат, попавших в плен (С. 8).

⁹⁰ Русский историк Д. Милютин еще в середине XIX века опубликовал данные, которые гласили, что после суворовской кампании в Альпах в австрийском корпусе Петраша осталось 16 000 штыков. Петрашу подчинялись войска убитого Готце, Елачича, Линке и Ауфенберга, насчитывавшие до начала операции 22 000 солдат. Значит, их потери составили 6000 человек. Русская армия Суворова, после объединения с остатками полков Римского-Корсакова и только что подошедшим 7-тысячным корпусом Конде, насчитывала 35 000 человек. Сравним эти цифры с теми русскими силами, которые Александр Васильевич имел к моменту начала наступления, получим убыль — 20 500 человек. Подсчет осуществлен по указанной выше книге Ростунова (С. 472, 475.)

⁹¹ Записки А. П. Ермолова. М.: Высшая школа, 1991. С. 197.

⁹² Земцов В. Битва при Москве-реке. М.: Рейтар, 1999. С. 9.

⁹³ Там же. С. 17.

⁹⁴ История России 1682—1861. М.: ТЕРРА, 1996. С. 364.

⁹⁵ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. СПб.: Наука — Ювента, 1994. С. 36—38; Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. М.: Воениздат, 1941. С. 18—19.

⁹⁶ Троицкий Н. Первоисточник русских данных о потерях Наполеона при Бородине // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 186—187.

⁹⁷ Васильев А. Лукавая цифирь авантюриста // Родина. 1992. № 6—7. С. 71.

⁹⁸ Вопросы истории. 1990. № 9. С. 187.

⁹⁹ *Покровский М.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE LTD, London, 1991. С. 55;

¹⁰⁰ СВЭ. Т. 2. М. ОГИЗ РСФСР, 1933. С. 687–693.

¹⁰¹ Подробнее см. *Ганелин Р.* Сталин и советская историография предвоенных лет // Новый часовой. 1998. № 6–7, СПб.: Издательство СПбГУ, С. 100–117; *Бордюгов Г.* Большевики и национальная хоругвь // Родина. 1995. № 5. С. 727–7.

¹⁰² По подсчетам историка Сергея Волкова, опубликованным в его книге «Русский офицерский корпус» (М.: Воениздат, 1993. С. 310), новые фильмы о гражданской войне в России советские киностудии в период с 1942 по 1958 годы вообще не снимали.

¹⁰³ *Тарле Е.* Нашествие Наполеона на Россию. М. – Л.: Детиздат, 1940. С. 206; *Свечников М.* Война 1812 года. Бородино. М.: Воениздат, 1937. С. 88.

¹⁰⁴ *Кац Б.* Подлинные потери русской армии в Бородинском сражении // Исторический журнал. 1941. № 7–8. С. 125.

¹⁰⁵ Встречаются они и теперь, но уже со ссылками на книги, куда перекочевали в послевоенные годы.

¹⁰⁶ Русское военно-морское искусство (сборник статей). М.: Военмориздат, 1951. С. 154–168. Оценка Бородинского боя завершается абзацем: «Воля и искусство Кутузова победили волю Наполеона. К ночи Наполеон отвел свои войска с Бородинского поля, на котором он оставил более 58 тысяч убитых и раненых солдат и 47 генералов... Кутузов одержал крупнейшую победу... Наполеон впервые проиграл генеральное сражение... (С. 164).

¹⁰⁷ *Голубева Т., Геллерштейн Л.* Рассказы по истории СССР для 4-го класса (учебная книга). М.: Просвещение, 1967. С. 56.

¹⁰⁸ СВЭ. Т. 1. М.: Воениздат, 1976. С. 569.

¹⁰⁹ СВЭ. Т. 1. М.: Воениздат, 1990. С. 478–480.

¹¹⁰ *Керсновский А.* История русской армии. Т. 1. М.: Голос, 1992. С. 303.

¹¹¹ *Куковенко В.* Забытая страница войны 1812 года // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 173–176.

¹¹² *Доценко В.* Мифы и легенды Российского флота. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2000. С. 89.

¹¹³ *Аллилуев А.* Подвигу «Стережущего» // Андреевский флаг. 1992. № 7. С. 4.

¹¹⁴ *Афонин Н. «Стерегающий» // Гангут. Вып. 4, СПб.: Издательство «Гангут», 1992. С. 25.*

¹¹⁵ Там же. С. 25.

¹¹⁶ Там же. С. 25.

¹¹⁷ Там же. С. 26.

¹¹⁸ *Аллилуев А. Подвигу «Стерегающего». С. 4*

¹¹⁹ *Афонин Н. «Стерегающий». С. 26.*

¹²⁰ Там же. С. 27.

¹²¹ *Доценко В. Мифы и легенды Российского флота. С. 90.*

¹²² *Афонин Н. Указ. соч. С. 27.*

¹²³ Там же. С. 27.

¹²⁴ Там же. С. 28.

¹²⁵ Там же. С. 28.

¹²⁶ Там же. С. 28.

¹²⁷ *Аллилуев А. Подвигу «Стерегающего».*

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ *Сергеев А. «Стерегающий». М.: Молодая гвардия, 1957.*

¹³⁰ *Сергеев А. «Варяг»; «Стерегающий». М.: Слог, 1994.*

¹³¹ *Подвиг «Стерегающего» // Морской сборник. 1994. № 3. С. 94; Три века российского флота. СПб.: LOGOS, 1996. С. 356.*

¹³² *Добротворский Л. Уроки морской войны // Морские сражения русского флота. М.: Воениздат, 1994. С. 535–537.*

¹³³ Смысл содержания этого сочинения Владимира Ильича можно понять, прочитав всего одно предложение: «Великая армада, — такая же громадная, такая же громоздкая, нелепая, бессильная, чудовищная, как вся Российская империя, — двинулась в путь, расходуя бешеные деньги на уголь, на содержание, вызывая всеобщие насмешки Европы». (Полное собрание сочинений. Т. 10. С. 251–252.)

¹³⁴ *Семенов В. Расплата. СПб.: Издательство «Гангут», 1994.*

¹³⁵ То, что «патриотическо-советская» точка зрения по сей день господствует в официальной отечественной историографии, красноречиво свидетельствует тот факт, что журнал «Морской сборник» — главный флотский «рупор» Министерства обороны — уже в постсоветское время целых два года месяц за месяцем (с января 1992-го по декабрь 1993-го) публиковал именно семеновскую «Расплату». Хотя после снятия цензурных запретов никто не мешал подбирать для обнародования гораздо менее тенденциозные и

уж во всяком случае более информативные вещи. То, что историки в погонах упорно держатся за старое идеологическое наследие легко убедиться и, полистав те работы, которые считаются наиболее солидными трудами прошедшего десятилетия. Например, первый том 3-томника «Три века Российского флота» (СПБ.: LOGOS, 1996) или первый том 2-томника «История флота государства Российского» (М.: ТЕРРА – TERRA, 1996).

¹³⁶ Детонатором внезапно вспыхнувшего повышенного внимания к «цусимским» проблемам послужил «дуплет» из двух публикаций В. Чистякова (являвшихся вариациями одной и той же статьи), увидевший свет в журналах «Знамя» (Четверть часа в конце адмиральской карьеры. 1988. № 11. С. 185–206) и «Морской сборник» (Четверть часа для русских пушек. 1989. № 2. С. 89–95). Второе издание было узкоспециализированным, которое читали в основном профессионалы ВМФ, поэтому вариант «для военных» мало кто заметил. А вот «Знамя» в тот период «разгула гласности» гремело на всю страну более чем полумиллионным тиражом. И широкая общественность его выступление восприняла, как очередное разоблачение ранее замалчиваемых секретов. Впечатление усилил и тот факт, что версия для «гражданских» была написана отличным пером в захватывающем стиле военного детектива. Она имела большой резонанс. Достаточно сказать, что какое-то время ее обсуждали во всех курилках наравне с темой сталинских репрессий. Впрочем, сенсации тогда обрушивались на головы советских граждан почти каждый день и про «Четверть часа...» вскоре благополучно забыли. Отчего и спровоцированная статьей дискуссия уже не пользовалась таким вниманием. Хотя первый ответ Чистякову появился также на страницах очень популярного журнала (*Комков М. Цусима: загадки сражения; и Киличенков А. Упущенный шанс адмирала // Техника молодежи. 1990. № 6, С. 24–29.*) Киличенков немного ранее опубликовал сходную по смыслу вещь и в «Морском сборнике» (Ошибка Того и последний шанс адмирала Рожественского. 1990. № 3, С. 80–84), но суть его критики мнения Чистякова наиболее полно высказана именно на страницах «органа» ныне канувшего в лету ЦК ВЛКСМ. Затем развал Советского Союза отодвинул спор о причинах старого поражения отечественного флота на периферию общественных интересов и он ушел

на страницы негосударственных исторических изданий. Из последующих публикаций наиболее интересны: *Кофман В.* Цусима: анализ против мифов и *Чистяков В.* До первого залпа // *Наваль.* 1991. № 1. С. 3–23; *Грибовский В.* Эскадренные броненосцы типа «Бородино» в Цусимском сражении // *Гангут.* Вып. 2, СПб.: Издательство «Гангут», 1991. С. 25–43; *Цибулько В.* Маневр в огневые позиции японской и русской эскадр в Цусимском бою // *Морской исторический сборник.* Вып. 4, СПб.: ИПЦ «Паллада» и МП «Интерпоиск», 1993. С. 83–100; *Стасов К.* Цусима – кто виноват? // *Варяг.* Вып. 1, Тверь: Ретро-Флот, 1994. С. 57–63; *Александров А.* Выбор пути прорыва // *Флотомастер.* 2001. № 2. С. 24–29.

¹³⁷ На практике в Цусимском бою с японской стороны «работало» 17 пушек калибром от 254 до 305 миллиметров против 41 русского орудия аналогичной величины. Подробнее см. *Сулига С.* Справочник «Наваля» – 2-я Тихоокеанская эскадра и японский флот при Цусиме // *Наваль.* 1991. № 1. С. 24–35.

¹³⁸ Так по морской терминологии именовались кладовщики-раздатчики водки, обмундирования и прочего матросского довольствия.

¹³⁹ Напомню, что Россия в тот период переживала небывалый по остроте политический кризис, сопровождавшийся резким падением доверия общества к самодержавной власти, а также к государству как таковому и приведший в итоге к революции 1905–1907 годов. Эти настроения были широко распространены и в вооруженных силах.

¹⁴⁰ *Трухановский В.* Адмирал Нельсон. М.: Наука, 1980. С. 156, 167.

¹⁴¹ *Харпер.* Правда о Ютландском бое. М.: Воениздат, 1938. С. 112–118.

¹⁴² *Грибовский В.* Эскадренные броненосцы типа «Бородино» в Цусимском... С. 29–31.

¹⁴³ *Костенко В.* На «Орле» в Цусиме. Л.: Судостроение, 1968. С. 473.

¹⁴⁴ Там же. С. 444–445.

¹⁴⁵ *Кофман В.* Цусима: анализ против мифов. С. 11.

¹⁴⁶ *Грибовский В.* Эскадренные броненосцы типа «Бородино» в Цусимском... С. 40.

¹⁴⁷ *Кофман В.* Цусима: анализ против мифов. С. 12.

¹⁴⁸ *Киличенков А.* Упущенный шанс адмирала. С. 27.

- ¹⁴⁹ *Киличенков А.* Упущенный шанс адмирала. С. 27.
- ¹⁵⁰ *Сулига С.* Справочник «Наваля» С. 29–34.
- ¹⁵¹ *Кофман В.* Цусима: анализ против мифов. С. 9.
- ¹⁵² *Грибовский В.* Эскадренные броненосцы типа «Бородино» в Цусимском... С. 40.
- ¹⁵³ *Вильсон Х.* Линейные корабли в бою 1914–1918. М.: Воениздат, 1938. С. 21.
- ¹⁵⁴ *Костенко В.* На «Орле» в Цусиме. С. 473.
- ¹⁵⁵ СВЭ. Т. 3. М.: Воениздат, 1977. С. 149–150.
- ¹⁵⁶ *Геллер Ю.* Неверное эхо былого // Дружба народов. 1989. № 9. С. 230, 244.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 243–244.
- ¹⁵⁸ СВЭ. Т. 2. М.: Воениздат, 1976. С. 346.
- ¹⁵⁹ *Миронов В.* 23 февраля. История фальсификации // Новый часовой. 1994. № 1, СПб.: Независимая гуманитарная академия, 1994. С. 39.
- ¹⁶⁰ Вся власть советам. М.: Воениздат, 1957. С. 249
- ¹⁶¹ Там же. С. 260–261.
- ¹⁶² *Миронов В.* 23 февраля. История фальсификации. С. 40.
- ¹⁶³ Политический отчет центрального комитета 7 марта // Полное собрание сочинений В. Ленина. Т. 36. М.: Политиздат, 1981. С. 21.
- ¹⁶⁴ *Кавтарадзе А.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 годы. М.: Наука, 1988.
- ¹⁶⁵ СВЭ. Т. 1. М.: Воениздат, 1990. С. 496.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ *Геллер Ю.* Неверное эхо былого. С. 244.
- ¹⁶⁸ *Миронов В.* 23 февраля. История фальсификации. С. 41.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). М.: Госполитиздат, 1945. С. 207.
- ¹⁷¹ *Гофман.* Война упущенных возможностей. Москва – Ленинград: Государственное издательство, 1925. С. 161–162, 164–165, 194–197.
- ¹⁷² По официальным сведениям, советская делегация была сформирована из «профессиональных революционеров» А. А. Иоффе (председатель), Л. М. Карахана (секретарь), Л. Б. Каменева, Г. Я. Сокольникова, А. А. Биценко, С. Д. Масловского-Мстиславского. К ним были добавлены «представители народа» в лице матроса Ф. В. Олича, солдата Н. К. Белякова, крестьянина Р. И. Сташкова и рабочего П. А. Обухова.

¹⁷³ 29 августа 1918 года В. И. Ленин подписал Декрет Совета народных комиссаров, в котором были аннулированы все договоры и акты, заключенные правительством бывшей царской империи с Пруссией и Австро-Венгрией по разделам Польши. Подробнее см. *Жарова Н., Мишина И.* История отечества 1900—1940 (Учебная книга для старших классов средних учебных заведений). СПб.: ИЧП «Хардфорд», 1996. С. 227.

¹⁷⁴ СВЭ. Т. 2. М.: Воениздат, 1976. С. 103—104.

¹⁷⁵ *Полторак С.* Победоносное поражение. СПб.: ТОО «Терция», 1994. С. 93.

¹⁷⁶ *Жарова Н., Мишина И.* История отечества 1900—1940. С. 227—228.

¹⁷⁷ *Кляцкин С.* Из истории разработки и осуществления основных законоположений о строительстве регулярной Красной Армии в 1918—1920 годах // Исторические записки. Т. 58. Издательство Академии наук, 1956. С. 436.

¹⁷⁸ Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 55, 57.

¹⁷⁹ Так называемой «линии Керзона», предложенной английским премьер-министром в качестве компромисса для обоих противников, которая почти один к одному совпала с будущими рубежами 1939 года, установленными благодаря советско-германскому разделу Польши.

¹⁸⁰ Директивы Главного командования Красной Армии 1917—1920. Сборник документов. М.: Воениздат, 1969. С. 614.

¹⁸¹ *Полторак С.* Победоносное поражение. С. 138—139.

¹⁸² Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 65.

¹⁸³ *Какурин Н., Меликов В.* Гражданская война в России: война с белополяками. М.: АСТ, 2002. С. 487—490.

¹⁸⁴ *Полторак С.* Победоносное поражение. С. 217.

¹⁸⁵ Там же. С. 196.

¹⁸⁶ Там же. С. 217.

¹⁸⁷ *Жарова Н., Мишина И.* История отечества 1900—1940. С. 228.

¹⁸⁸ Военно-исторический журнал. 1995. № 6. С. 80.

¹⁸⁹ Театр боевых действий командованием Красной Армии условно делился на два участка — Западный и Юго-Западный фронты.

¹⁹⁰ Это, впрочем, не уберегло экс-командующего Юго-Западным фронтом маршала А. И. Егорова от расстрела в 1938 году.

¹⁹¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевики). М.: Госполитиздат, 1945. С. 230–232.

¹⁹² При подготовке главы использованы: СВЭ. Т. 3. М.: Воениздат, 1977. С. 331–333; Итак, она звалась Татьяной // Неделя. 1984. № 7. С. 11; статьи Ивановой Ю. Проблем хватало и без них, но... // Военно-исторический журнал. 1994. № 6 (С. 75–77); Женщины в Российской армии // Военно-исторический журнал. 1992. № 3. (С. 86–89); Мой батальон не осрамит России (сборник документов) // Родина. 1993. № 8–9. С. 78–81.

¹⁹³ За исключением одной попытки. 3 ноября 1942 года было принято «Постановление Государственного Комитета Оборона № 2470» с красноречивым названием «О формировании женской добровольческой стрелковой бригады». Штат бригады и запасного полка для обучения потенциального пополнения новой части определили в 12 000 человек. Однако затем видимо мужчины в правительстве передумали и дали «задний ход», поскольку никаких известий об участии этой бригады в боевых действиях в отечественной историографии нет. Подробнее см. Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 15.

¹⁹⁴ Первый броневедомитель для русской армии купили во Франции (марки «Шаррон») и доставили в Россию уже после окончания русско-японской войны. Его испытывали... и благополучно забыли. Вновь о «брониках» в Петербурге вспомнили только после начала Первой мировой войны и стали пытаться организовывать их мелкосерийное производство. Так как собственная автомобильная промышленность в России в тот момент находилась еще в зачаточном состоянии, броневики решили делать на базе иностранных шасси, которые пришлось спешно закупать у разных фирм (в основном «Остин», «Рено», «Фиат» и «Гарфорд»). Один из таких «бронтозавров» (вооруженный двумя пулеметами) сохранился до наших дней и демонстрируется в петербургском военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи. Это та самая машина, которая ранее — в советские годы — стояла на постаменте у здания музея В. И. Ленина, располагавшегося в Мраморном дворце. По официальной версии считалось, что именно этот броневик послужил стальной трибуной вождем мирового пролетариата в апреле 1917 года сразу после его приезда на Финляндский вокзал. На самом деле

аутентичный «ленинский броневик» во время революционных катаклизмов был безвозвратно утрачен. (Подробнее о первых русских броневиках можно узнать из книги *Барятинский М., Коломиец М.* Бронеавтомобили русской армии 1906—1917. М.: Издательский Дом «Техника молодежи», 2000.)

¹⁹⁵ Именно под таким названием в русских газетах были опубликованы фото первых английских танков после их блестящего дебюта. (Техника молодежи. 1993. № 4. С. 22.)

¹⁹⁶ *Свирин М.* Сормовская «танка» // Танкомастер. 1997. № 2. С. 32—39.

¹⁹⁷ Позднее, под конец сталинского правления, это событие и положили в основу отечественного «дня танкиста», приказав его отмечать ежегодно во второе воскресенье сентября.

¹⁹⁸ *Коломиец М., Мощанский И., Ромадин С.* Танки гражданской войны. М.: Издательский центр «Экспринт», 1999. С. 48.

¹⁹⁹ *Бескурников А.* Первый серийный танк МС-1. М.: Арсенал-Пресс, 1992. С.1—2.

²⁰⁰ Там же. С. 3.

²⁰¹ На конвейере машина продержалась в течение четырех лет. Всего было изготовлено 959 штук. В ноябре 1929 года девять МС-1 приняли участие в столкновении с китайцами во время конфликта на КВЖД. Подробнее см. *Свирин М., Бескурников А.* Первые советские танки. М.: Экспринт НВ, 1995. С. 43, 50—52.

²⁰² Там же. С. 21.

²⁰³ Там же. С. 43.

²⁰⁴ Там же. С. 14.

²⁰⁵ *Коломиец М.* Танк Дыренкова // Танкомастер. 2000. № 4. С. 24—27.

²⁰⁶ *Свирин М., Бескурников А.* Первые советские танки. С. 15—16.

²⁰⁷ Там же. С. 30.

²⁰⁸ *Ромадин С., Барятинский М., Шпаковский В.* Первые средние // Моделист-конструктор. 1989. № 9. С. 16.

²⁰⁹ *Коломиец М.* Танк Гроте // Моделист-конструктор. 1995. № 1. С. 22—24.

²¹⁰ К тому же учителя уже сами отставали в этом вопросе от передовых стран почти на полтора десятка лет.

²¹¹ Здесь 'большевикам неоценимую услугу оказал разразившийся годом ранее мировой экономический кризис. Стремясь поправить финансовую ситуацию многие фирмы (ранее не желавшие пачкать свою деловую репутацию сотрудничеством со Страной Советов) стали менее разборчивыми в выборе клиентов.

²¹² *Ромадин С.* На гусеницах и колесах // Моделист-конструктор. 1992. № 6. С. 11–14.

²¹³ *Ромадин С.* (На гусеницах и колесах. С. 14) сообщает, что всего с 1931 по 1940 годы было изготовлено 8259 штук различных модификаций (БТ-2, БТ-5, БТ-7). Но справочник М. Барятинского «Бронетанковая техника СССР 1939–1945» (в журнале «Бронеколлекция» 1998. №1. С. 6) называет другую цифру – 8060 машин.

²¹⁴ *Барятинский М.* Непризнанный «Виккерс» // Моделист-конструктор. 1992. № 11. С. 9–12.

²¹⁵ Справочник М. Барятинского «Бронетанковая техника СССР 1939–1945» (С. 4) сообщает, что по 1941 год включительно предприятие поставило армии 11 218 танков различных модификаций на основе «Русского Виккерса».

²¹⁶ Там же. С. 6.

²¹⁷ Справочник М. Барятинского «Бронетанковая техника СССР 1939–1945» (С. 8) сообщает, что за последующие шесть лет в войска ушло 2627 Т-37А и 1340 Т-38.

²¹⁸ *Барятинский М.* Советские танки Второй мировой войны // Бронеколлекция. 1995. № 1. С. 14.

²¹⁹ Справочник М. Барятинского «Бронетанковая техника СССР 1939–1945» (С. 12) сообщает, что всего с 1933 по 1940 годы Кировский завод выпустил 503 танка Т-28.

²²⁰ Справочник М. Барятинского «Бронетанковая техника СССР 1939–1945» (С. 16) сообщает, что всего до 1939 года была изготовлена 61 машина.

²²¹ Для того, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, кто являлся инициатором гонки вооружений 20–30-х годов достаточно заметить, что в момент нападения Гитлера на Польшу Германия имела всего 3200 танков, из которых только 300 были средними, а остальные – легкими. В вооруженных силах Франции насчитывалось порядка 2300 танков, также в основном легких. Итальянская армия располагала 1400 танкетками, а также 150 легкими и 100 средними танками. Британская армия могла выставить немногим более 600 танков, из них средних и тяжелых около 200.

Бронетанковый арсенал Японии в 1931–1939 годах пополнили 2143 машины, из которых к классу средних относилось лишь около одной пятой части. США имели 320 танков, из них 20 средних. (Подробнее см. в справочниках: *Федосеев* Бронетанковая техника Японии 1939–1945 // Бронекolleкции. 1995. № 3.; *Барятинский М.* Бронетанковая техника Германии 1939–1945 // Бронекolleкции. 1996. № 2; *Шмелев И.* Бронетанковая техника Третьего Рейха. М.: Арсенал-Пресс, 1996; *Барятинский М.* Бронетанковая техника Великобритании 1939–1945 // Бронекolleкции. 1996. № 4; *Барятинский М.* Бронетанковая техника США 1939–1945 // Бронекolleкции. 1997. № 3; *Коломиец М., Мощанский И.* Бронетанковая техника Франции и Италии 1939–1945 // Бронекolleкции. 1998. № 4; *Барятинский М.* Бронетанковая техника стран Европы 1939–1945 // Бронекolleкции. 1999. № 5.) Почти столь же впечатляющим выглядело превосходство Москвы над другими государствами и по количеству накопленных запасов других видов оружия – стрелкового, артиллерийского, авиационного.

²²² *Коломиец М., Мощанский И.* Танки испанской республики // Танкомастер. 1998. № 2–3. С. 2–9.

²²³ Муссолини и Гитлер отправили генералу Франко соответственно 149 и 180 танкеток. (Бронекolleкция, 1999. № 5. С. 31.)

²²⁴ Бронекolleкция. 1996. № 1. С. 25.

²²⁵ Любопытно, что Финляндия за счет СССР фактически сформировала собственные танковые войска. К закупленным в середине 30-х годов в Великобритании трем десяткам «Виккерс-Армстронг Mk. Е» в 1939–1940 добавилось 350 советских трофейных танков и броневедомостей разных типов. Из них отремонтировано и введено в строй к лету 1941 года свыше 80 танков. Еще примерно 150 танков «сменило гражданство» в начальный период Второй мировой войны. (Бронекolleкция. 1999. № 5. С. 21.)

²²⁶ *Коломиец М.* Советские бронетанковые войска в «Зимней войне» // Танкомастер. 1997. № 2. С. 6–13.

²²⁷ Бронекolleкция. 1995. № 1. С. 16.

²²⁸ Быстрота, с которой германским инженерам после отмены ограничений Версальского мира удалось ликвидировать 15-летнее отставание и без чьей-либо помощи выйти в мировые лидеры танкостроения, воистину удивительна.

В отличие от отечественных авторов об этом не забывает упомянуть большинство европейских и американских историков.

²²⁹ *Мельтюхов М.* Упущенный шанс Сталина. М.: Вече, 2000. С. 477.

²³⁰ *Мельтюхов М.* (Там же. С. 597) указывает, что на 1 июня 1941 года в Красной Армии насчитывалось 892 Т-34 и 504 КВ. Н. Золотов и С. Исаев (Военно-исторический журнал. 1993. № 11. С. 75–77) сообщают, что с 31 мая по 21 июня 1941 года заводы отправили в войска 138 Т-34 и 41 КВ.

²³¹ *Мельтюхов М.* Упущенный шанс Сталина. С. 478.

²³² Там же. С. 475.

²³³ В книге «Гриф секретности снят» (М.: Воениздат, 1993. С. 357) утверждается, что к 1 января 1942 года СССР имел 7700 танков. Правда, тогда непонятно почему их было так мало на фронте.

²³⁴ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. М.: Воениздат, 1975. С. 270.

²³⁵ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. М.: Воениздат, 1980. С. 184.

²³⁶ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. М.: Воениздат, 1975. С. 158.

²³⁷ *Дамчук М.* Танки «made in...» // Танкомастер. 1998. № 1. С. 39–44.

²³⁸ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. М.: Воениздат, 1975. С. 421. (Включая и потери в Африке.)

²³⁹ Там же. С. 419.

²⁴⁰ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 5. М.: Воениздат, 1975. С. 48.

²⁴¹ Там же (С. 57) сообщается, что в 1942 году из США в СССР было отправлено 3023 танка. Но какое-то число из них наверняка было потеряно при транспортировке (в среднем убыль составляла 12 %). Танки в 1942 году также поступали из Великобритании. По отечественным данным было принято 20 машин типа «Тетрарх» (Бронеколлекция. 1996. № 4. С. 5), 626 типа МК-II «Матильда» (Бронеколлекция. 2001. № 4. С. 26), 959 типа «Валентайн» (Бронеколлекция. 2002. № 5. С. 18) и какое-то количество танков типа «Черчилль» из общего объема в 301 машину, полученную Красной Армией в 1942–1943 годах (Танкомастер. 1998. № 1. С. 42).

²⁴² Бронеколлекция. 1996. № 2. С. 2.

²⁴³ Гриф секретности снят. С. 349.

²⁴⁴ Бронекolleкция. 1998. №1. (С: 30) сообщает, что США отправили в СССР 7287 танков и 1807 самоходно-артиллерийских установок. Из Великобритании ушло 5218 танков. Таким образом, всего получается 14302 машины. Потери при транспортировке составили 1475 единиц. Значит, Красная Армия приняла 12827 танков и «самоходок».

²⁴⁵ Бронекolleкция. 1995. №1. С. 18, 20.

²⁴⁶ Там же. С. 13, 14.

²⁴⁷ Там же. С. 25.

²⁴⁸ Бронекolleкция. 1998. №1. С. 20.

²⁴⁹ Бронекolleкция. 2000. №1. С. 15.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Бронекolleкция. 1998. № 1. С. 24.

²⁵³ Бронекolleкция. 1998. № 3. С. 30.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Гриф секретности снят. С. 358.

²⁵⁶ Оружие победы. М.: Машиностроение, 1987. С. 226.

²⁵⁷ Бронекolleкция. 1996. № 2. С. 2.

²⁵⁸ Там же. С. 10, 11.

²⁵⁹ Там же. С. 9.

²⁶⁰ Там же. С. 27.

²⁶¹ Иначе обстояли дела у нацистов и с ремонтом подбитых машин. Гитлер рассчитывал одолеть всех врагов путем молниеносных «блицкригов». Поэтому наступал Вермахт со сравнительно небольшими силами и увеличением производства «панцеров» озаботился лишь начиная с 1942 года, когда наступила пора военных неудач. Но в оборонительных боях львиная доля поврежденных немецких танков оставалась на потерянной территории.

²⁶² Последняя под названием «Приоритет России» (автор — С. Ромадин) была опубликована в «Моделисте-конструкторе» № 1 за 1991 год. С. 10—12. Крест на этой патристической легенде попытался поставить журнал «Техника молодежи», поместивший в № 4 за 1993 год (С. 20—24) материал-расследование на данную тему. После чего наиболее солидные издания перестали обращаться к проблеме «украденного иностранцами приоритета». Но на телевидении разговоры о «нашем забытом лидерстве в изобретении танка» периодически продолжают появляться по сей день.

²⁶³ Такие усилия предпринимали Иван Грозный на Балтике, Борис Годунов в Архангельске, Михаил Федорович, а затем Алексей Михайлович на Каспии.

²⁶⁴ С конца XVI века армии азиатских правителей, всегда имея многократное численное преимущество в людях, не выиграли у европейцев ни одной войны.

²⁶⁵ Например поражение во Втором Роченсальмском сражении 1790 года по количеству потерь в кораблях и людях превышает даже аналогичную цусимскую статистику. Подробнее см. *Кочеров В., Столяров И.* Павшие в сражениях на море // *Морской сборник.* 1992. № 7. С. 93–96.

²⁶⁶ Известный дореволюционный историк полковник русского Генерального штаба В. А. Мошнин в своей работе «Оборона побережья» по поводу штурма Корфу писал: «Обстоятельства слишком благоприятствовали Ушакову, и в этом главным образом надо искать причину успеха».

²⁶⁷ СВЭ. Т. 1. М.: Воениздат, 1990. С. 142.

²⁶⁸ К тем кораблям, что были уничтожены руками «самотопов» по сути одновременно добавились и все остальные вымпелы, так как опыт войны фактом «севастопольского самоубийства» неопровержимо доказал их полную никчемность.

²⁶⁹ В данном плане весьма красноречивы строки из доклада командующего Балтийским флотом адмирала Нипенина начальнику Морского штаба: «За истекшую кампанию 1916 года следует отметить крупный стратегический успех неприятельских подлодок, которые проникнув за наши позиции, скомпрометировали наше безусловное владение районами Рижского и Финского заливов» (СВЭ. Т. 2. М.: ОГИЗ РСФСР, 1933. С. 179). Иными словами русским морякам не удавалось обеспечить даже безопасное плавание у своих тыловых баз.

²⁷⁰ Среди наиболее интересных авторов можно назвать Г. А. Леера, П. А. Гейсмана, В. А. Мошнина, Н. Л. Кладо, А. К. Баиова.

²⁷¹ Например, А. В. Томашевичем, Г. Н. Четверухиным, А. П. Шершевым.

²⁷² *Богатырев С., Ларинцев Р., Овчаренко А.* Потери флота противника на Балтийском море в 1941–1943 годах // *Морская война на Балтике 1941–1954.* Архангельск, 1997. Ч.1.

²⁷³ Исключение составляло лишь Баренцево море, где Северному флоту активно помогали (вернее выполняли

всю основную работу) союзники – англичане и американцы.

²⁷⁴ *Прагер Х.* Последний год войны на Востоке. М.: ЧеРо, 1996. С. 5.

²⁷⁵ Там же. С. 41. См. также *Майстер Ю.* Война в восточно-европейских водах 1941–1945. Балтика 1944–1945. М.: ЧеРо, 1996. С. 78–79.

²⁷⁶ *Вайнер Б.* Советский морской транспорт в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1989. С. 297.

²⁷⁷ *Богатырев С., Ларинцев Р., Овчаренко А.* Морская война на Балтике 1941–1954. С. 5.

²⁷⁸ Там же. С. 5–6.

²⁷⁹ Там же. С. 5.

²⁸⁰ *Костриченко В.* Загадка Таллинского перехода – загадка Трибуца // Военно-морское историческое обозрение. 1997. № 1. С. 20–25. См. также *Зубков Р.* Мы теряли друзей боевых // Военно-исторический журнал. 2002. № 5. С. 14–23.

²⁸¹ *Мельтюхов М.* Упущенный шанс Сталина. М.: Вече, 2000. С. 476. (При подсчете не учтены самолеты связи и транспортники.)

²⁸² Там же. С. 478.

²⁸³ По сей день эту катастрофу многие отечественные авторы объясняют «огромным преимуществом неприятеля в танках и авиации».

²⁸⁴ Гриф секретности снят. М.: Воениздат, 1993. С. 391.

²⁸⁵ Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М.: Прогресс-Академия, 1995. С. 41.

²⁸⁶ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. М.: Воениздат, 1971. Кн. 2. С. 225.

²⁸⁷ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 147.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ *Хазанов Д.* Над Курской дугой // Авиация и космонавтика. 1993. № 7. С. 33–34.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Там же.

²⁹² Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М.: Наука, 1995. С. 280.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ *Никулин Н.* Пятьдесят лет спустя // Петербургская панорама. 1993. № 6. С. 32.

²⁹⁵ *Рябченко Л.* Печать порочит мою деятельность // Источник. 1993. № 5–6. С. 153–156.

²⁹⁶ Работа над ней началась в соответствии с решением Политбюро ЦК КПСС, принятом 12 августа 1987 года.

²⁹⁷ Сокращенная стенограмма заседания Главной редакционной комиссии, где была устроена «показательная порка» опубликована в «Независимой газете» в номере от 18 июня 1991 года.

²⁹⁸ *Война 1939–1945. Два подхода (сборник статей).* М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. Ч. 1. С. 53.

²⁹⁹ *Людские потери СССР в Великой Отечественной войне (сборник статей).* Санкт-Петербург: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1995. С. 68.

³⁰⁰ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах (статистическое исследование). М.: Воениздат, 1993.

³⁰¹ Там же. С. 393.

³⁰² *Мерцалов А.* Некоторые проблемы Великой Отечественной войны на страницах «Военно-исторического журнала» // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 249–252.

³⁰³ Гриф секретности... С. 357.

³⁰⁴ *Братство северных конвоев 1941–1945.* Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1991. С. 322.

³⁰⁵ *Оружие победы.* М.: Машиностроение, 1987. С. 502.

³⁰⁶ Гриф секретности... С. 363, 365.

³⁰⁷ Там же. С. 361–362, 365.

³⁰⁸ Там же. С. 364, 365.

³⁰⁹ *Битва за Ленинград.* М.: Воениздат, 1964. С. 234.

³¹⁰ Гриф секретности... С. 184.

³¹¹ *Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование.* М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. -

³¹² Написана коллективом авторов. Руководитель – кандидат военных наук генерал-полковник Г. Ф. Кривошеев. Звания и ученые степени его подчиненных не указаны. Члены отряда перечислены просто в алфавитном порядке – В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин, А. И. Круглов, Е. И. Родионов, М. В. Филимошин.

³¹³ *Ленский А.* Сухопутные силы РККА в предвоенные годы. Санкт-Петербург: Мегатек, 2000.

³¹⁴ В первую очередь пригодятся 12-томная «История Второй мировой войны» (М.: Воениздат, 1973—1982); сборники статей «На Северо-Западном фронте 1941—1943» (М.: Наука, 1969); «Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград» (М.: Наука, 1973); монография *Анфилова В. А.* «Провал «блицкрига» (М.: Наука, 1974); исследование *Иноземцева И. Г.* «Под крылом Ленинград» (М.: Воениздат, 1978); статья *Петрова Б. Н.* «Военные действия на северо-западном направлении в начальный период войны» (Военно-исторический журнал. 1988. № 7).

³¹⁵ Вообще-то в обширных исследованиях считается достаточным перечислить номера или названия фронтов, армий, корпусов, дивизий и бригад, а в конце поместить приложение с расшифровкой штатов этих соединений (чего в книге трудолюбивых генералов-математиков нет). Однако в данном материале при ловле за руку профессиональных лжецов все-таки лучше назвать конкретные «адреса» всех «входящих», включая и части корпусного усиления.

³¹⁶ Все их номера автору этих строк установить пока не удалось.

³¹⁷ Армии всех стран мира обычно имеют некомплект той или иной степени. Однако в СССР перед войной успели провести скрытую мобилизацию под видом «Больших учебных сборов в войсках», призвав таким образом свыше 800 тысяч человек. Официально их зачислили в штаты уже после начала боевых действий. Это также используется кривошеевской командой как лазейка для уменьшения реальной численности Красной Армии на момент начала первых сражений. Здесь уместно привести цитату В. Ф. Зотова (в 1941 году начальника инженерных войск Северо-Западного фронта) из сборника статей «На Северо-Западном фронте» (С. 172). Он отмечает: «Саперные батальоны были отмобилизованы по штатам военного времени... десять батальонов, прибывших с Дальнего Востока, были вооружены полностью». Таких свидетелей можно набрать массу.

³¹⁸ В книге *Анфилова В.* «Провал «блицкрига» (С. 346) сообщается, что части 21-го механизированного корпуса к началу войны имели в среднем 85 % людей от штатной численности (в 36 000 человек). То есть даже без пополнения это более 30 000 солдат. В «Военно-историческом журнале» (1993. № 6) в статье *Петрова Б.* «Как был оставлен

Псков» указывается, что три дивизии 41-го стрелкового корпуса перед отправкой на театр боевых действий были укомплектованы людьми почти полностью. Стрелковой дивизии полагалось по штатам 14 000 человек. Плюс части корпусного усиления. Значит, можно допустить, что корпус имел более 40 000 солдат. В исследовании *Хорькова А. Г.* «Грозовой июнь» (М.: Воениздат, 1991. С. 18) сказано, что 1-й механизированный корпус был укомплектован техникой почти по штатам. Значит две его дивизии и мотоциклетный полк — это свыше 20 000 человек. 234-я отдельная стрелковая дивизия прибыла из резервов, концентрировавшихся в центре европейской части страны, где войска после начала войны, и объявления мобилизации также пополнялись людьми до штатной численности. Таким образом, всего выходит не менее 100 000.

³¹⁹ *Иноземцев И.* Под крылом Ленинград. С. 43.

³²⁰ Там же.

³²¹ Сколько там было войск, сказать трудно. В исторической литературе автору пока удалось найти (в статье *Петрова Б.* «Как был оставлен Псков» (Военно-исторический журнал. 1993. № 6) упоминания только о двух полностью укомплектованных личным составом отдельных пулеметных батальонах (153-м и 154-м). В сборнике «Ополченцы» (Лениздат, 1975. С. 348) сообщается, что Островский укрепрайон вместе с частями Красной Армии обороняли островский истребительный батальон и отряд местного партийного актива.

³²² Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград. С. 22.

³²³ Там же. С. 33.

³²⁴ В исторической литературе упоминается участие в боевых действиях на суше (до 10 июля) 1-й особой бригады морской пехоты, 47-го и 91-го отдельных строительных батальонов. См. «Военно-исторический журнал». 2002. № 5. С. 14.

³²⁵ *Морозов М.* Вошедшие в бессмертие // Авиамастер. 2002. № 2. С. 2–17.

³²⁶ По официальной версии, Советский Союз перед нападением Германии имел армию в 4 800 000 человек. Если 800 тысяч призывников «тайной мобилизации» распределялись по войскам относительно равномерно, то на Прибалтику приходится 9 % (440 000 от 4 800 000 = 9 %). 9 %

от 800 000 = 72 000. Однако это лишь версия, поскольку точной росписи этих людей по сей день нет.

³²⁷ Для справки — небоевые потери сравнимого по численности Карельского фронта (действовавшего в районе Полярного круга, где насмерть обморозиться или простудиться проще некуда), согласно тому же «Грифу секретности», за срок в 36 раз больший (1172 дня войны) составили 4355 человек. С. 249.

³²⁸ *Тиннелскирх К.* История Второй мировой войны. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. С. 185.

³²⁹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М.: Воениздат, 1961. Т. 3. С. 401.

³³⁰ Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне. (М.: Наука, 1977. С. 151—153). Хотя в «перестройку» и этого автора критиковали за то, что он несколько занижил потери — учел лишь убыль 2-й, 15-й, 16-й и 17-й воздушных армий, однако ничего не сказал о потерях дальнебомбардировочной авиации и авиации Курского района ПВО. Однако архивных данных на этот счет пока не публиковалось.

³³¹ При подготовке главы использована книга *Кузнецова А.* Герои не умирают. Алма-Ата: Казахское государственное издательство, 1963, а также статья *Катусева А. Ф.* Чужая слава // Военно-исторический журнал. 1990. № 8, № 9, статья *Малкина В. М.* Панфиловцы — символ массового героизма // Военно-исторический журнал. 1996. № 1, статья *Петрова Н., Эдельмана О.* Новое о советских героях // Новый мир. 1997. № 6.

³³² При подготовке материала использованы статьи *Котловского А.* «ВВС Финляндии в Зимней войне» (журнал «Мир авиации». 1992. № 1), *Почтарева А.* «Цена взаимных отступлений от принципов» (журнал «Морской сборник». 1994. № 11), *Вуколова Н.* «Тайна Балтики» (журнал «Эхо планеты». 1996. № 6), *Устименко И.* «В боях с шведским флотом» (сборник Международного Центра истории флота и Московского клуба истории флота «Тайны подводной войны» выпуск № 5, Львов, 1999), *Стрельбицкого К.* «Погибшие русские и советские подводные лодки, обнаруженные на дне Балтийского моря в 1999—2000 годах» (сборник Международного Центра истории флота и Московского клуба истории флота «Тайны подводной войны»

выпуск № 7, Львов, 2000) и книга *Смирнова А.* «Рассказы затонувших кораблей. Шведская история со дна моря». Стокгольм: Издательство *Wahlstrom & Widstrand*, 2002.

³³³ Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 41.

³³⁴ Там же.

³³⁵ Статистика по танкам и артиллерии взята из 4-го тома «Истории Второй мировой войны» (М.: Воениздат, 1975. С. 305) так как она в данном случае примерно соответствует германским сведениям. Сколько всего самолетов Люфтваффе в начале января 1942 года находилось на «Русском» фронте отечественная историческая литература не сообщает. Информацию на сей счет автору этих строк удалось обнаружить только в Интернете. В статье Г. А. Литвина «Сломанные крылья Люфтваффе» (находится на сайте «Para bellum», адрес: http://www.duel.ru/publish/new/lit/para_bellum/add2-3.htm), таблица № 14. Из состава Вермахта на Востоке действовало 148 дивизий (19 танковых, 10 моторизованных, 101 пехотная, 5 горных, 4 егерских, 9 охранных), от войск СС – 6 дивизий. Численность сухопутных сил по сравнению со штатами соединений, выделенных для плана «Барбаросса» (3 300 000 человек), снизилась по причине непредусмотренности пополнений не менее чем на 425 тысяч солдат (Мюллер-Гиллебранд. Т. 3. С. 17, 271, 362–406). Сократились и возможности Люфтваффе. На Запад было возвращено около трети от первоначального состава авиасоединений (подробнее см. *Рейнгарт К.* Поворот под Москвой. М.: Воениздат, 1980. С. 165–166; *Хазанов Д.* Неизвестная битва в небе Москвы. М.: Издательский дом «Техника молодежи», 1999. С. 32, 61, 90–91; *Грановский Е.* Цель – корабли Его Величества. М.: ЧеРо, 1996. С. 4–6; *Зефиоров М.* Асы Люфтваффе. Дневные истребители. Т. 2. М.: АСТ, 2002. С. 254, 414, 427; *Зефиоров М.* Штурмовая авиация Люфтваффе. М.: АСТ, 2001. С. 399; *Зефиоров М.* Асы Люфтваффе. Бомбардировочная авиация. М.: АСТ, 2002. С. 330, 369, 391) и свыше трети артиллерийских батарей ПВО (Мировая война (сборник статей), М.: Иностранная литература, 1957. С. 511, 519). Из состава Кригсмарине против СССР в январе 1942 года действовали лишь относительно небольшие силы, базировавшиеся на севере Норвегии (подробнее см. *Майстер Ю.* Война в восточноевропейских водах. Балтика 1941–1943. М.: ЧеРо, 1995;

Майстер Ю. Операции в морях Северного Ледовитого океана: Флотомастер. 2001. № 3. С. 26–37, № 4. С. 17–29, № 5. С. 20–32; *Сергеев А.* Германские подводные лодки в Арктике. М.: Русский Издательский Дом, 2003. С. 90; *Грановский Е., Морозов М.* Германские эсминцы в бою. Ч. II. М.: ЧеРо, 1995. С. 7).

³³⁶ Действующие армии Финляндии и Румынии насчитывали примерно по 250 тысяч человек. Еще в общей сложности около 150 тысяч солдат имелось в составе итальянского, венгерского, словацкого и испанского контингентов Восточного фронта. Расчет сил произведен на основе информации, заимствованной из книг: *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. М.: Вече, 2000. С. 477; Энциклопедия военного искусства. Командиры Второй мировой войны. Ч. II, Минск: Литература, 1998. С. 320; *Карл Густав Маннергейм.* Мемуары. М.: Вагриус, 1999. С. 410.

³³⁷ Расчеты численности СССР на 1941 год позволяют предположить, что она колебалась в пределах от 200 100 000 до 209 300 000 человек (подробнее см. *Кожурин В.* О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны. Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 21–26; *Соколов Б.* Тайны Второй мировой войны. М.: Вече, 2000. С. 235). Численность населения Германии (вместе с присоединенными к ней Австрией и Чехословакией) к началу Второй мировой войны составляла 80,6 миллионов человек (*Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. Т. 3. М.: Воениздат, 1976. С. 323).

³³⁸ Если верить «Грифу секретности», то из 11 200 000 единиц стрелкового оружия (имевшихся в наличии на начало войны и поступивших с заводов в течение следующего полугодия) к январю 42-го оставалось 4 910 000. Из 171 200 орудий и минометов – 70 100, из 28 200 танков – 7700, из 29 900 боевых самолетов – 12 000 (С. 351, 355, 357, 359).

³³⁹ История Второй мировой войны. Т. 11. М.: Воениздат, 1980. С. 184.

³⁴⁰ Советская и российская историография не балуют читателей статистикой по действующей армии Советского Союза на январь 1942 года. Во 2-м томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» (М.: Воениздат, 1961. С. 317) написано: «К началу 1942 года Красная Армия имела на всем советско-германском фронте примерно равное с противником количество пехоты и артиллерии

и уже несколько превосходила его в танках (1,6:1)... и в авиации — 1,4:1». В 4-м томе «Истории Второй мировой войны» (М.: Воениздат, 1975. С. 305) сообщается: «В сухопутных войсках действующей армии Советских Вооруженных Сил к этому времени было 4 199 000 человек, 27 700 орудий и минометов, 1784 танка». Но это не полные сведения. Не учтены резервы Ставки, войска ПВО прифронтовых районов, ВВС, ВМФ (что в общей сложности должно дать еще по меньшей мере 500 000 человек). Ну а в последнем наиболее авторитетном отечественном издании — первом томе «Великой Отечественной войны» (М.: Наука, 1998) вообще на данный счет не написано ни строчки.

³⁴¹ *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Издательство Агентства печати Новости, 1972. С. 351.

³⁴² *Шведе Е.* Военные флоты 1939—1940 (справочник по военно-морским флотам иностранных государств). М.—Л.: Военмориздат, 1940. С. 118—121; *Широкорад А.* Корабли и катера ВМФ СССР 1939—1945 (справочник). Минск: Харвест, 2002. Раздел «Черноморский флот». С. 227—387.

³⁴³ Гриф секретности снят. С. 175.

³⁴⁴ *Юон К.* Советские десантные операции в Крыму в 1941—1942 годах // Морской сборник. 1991. № 12. С. 37.

³⁴⁵ Гриф секретности снят. С. 175.

³⁴⁶ Только за февраль — апрель 1942 года потери составили 226 370 человек. Подробнее см. Военно-исторический журнал. 1992. № 8. С. 33. Впрочем, авторы «Грифа секретности» на следующий год в два с лишним раза «улучшили» статистику. По их мнению, потери Крымского фронта за февраль — май составили 278 043 человека (С. 256). Если из этой цифры вычесть потери Керченской оборонительной операции (с 8 по 19 мая), указанные в той же книге (С. 225), как 176 566 человек, то нетрудно сосчитать, что на февраль — апрель (и на первую неделю мая вдобавок) остается 101 477.

³⁴⁷ *Тиннелскирх К.* История Второй мировой войны. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. С. 206.

³⁴⁸ *Митчем С.* Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск: Русич, 1998. С. 359—360.

³⁴⁹ В отличие от красноармейских генералов, без счету попадавших в окружение за предыдущее полугодие и сразу же терявших управление над вверенными им соединениями.

³⁵⁰ Любанская наступательная операция. СПб.: ИНКО, 1994. С. 48, 115–117.

³⁵¹ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. Т. 3. М.: Воениздат, 1976. С. 271.

³⁵² Гриф секретности снят. С. 224.

³⁵³ Всего до конца зимней кампании одного только маршевого пополнения под Москву прибыло почти миллион человек (Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 82 «дает» 937 767 солдат и сержантов). Дополнительных резервных соединений Жуков и Конев получили – 29 дивизий и 33 бригады. О подкреплениях Черевиченко сведений нет. А на начало наступления Калининский, Западный и Брянский фронты насчитывали 1 376 200 солдат и офицеров (Гриф секретности снят. С. 176, 224).

³⁵⁴ *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. С. 206.

³⁵⁵ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. Т. 3. С. 343.

³⁵⁶ Гриф секретности снят. С. 131.

³⁵⁷ Подробнее об этом рассказано в сборнике статей «Людские потери СССР в период Второй мировой войны». С-Пб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. С. 68–70.

³⁵⁸ Гриф секретности снят. С. 143.

³⁵⁹ Огненный коридор // Техника молодежи. 1989. № 5. С. 26–27.

³⁶⁰ Все круги военного ада // Независимое военное обозрение. № 4. 2001.

³⁶¹ Данные по действующей армии взяты из 5-го тома «Истории Второй мировой войны» (М.: Воениздат, 1975. С. 22, 121, 273). Любопытно, что долгое время сравнительная статистика на конец весны 1942 года вообще не публиковалась. Даже в историческом очерке «Боевые действия Советской Армии в Великой Отечественной войне», подготовленном Военно-научным управлением Генерального штаба (М.: Воениздат, 1958) и предназначенном «для служебного пользования» никаких конкретных цифр нет. Только проценты и «разы», которые неизвестно от чего считать. Аналогичная «филькина грамота» и в общедоступной 6-томной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» (Т. 2. М.: Воениздат, 1961). «Первая ласточка» появилась в том же 1961 году в «Стратегическом очерке Великой Отечественной войны» (М.: Воениздат,

1961. С. 356, 357) опять изданном не для широкого круга читателей. Там сообщалось, что в вооруженных силах находилось около 11 миллионов человек, свыше 10 тысяч танков и более 11 тысяч самолетов. Однако в книге «50 лет Вооруженных Сил СССР» (М.: Воениздат, 1968. С. 313), подготовленной уже при Брежневе, «уточнялось», что действующая армия имела 5,5 миллиона человек, 4065 танков, 43 642 орудия и миномета, 3164 боевых самолета. Эту цифрe затем воспроизводили все наиболее высокопоставленные мемуаристы, включая участников стратегического планирования военных лет маршалов Жукова и Василевского. А вот в современном четырехтомнике «Великая Отечественная война» (М.: Наука, 1998) конкретная информация по действующей армии опять пропадает. Дан лишь (С. 325) общий состав вооруженных сил СССР по «Стратегическому очерку» 1961 года. Но «очерк» также не лишен недостатков. Например, он серьезно занижает (по сравнению с последними данными 1990-х годов) статистику Красной Армии в Керченском оборонительном сражении в мае 1942 года (С. 378 – ср. Военно-исторический журнал. 1992. № 8. С. 34).

³⁶² Если теперь снова признано возможным ориентироваться на статистику «Стратегического очерка» 1961 года, то возникает вопрос: почему на фронте был такой дефицит танков и самолетов, на который жалуются Жуков с Василевским. Но это противоречие официальная российская историография по сей день упорно не замечает.

³⁶³ Статистика противника на май – июнь 1942 года в отечественной историографии серьезно искажена. До «брежневских» лет ее не публиковали вовсе. В изданном после свержения Хрущева (двумя изданиями – 1965 и 1970 годов) однотомнике «Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история» (который потребовался для срочного исправления «субъективизма» и прочих заблуждений «кукурузной» эпохи, отразившихся на 6-томнике «История Великой Отечественной войны Советского Союза» 1960–1965 годов издания) цифры откровенно фантастичны – и немцы, и их сателлиты якобы имели в окопах 6,2 миллиона человек. Эти данные потом старательно «ретранслировали» все мемуаристы и исследователи вплоть до развала СССР. В постперестроечном 4-томнике «Великая Отечественная война» (М.:

Наука, 1998) точных цифр снова нет. Только фраза об «общем превосходстве» советских войск (Т. 1. С. 325). На самом деле количество дивизий Вермахта, действовавших с начала войны к маю 1942 года на Восточном фронте, и вправду возросло. Но поскольку большая часть из них была переведена на уменьшенные штаты, то реальная численность солдат Вермахта в России по сравнению с «армией вторжения» 1941 года снизилась (подробнее см. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. С. 80, 82). Заметно сократились в течение года на Восточном фронте и силы Люфтваффе (Мировая война. М.: Иностранная литература, 1957. С. 519; *Литвин Г. А.* Сломанные крылья Люфтваффе, таблицы № 13, № 14). Количество войск СС осталось примерно прежним (*Мюллер-Гиллебранд Б.* Т. 3. С. 80). Несколько увеличилась только численность личного состава Кригсмарине, так как кроме возобновления боев на Балтике, появился небольшой германский флот и на Черном море, а также были переброшены подкрепления в Норвегию. (*Руге Ф.* Война на море. М.: Воениздат, 1957. С. 288; *Майстер Ю.* Операции в морях Северного Ледовитого океана. Флотомастер. 2001. № 3. С. 26–37. № 4. С. 17–29. № 5. С. 20–32; *Майстер Ю.* Война в восточно-европейских водах 1941–1945. Балтика 1941–1943. М.: ЧеРо, 1995; *Мужеников В.* Корабли и суда финского флота во Второй мировой войне. Бриз. 1997. № 1.)

Боевой состав союзных Берлину армий по сравнению с январем 1942 года за четыре месяца изменился мало. Только Финляндия сократила свою армию до 150 тысяч человек (*Мельтюхов М.* Упущенный шанс Сталина. С. 477; *Маннергейм К.* Мемуары. М.: Вагриус, 1999. С. 410). К румынам, венграм и итальянцам значительные подкрепления прибыли лишь летом — с началом крупного немецкого наступления (*Мюллер-Гиллебранд.* Т. 3. С. 85). Количество танков (65 штук) и самолетов (580 штук) у германских союзников, указанное в 5-м томе «Истории Второй мировой войны» (М.: Воениздат, 1975. С. 121), похоже на правду. Впрочем, Вермахт в начале мая тоже еще ожидал усиления. Полностью он его получит только к середине лета (*Мюллер-Гиллебранд.* Т. 3. С. 362–407). После чего численность германских сухопутных сил (с войсками СС) на Востоке достигнет примерно 3 100 000 солдат. Если учесть Люфт-

ваффе и новые подразделения Кригсмарине на юге и севере, то всего будет около 3 600 000, вместо 4 миллионов в 1941-м.

³⁶⁴ С 22 июня 1942 года – фельдмаршала.

³⁶⁵ Манштейн в мемуарах указывает состав своей группировки – 30-й и 42-й армейские корпуса (28-я егерская дивизия, 46, 50-я, 132-я, 170-я пехотные дивизии), 22-я танковая дивизия, 7-й румынский армейский корпус (10-я и 19-я пехотные дивизии, 8-я кавалерийская бригада). Кроме того из имевшихся под рукой немецких и румынских моторизованных частей было создано импровизированное соединение – «Бригада Гроддека». С воздуха сухопутные войска поддерживал 8-й авиационный корпус. Но конкретного числа солдат и техники фельдмаршал не называет. По советским данным он имел 180 танков, 2470 орудий, 400 самолетов (*Саркисьян С.* 51-я армия. М.: Воениздат, 1983. С. 66). Количество живой силы – 150 тысяч человек («Военно-исторический журнал». 1992. № 8. С. 34). В целом это похоже на правду.

³⁶⁶ Статистика состава советских войск указана в соответствии с данными, рассекреченными в «Военно-историческом журнале» № 8 за 1992 год (С. 34, 41). Любопытно, что авторы «Грифа секретности» вскоре «сократили» численность Красной Армии до 249 800 человек (С. 225).

³⁶⁷ *Митчем С.* Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск: Русич, 1998. С. 339.

³⁶⁸ Автор полностью разделяет скепсис отечественной историографии в отношении полководческих способностей и человеческих качеств Льва Захаровича. Но приписываемое ему всемогущество в плане возможности негативно влиять на события, все же сильно преувеличено. Мехлис являлся ТИПИЧНОЙ фигурой сталинской эпохи. А неприязненное отношение к нему большинства соратников, скорее всего, объясняется просто – для одной части «красной тряпкой» служил «пятый пункт» биографии, для другой зависть по поводу необъяснимой симпатии, которую Сталин питал к этому человеку.

³⁶⁹ В советской историографии с легкой руки хрущевской «субъективистов» долгое время утверждалось, что гарнизон Севастополя во время последнего штурма насчитывал 106 625 человек, в то время как у неприятеля было свыше 200 тысяч солдат, 450 танков, 600 самолетов (История

Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 407). Но из опубликованной в журнале «Морской сборник» (с июня 1991 по август 1995 годов) «Хроники боевых действий ВМФ СССР» следует, что гарнизон к 6 июня 1942 года имел 118 890 человек, к которым следует добавить не менее 11,5 тысяч пополнения, доставленного в следующие дни. В свою очередь, Манштейн задействовал в штурме: 54-й армейский корпус (22-я, 24-я, 50-я и 132-я пехотные дивизии), 30-й армейский корпус (72-я, 170-я пехотные и 28-я егерская дивизии), румынский горный корпус (18-я пехотная и 1-я горная дивизии), двести восемь артиллерийских батарей, три дивизиона самоходок (190-й, 197-й, 249-й), 300-й отдельный танковый батальон. Всего 130 тысяч немцев и 36 тысяч румын, 2045 пушек и минометов, 30 танков, около 50 штурмовых орудий. Сухопутные силы поддерживал 8-й авиационный корпус – 600 боевых самолетов. (Данные из книги *Бешанов В. В.* Год 1942 – «учебный». Минск: Харвест, 2002. С. 195–196).

³⁷⁰ Хроника боевых действий ВМФ СССР. Морской сборник. 1992. № 6. С. 48 и № 7. С. 22–23; *Воронин К.* На черноморских фарватерах. М.: Воениздат, 1989. С. 73.

³⁷¹ *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. С. 230.

³⁷² Скорее всего, эту цифру надо понимать как «не менее», поскольку ее называют авторы столь специфического издания, как «Гриф секретности» (с. 225).

³⁷³ Статистика по танкам взята из журнала «Фронтальная иллюстрация». 2000. № 6 (монография «Бои за Харьков в мае 1942 года»). С. 11.

³⁷⁴ *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. С. 232.

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ *Митчем С., Мюллер Д.* Командиры Третьего Рейха. Смоленск: Русич, 1997. С. 75.

³⁷⁷ Цитируется по: Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 84. Но впервые (отличающийся незначительными деталями) вариант воспоминаний был опубликован длинной серией отрывков в журнале «Огонек» в 1989 году. О битве под Харьковом рассказывалось в № 31.

³⁷⁸ В мемуарах маршала Жукова, например, харьковский разгром описан следующим образом: «23 мая 6-я, 57-я армии, часть сил 9-й армии и оперативная группа генерала

Л. В. Бобкина оказались полностью окруженными. Многим частям удалось вырваться из окружения, но некоторые не смогли это сделать и, не желая сдаваться, дрались до последней капли крови». («Воспоминания и размышления». М.: АПН, 1972. С. 368): Это о поражении соратников. А о своих неудачах Георгий Константинович предпочитал не упоминать вообще.

³⁷⁹ *Бегунов С., Литвинчук А., Сутулов В.* Вот где правда, Никита Сергеевич! // Военно-исторический журнал. 1989. № 12. С. 12–21. 1990. № 1. С. 9–18. № 2. С. 35–46.

³⁸⁰ Общая идея статьи, заключающаяся в том, что именно ошибки Хрущева и его коллег по руководству Юго-Западным направлением привели к столь масштабному поражению, – бесспорна. Но главный смысл публикации все-таки заключается совсем в другом – в выборе объекта критики. Кроме как о Хрущеве отечественные военные историки в таком яростно-разоблачительном тоне больше ни о ком из сталинских военачальников никогда не писали. Хотя практически у всех советских полководцев Второй мировой войны можно найти не менее очевидную безграмотность.

³⁸¹ Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 40. На с. 41 присутствует стандартное обвинение в адрес немцев по поводу завышения советских потерь.

³⁸² Гриф секретности снят. С. 225.

³⁸³ История Второй мировой войны: Т. 5. С. 145–146.

³⁸⁴ Статистика сторон взята из 5-го тома «Истории Второй мировой войны». (С. 144.) Это же издание (С. 200–201, 266–267, 272–276), вкуче с «Грифом секретности (С. 180), сообщает, что на фланге Южного фронта находилась Азовская военная флотилия, а в тылу еще были развернуты Северо-Кавказский и Закавказский фронты, имевшие как минимум 300 тысяч человек, порядка 500 самолетов и неизвестное количество артиллерии и танков. Вдобавок необходимо учесть войска ПВО страны с неизвестным количеством артиллерии и самолетов, а также Черноморский флот – более 87 тысяч человек, 230 самолетов.

³⁸⁵ Гриф секретности снят. С. 143.

³⁸⁶ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. Т. 3. С. 343.

³⁸⁷ Гриф секретности снят. С. 391.

³⁸⁸ Свидетельство этому ответ Сталина Л. З. Мехлису, когда тот попросил сменить командующего Крымским фронтом: «Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов». (См. «Великая Отечественная война 1941–1945». Кн. 1. М.: Наука, 1998. С. 333.)

³⁸⁹ Война 1939–1945. Два подхода (сборник статей). Ч. I. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. С. 95.

³⁹⁰ История США. Т. 3. М.: Наука, 1985. С. 354–355, 365–366.

³⁹¹ Карта № 21 к 5-му тому «Истории Второй мировой войны».

³⁹² История Второй мировой войны. Т. 5. С. 375.

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Супрун М. Ленд-лиз и северные конвои. М.: Андреевский флаг. 1997. С. 119–120.

³⁹⁵ История Второй мировой войны. Т. 5. С. 69.

³⁹⁶ Супрун М. Ленд-лиз и северные конвои 1941–1945. С. 69–73.

³⁹⁷ История Второй мировой войны. Т. 5. С. 361–362.

³⁹⁸ Супрун М. Ленд-лиз и северные конвои. С. 73.

³⁹⁹ История Второй мировой войны. Т. 5. С. 324.

⁴⁰⁰ Там же. С. 150.

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² Там же. С. 151, 157, 159.

⁴⁰³ Там же. С. 153.

⁴⁰⁴ Родина. 1991. № 6–7. С. 75.

⁴⁰⁵ Мюллер-Гиллебранд Б. Т. 3. С. 93–94.

⁴⁰⁶ Супрун М. Ленд-лиз и северные конвои. С. 141–143.

⁴⁰⁷ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М.: Воениздат, 1976. С. 243.

⁴⁰⁸ Гриф секретности снят. С. 177–180.

⁴⁰⁹ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. Т. 3. С. 98.

⁴¹⁰ История Второй мировой войны. Т. 12. М.: Воениздат, 1982. С. 200. Данные, видимо, немного завышены. Например, по германским сведениям танков и штурмовых орудий в 1942 году было выпущено не 6200, а 6085 (см. «Бронекolleкция». 1996. № 2. С. 2).

⁴¹¹ Там же. С. 168.

⁴¹² Супрун М. Ленд-лиз и северные конвои. С. 120, 200.

⁴¹³ Гриф секретности снят. С. 143.

⁴¹⁴ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. Т. 3. С. 343.

⁴¹⁵ При подготовке главы использованы статьи из сборников Международного Центра истории флота и Московского клуба истории флота «Тайны подводной войны» выпуски № 1–15, Москва, 1995 (выпуск 1-й), Львов, 1996–2003 (выпуски 2–15); книга Гибсона Р., Прендергаста М. «Германская подводная война 1914–1918». М.: Воениздат, 1935; книга Томашевича А. В. «Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море 1914–1915». Москва – Ленинград: Военмориздат, 1939; книга Еремеева Л. М., Шергина А. П. Подводные лодки иностранных флотов во Второй мировой войне. М.: Воениздат, 1962; статья Боженко П. Подводные миноносцы: боевой дебют // Наваль. 1991. № 1; справочники Стрельбицкого К. Б. «Потери российского флота в период Первой мировой войны». Львов, Международный Центр истории флота, 1994; «Потери противников советского ВМФ 1918–1940». Львов, Международный Центр истории флота, 1995; монографии Богатырева С. В., Ларинцева Р. И. «Морская война в Заполярье 1941–1944», «Марина-Посейдон», Львов, 1994; Богатырева С. В., Ларинцева Р. И., Овчаренко А. В. Морская война на Балтике 1941–1945. Архангельск, 1997; статья Морозова М. Союзники в Заполярье // Флотомастер. 2000. № 2.; монография Козлова Д. Британские субмарины на Балтике // Флотомастер. 2001. № 5, 6 и 2002. № 1, 2; статьи Стрельбицкого К. Б. «Боевой счет русских подводников 1914–1917» и «Мартиролог всех погибших русских и советских подводных лодок 1904–2000» // Отечественная история. 2002. № 1.

⁴¹⁶ Отечественные специалисты этот «проигрыш» британцам «анализируют» очень забавно. Например, адмирал В. А. Дыгало в книге «Откуда и что на флоте пошло» (М.: Прогресс-Панагея, 1993. С. 57) просто ворует победы у англичан и приписывает их русским подводникам: «Отважные русские подводники только в кампанию 1915 года совершили 78 военных походов, уничтожили два крейсера и 16 транспортов противника, а за два года войны общий тоннаж потопленных ими боевых кораблей и транспортов составил более 105 тысяч тонн». Причем адмирал не ошиба-

ется, а лжет сознательно. Он отлично знает, как все обстояло на самом деле, поскольку в обоснование своего вранья ссылается на прекрасную книгу А. В. Томашевича «Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море в 1914—1915 годах» (М. — Л.: Военмориздат, 1939), где боевые действия расписаны очень объективно и буквально по дням. Таким образом, адмиральская ложь, что называется «вырастает в квадрате», «беря в сообщники» очень порядочного, но, к сожалению, давно умершего человека.

⁴¹⁷ Здесь и далее — не считая сверхмалых подлодок.

⁴¹⁸ Зависит от того, какие субмарины и с какого (или до какого) времени считать в боевом строю. Но разница невелика — максимум 5—6 единиц в ту или другую сторону.

⁴¹⁹ Во всяком случае, именно эту цифру растиражировал адмирал В. Ф. Трибуц в своей книге «Подводники Балтики атакуют» («Лениздат», 1963. С. 91). Другие авторы сообщают несколько иные сведения. Например, В. Ачкасов и Б. Вайнер в книге «Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне» (М.: Воениздат, 1957. С. 146) пишут про пять транспортов водоизмещением 33 000 тонн. Но тут Трибуцу, как более осведомленному лицу (командующему Балтийским флотом в течение всей войны) надо отдать предпочтение.

⁴²⁰ Статистика официальных достижений советских подводников из исследования А. Докучаева, «Боевые рекорды» опубликованного в журнале «Техника и оружие». 1995. № 3—4. С. 25.

⁴²¹ Да и в мемуарах зарубежные адмиралы старались честно осветить ход противоборства. Вот, например, вполне стандартная цитата из воспоминаний командующего подводными силами Тихоокеанского флота США адмирала Чарльза Локвуда «Топа их всех» (написаны в 1950 году, увидели свет в Штатах в 1953-м, а у нас перевод был опубликован спустя семь лет — М.: Воениздат, 1960. С. 193—194): «За этот боевой поход «Танни» выпустила много торпед. Ее командир сообщил о потоплении нескольких судов, а также подводной лодки и эскадренного миноносца противника. Однако объединенный комитет засчитал потопление лишь подводной лодки». Здесь надо добавить, что «объединенный комитет» — это как раз тот орган, который

сразу после войны был создан специально для проверки заявленных достижений.

⁴²² Если, например, в книге А. Н. Мушникова «Балтийцы в боях за Ленинград» (М.: Воениздат, 1955. С. 52, 128) сообщается, что советские подводники в 1941 году потопили свыше 100 тысяч тонн торгового тоннажа и еще около 500 тысяч тонн в 1942-м, то в историческом очерке «Балтийский флот» (Н. Гречанюк, В. Дмитриев, Ф. Криницын, Ю. Чернов. М.: Воениздат, 1960. С. 265, 266), вышедшем после хрущевско-жуковской ревизии, можно прочесть, что успехи 1941 года ограничились 6191 брт, а 1942-го 78 962 брт. Не слишком впечатляющими выглядели и цифры в идеологическом сборнике «Против фальсификаторов истории второй мировой войны» (М.: Воениздат, 1959), который, вроде бы спорил с заграничными историками (якобы зловредно занижавшими советские достижения), но в действительности предназначался исключительно для внутреннего употребления, поскольку серьезной критики не выдерживал. И, вообще, выглядел двусмысленно. Достаточно было сравнить его данные с теми, что публиковались года 3—4 назад, и вопрос о фальсификаторах становился совершенно ясным. Согласно ему, балтийские подводники в 1941—1945 годах уничтожили 186 608 брт (С. 246). Официальным трудом, на который рекомендовалось ссылаться авторам всех серьезных работ, где упоминались результаты действий советских субмарин, стала книга «Поражение германского империализма во второй мировой войне» (М.: Воениздат, 1960). Общий итог пониженных результатов отечественного подплава там гласил: всего на всех театрах потоплено 33 боевых корабля и 157 транспортов грузоподъемностью 462 313 брт (С. 121, 125, 129, 135).

⁴²³ Эту работу сейчас в России за военных историков выполняют люди, которые по общепринятой терминологии в бывшем СССР назывались любителями-энтузиастами. Однако в данном случае применить к ним такой термин будет абсолютно неправильно, поскольку на самом деле они-то и являются настоящими профессионалами, трудящимися не по принципу «чего изволите», а с целью установить истину. Таких авторов достаточно много — всех не перечислишь, поэтому упомянем лишь внесших наибольший вклад: москвича К. Б. Стрельбицкого, Р. И. Ларинцева из Северодвинска и львовянина С. В. Богатырева. Еще

в советские годы эти исследователи тратили личные средства на то, чтобы разными способами достать зарубежную литературу, а затем в свободное от основной работы время обрабатывали информацию, стараясь высеять крупницы правды из огромного сорного мешка отечественной историографии. Опубликовать результаты своих работ эти историки получили возможность только после 1991 года. Именно их данные автор этих строк и использовал в своих подсчетах, положенных в основу этой главы.

⁴²⁴ 6-й том «Истории Второй мировой войны» (М.: Воениздат, 1976. С. 20) утверждает, что неприятель имел на фронте 5080 танков и 3500 самолетов. Эти данные выглядят завышенными: тот же самый 6-й том (С. 428) сообщает, что Германия за май – октябрь 1942-го изготовила порядка 3000 танков и самоходных орудий. Но далеко не все из них попали в Россию. Большая часть ушла, как пополнение в Африку, а также на оснащение новых танковых дивизий, формирувавшихся на Западе (25-й, 26-й) и отведенных туда весной – осенью на отдых (6-й, 7-й, 10-й, «Лейбштандарт», «Рейх», «Тотенкопф») с Востока. Если вспомнить, что на 1 мая 1942-го при общем наличии танков и самоходок в 5947 штук (*Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933–1945 (справочник). М.: «Изографус» Эксмо, 2002. С. 726–727*) немцы имели против СССР немногим более 3000 танков и самоходок («История Второй мировой». Т. 5. С. 121), то в ноябре при общем ресурсе в 7788 машин (на 1 ноября – *Мюллер-Гиллебранд. М.: «Изографус» Эксмо, 2002. С. 726–727*) и большом количестве переброшенных на Запад танковых соединений, объем бронетехники в России сильно возрасти не мог. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что из имевшихся у немцев на 1 декабря 1942 года 1039 штурмовых орудий StuG III (*Мюллер-Гиллебранд. М.: «Изографус» Эксмо, 2002. С. 727*) в России действовали только 347 машин («Бронекolleкция». 2001, № 6. С. 20). По немецким данным всего для отражения ноябрьского наступления Красной Армии у Германии на Востоке было примерно 3500 танков и самоходных орудий.

Сателлиты Берлина имели на Восточном фронте к середине ноября, в общей сложности, в лучшем для них случае до 500 танков и самоходок. Подробнее см.: Бронетанковая техника стран Европы // Бронекolleкции. 1999. № 5;

Мощанский И. Бронетехника Румынии во Второй мировой войне // Танкомастер. 1998. № 2–3. С. 23; *Мощанский И.* Великий поход на Восток (итальянские танкисты на советско-германском фронте) // Танкомастер. 1998. № 4–6. С. 19–20.

Аналогично обстояли дела с авиацией. От Люфтваффе в России действовало немногим более 2000 самолетов. (*Литвин Г. А.* Сломанные крылья Люфтваффе. Таблицы № 13, № 14). Еще максимум 600 машин приходилось на долю всех союзников Гитлера. Подробнее см. *Зефиров* Асы Второй мировой войны. Союзники Люфтваффе. Венгрия. Румыния. Болгария. Хорватия. Словакия. Испания. М.: АСТ, 2002; *Зефиров* Асы Второй мировой войны. Союзники Люфтваффе. Италия. М.: АСТ, 2003. «ВВС Финляндии в „продолжительной“ войне» в книге *Широкорад А.* Северные войны России. Москва – Минск: АСТ-Харвест, 2001. С. 813–824.

Что касается количества солдат неприятеля, то отечественная историография обычно оперирует цифрой 6,2 миллиона, которая была введена в научный оборот в первые «брежневские» годы. Каким образом она высчитана, остается только гадать. Тем не менее, ее уверенно воспроизвел и постперестроечный 4-томник «Великая Отечественная война» (Т. 2, М.: Наука, 1998. С. 21). Немецкие авторы называют иные величины. Мюллер-Гиллебранд (Т. 3. С. 98) указывает, что численность солдат Вермахта в России по причине недостатка пополнений сократилась за июль – октябрь 42-го на 245 тысяч человек. Кроме того за май – ноябрь в Европу убыли 15-я, 17-я, 22-я, 23-я, 106-я, 161-я, 167-я, 257-я пехотные и 6-я, 7-я танковые дивизии. Из войск СС также три дивизии («Лейбштандарт», «Рейх», «Тотенкопф») были отведены на Запад (там же, с. 405–406). Состав Люфтваффе больших изменений не претерпел («Мировая война» М.: Иностранная литература, 1957. С. 519; *Литвин Г.* Сломанные крылья Люфтваффе. Таблица № 14). Примерно на прежнем уровне осталась и численность действовавших против СССР соединений «Кригсмарине» (подробнее см. в указанных по данному вопросу ранее работах). Флоты Финляндии и Румынии действовали практически прежним составом (см. указанные по данному вопросу работы в предыдущих главах).

А вот в сухопутных войсках немецких союзников произошли большие изменения. Румыния летом 1942 года вы-

ставила для действий на Восточном фронте две армии – около 350 тысяч человек (Великая Отечественная война. М.: Наука, 1998. С. 17; Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 208). Италия одну армию – 250 тысяч («Сталинград...». С. 285). Венгрия также одну армию – 250 тысяч (Энциклопедия военного искусства. Командиры Второй мировой войны. Ч. II. Минск: Литература, 1998. С. 335). Численность финской армии в ноябре 1942 года по сравнению с концом весны не изменилась – 150 тысяч солдат. Число румын, итальянцев и венгров к ноябрю уменьшилось, поскольку в предыдущих боях они понесли некоторые потери.

⁴²⁵ Великая Отечественная война. Кн. 2. М.: Наука, 1998. С. 21.

⁴²⁶ История Второй мировой войны. Т. 11. С. 184.

⁴²⁷ Эти сведения опубликованы в 1996 году в сборнике «Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны», на который ссылается и 2-й том «Великой Отечественной войны», (М.: Наука, 1998. С. 21). В советские годы наиболее авторитетными считались цифры из 6-го тома 12-томной «Истории Второй мировой войны» (С. 20) – 6,6 миллионов человек, 77 850* орудий и минометов, 7350 танков, 4540 самолетов.

⁴²⁸ История Второй мировой войны. Т. 5. С. 324.

⁴²⁹ Даже в последних прекрасно оформленных сборниках, впервые обнародованных документов «Сталинградская эпопея» (М.: Звонница-МГ, 2000) и «Сталинградская битва» (М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002) помещена лишь второстепенная информация.

⁴³⁰ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1972; Василевский А. М. М.: Политиздат, 1974.

⁴³¹ Гриф секретности снят. С. 143 к с. 180, 182. Истинные размеры огромных потерь Красной Армии в боях за «Ржевский балкон» в ноябре – декабре 1942 года можно узнать, например, из статьи С. Герасимовой в журнале «Вопросы истории» (2000. № 4–5. С. 28–46) или из статьи Ходарёнок М., Владимиров О. Не в бой, а на убой // Независимое военное обозрение (еженедельное приложение к «Независимой газете»). 2001. № 20.

⁴³² Одна из любопытнейших его работ «Недостатки историографии: забытые битвы германо-советской войны»

опубликована в сборнике «Вторая мировая война. Актуальные проблемы» М.: Наука, 1995. Еще одна статья на данную тему – «Операция «Марс» // Вопросы истории. 1997. № 8.

⁴³³ Военно-исторический журнал. 1966. № 1. С. 15–16.

⁴³⁴ *Алан Кларк*. План «Барбаросса». М.: Центрполиграф, 2002. С. 186. На самом деле в СССР в 1942 году выпускалось свыше 2000 танков в месяц.

⁴³⁵ Гриф секретности снят. С. 185.

⁴³⁶ *Василевский А.* Дело всей жизни. С. 299.

⁴³⁷ *Манштейн Э.* Утерянные победы. М.: АСТ, 2002. С. 489–491. *Меллентин Ф.* Танковые сражения. М.: Иностранная литература, 1957. С. 183.

⁴³⁸ Гриф секретности снят. С. 143.

⁴³⁹ Авторы даже не потрудились привести цифры в соответствие между собой. Например, если сложить итоговые «мертвые души» Сталинградского (1-го формирования), Донского, Юго-Восточного и Сталинградского (2-го формирования) фронтов (С. 264–265), то ответ не совпадет с суммой безвозвратных потерь этих же фронтов, указанных в таблицах Сталинградских оборонительной и наступательной стратегических операций (С. 179 и 182) на 187 075 человек. Как такое может быть, если эти фронты ни в каком другом сражении, кроме Сталинградской битвы, не участвовали?

⁴⁴⁰ *Мюллер-Гиллебранд*. Т. 3. С. 343–344.

⁴⁴¹ Энциклопедия военного искусства. Командиры Второй мировой войны. Минск: Литература, 1998. С. 323, 337. Сборник статей «Сталинград». М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 295.

⁴⁴² *Мюллер-Гиллебранд*. Сухопутная армия Германии 1933–1945 (справочник). М.: «Изографус» Эксмо, 2002. С. 728–729.

⁴⁴³ *Ларинцев Р., Заблотский А.* Полет по кругу // Авиамастер. 2003. № 1. С. 44–45.

⁴⁴⁴ *Супрун М.* Ленд-лиз и северные конвои. С. 200.

⁴⁴⁵ При подготовке главы использованы книги: *Н. Басистый*. «Море и берег». М.: Воениздат, 1970; *И. Шиян*. «На Малой земле». М.: Воениздат, 1974; *Н. Холостяков*. «Вечный огонь». М.: Воениздат, 1977; *Г. Ванеев*. «Черноморцы в Великой Отечественной войне». М.: Воениздат, 1978; *А. Караваяев*. «По срочному предписанию». М.: Воениздат,

1978; С. Горшков. «На южном приморском фланге». М.: Воениздат, 1983; К. Воронин. «На черноморских фарватерах». М.: Воениздат, 1989; а также статьи: Н. Каленов. «Озерейская трагедия» // Морской сборник. 1993. № 2; М. Морозов. «Судьба танков десанта» // Танкомастер. 1999. № 1.

⁴⁴⁶ Советская статистика обычно оперировала цифрой 5 325 000 человек (Вермахт вместе с войсками союзников). Его приводит и наиболее авторитетная работа тех лет — 12-томная «История Второй мировой войны» (Т. 7. М.: Воениздат, 1976. С. 114). Но как эта величина высчитана не сообщается. Ссылка дана не на немецкие, а на отечественные архивы. В постсоветской «Великой Отечественной войне» (Кн. 2. М.: Наука, 1998. С. 250) конкретных данных нет. Только указывается, что Красная Армия «имела превосходство» (в «разах» и «процентах», которые неизвестно от чего считать). Мюллер-Гиллербранд (Т. 3. С. 149—150, 155, 160) сообщает иные сведения — всего между Черным и Баренцевым морями сухопутные силы Германии насчитывали 194 дивизии (8 войск СС, 16 танковых, 7 моторизованных, 135 пехотных и егерских, 6 горнострелковых, 12 авиаполевых, 10 охранных) — около 3 500 000 человек. Если учесть личный состав «восточных» авиационных соединений и частей ПВО Люфтваффе, а также моряков Кригсмарине, то порядка 4 миллионов. На первый взгляд силы германских сухопутных войск достигли максимума за весь период с начала войны. Но увеличение количества соединений не позволяло укомплектовать их все до штатных величин. Да и качество «материала» было уже явно хуже. Особенно слабы оказались авиаполевые дивизии (подробнее см. *Ларинцев Р.* Авиаполевые дивизии Вермахта на советско-германском фронте // Военно-исторический журнал. 1991. № 7. С. 23—25). Их боеспособность часто выглядела даже ниже охранных войск (разумеется, по немецким меркам).

⁴⁴⁷ *Мюллер-Гиллебранд.* Сухопутная армия Германии. Т. 3. С. 159, 160, 326 (при подсчете данных немецкого автора не учтены вольнонаемные и члены военизированных организаций, так как тогда по аналогии к Красной Армии надо причислить весь Осоавиахим — несколько десятков миллионов человек).

⁴⁴⁸ Состав финской армии и флота по сравнению с ноябрем 42-го практически не изменился (см. указанные

по данному поводу ранее в других главах работы). У румынской армии вместо 26 дивизий на советско-германском фронте осталось 9. Словацкий контингент Восточного фронта состоял из мотопехотной и охранной дивизий. Последняя действовала в тылу против партизан. Четыре венгерские дивизии в боях участия не принимали — использовались в качестве охранных войск. (Мюллер-Гиллебранд. Т. 3. С. 148.)

⁴⁴⁹ Без 50-мм минометов.

⁴⁵⁰ Цифры по артиллерии и авиации взяты из 7-го тома «Истории Второй мировой войны» (С. 114). Они похожи на правду. Но число танков там завышено до 5850 штук. Мюллер-Гиллебранд (Т. 3. С. 163) «дает» 3822 машины — 2825 танков и 997 штурмовых орудий. Кроме того, еще около 200 танков имели финны. У румын, венгров и словаков бронетехники на фронте не было (Подробнее см. «Военно-исторический журнал». 2003. № 8. С. 11; «Бронекolleкция». 1999. № 5. С. 23.)

⁴⁵¹ Гриф секретности снят. С. 353—360. Хотя конкретных данных на начало июля 1943 года в этой книге нет, но именно такие выводы напрашиваются из ее таблиц по техническому оснащению Красной Армии.

⁴⁵² История Второй мировой войны. Т. 11. С. 184.

⁴⁵³ Без 50-мм минометов. На первый взгляд цифра указана абсолютно корректно — и у советских войск и у немецких изъято из статистики аналогичное оружие. Но вот вопрос — зачем это сделано? Ответ банален — примитивное лукавство отечественной историографии. Ну не хотят наши ученые мужи «воевать» подавляющим количественным превосходством! В Германии за весь 1942 год изготовили 9800 минометов всех калибров — от легких до тяжелых. В 1943-м к ним добавили еще 23 000 штук (12-томная «История». Т. 7. С. 84). Тогда как в СССР одних лишь 50-мм минометов только в 1942 году выпустили 104 400 штук («Гриф секретности снят». С. 355). Конечно, значительная часть из них уже была потеряна, но оставалось тоже очень много. И чтобы «улучшить» статистику отечественные историки их просто изымают из сравнения. А для «объективности» делают тоже самое с мизерным количеством немецких 50-мм стволов. В общем, дешевый трюк мелких жуликов.

⁴⁵⁴ История Второй мировой войны. М.: Воениздат, 1976. Т. 7. С. 109, 110, 114. Артиллерия без 50-мм минометов.

⁴⁵⁵ Там же. С. 189.

⁴⁵⁶ *Хазанов Д.* Над Курской дугой // *Авиация и космонавтика.* 1993. № 7. С. 32.

⁴⁵⁷ В 9-ю полевую армию входили (на фронте располагались с востока на запад) 23-й армейский корпус (78-я, 216-я, 383-я пехотные дивизии), 41-й танковый корпус (18-я танковая – 72 танка, 10-я моторизованная, 86-я, 292-я пехотные дивизии), 47-й танковый корпус (танковые дивизии: 2-я – 118 танков, 4-я – 101 танк, 9-я – 83 танка, 20-я – 73 танка, 6-я пехотная дивизия), 46-й танковый корпус (7-я, 31-я, 102-я, 258-я пехотные дивизии), 20-й армейский корпус (45-я, 72-я, 137-я, 251-я, пехотные дивизии). Из более мелких частей и соединений необходимо отметить 21-ю отдельную танковую бригаду (216-й батальон – 44 штурмовых танка «Гризли», 505-й тяжелый танковый батальон – 45 «Тигров»), 656-й полк истребителей танков (89 «Фердинандов»). Армейский резерв составляли 12-я танковая дивизия (83 танка) и 36 пехотная дивизия.

⁴⁵⁸ В 4-ю танковую армию входили (на фронте располагались с запада на восток) 52-й армейский корпус (57-я, 255-я, 332-я пехотные дивизии), 48-й танковый корпус (танковые дивизии: 3-я – 90 танков, 11-я – 113 танков, моторизованная дивизия «Великая Германия» – 163 танка, 167-я пехотная дивизия), 2-й танковый корпус СС (танковые дивизии: «Лейбштандарт» – 106 танков, «Рейх» – 120 танков, «Тотенкопф» – 139 танков). Из более мелких соединений необходимо отметить 10-ю отдельную танковую бригаду (503-й тяжелый танковый батальон – 45 «Тигров», 51-й и 52-й танковые батальоны – всего 196 «Пантер»).

⁴⁵⁹ В оперативную группу «Кемпф» входили (на фронте располагались с севера на юг) 3-й танковый корпус (танковые дивизии: 6-я – 117 танков, 7-я – 112 танков, 19-я – 81 танк, 168-я пехотная дивизия), 11-й армейский корпус (106-я и 320-я пехотные дивизии), 42-й армейский корпус (39-я, 161-я, 282-я пехотные дивизии).

⁴⁶⁰ Во 2-ю полевую армию входили (на фронте располагались с севера на юг) 13-й армейский корпус (82-я, 327-я, 340-я, 377-я пехотные дивизии), 7-й армейский корпус (26-я, 68-я, 75-я, 88-я, 326-я пехотные дивизии).

⁴⁶¹ *Лобанов А.* Танковые войска Вермахта накануне операции «Цитадель» // *Военно-исторический журнал.* 2003. № 8. С. 9–16.

⁴⁶² Авиация и космонавтика. 1993. № 7. С. 32.

⁴⁶³ В советской историографии статистика противника, как обычно, сформировалась не сразу. «Классический» вид она приобрела в 7-м томе «Истории Второй мировой войны» (М.: Воениздат, 1976. С. 144) – свыше 900 тысяч человек, около 10 000 орудий и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий, около 2050 самолетов. Количество артиллерии похоже на правду, а бронетехника (исключительный случай!) даже занижена на 72 единицы. Авиация слегка завышена: группу «Центр» поддерживала 1-я авиадивизия 6-го воздушного флота в составе 730 машин, группу «Юг» 8-й авиакорпус 4-го воздушного флота – около 1100 самолетов.

С людьми сложнее. Тот же 7-й том «брежневского» 12-томника (С. 136, 137, 144) указывает, что всего немцы (группы «Юг» и «Центр») собрали для наступления 50 дивизий – свыше 900 тысяч солдат. В частности, группа «Юг» – 440 тысяч человек в 24 дивизиях (в 15 пехотных, 8 танковых, 1 моторизованной). Но «хрущевский» 6-томник еще в 1961 году (Т. 3. С. 242, 243) указывал, что общее количество солдат противника, изготовленных обеими группами к наступлению, не «свыше», а «до 900 тысяч». И уточнял, что ударный кулак «Юга» составляли 5 пехотных, 8 танковых и 1 моторизованная дивизии, общей численностью 280 тысяч человек. Однако тогда получается, что остальные 10 пехотных дивизий этой группы (и 2-й полевой армии), действовавших на второстепенных участках, имели 160 тысяч солдат (440 – 280 = 160). Такого не могло быть. Видимо отечественные историки опять преувеличили силы противников, но в плане арифметики свести концы с концами забыли. По штату пехотным дивизиям Вермахта летом 43-го полагалось 12 700 человек каждой. В реальности состояло значительно меньше. Например, в 168-й («работавшей» между прочим, не на второстепенном, а на главном направлении) насчитывалось перед наступлением всего 6 тысяч солдат («Великая Отечественная война». Т. 2. М.: Наука, 1998. С. 258). Поэтому невозможно, чтобы поставленные немцами в прикрытие соединения оказались бы укомплектованными сверх меры.

Аналогичная цепочка выводится и по группе «Центр» (7-й том 12-томной «Истории». С. 136). Всего 26 диви-

зий — 19 пехотных, 6 танковых, 1 моторизованная — 460 тысяч человек. Из них в ударном кулаке 8 пехотных, 6 танковых, 1 моторизованная — 270 тысяч солдат («хрущевский» 6-томник. Т. 3. С. 242). Значит на 11 пехотных дивизий второстепенного направления остается 190 тысяч человек. Что тоже противоречит здравому смыслу. К тому же (даже если считать не по корпусам и дивизиям, а учитывать все более мелкие части) явно завышенным выглядит и количество личного состава в ударных группировках. Конечно, дивизии СС имели повышенную комплектацию. Но все другие соединения страдали хронической нехваткой людей. Ведь значительное число солдат Восточной армии не находилось на передовой, а служило в тыловых органах на оккупированных территориях. В общем, в отечественной историографии все как всегда запутано. И лучше Курскую битву отслеживать по немецким данным, где все предельно ясно и информация на одной странице не опровергает того, что написано на следующей.

⁴⁶⁴ История Второй мировой войны. Т. 7. С. 136–137, 139, 144. Суммированы войска Центрального, Воронежского и Степного фронтов. Кроме того, в составе сил учетны стволы ПВО этих фронтов, а также самолеты и личный состав ВВС Брянского и Юго-Западного фронтов и соединений авиации дальнего действия, так как они тоже вступили в бой с первых дней Курской битвы. Кстати, сравнение состава сил к началу Курской битвы очень красноречивый пример того, насколько отечественная историография хуже немецкой. Обнародованная в нашей стране к началу XXI века статистика настолько убога, что в отличие от немцев не позволяет составить полный список (по номерам) собранных для сражения дивизий. Конкретно можно перечислить лишь армии, но это ничего не даст для сравнения сил, поскольку строго определенного штата они не имели. Видимо наши ученые мужи подобными умолчаниями маскируют степень численного превосходства Красной Армии.

⁴⁶⁵ *Мюллер-Гиллебранд*. Т. 3. Таблицы № 53, № 62. С. 167, 198.

⁴⁶⁶ *Авиация и космонавтика*. 1993. № 7. С. 34.

⁴⁶⁷ *Быков В.* За Родину! За Сталина! // *Родина*. 1995. № 5. С. 32.

⁴⁶⁸ Подсчет см. Неизвестная битва великой войны // Танкомастер. 1999. № 5. С. 23. Не учтены ремонтирующиеся машины.

⁴⁶⁹ Статистика состава и потерь заимствована из подборки документальных материалов «Прохоровское сражение без прикрас» опубликованной в Интернете на сайте: «Achtung Panzer!» (адрес: <http://achtungpanzer.bos.ru/index.html>).

⁴⁷⁰ Неизвестная битва великой войны // Танкомастер. 1999. № 5. С. 22.

⁴⁷¹ Там же.

⁴⁷² *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 553.

⁴⁷³ Новые советские войска, а также резервы и пополнения введенные в бой, начиная с 12 июля, подсчитаны по «Гриф секретности снят». С. 187–190; 7-й том 12-томной «Истории Второй мировой войны». С. 189; «Великая Отечественная война». Т. 2. М.: Воениздат, 1998. С. 449. Таким образом, даже согласно официальной и наверняка заниженной статистике, Красная Армия имела над противником как минимум трехкратное превосходство по людям и вооружению.

⁴⁷⁴ Гриф секретности снят. С. 188, 189, 190. На самом деле эта цифра не отражает реальность. Она занижена, как минимум, на несколько десятков тысяч человек. Но поскольку ее уже очень подробно и аргументировано критиковали (например, *Соколов Б.* Тайны Второй мировой. М.: Вече, 2000. С. 186–192; *Лопуховский Л.* «Прохоровка без грифа секретности» в еженедельном военном обозрении «Независимой газеты» № 39 за 2003 год), то повторять анализ вранья нет смысла.

⁴⁷⁵ *Золотарев В.* Курская битва: взгляд через полвека // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М.: Наука, 1995. С. 280.

⁴⁷⁶ Те, что «высчитаны» в «Гриф секретности» оказались намного ниже тех, что были уже признаны в 60–70-е годы. Подробно об этом рассказано в 13-й главе.

⁴⁷⁷ *Кожевников М.* Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне. М.: Наука, 1985. С. 144–146.

⁴⁷⁸ Авиация и космонавтика. 1993. № 7. С. 33.

⁴⁷⁹ Гриф секретности... С. 370.

⁴⁸⁰ *Золотарев В.* Курская битва: взгляд через полвека // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М.: Наука, 1995. С. 280.

⁴⁸¹ Тяжелый танк «пантера» // Бронекolleкция. 1997. № 2. С. 19; Тяжелый танк «тигр» // Бронекolleкция. 1998. № 6. С. 24, 39.

⁴⁸² При подготовке главы использованы: книга *Н. Харламова* «Трудная миссия». М.: Воениздат, 1983; сборник «Братство северных конвоев». Архангельск, Северо-западное книжное издательство, 1991; справочник *С. Бережного* «Флот СССР. Корабли и суда Ленд-лиза», СПб.: Велень, 1994; книга *М. Супруна* «Ленд-лиз и северные конвои». М.: Андреевский флаг, 1997; сборник «Арктические союзные конвои 1941–1945». СПб.: Галей Принт, 2000; книга *Б. Соколова* «Тайны Второй мировой». М.: Вече, 2000; сборник «Загадки ленд-лиза». М.: Вече, 2000; статья *Д. Брауна* «Северная Россия и британский военно-морской флот» // Северные конвои. М.: Наука, 1994; статья *И. Цветкова* «Тайные торги диктаторов. Из истории советско-германского военно-морского сотрудничества в 1939–1941 годах» // Новый часовой. № 2; статья *М. Супруна* «Британские королевские ВВС в России» // Северные конвои. М.: Наука, 1994; статья *Д. Брауна* «Действия британских подводных лодок с баз Кольского полуострова» // Северные конвои. Вып. 3. М.: Андреевский флаг, 2000.

⁴⁸³ *Корнилов В.* Четырехмоторное разочарование // Крылья Родины. 1993. № 12. С. 11.

⁴⁸⁴ *Колесников П.* Ер-2 и другие // Техника молодежи. 1995. № 5. С. 14.

⁴⁸⁵ Г. К. Жуков: неизвестные страницы биографии // Военные архивы России. Вып. 1. 1993. С. 234.

⁴⁸⁶ Ленд-лиз и северные конвои. С. 125.

⁴⁸⁷ При подготовке главы были использованы: справочник *А. Павлова* «Военные корабли всего мира 1999–2000». Якутск: Литограф, 2000; иллюстрированная энциклопедия *В. Кузина, В. Никольского* «Военно-морской флот СССР 1945–1991». С-Пб.: Историческое Морское Общество, 1996; книга *Н. Мормуль* «Катастрофы под водой». Мурманск: Элтеко, 1999, а также периодика – газеты и журналы за вторую половину августа 2000 года.

⁴⁸⁸ При подготовке главы использованы статьи *С. Сокут* «Курс на локальные конфликты» // Независимое военное обозрение (далее НВО). 2001. № 4; «Многофункциональность и унификация» (интервью с заместителем главнокомандующего ВВС по вооружению Ю. Клишиным) // НВО. 2001.

№ 9; *И. Коротченко* «У американского JSF появился российский конкурент» // НВО. 2001. № 18; *И. Коротченко, С. Сокут* «Взлеты и провисания российского авиапрома» // НВО. 2001. № 22; *А. Герасимов, С. Почуев* «Точка отсчета для авионики» // НВО. 2001. № 25; *И. Карташев* «Тренажер полета не заменит» // НВО. 2001. № 28; «Наша основная задача – завоевать рынки» (интервью с первым заместителем гендиректора «Рособоронэкспорта» С. Чемезовым) // НВО. 2001. № 46; *С. Сокут* «Дорога к пятому поколению» // *Авиация и космонавтика*. 2001. № 1; *Н. Новичков, Л. Милованова, В. Шварев* «Модернизация боевых самолетов» // *Авиация и космонавтика*. 2001. № 8; *М. Кудишин* «JSF – испытание небом» // *Авиация и космонавтика*. 2001. № 9.

⁴⁸⁹ «МиГ» претендует на четверть рынка // НВО. 2001. № 24.

⁴⁹⁰ При подготовке главы использованы: воспоминания *Ж. Свербилова* «ЧП, которого не было» // По следам подводных катастроф. М.: Гильдия мастеров «Русь», 1992; книга *Л. Осипенко, Л. Жильцов, Н. Мормуль* «Атомная подводная эпопея. Подвиги, неудачи, катастрофы». М.: Боргес, 1994; иллюстрированная энциклопедия *В. Кузина и В. Никольского* «Военно-морской флот СССР 1945–1991». СПб.: Историческое Морское Общество, 1996; книга *Н. Мормуль* «Катастрофы под водой». Мурманск: Элтеко, 1999; сборник «Подводный фронт холодной войны». М.: АСТ, 2002.

⁴⁹¹ *Свербилов Ж.* ЧП, которого не было // По следам подводных катастроф. М.: Гильдия мастеров «Русь», 1992 (а также в журнале «Звезда». 1991. № 3).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Арифметика Истории	5
Глава 2. «И вот пришли варяги...»	31
Глава 3. Полтава не по Пушкину	41
Глава 4. Альпийская осечка	56
Глава 5. Кто же все-таки выиграл Бородинскую битву?	67
Глава 6. Закрытые кингстоны «Стережущего»	80
Глава 7. День, когда Россия пожалела, что у нее был флот	89
Глава 8. Что же мы празднуем, господа?	97
Глава 9. Помнят польские паны	107
Глава 10. Амазонкой быть хочу.....	116
Глава 11. «Броня крепка и танки наши быстры»	126
Глава 12. Триста лет по замкнутому кругу	142
Глава 13. «Никто не забыт»? А сколько их, незабытых?.. ...	152
Глава 14. Панфиловские тезисы к «архетипу младенца»	175
Глава 15. СССР – Швеция. Неизвестная война	185
Глава 16. Русский блицкриг, или могла ли Великая Отече- ственная война закончиться в 1942 году	197
Глава 17. Лето невыученных уроков	207
Глава 18. Непослушная игрушка для русских мужчин	233

Глава 19. «Я погиб подо Ржевом», или почему маршал Жуков не командовал Сталинградской битвой	251
Глава 20. Типично российское убийство	269
Глава 21. Курская дуга без позолоты	277
Глава 22. Кто кому помогал?	292
Глава 23. Очень «наша» история	302
Глава 24. Куда летим?	310
Глава 25. О наших победах и их поражениях	318
Примечания	326

Вячеслав Анатольевич Красиков

ПОБЕДЫ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО

Ответственный за выпуск *С. З. Кодзова*

Редактор *Д. А. Коцюбинский*

Корректор *Л. С. Самойлова*

Оформление обложки *И. А. Андреева*

Верстка *А. Б. Сушкова*

OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

Подписано в печать 01.08.04.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Бумага газетная.
Уч.-изд. л. 17,2. Усл. печ. л. 20,16.
Изд. № 04-0237-СЕ. Тираж 2500 экз. Заказ 2468

Издательский Дом «Нева»
199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, 29

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в полиграфической фирме
«Красный пролетарий»
127413, Москва, ул. Краснопролетарская, 16

**Знаем
ли мы всю
правду
о военной
истории
России?**

**Готовы ли мы
услышать**

**шокирующие факты
о российских победах
и поражениях в
военных конфликтах?**

**Оказывается, не все
наши победы бесспорны.**

**Отдавая дань мужеству
российских солдат, автор,
тем не менее, ставит под
сомнение результаты самых
известных битв армии
нашей страны.**

**Насколько неуязвима Российская
Армия?**

**Всегда ли оправданы
колоссальные военные потери?**

**Как зависит исход сражения от
компетентности военачальников?**

**Насколько отличается официальная версия
событий от реальной?**

Перед вами сенсационная концепция.

ISBN 5-7654-3557-2

9 785765 435571

12-04

В -53-00

НЕВА **Хронограф**